

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 16, № 2, 2023

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2023

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 16, no. 2, 2023

The journal
was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky – Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Непривычная ясность. Россия больше не Запад 9

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России 35

Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России 52

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Кузнецова М.Н., Васильева А.С. Инновационный потенциал регионов Арктической зоны РФ: методика оценки, сравнительный анализ, перспективы развития 69

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Наумов И.В., Седелников В.М. Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства 88

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты 112

Короленко А.В. Трансформация системы расселения и её демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне 127

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию 149

Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. Факторы риска здоровью ребенка со стороны родителей (по результатам когортного мониторинга за 25 лет) 166

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Айтач Д., Гергерлиоглу У. Высшее образование: общественное или частное благо? 190
- Йылмаз Э., Сенсой Ф. Переоценка парадокса Тодаро: расширенный
панельный анализ данных по развивающимся странам 203

НАУЧНЫЕ ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

- Леонидова Г.В. Пути снижения социального неравенства 216

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 230
- Правила приёма статей 243
- Информация о подписке 244

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. Unusual Clarity. Russia Is No Longer the West	9
--	---

REGIONAL ECONOMICS

Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. Scenario Modeling of Tourism Services Consumption in Russia	35
Pyankova S.G., Kombarov M.A. Strengthening Fiscal Decentralization to Reduce the Heterogeneity of Russia's Economic Space	52

SCIENCE-AND-TECHNOLOGY AND INNOVATION DEVELOPMENT

Kuznetsova M.N., Vasilyeva A.S. Innovation Potential of Regions within the Arctic Zone of the Russian Federation: Assessment Methodology, Comparative Analysis, Development Prospects	69
---	----

PUBLIC FINANCE

Naumov I.V., Sedelnikov V.M. Forecasting the Impact of Investments on Spatial Heterogeneity in the Development of the Livestock Industry	88
---	----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasilieva E.N. Institutional Resources to Support and Develop the Institution of Student Family: Regional Dimensions	112
Korolenko A.V. Transformation of the Resettlement System and Its Demographic Manifestations: Research Experience at the Regional and Municipal Levels	127
Abramova S.B., Antonova N.L. Youth Involvement in Digital Civic Activism: From Online Encounter to Participation	149
Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. Parent-Related Risk Factors Affecting Child Health (on the Results of a Cohort Monitoring Study for 25 Years)	166

GLOBAL EXPERIENCE

Aytaç D., Gergerlioğlu U. Perception of Higher Education: A Public or Private Good?	190
Yılmaz E., Sensoy F. Reassessment of the Todaro Paradox: An Extended Panel Data Analysis on Developing Countries.....	203

SCIENTIFIC REVIEWS

Leonidova G.V. Ways to Reduce Social Inequality	216
---	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	230
Manuscript Submission Guidelines	243
Subscription Information	244

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Непривычная ясность. Россия больше не Запад

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 31 марта 2023 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», где обозначены ключевые цели и задачи национальной политики в сфере международных отношений. В Концепции впервые указан статус России как «самобытного государства-цивилизации»; обозначена враждебность антироссийской политики, реализуемой коллективным Западом и его лидером США; названы дружественные страны, которые становятся для Российской Федерации главным объектом взаимодействия на ближайшие годы. Авторы Концепции и многие эксперты отметили, что категоричность формулировок, которыми излагаются ориентиры внешней политики России, точно отражает

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2023). Непривычная ясность. Россия больше не Запад // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2023). Unusual clarity. Russia is no longer the West. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 9–34. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.1

объективную напряженность ситуации, сложившуюся в последние годы (особенно после начала СВО) на международной политической арене. Российская Федерация, по сути, занимает место в авангарде борьбы за многополярный мир, за независимость всех национальных государств, борющихся за сохранение и укрепление своего национального суверенитета против гегемонии США и их сателлитов. При этом четкое расставление всех точек над «i» в ориентирах внешней политики создает для Президента условия необходимости дальнейшего совершенствования политики внутренней; приведения её в соответствие с зафиксированным статусом России как государства-цивилизации в плане укрепления основ системы государственного управления, достижения полного национального суверенитета и социальной справедливости в обществе. В статье принятие новой Концепции внешней политики анализируется как очередной шаг Президента в реализации общего курса национального развития, возглавляемого им на протяжении последних 23 лет. Представлены экспертные оценки и динамика общественного мнения о деятельности главы государства в этом направлении. Рассмотрены объективные исторические предпосылки, обусловившие специфику новой Концепции внешней политики РФ, а также некоторые ключевые задачи, актуализирующиеся во внутренней политике после её принятия.

Ключевые слова: Концепция внешней политики РФ, дружественные и недружественные страны, Президент, система государственного управления, элиты, общественное мнение.

31 марта 2023 г. Президент РФ В.В. Путин утвердил новую Концепцию внешней политики России, которая, как отметил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «отражает **революционные подвижки** на внешнем контуре, получившие зримое ускорение с началом специальной военной операции»¹.

Концепция предельно четко и ясно расставляет все точки над «i» в плане самоопределения места России в международном пространстве, её исторической миссии и отношений с зарубежными государствами. Наша страна впервые названа «самобытным государством-цивилизацией», являющейся «ядром цивилизационной общности Русского мира». Коллективный Запад обозначен как «источник основных рисков для безопасности Российской Федерации», а США — как «главный вдохновитель, организатор и исполнитель

агрессивной антироссийской политики коллективного Запада» (*вкладка 1*).

В. Путин: «**Кардинальные изменения в международной жизни потребовали от нас серьёзно скорректировать ключевые документы стратегического планирования. В их числе – Концепция внешней политики Российской Федерации**, где обозначены принципы, задачи, приоритеты дипломатической деятельности.

Министерством иностранных дел в координации с Администрацией Президента, аппаратом Совета Безопасности, Правительством, многими министерствами и ведомствами проведена масштабная и кропотливая работа по её актуализации и приведению в соответствие с современными геополитическими реалиями»².

¹ Выступление С. Лаврова на совещании с постоянными членами Совета Безопасности 31 марта 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70810>

² Совещание с членами Совета Безопасности 31 марта 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70810>

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ ОТ 31 МАРТА 2023 г.

(Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»)

<p><i>Пункт 4. «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира».</i></p>
<p><i>Пункт 5. «... Россия с учетом ее решающего вклада в победу во Второй мировой войне, а также деятельной роли в создании современной системы международных отношений и ликвидации мировой системы колониализма выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития...»</i></p>
<p><i>Пункт 13. «... Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней анпироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности. Такой курс Запада приобрел всеобъемлющий характер и закреплён на доктринальном уровне. Это не было выбором Российской Федерации. Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений...»</i></p>
<p><i>Пункт 15. «С учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире национальными интересами Российской Федерации во внешнеполитической сфере являются... укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации...»</i></p>
<p><i>Пункт 16. «Исходя из национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на достижение следующих стратегических целей:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> <i>1) обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности;</i> <i>2) создание благоприятных внешних условий для развития России;</i> <i>3) упрочение позиций Российской Федерации как одного из ответственных, влиятельных и самостоятельных центров современного мира».</i>
<p><i>Пункт 19. «Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание... устранению рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неокOLONИАЛЬНЫХ и гЕГЕМОНИСТИЧЕСКИХ АМБИЦИЙ».</i></p>
<p><i>Пункт 25. «... Использование Вооруженных Сил Российской Федерации может быть направлено, в частности, на решение задач по отражению и предотвращению вооруженного нападения на Россию и (или) ее союзников...»</i></p>
<p><i>Пункт 26. «В случае совершения иностранными государствами или их объединениями недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, в том числе связанных с применением ограничительных мер (санкций) политического или экономического характера либо с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, Российская Федерация считает правомерным принять симметричные и асимметричные меры, необходимые для пресечения таких недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем».</i></p>

<p>Пункты 39—49. «...Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ снижению зависимости российской экономики от недружественных действий государств...; ✓ мониторингу и приданию остроты реальной ситуации с соблюдением прав и свобод человека в мире, прежде всего в государствах, претендующих на собственную исключительность в вопросах соблюдения прав человека и определения международных норм в этой сфере...; ✓ пресечению инспирирования «цветных революций» и иных попыток вмешательства во внутренние дела союзников и партнеров России...; ✓ противодействию размещению или усилению военной инфраструктуры недружественных государств и иным угрозам безопасности России в ближнем зарубежье». 	<p>Пункт 51. «Евразийский континент. Китайская Народная Республика, Республика Индия. Особо важное значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики Российской Федерации имеет всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте и приверженными подходам, принципиально совпадающим с российскими подходами к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики».</p>	<p>Пункт 59. «Большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России... В связи с этим Российская Федерация намерена последовательно защищать свои национальные интересы, уделяя приоритетное внимание:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) снижению уровня и нейтрализации угроз безопасности, территориальной целостности, суверенитету, традиционным духовно-нравственным ценностям и социально-экономическому развитию России, ее союзников и партнеров со стороны недружественных европейских государств, Организации Североатлантического договора, Европейского союза и Совета Европы; 2) созданию условий для прекращения недружественных действий европейских государств и их объединений, полного отказа этих государств и их объединений от антироссийского курса (в том числе от вмешательства во внутренние дела России)...; 3) формированию новой модели сосуществования с европейскими государствами, позволяющей обеспечить безопасное, суверенное и поступательное развитие России, ее союзников и партнеров...» 	<p>Пункт 62. «Курс России в отношении США носит комбинированный характер с учетом роли этого государства как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и в то же время главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, справедливого и поступательного развития человечества».</p>	<p>Пункты 63—64. «Российская Федерация заинтересована в поддержании стратегического паритета, мирном сосуществовании с США... Перспективы формирования такой модели российско-американских отношений зависят от степени готовности США к отказу от политики силового доминирования и пересмотру антироссийского курса в пользу взаимодельности с Россией на основе принципов суверенного равенства, обоюдной выгоды и уважения интересов друг друга. Отношения с другими англосаксонскими государствами Российской Федерация намерена выстраивать в зависимости от степени их готовности отказаться от недружественного курса в отношении России и уважать ее законные интересы».</p>	<p>Пункт 66. «Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами определяет основные направления внешней политики государства, осуществляет руководство ею и как глава государства представляет Российскую Федерацию в международных отношениях».</p>
---	---	--	--	---	--

Таблица 1. Российские и зарубежные эксперты о Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 г.

Российские эксперты:
<p>«...В предшествующие десятилетия Россия с разным рвением и разным успехом исходила из того, что она должна встраиваться в разные сообщества – европейское, глобальное. Сейчас это кончилось, потому цивилизация нигде не встраивается – она самодостаточна»³.</p> <p>«Если посмотреть шире, посмотреть на Конституцию РФ, учесть основы госполитики по сохранению, защите традиционных ценностей и ряд других документов, то мы видим, что это связано, последовательная такая картина, которая, собственно, и декларирует важное для России направление. Безусловно, это защита суверенитета для народосбережения... Что касается миссии России, то на протяжении веков она остаётся неизменной. Миссия – это борьба с несправедливостью. Так было на протяжении веков и так будет в дальнейшем...»⁴</p> <p>«Концепция внешней политики получилась документом, соответствующим своему времени... ключевой месседж состоит в том, что Россия готова отстаивать свои интересы, отстаивать свой суверенитет, в том числе при необходимости идя на жесткие меры в отношениях со своими контрагентами на международной арене»⁵.</p>
Зарубежные СМИ:
<p>Bloomberg (США): «Президент России Владимир Путин утвердил новую Концепцию внешней политики России, в которой обозначено противостояние с США и их союзниками и говорится о том, что в международных отношениях наступила эпоха революционных перемен...»</p> <p>Daily Mail (Великобритания): «В 42-страничном документе излагаются перемены во взглядах России на мир. В частности, окончательно закрепились назревавшая в последние годы и не раз озвученная Путиным конфронтация в отношениях с Западом»⁶.</p> <p>Международное радио Китая (CRI, Китай): «Новая редакция Концепции внешней политики России основана на результатах оценки международной ситуации, а также ее собственной безопасности»⁷.</p>

Многие эксперты (причем как российские, так и зарубежные) обратили внимание на то, что, характеризуя положение России и общую ситуацию в мире, авторы концепции называют вещи своими именами (табл. 1).

Представленные выдержки из текста новой Концепции внешней политики РФ свидетельствуют об однозначности и категоричности её основных тезисов. Пожалуй, главное утвержде-

ние состоит в том, что Россия больше не Запад. И это вполне отражает:

во-первых, «современные внешнеполитические реалии, переходный характер эпохи, заметное усложнение картины угроз международной безопасности»⁸; как отмечают эксперты, «по существующей мировой системе звонит колокол»⁹, Россия втянута в «почти настоящую войну»¹⁰, и это – «не столкновение между Москвой и

³ Государственно-цивилизационный взгляд на вещи. Мнение научного директора клуба «Валдай», главного редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянова // РБК. 31.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/03/6426da9c9a79475863b4452d>

⁴ Политолог указал, что миссия РФ осталась прежней в обновлённой Концепции внешней политики. Мнение политолога А. Асафова // Информационное и общественно-политическое издание Life.ru. 01.04.2022. URL: <https://life.ru/p/1569436>

⁵ Концепция внешней политики показала готовность РФ жестко отстаивать интересы. Мнение гендиректора Российского совета по международным делам (РСМД) И. Тимофеева // Российский Совет по международным делам. 31.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kontseptsiya-vneshney-politiki-pokazala-gotovnost-rf-zhestko-otstaivat-interesy/>

⁶ С новой внешнеполитической концепцией Россия ищет «баланса интересов» с США и намерена противостоять «экзистенциальным угрозам» // ИноСМИ.RU. 31.03.2023. URL: <https://inosmi.ru/20230331/kontseptsiya-261852162.html>

⁷ «Цивилизация, защищающая русскоязычных»: мировые СМИ о новой Концепции внешней политики РФ // ТАСС. 03.04.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17433819>

⁸ Новая Концепция внешней политики России приглашает неарктические государства к развитию Севморпути. Мнение члена Экспертного совета Проектного офиса развития Арктики (ПОРА) к. э. н., доц. Одинцовского филиала МГИМО МИД России А. Криворотова // Проектный офис развития Арктики. 04.04.2023. URL: <https://porarctic.ru/ru/events/andrey-krivorotov-novaya-kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-priglaschaet-nearkticheskie-gosudarstv/>

⁹ Фурсов А. Конец мировой системы. Население Земли сократится на 90%? // День литературы. 07.04.2023. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7319>

¹⁰ Выступление С. Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел ЮАР Н. Пандор // РБК. 23.01.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/01/2023/63ce6ceb9a794775412d1081>

Киевом, а военное противостояние НАТО, прежде всего США и Англии, с Россией»¹¹;

«Когда Владимир Путин только пришел к власти, он пытался установить хорошие отношения с Западом. Он протянул руку, однако его жест полностью проигнорировали... Путин не менялся, он все время оставался верен себе, вне зависимости от внешних событий»¹².

«Страны Запада проигнорировали основной призыв президента Владимира Путина в его Мюнхенской речи в 2007 году – отказаться от идеи однополярного мира, отмечает обозреватель The Hill Х. Ульман. Российский президент посчитал реакцию западных лидеров на его тезисы неуважительной, это стало их ошибкой.

Кроме того, Запад не осознавал и серьезности происходящего, отвергая предложенные в декабре 2021 г. Москвой проекты соглашений о гарантиях безопасности»¹³.

во-вторых, стиль руководства самого В.В. Путина, который за 23 года президентства прошел путь от национального лидера, вполне лояльного к коллективному Западу, до главы государства, фактически бросающего ему вызов.

При этом, как отметил сам Президент, в своей политике он руководствуется «идеологи-

ей **здорового консерватизма**», которая предполагает **«реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели...»**¹⁴

Напомним, что именно реальная оценка ситуации и угроз национальной безопасности привела Президента к вынужденному решению о начале СВО 24 февраля 2022 г., причинами которой стали превращение Украины в «Анти-Россию», продолжающиеся обстрелы жителей Донбасса, игнорирование странами НАТО основных требований гарантий безопасности, которые были официально представлены Россией в декабре 2021 г.¹⁵ и являлись, по сути, финальным «аккордом» для дальнейшей возможности дипломатического урегулирования вопросов, связанных с отстаиванием Россией своего суверенитета и с предотвращением продвижения военной инфраструктуры НАТО к ее границам; то есть для мирного диалога с Западом, который Россия вела начиная с «мюнхенской речи» В.В. Путина 2007 г. фактически на протяжении 14 лет.

В марте 2023 г. само появление и категоричность формулировок новой Концепции внешней политики РФ также во многом были продиктованы объективными условиями, сложившимися на внешнеполитической арене; «реализмом в оценке себя и других», «соотнесением необходимого и возможного».

¹¹ Интервью секретаря Совета Безопасности РФ Н. Патрушева газете «Аргументы и факты» // Aif.ru. 09.01.2023. URL: https://aif.ru/politics/world/nikolay_patrushev_sobytiya_na_ukraine_eto_protivostoyanie_nato_s_rossiey

¹² «Der Spiegel», Германия: истинное лицо Путина // Путин сегодня. 23.06.2021. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/127724>

¹³ Цветаев Л. «Путин считал, что США и НАТО его не уважают». Как пренебрежение Мюнхенской речью стало ошибкой Запада // Газета.ru. 14.05.2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/14/14853590.shtml>

¹⁴ Выступление В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // Официальный сайт Президента РФ. 21.10.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66975>

¹⁵ 15 декабря 2021 г. американской стороне были переданы проекты договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств – членов Организации Североатлантического договора. Они опубликованы на официальном сайте МИД РФ (https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/).

Данное соглашение включало в себя требование России к НАТО «не размещать свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года»; «исключить дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины»; «отказаться от ведения любой военной деятельности на территории Украины, государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии» и др.

Все эти требования были проигнорированы, о чем 26 января 2022 г. заявили госсекретарь США Э. Блинкен и генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг.

Например, заявить о себе как о «самобытном государстве-цивилизации», противостоящей Западу, Россия, по сути, смогла только после того, как весь мир пришел в движение и лидеры разных стран (Китай, Индия, Бразилия и др.) стали всё чаще публично заявлять об угрозе гегемонии и деспотизма, о необходимости и неизбежности многополярного мира, о важности национального суверенитета.

Премьер-министр Индии Нарендра Моди: «И мы, и Россия мечтаем о многополярном мире. Это то, в чем мир сегодня нуждается. Мы ушли от биполярного мира к однополярному, но теперь мы постепенно идем к многополярному миру... Индия и Россия имеют одинаковую точку зрения по этому вопросу»¹⁶.

Президент Ирана Ибрахим Раиси: «Строительство многополярного мира не остановить. Уже много центров силы за пределами западного мира»¹⁷.

Председатель КНР Си Цзиньпин: «Действия гегемонии, деспотизма и травли причиняют миру серьезный вред... Ни одна страна в мире не превосходит все остальные. Не бывает универсальной модели государственного управления и не существует миропорядка, где решающее слово принадлежит отдельной стране»¹⁸.

Президент Бразилии Лула да Силва: «Почему все страны должны основывать свою торговлю на долларе? Кто решил, что наши валюты слабы, что они не имеют ценности в других странах? Кто решил, что доллар стал [основной международной] валютой после исчезновения золотого стандарта?»¹⁹

И это не просто слова. Это, во-первых, показатель реального изменения сил в геополитической конкуренции, о чем, в частности, говорят данные официальной статистики: за период с 1990 по 2021 год доля США в мировом ВВП снизилась с 20 до 16%, а Китая – увеличилась с 4 до 19% (рис. 1). Причем такая тенденция наблюдалась на протяжении всех последних 30 лет. Фактически с 2017 г. Китай является первой экономикой мира, что по факту отражает тезис, высказанный В.В. Путиным 20 июля 2022 г. на форуме «Сильные идеи для нового времени»: «Как бы западные и наднациональные элиты ни стремились сохранить существующий порядок вещей, **наступает всё-таки новая эпоха, новый этап в мировой истории. И только подлинно суверенные государства могут обеспечить высокую динамику роста**, стать примером для других в стандартах и качестве жизни людей, в защите традиционных ценностей и высоких гуманистических идеалов, моделей развития, в которых человек становится не средством, а высшей целью»²⁰.

Во-вторых, борьба многих стран мира за свой национальный суверенитет против мировой гегемонии США – это их естественная реакция на нескрываемую, законодательно закрепленную в официальных стратегических документах колониаторскую политику Штатов, которые даже не ставят вопрос о том, «должна или нет Америка лидировать» (Стратегия национальной безопасности США 2015 г.), и сами себе дают право на «формирование будущего международной политики для продвижения своих интересов» («Промежуточные стратегические наставления по национальной безопасности США» 2021 г.).

¹⁶ Интервью Премьер-министра Индии Нарендра Моди Российской газете и ТАСС // Российская газета. 03.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/03/premer-indii-rasskazal-ob-osobennyh-otnosheniih-s-putinym-i-planah-na-vef.html>

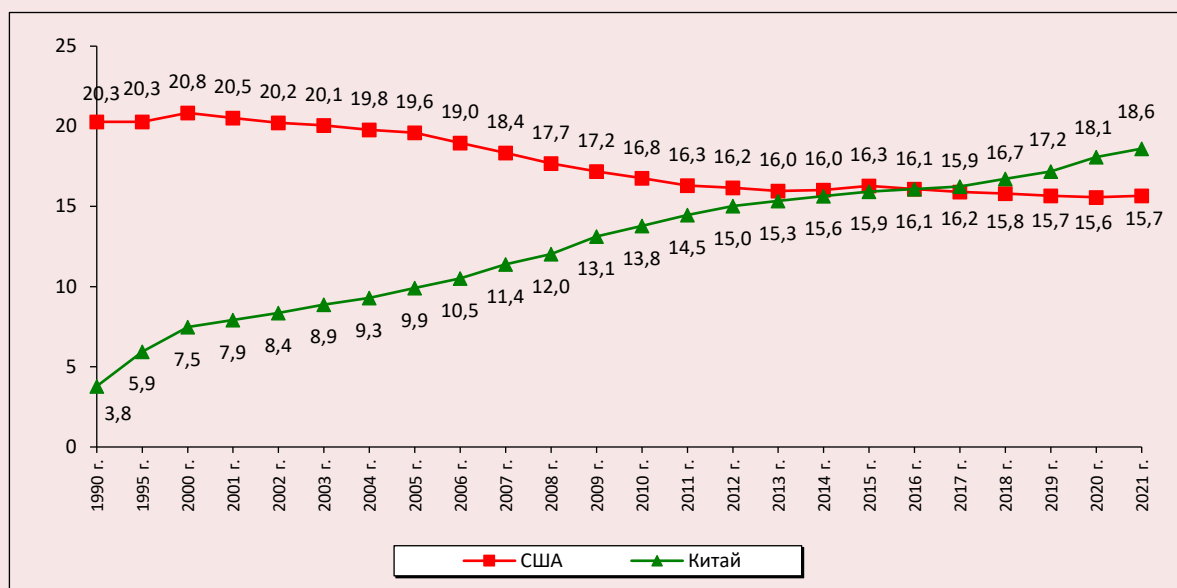
¹⁷ Выступление Президента Ирана Ибрахима Раиси на генассамблее Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана (ОАНА) // РИА-новости 25.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221025/iran-1826440160.html>

¹⁸ Си Цзиньпин «Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России» (авторская статья для российских СМИ) // Российская газета. 20.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/uporno-dvigatsia-vpered-k-novym-perspektivam-druzhyby-sotrudnichestva-i-sovmestnogo-razvitiia-kitaiia-i-rossii.html>

¹⁹ Выступление Президента Бразилии Лула да Силва во время поездки в Китай // РБК. 13.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/643830249a7947b9dc7bf3bd>

²⁰ Выступление В. Путина на пленарном заседании форума «Сильные идеи для нового времени» 20 июля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. 20.07.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69039>

Рис. 1. Доля США и Китая в мировом ВВП (по ППС) в 1990–2021 гг., % к итогу

Источник: данные Worldbank.

Выдержка из Стратегии национальной безопасности США от 13 февраля 2015 г. (подписанной Президентом США Б. Обамой): «...вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать, а в том, как мы должны лидировать, ведя мир в будущее... Американское лидерство – это глобальная сила добра, но оно зиждется на наших непреходящих национальных интересах...»²¹

Выдержки из «Промежуточных стратегических наставлений по национальной безопасности» США, опубликованных 3 марта 2021 г. (спустя 2 месяца после прихода Д. Байдена к власти):

«Мы должны доказать, что наша модель не является пережитком истории; это единственный лучший способ осознать обещание нашего будущего...»

...Мы должны противостоять тому факту, что распределение сил в мире меняется, создавая новые угрозы.

...Устойчивые преимущества Соединенных Штатов во всех формах и измерениях нашей мощи позволяют нам формировать будущее международной политики для продвижения своих интересов, ценностей и создания более свободного, безопасного и процветающего мира.

...Мы будем укреплять и модернизировать наши альянсы и партнерства по всему миру. Они (союзники) являются огромным источником силы и уникальным американским преимуществом, помогая выполнять обязанности, необходимые для обеспечения безопасности нашей страны и процветания нашего народа»²².

²¹ Стратегия национальной безопасности США. Февраль 2015 г. Белый дом. Вашингтон // Высшая школа экономики. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/09/07/1090125957/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9D%D0%91%20%D0%A1%D0%A8%D0%90.docx>

²² Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности // ТАСС. 04.03.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10829651>

Причем в этих целях (как показывает уже историческая практика) «гегемон» готов использовать любые средства для сохранения лидерства: от политики «двойных стандартов», игнорирования норм международного права и разрушения экономики своих собственных сателлитов (как это произошло с Германией, например) до военного вторжения в другие страны, активного вмешательства во внутренние дела других государств с целью разжигания внутринациональных конфликтов и организации государственных переворотов, конфликта с Россией «до последнего украинца» и терактов.

Таким образом, обозначая себя как «самобытное государство-цивилизацию», Россия не только берет на себя функцию защиты всего Русского мира, но и заявляет о том, что такой статус в принципе возможен, что таких государств много и что Россия будет продолжать «уделять приоритетное внимание устранению рудиментов доминирования США в мировых делах»²³ до тех пор, пока Запад не признает этот факт и не будет считаться с ним.

Реальная оценка ситуации стала причиной окончательного определения Запада как «источника основных рисков для безопасности Российской Федерации»²⁴. Речь идет о фактически прямом вовлечении стран НАТО в конфликт с Россией на стороне «киевского режима»: через беспрецедентные масштабы санкционного давления на российскую экономику, военную помощь ВСУ (наращивание темпов вооружения,

снабжение разведанными, обучение военнослужащих и т. д.), теракты, которые даже американские эксперты назвали «преступным актом войны, совершенным вопреки Конституции США»²⁵, не говоря уж о терактах, совершенных на территории нашей страны²⁶.

Подрывы газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2», произошедшие 26 сентября 2022 г., Президент РФ назвал «терактом, совершенным на государственном уровне»²⁷, а некоторые эксперты прямо указали на то, что «подрыв стратегической инфраструктуры другой страны... вполне может быть „казус белли“ (поводом к войне)»²⁸.

При этом расследование²⁹ американского журналиста, лауреата Пулитцеровской премии С. Херша, «специализирующегося на расследованиях самых тщательно хранимых тайн ЦРУ, Пентагона и других правительственных структур США»³⁰, показало, что «операцию готовили и провели американские военные и спецслужбы при помощи коллег из Норвегии»³¹.

Другими словами, всё указывает на правоту экспертов: «Запад видит в нас тех, кто бросил ему вызов... Он готов нас уничтожить, потому что мы его экзистенциальный враг»³². Эта мысль тоже нашла отражение в Концепции внешней политики в виде положения о том, что «США и их сателлиты» рассматривают «укрепление России»

²³ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

²⁴ Там же.

²⁵ Napolitano A.P. What is Biden's goal in Russia-Ukraine war? *The Washington Times*. Wednesday, February 15, 2023. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2023/feb/15/what-is-bidens-goal-in-russia-ukraine-war/>

²⁶ Убийство Д. Дугиной 20 августа 2022 г., взрыв в кафе в центре Санкт-Петербурга 2 апреля 2023 г., в результате которого погиб российский военкор Владлен Татарский.

²⁷ Интервью В. Путина каналу «Россия-24» (ВГТРК) 14 марта 2023 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/891027>

²⁸ Мнение полковника КГБ в отставке И. Прелина. Полковник КГБ рассказал, как Россия может отплатить Норвегии за «северные потоки» // Царьград. 08.02.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/polkovnik-kgb-rasskazal-kak-rossija-mozhet-otplatit-norvegii-za-severnye-potoki_720913

²⁹ Hersh S. How America took out the Nord Stream pipeline. Available at: https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream?r=5mz1&utm_campaign=post&utm_medium=web

³⁰ Баранов А. Планировать взрыв на «Северных потоках» США начали до начала СВО: полное скандальное расследование американского журналиста // Комсомольская правда. 08.02.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4718398/>

³¹ Там же.

³² Выступление А. Дугина в программе «Большая игра» 3 апреля 2023 г. // OPT. 03.04.2023. URL: <https://www.ltv.ru/shows/big-game/vypuski/bolshaya-igra-chast-3-vypusk-ot-03-04-2023>

и её «самостоятельную внешнюю политику» как «угрозу западной гегемонии».

Здесь будет уместно вспомнить, что откровенно антироссийскую политику, причём вполне открыто, публично, страны коллективного Запада ведут на протяжении уже более 70 лет. В подтверждение этого во *вкладках 2–3* приведены выдержки из официальных стратегических документов – Директивы Совета Национальной безопасности США 1948 г. и (как пример планов коллективного Запада в отношении России на современном этапе) Концепции «деколонизации России» 2022 г.

Между ними почти 75 лет, и за этот период было опубликовано немало подобных проектов с планами по ликвидации России как государства³³. Однако по характеру целей представленных во *вкладках 2–3* источников вполне очевидно, какое «будущее» ждало нашу страну (а точнее, было для неё «уготовано») при условии дальнейшего курса на интеграцию с Западом. И если о планах, вынашиваемых его лидером (США) в середине XX века, уже можно говорить как о свершившемся факте (после ликвидации СССР задачу по «уменьшению мощи и влияния Москвы» вполне можно считать выполненной; *вкладка 2*), то цели, публично декларируемые коллективным Западом в постсоветский период (в частности, по «де-

колонизации России»), так и остаются недостигнутыми. Именно благодаря СВО и в целом курсу внешней политики Президента РФ.

Таким образом, исходя из анализа ключевых решений, принимаемых Президентом РФ, приведенных экспертных оценок, мировых тенденций, а также официально опубликованных стратегических документов России и США, можно сделать два вывода.

1. Действия Президента носят во многом вынужденный, но необходимый характер.

2. Решения, принимаемые главой государства после начала СВО, становятся всё более ясными, категоричными. По мере того как этого требует реальная оценка угроз национальной безопасности и по мере того как вместе с развитием цивилизационного конфликта между Россией и странами НАТО меняется весь мир, окончательно оформляются контуры его многополярного существования.

Принятие новой Концепции внешней политики – еще один шаг главы государства по решению задачи определения для России своего места в этом новом, фактически уже наступившем мире будущего, причем места, достойного её истории, культуры, её исторической территории, человеческого и интеллектуального потенциала, а также возможностей участия страны в решении современных глобальных проблем.

³³ Например (источники: интернет-газета Newslab.ru. 14.04.2013; Народное движение «Единение». 12.12.2002. URL: <http://old.kpe.ru/press/special/1/147/>):

1. 1959 г. – «Закон о порабощённых народах» (Public law 86-90 captive nations), согласно которому народам, признанным порабощёнными, нужно «помочь обрести независимость».

2. Начало 1980-х гг. – «Гарвардский проект», состоящий из трех томов («Перестройка», «Реформа» и «Завершение»), который предполагал поэтапную ликвидацию России как государства за период с 1985 по 2000 г.

3. 1989 г. – доктрина «Освобождение». Разработана специальным исследовательским центром «Фонд „Наследие“» по заказу администрации президента США Дж. Буша. Ее суть заключалась в технологиях развала СССР и последующем управлении процессами, происходящими в России.

4. 1991 г. – доктрина «Геополитического плюрализма в постсоветском пространстве», подразумевающая силовое расчленения Советского Союза и далее России, с последующей колонизацией постсоветского пространства.

5. 1992 г. – директива № 13 Министерства обороны США. В ней говорилось, что в ближайшем будущем США станут непрекращаемым военно-политическим лидером в мире, поэтому в случае необходимости США вправе отказаться от коллективных действий в рамках ООН и могут совершать односторонние военные акции, а также наносить превентивные удары по своему усмотрению. Отмечалось, что цель НАТО в будущем – вводить миротворческие силы в регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий на территории от Атлантики до Урала. Отдельными потенциальными объектами обозначались Сибирь и русская Прибалтика.

6. 2000 г. – доклад ЦРУ «Глобальные тенденции на период до 2015 года» («Global Trends 2015»), согласно которому падение рождаемости в России неизбежно приведёт к депопуляции страны и снижению численности населения со 146 до 130 миллионов человек к 2015 г., а сама страна распадется на 8 мелких государств.

ДИРЕКТИВА СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США 20/1 ОТ 18 АВГУСТА 1948 ГОДА

1. «... В нашей стране существует глубокая неудовлетворенность и обеспокоенность относительно целей и методов советских лидеров. Таким образом политика нашего правительства в значительной мере обусловлена желанием скорректировать советскую политику и изменить международную ситуацию, к которой она уже привела».
2. «Нашими основными задачами в отношении России на самом деле являются только две следующие: а. Уменьшить мощь и влияние Москвы...; б. Внести фундаментальные изменения в теорию и практику международных отношений, которых придерживается правительство, находящееся у власти в России».
3. «Мы полностью в своем праве и не должны испытывать чувства вины, работая над разрушением концепций, несовместимых с миром и стабильностью во всем мире, и заменой их на концепции терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело вычислять, к какому внутреннему развитию может привести принятие таких концепций в другой стране, мы также не обязаны ощущать какую бы то ни было ответственность за это развитие. Если советские лидеры обнаружат, что растущее преобладание более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их внутренней власти в России, ответственность за это несут они, а не мы».
4. «Если бы война между нашей страной и Советским Союзом началась, наше правительство было бы свободно в выборе средств, направленных на решение основных задач, и условий, исполнения которых оно пожелало бы потребовать от российской власти или российских властей при успехе военных операций».
5. «Решение наших основных задач во время войны... Прежде всего мы можем завомо принять, что не будем готовы заключить полномасштабное мирное соглашение и возобновить регулярные дипломатические отношения ни с каким режимом в России, в котором будет доминировать кто либо из нынешних советских лидеров либо лиц, разделяющих их образ мыслей... Чем меньше территория, остающаяся в распоряжении такого режима, тем проще навязать ему условия, удовлетворяющие нашим интересам».
6. «Мы должны предпринять определенные усилия, чтобы избежать принятия на себя ответственности за решение, кто будет управлять Россией после распада советского режима. Оптимальным было бы позволить всем изгнанным элементам вернуться в Россию настолько быстро, насколько возможно, и проследить, насколько это от нас зависит, за тем, чтобы всем им были даны примерно равные возможности заявить о своих претензиях на власть».
7. «Украинцы — наиболее развитый из народов, находящихся под управлением России в настоящее время. В целом они обижены российским господством; их националистические организации за рубежом активны, к ним прислушиваются... Наша политика прежде всего должна быть направлена на сохранение внешнего нейтралитета постольку, поскольку наши интересы — военные или иные — не будут затронуты непосредственно. И только если станет ясно, что ситуация заходит в нежелательный тупик, мы будем содействовать отходу от движения к разумному федерализму. То же самое применимо к любым усилиям по достижению независимого статуса другими российскими меньшинствами. Маловероятно, что какое-либо из этих меньшинств сможет успешно поддержать реальную независимость длительного времени. Однако, если они попытаются (а вполне возможно, что кавказские меньшинства сделают такую попытку) — наше отношение должно быть таким, как в украинском вопросе».

БРИФИНГ И КОНЦЕПЦИЯ «ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ» (2022 г.)

23 июня 2022 г. правительственный орган — Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) провела брифинг в Конгрессе под названием «Декolonизация России: моральный и стратегический императив» («Decolonizing Russia: A Moral and Strategic Imperative»).

В преамбуле к брифингу указано: «Варварская война России с Украиной, а до этого с Сирией, Ливией, Грузией и Чечней, продемонстрировала всему миру злобный имперский характер Российской Федерации. Его агрессия также является катализатором давно назревшего разговора о **внутренней империи России**... В настоящее время ведутся серьезные и противоречивые дискуссии о том, чтобы считаться с фундаментальным империализмом России и необходимостью „деколонизации“ России, чтобы она стала реальной заинтересованной стороной в европейской безопасности и стабильности»³⁴.

Полностью концепция «Декolonизации России» была озвучена на Втором «Форуме свободных народов России» в Праге 23 и 24 июля 2022 года. Из текста итогового документа форума:

«Мы, представители коренных народов и колониальных регионов Российской Федерации, начинаем процесс **Полной и Всеобщей Декolonизации России**. Призываем всех граждан коренных народов и колониальных регионов **немедленно начать активные действия по мирной декolonизации**, освобождению, провозглашению/восстановлению суверенитета и независимости своих стран... Для **практической реализации Декларации о декolonизации России**:

1. Призываем национальные и региональные элиты **немедленно приступить к созданию Национальных Переходных Правительств / Администраций**...

2. Мы **обращаемся к государствам-членам ООН с призывом оказать максимальное содействие** Национальным переходным правительствам/ администрациям для достижения целей декolonизации и мира...

3. Призываем к подготовке **Конституций Республик**, закрепляющих их государственную независимость и суверенитет...

4. Призываем всех представителей коренных народов и колониальных регионов присоединиться к **мирному систематическому сопротивлению**. Возможными формами такого сопротивления являются забастовки, демонстрации, пикеты, акты саботажа приказов имперского центра, отказ от службы в Вооруженных силах РФ и т. д....

5. Призываем всех **представителей военных и правоохранительных органов... обеспечить мирную и демократическую передачу власти**.

6. Мы инициируем **формирование национальных легионов (Сил самообороны)** для защиты суверенитета и прав наших народов и обеспечения мира.

7. Начинаем процесс консультаций по созданию **Объединенной переходной администрации**... Перед этим органом будут стоять следующие задачи: **координация действий по ликвидации нынешнего режима**...; **содействие в организации передачи власти демократически избранным властям**...; **максимальное содействие компетентным международным органам в взятии под контроль всех без исключения ядерных вооружений и других видов оружия массового уничтожения**...»

Далее шла Часть II «Сепаратистские настроения в регионах России», которая начиналась с признания «**достаточно низкой остроты проблемы распространения сепаратистских настроений в России**». Указано также, что «сепаратисты в своём дискурсе предлагают **ждать социально-экономических потрясений, сравнимых с ситуацией в начале 90-х годов**. На фоне текущих событий на Украине сепаратисты ожидают **ослабления центральной власти России в связи с ухудшением социально-экономического состояния страны, роста общественного недовольства и снижения возможностей и ресурсов силовых органов**... В этом определённая часть сепаратистов видит „**окно возможностей**“ для активизации собственных усилий, направленных на актуализацию сепаратистских идей в дискурсе возрождения сепаратистских движений»³⁵.

³⁴ Decolonizing Russia. A moral and strategic imperative. Available at: <https://www.csee.gov/international-impact/events/decolonizing-russia>

³⁵ Овчинский В. Декolonизация России 2.0. // Завтра. 24.09.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/dekolonizatsiya_rossii_2_0

Однако внешняя политика, как известно, всегда связана с внутренней, и окончательный отказ России от попыток интеграции в современный Западный мир, зафиксированный в новой Концепции, требует существенных изменений внутри страны: если Россия имеет возможность заявить о суверенной внешней политике, то то же самое она обязана сделать в политике внутренней, а эта задача так и не решена до конца.

«Утверждение России как государства-цивилизации имеет огромное, решающее значение и для внутренней политики. Ведь нельзя во внешней политике действовать как государство-цивилизация, а во внутренней политике оставаться пусть суверенной, но частью либеральной западноцентричной системы, разделяя её подходы, ценности и принципы»³⁶.

Следует вспомнить о том, что уже много лет значительная часть экспертов характеризует политику В.В. Путина как противоречивую и неоднозначную.

Например, еще в 2012 г. президент фонда «Центр политических технологий» И. Бунин говорил о том, что политика В.В. Путина — это *«два шага вперед — один назад, или даже: шаг вперед — шаг назад»*³⁷.

В 2016 г. писатель А. Проханов, анализируя текущую ситуацию в стране, писал следующее:

«Есть ощущение, что сложились **две России**: одна глубоко встроена в западный мир, в западное сознание, в западный уклад... Вторая Россия, которая формирует новую возрастающую ветвь государства, находится с первой в очень сложном взаимодействии... Эти две России обнаруживают себя в сегодняшней идеологической и политической схватке... Этим и объясняется **мнимая непоследовательность российской политики**. Объясняется **часто компромиссная, неточная риторика»**³⁸.

В 2021 г., рассматривая один из ключевых документов, определяющих вектор развития Российской Федерации, — Стратегию национальной безопасности³⁹, философ А. Дугин отметил: «Позитивное ядро доктрины национальной безопасности прекрасно и вызывает полную поддержку и солидарность. Но нельзя не видеть уже изначально заложенных в ней противоречий. **Суверенно патриотический реалистский документ заминирован либеральными вкраплениями»**⁴⁰.

Ю. Воротников (председатель комитета по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью) о Стратегии национальной безопасности РФ 2022 г.: «Отсутствие объединяющей концепции свидетельствует о том, что единого представления о будущем России пока не выработано»⁴¹.

³⁶ Дугин А. Концепция внешней политики как апофеоз многополярности и катехизис суверенитета // Официальный сайт Изборского клуба. 06.04.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24125>

³⁷ Эксперт: «Путин живет по ленинскому принципу» (мнение Президента фонда «Центр политических технологий» И. Бунина) // Аргументы и факты. 14.08.2012. URL: <https://aif.ru/politics/world/35309>

³⁸ Проханов А.А. «Государство Полярной звезды» // Официальный сайт Изборского клуба. 15.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/8623>

³⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁴⁰ Дугин А. Новые вершины и инерция биполярного расстройтва // Завтра. 22.07. 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/novie_vershini_i_inertciya_bipolyarnogo_rasstrojstva

⁴¹ Скоробогатый П. (2021). Стратегия с опорой на свои силы // Эксперт. № 29. С. 54.

Стоит также отметить, что некоторые эксперты и сегодня, в 2023 г., то есть уже после начала СВО, говорят о том, что «в путинском идеологическом проекте есть какая-то **внутренняя двойственность, незавершённая**».

«Россия „позднепутинская” как непротиворечивое государственное „Я” еще не сложилось. Она на перепутье. Хотя, казалось бы, ряд рубиконов уже перейден, – какие-то были перейдены после Болотной в 2011–2012 гг., какие-то в 2014 году, какие-то, очень важные, в 2022 году...

Формат „путинской стабильности” все еще довлеет над нами, даже сейчас, после целого года горячих боевых действий. Почему это так? Прежде всего, потому, что могущественные кластеры старого порядка, порядка до СВО и даже до крымского триумфа – продолжают жить, править каждый в своей сфере, делать свое дело...»⁴²

И это, конечно, является огромным сдерживающим моментом для запуска мобилизационного проекта во всей России»⁴³.

Пожалуй, можно согласиться с экспертами в том, что двойственность и противоречивость, свойственная политике главы государства, во многом является следствием того, что «он опирается на народ, но в элите его не понимает просто никто»⁴⁴.

Приведем несколько фактов в доказательство этого тезиса. Как показывают результаты мониторинговых социологических измерений, широкие слои населения поддерживают деятельность Президента – и в целом, и в отношении непосредственно курса независимой внешней политики России.

✓ Так, по данным ВЦИОМ, подавляющее число россиян считают, что Россия должна вести независимую внешнюю политику. Причем за последние 15 лет (с 2008 по 2023 год) доля тех, кто разделяет эту точку зрения, увеличилась с 54 до 67% (табл. 2).

Таблица 2. Отношение россиян к целям внешней политики РФ, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2008 г.	2023 г.	Изменение (+/-)
России следует вести независимую внешнюю политику, но не стремиться диктовать свои условия другим странам	54	67	+13
России следует вести себя как великой державе, диктовать свою волю другим странам	24	18	-6
Внешняя политика России может быть и самостоятельной, если это не противоречит интересам ее граждан	8	7	-1
Внешняя политика России должна быть подчинена общемировым интересам, даже если затрагиваются национальные интересы	2	2	0
Затрудняюсь ответить	11	6	-5

Источник: данные ВЦИОМ. Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет / аналитический обзор. 10.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet>
 Формулировка вопроса: «В современном мире ряд государств диктуют свои условия другим странам, некоторые – ведут самостоятельную внешнюю политику, никому не навязывая свои позиции, а многие государства ведут самостоятельную внешнюю политику. Как Вы считаете, какова должна быть внешняя политика России?». Ранжировано по данным на 2023 г.

⁴² Аверьянов В. Русского медведя разбудили чуть раньше, чем следовало бы // Официальный сайт Изборского клуба. 03.04.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/24112>

⁴³ Россия. Всюду фронт. Круглый стол «Русская Мечта: положение на фронтах» // Завтра. 23.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/rossiya_vsyudu_front

⁴⁴ Выступление А. Дугина в программе «Большая игра» 3 апреля 2023 г. // ОПТ. 03.04.2023. URL: <https://www.ltv.ru/shows/big-game/vypuski/bolshaya-igra-chast-3-vypusk-ot-03-04-2023>

✓ Более 80% россиян отмечают, что именно такую политику ведет Президент РФ В.В. Путин. За период с 2008 по 2023 год доля разделяющих это мнение увеличилась в целом по стране с 79 до 87% (табл. 3).

✓ По данным ВолНЦ РАН, доля людей, считающих, что Президента заботит в первую очередь положение страны на внешней политической арене, за период всех президентских сроков В.В. Путина (с 2000 по 2022 год) увеличилась почти в 2 раза⁴⁵ (на 32 п. п., с 26 до 58%; табл. 4; вкладка 4).

✓ Доля тех, кто считает успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, на протяжении всех последних 23 лет превышала долю разделяющих противоположное мнение (на 15–20 п. п.; табл. 4; вкладка 4). Хотя нельзя не отметить, что удельный вес негативных оценок курса внешней политики Президента за период с 2000 по 2022 год существенно не изменился (31–32%⁴⁶).

✓ Следует также отметить, что в сложные для России времена, когда обостряется комплекс угроз национальной безопасности, во

Таблица 3. Отношение россиян к реализуемому курсу внешней политики РФ, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2008 г.	2023 г.	Изменение (+/-)
Россия отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится или не нравится это правительствам других стран	33	59	+26
Россия пытается отстаивать свои национальные интересы, но это не всегда получается	46	28	-18
России практически не удается отстаивать свои национальные интересы, она идет на поводу у правительств других стран	8	5	-3
Затрудняюсь ответить	13	8	-5

Источник: данные ВЦИОМ. Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет / аналитический обзор. 10.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet>
 Формулировка вопроса: «Как бы Вы охарактеризовали внешнюю политику, которую проводит сегодня Россия?». Ранжировано по данным на 2023 г.

Таблица 4. Отношение жителей Вологодской области к деятельности Президента по реализации курса внешней политики РФ, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2000 г.	2022 г.	Изменение (+/-)
Доля людей, считающих, что Президента в первую очередь заботит положение России на международной арене*	25,9	58,2	+32
Доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России**	42,3	47,7	+5
Доля людей, считающих неуспешными действия Президента по укреплению международных позиций России**	30,9	32,1	+1

Источник: данные ВолНЦ РАН по Вологодской области.
 * Формулировка вопроса: «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь заботит Президента РФ?».
 ** Формулировка вопроса: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент справляется с проблемой укрепления международных позиций России?».
 Более подробные данные представлены во вкладке 4.

⁴⁵ Источником социологических данных Вологодского научного центра РАН является мониторинг общественного мнения, осуществляемый с 1996 г. на территории Вологодской области.

Мониторинг проводится с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробная информация о результатах опросов представлена на официальном сайте ВолНЦ РАН: <http://www.vssc.ac.ru/>.

⁴⁶ Такая доля негативных суждений характерна для большинства социально-демографических групп. Чуть более негативные оценки отмечены среди низкодоходных категорий населения и жителей г. Вологды, среди которых удельный вес считающих неуспешными действия Президента по укреплению международных позиций России составляет 40–41% (подробнее см. во вкладке 5).

всех слоях российского общества усиливается поддержка политического курса, реализуемого В.В. Путиным. Об этом свидетельствуют итоги года проведения СВО (в 2022 г. по сравнению с 2021 г. во всех основных социально-демографических слоях населения поддержка главы государства возросла на 5–6 п. п.; табл. 5).

И это еще лучше видно по результатам первого президентского срока В.В. Путина, на фоне той «исторической катастрофы», которая случилась со страной в конце 1990-х гг. Поддержка В.В. Путина в среднем за его первый президентский срок (2000–2003 гг.) была выше, чем уровень одобрения Б.Н. Ельцина в последние годы его президентства (1998–1999 гг.),

«Последствия прихода к власти Ельцина и его клики – это историческая катастрофа. Это гибель порядка 10 миллионов человек, которые просто не перенесли „реформ“ 1990-х. Это разгром большей части промышленности и сельского хозяйства. Это утрата всех внешнеполитических позиций. Это, фактически, режим внешнего управления, когда прямо в министерствах сидели американские советники и диктовали, что и как делать»⁴⁷.

на 50–60 п. п., причем почти во всех слоях населения (табл. 5).

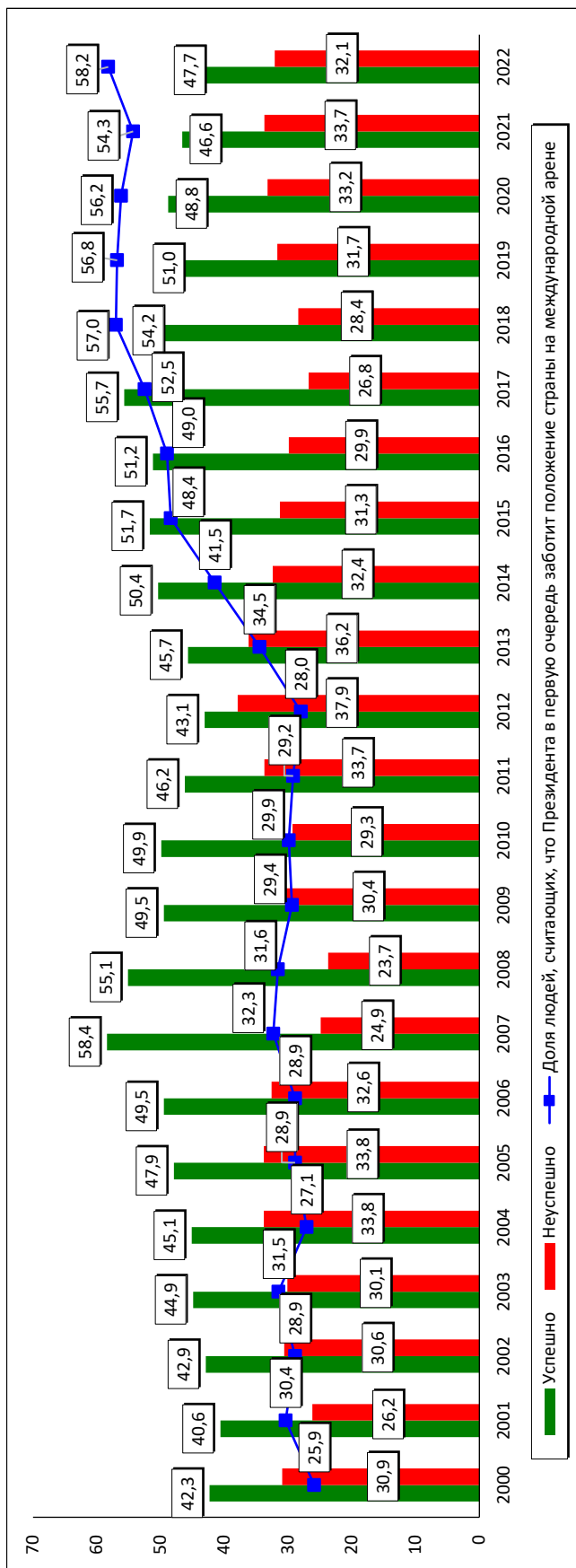
Таблица 5. Динамика уровня одобрения деятельности Президента в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Среднегодовые данные		Изменение (+/-)	Среднегодовые данные		Изменение (+/-)
	1998–1999 гг. (последние годы президентства Б.Н. Ельцина)	2000–2003 гг. (I президентский срок В.В. Путина)		2021 г. (год до начала СВО)	2022 г. (год начала СВО)	
<i>Пол</i>						
Мужской	12,7	65,8	+53	48,7	54,3	+6
Женский	9,9	66,0	+56	53,7	59,2	+6
<i>Возраст</i>						
До 30 лет	10,4	68,8	+58	46,7	51,4	+5
30–55 лет	11,0	65,2	+54	49,3	54,9	+6
Старше 55 лет	12,3	64,4	+52	55,8	61,6	+6
<i>Образование</i>						
Н/среднее и среднее	11,9	61,9	+50	46,0	51,4	+5
Среднее специальное	10,5	66,6	+56	52,0	58,1	+6
Н/высшее и высшее	10,9	70,1	+59	56,4	62,4	+6
<i>Доходные группы</i>						
20% наименее обеспеченных	9,5	55,4	+46	38,4	40,8	+2
60% среднеобеспеченных	11,1	68,3	+57	53,9	59,8	+6
20% наиболее обеспеченных	15,2	73,2	+58	62,6	64,0	+1
<i>Территории</i>						
Вологда	10,4	66,2	+56	45,1	48,0	+3
Череповец	10,4	64,6	+54	57,3	63,8	+7
Районы	11,9	66,5	+55	51,7	58,1	+6
Область	11,2	65,9	+55	51,4	57,0	+6
ИТОГО количество положительных и отрицательных изменений во всех группах			14 / 0			14 / 0
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН. Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?».						

⁴⁷ Афонин Ю. Ельцин – предатель и олицетворение катастроф // Рязанское областное отделение КИПРФ. 03.02.2021. URL: <https://kprfrzn.ru/analitika/jurij-afonin-elcin-predatel-i-olicetvorenje-katastrof>

Вкладка 4

Оценка успешности решения Президентом проблемы укрепления международных позиций России, % от числа опрошенных*

* Формулировка вопроса «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь заботит Президента РФ?» (вариант ответа «Положение страны на международной арене»). Данные ВолнЦ РАН по Вологодской области.

За период с 2000 по 2022 год доля людей, считающих, что Президента РФ в первую очередь беспокоит положение России на международной арене, увеличилась на 32 п. п. (с 26 до 58%).

Удельный вес тех, кто считает успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, ежегодно превышает долю людей, разделяющих противоположную точку зрения. При этом за периоды всех президентских сроков В.В. Путина доля позитивных суждений увеличилась на 5 п. п. (с 42 до 47%).

Оценка успешности решения Президентом проблемы укрепления международных позиций России, % от числа опрошенных*

Категория населения	УСПЕШНО			НЕУСПЕШНО			Изменение (+/-)
	Среднегодовые данные за период...		Изменение (+/-)	Среднегодовые данные за период...		Изменение (+/-)	
	I президентский срок В.В. Путина (2000–2003 гг.)	IV президентский срок В.В. Путина (2018–2022 гг.)		I президентский срок В.В. Путина (2000–2003 гг.)	IV президентский срок В.В. Путина (2018–2022 гг.)		
Мужской	43,4	47,7	+4	34,6	34,0	-1	
Женский	42,2	51,2	+9	28,1	30,0	+2	
До 30 лет	47,2	47,7	+1	27,3	31,0	+4	
30–55 лет	43,2	48,3	+5	31,2	33,1	+2	
Старше 55 лет	36,4	52,2	+16	33,9	30,5	-3	
Образование							
Н/среднее и среднее	37,9	43,1	+5	31,9	34,5	+3	
Среднее специальное	41,4	51,0	+10	30,3	29,9	0	
Н/высшее и высшее	49,8	55,1	+5	30,5	31,4	+1	
Доходные группы							
20% наименее обеспеченных	32,4	32,9	+1	36,2	41,2	+5	
60% среднеобеспеченных	43,5	51,0	+8	31,1	31,7	+1	
20% наиболее обеспеченных	53,0	61,3	+8	27,1	27,0	0	
Территории							
Вологда	47,6	46,9	-1	29,9	39,7	+10	
Череповец	43,9	60,8	+17	32,7	25,2	-7	
Районы	39,6	44,8	+5	30,3	31,1	+1	
Область	42,7	49,7	+7	30,8	31,8	+1	
ИТОГО количество положительных и отрицательных изменений во всех группах	13 / 1						3 / 9

* Данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН. Вопрос задается с 2000 г. Формулировка вопроса: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, В.В. Путин справляется с проблемой укрепления международных позиций России?».

В среднем за 5 лет IV президентского срока В.В. Путина (2018–2022 гг.), по сравнению со среднегодовыми данными за I президентский срок (2000–2003 гг.), доля людей, положительно оценивающих действия главы государства по укреплению международных позиций России, увеличилась почти во всех основных слоях населения (кроме жителей г. Вологды, оценки которых существенно не изменились). Удельный вес положительных суждений особенно возрос среди лиц старше 55 лет (на 16 п. п., с 36 до 52%) и жителей г. Череповца (на 17 п. п., с 44 до 61%); а в целом по области – на 7 п. п. (с 43 до 50%).

Доля людей, считающих, что Президент успешно справляется с проблемой укрепления международных позиций России, за этот же период увеличилась в 9 из 14 социально-демографических категорий населения, особенно среди жителей г. Вологды (на 10 п. п., с 30 до 40%). В целом по области удельный вес негативных характеристик существенно не изменился (31–32%).

Таким образом, тенденции общественного мнения (причем фиксируемые различными исследовательскими организациями) уже по факту отвечают на вопрос, почему В.В. Путин на протяжении всех своих президентских сроков имеет возможность опираться на поддержку большинства россиян в своей деятельности, в том числе — в реализации курса внешней политики.

Однако в отношении значительной части элит этого сказать нельзя, ведь «многие из носителей западничества всё ещё находятся в окружении Путина, но не выступают против него открыто, представляясь его друзьями (так называемая шестая колонна)...»⁴⁸

Часть представителей крупного бизнеса сегодня, в условиях продолжающейся СВО, ведут вполне «законную», публичную пропаганду, которая хоть и завуалировано, но вполне настойчиво подводит к мысли о том, что борьба России за свой национальный суверенитет — это неправильный курс и поэтому следует во что бы то ни стало идти «на мировую» с Западом, начиная с прекращения СВО на любых условиях, продиктованных киевским (или же натовским) режимом. В частности, 2 марта 2023 г. на Красноярском экономическом форуме бизнесмен О. Дерипаска говорил о том, что «госаппарат и госкапитализм — это путь в никуда», и, как отметили эксперты, это «тонкая манипуляция», подводящая к тому, что «самое разумное — продать свою армию, население и территорию противнику» (вкладка 6).

Кроме того, на протяжении фактически всего периода СВО продолжают появляться конкретные примеры (факты) поведения и управленческих решений чиновников, противореча-

щие публичным установкам главы государства и поддерживаемому их общественному мнению большинства россиян (подобные примеры мы приводим фактически в каждой статье⁴⁹). Это и показное пренебрежение к государственным символам и лично к Президенту, дискредитация российской армии, покровительство проукраинским пропагандистским акциям и т. д. (вкладка 7).

Приведенные во вкладках 6–7 факты наглядно объясняют, почему война, которую в настоящее время вынуждена вести наша страна, «обращена не только против прямого врага — украинского нацизма и поддерживающего его глобалистского либерального Запада, но и против той несправедливости, которая подчас творится внутри самой России»⁵⁰.

И хотя есть множество факторов, не позволяющих Президенту осуществить сегодня кадровую революцию «сверху» (например, отсутствие кадровых замен вследствие того, что в России «буксует процесс элитогенеза»⁵¹; возникновение внутренних уязвимостей в системе государственного управления, что в условиях продолжающейся СВО может быть использовано внешними врагами, и т. д.), в сложившихся условиях глава государства действует в свойственной ему «идеологии здорового консерватизма» — решает проблемы методично, последовательно, исходя из «реализма в оценке себя и других, точного выстраивания системы приоритетов и соотношения необходимого и возможного» (во вкладке 8 представлены ключевые решения, принятые Президентом РФ, мониторинг которых мы ведем с апреля 2022 г.).

⁴⁸ Коровин В. Где вы, комиссары Путина? // Официальный сайт Изборского клуба. 16.03.2023. URL: <https://izborsk-club.ru/23998>

⁴⁹ См., например:

Ильин В.А., Морев М.В. (2023). «Перестать валять дурака» — требование Президента к чиновникам всех уровней // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 9–34.

Ильин В.А., Морев М.В. (2022). В стране формируются контуры нового Общественного договора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 9–34.

⁵⁰ Дугин А. Фактор «Вагнера» и тезис справедливости // Здравствуй, Россия. 08.04.2023. URL: <http://www.zdravrussia.ru/politika/organizacii/?nnew=10139&sview=3>

⁵¹ Халдей А. Что такое национализация элиты // Regnum. 07.04.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2606896.html>

Выдержки из выступления бизнесмена О. Дерипаски на Красноярском экономическом форуме 2 марта 2023 г.:

1. «Госкапитализм и все это, как его называют иногда „ГосГазМяс” — конечно, путь в никуда. Я с ужасом наблюдаю те ресурсы, которых даже за прошлый год потрачено уже, ну очевидно впустую. Если раньше я думал, что там миллиарды, то сейчас смотрю счет идет уже на триллионы. Конечно, только рыночная основа нашей экономики. Только вопросы, которые регулируются конкурентной средой».
2. «Безусловно, эти разговоры о декриминализации предпринимательской деятельности вот эти какие-то кабальные, из каменного века статьи и практику посадки всех подряд неизвестно за что. Ну, совершил человек проступок экономический, он компенсировал, пусть идет дальше работает».
3. «Сокращение чиновников, не знаю, в 2–3 раза, сокращение сотрудников правоохранительных органов наверное в пару раз... И мне кажется, это тоже назрел вопрос, о том, что слишком много этого госаппарата и госкапитализма. И нам нужно больше свободы. Реально больше свободы и конкуренции».

Комментарий эксперта⁵²:

«На Красноярском экономическом форуме О. Дерипаска убеждает всех в том, что госкапитализм неэффективен, денег хватит лишь на год с небольшим, а потом ужасный конец. Его сторонники повторяют: милитаризация экономики — это путь в Москву для любого государства. Снаряды нерентабельны, они разрушают дома и кварталы, но очень выгодны производителям. Это подводящие аргументы, а сам вывод читатель должен сделать сам: экономика России войны не выдержит, войну надо прекращать в этом году. Как прекращать? Сами знаете как. Брать и прекращать. Что прекращать? Всё прекращать. Без деталей. Для понимающего довольно. Так работает либеральная пропаганда, это её технология, независимо от идейного содержания... Это манипуляция, но тонкая. Пушки вместо масла хуже, чем масло вместо пушек... Осталось только добавить: да здравствует плен, самая рентабельная система!

Дерипаску со товарищи понять можно — он при госкапитализме никогда бы так не разбогател и не прожил такую полную приключений и увлекательных путешествий на яхте с интересными спутницами жизнь... Устами Дерипаски говорит 3/4 российской бизнес-администрации и увлекательной офшорной элиты.

Разговоры о нерентабельности военной экономики — это разговоры о нерентабельности битвы за Родину... Рынок и война — две вещи несовместные, как гений и злодейство. Рынок скорее продаст победу, чем завоюет её — такова логика и природа рынка. Войну выигрывает только госкапитализм. Управляемый суровой рукой жёсткого вождя.

Бедя, когда купцы начинают пытаться руководить войной. Война для них безумие. Для них самое разумное — продать свою армию, население и территорию противнику. Где вы ещё найдёте такую рентабельность? Что потом? А они так далеко не думают».

⁵² Халдей А. «Почему Дерипаска учит воевать» // Завтра. 07.03.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/pochemu_deripaska_uchit_putina_voevat_

Некоторые примеры действий чиновников, депутатов противоречащих публичным установкам главы государства и тенденциям общественного мнения

<p>1. 20 февраля 2023 г. депутат райсобрания Малоярославского района Калужской области А. Лепендин демонстративно не встал во время исполнения гимна России. Народным избранником занялась местная комиссия по депутатской этике. В соответствии со статьей 7 Федерального конституционного закона № 3 «О Государственном гимне Российской Федерации» при официальном исполнении гимна присутствующие обязаны выслушивать его стоя. За нарушение порядка официального использования государственных символов РФ предусмотрен штраф от 2 тыс. до 150 тыс. рублей.</p> <p>Глава администрации Малоярославского района В. Парфёнов сказал, что не верит в версию депутата о якобы больших ногах («Он же пешком пришёл на собрание, председатель Законодательного собрания Калужской области Г. Новосельцев отметил: «Поступок мерзкий. Объявление глупое. Если состав правонарушения присутствует, должен быть наказан». Мировой суд оштрафовал Лепендина на 5 тысяч рублей по статье 17.10 КоАП РФ «Нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации».</p>
<p>2. 21 февраля 2023 г. депутат Самарской губернской думы от КПРФ М. Абдалкин выложил в сеть видео, на котором он сидит за компьютерным столом и внимательно слушает президента с лашпой на ушах. Ролик сопровождал саркастическим комментарием: «Полностью поддерживаю, полностью согласен, отличное выступление. Ничего подобного я за последние 23 года не слышал. Приятно удивлен».</p> <p>Внимание к ролику привлек депутат Госдумы от «Единой России» А. Хинштейн. 28 февраля депутаты одобрили заключение регламентного комитета, рекомендовавшего выразить коммунисту «публичное порицание» и направить материалы о его поведении в правоохранительные органы и прокуратуру⁵³.</p>
<p>3. 27 февраля 2023 г. в главном корпусе Российского университета дружбы народов «Землячество студентов из Украины» провело санкционированное вузовской администрацией действие – как бы выставку, а в реальности пропагандистскую акцию. История получилась резонансной⁵⁴. В итоге со своей должности был уволен проректор Российского университета дружбы народов Сергей Базавук, который не только одобрил антирусскую, антигосударственную пропагандистскую акцию украинского землячества, но, по словам студентов, именно от него исходил запрет на организацию в вузе русского землячества⁵⁵.</p>
<p>4. 28 марта 2023 г. Прокуратура утвердила обвинительное заключение по делу бывшего мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана⁵⁶. Он обвиняется в публичных действиях, направленных на дискредитацию армии, во время прямого эфира 1 июля 2022 г. на одном из видеохостингов. Бывший мэр уральского города разместил в своих социальных сетях видеоклип с кадрами, позорящими российскую армию и солдат⁵⁷.</p> <p>Ранее его уже привлекали за аналогичное нарушение по статье Кодекса об административных правонарушениях, трижды оштрафовали за дискредитацию армии на общую сумму в 150 тысяч рублей и один раз — за неуважение к власти на 85 тысяч рублей⁵⁸.</p>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁵³ Прах А. Лапша и штраф в придачу // Коммерсант. 02.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5845163>

⁵⁴ Иванов А. Продолжение скандальной истории с укрофилей (и отсутствием русского землячества) в РУДН // Завтра. 01.03.2023. URL: [https://zavtra.ru/events/prodolzhenie-istorii-s-ukrofiliej_\(i-otsutsiviem_russkogo_zemlyachestva\)_v_rudn](https://zavtra.ru/events/prodolzhenie-istorii-s-ukrofiliej_(i-otsutsiviem_russkogo_zemlyachestva)_v_rudn)

⁵⁵ Иванов А. Уволен проректор РУДН, который фактически санкционировал нашумевший укропский шабаш // Народный Собор. 18.03.2023. URL: <https://narodsobor.ru/2023/03/18/uvolen-prorektor-rudn-kotoryj-fakticheski-sankcioniroval-nashumevshij-ukropskij-shabash/>

⁵⁶ Минюст России признал Евгения Ройзмана физическим лицом, выполняющим функции иноагента // РБК. 25.11.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/11/2022/638105a9a79476935ee6e1>

⁵⁷ Экс-градоначальник не признал вину в дискредитации ВС РФ // Версия. 25.08.2022. URL: <https://versia.ru/yeks-gradonachalnik-ne-priznal-vinu-v-diskreditacii-vs-rf>

⁵⁸ <https://360tv.ru/news/crime/rojzmanu-utverdili-obvinenie-po-ugolovnoj-state-o-diskreditatsii-armii/>

Мониторинг ключевых решений, принятых Президентом РФ (22 февраля – 18 апреля 2023 г.)⁵⁹

<p>28 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».</p> <p>В справке Государственно-правового управления указано: «Американская Сторона целенаправленно не выполняет свои обязательства по Договору в указанной сфере деятельности. В связи с этим Федеральным законом приостанавливается действие Договора» (речь идет о договоре между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанном 8 апреля 2010 г.).</p>	<p>28 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О денонсации Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию». Российская Федерация денонсирует Конвенцию и прекращает участие в ГРЕКО (Группа государств против коррупции), поскольку в Совете Европы было принято решение о прекращении полноправного членства России в ГРЕКО с лишением права участия в обсуждении или принятии докладов, а также права голоса.</p>	<p>28 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».</p> <p>16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы, грубо нарушив Устав Совета Европы, принял резолюцию о прекращении членства России в Совете Европы с этой же даты. Российская Федерация исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод и другие международные договоры Совета Европы прекратили своё действие для России с 16 марта 2022 года.</p>	<p>28 февраля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“».</p> <p>Вносятся изменения, предусматривающие совершенствование механизмов обеспечения использования русского языка как государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, расширение и конкретизацию сфер, в которых использование государственного языка Российской Федерации является обязательным, уточнение полномочий федеральных органов государственной власти, направленных на защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации.</p>	<p>18 марта 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 13.15 и 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». За публичные действия, направленные на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооружённые Силы Российской Федерации, если эти действия не содержат признаков уголовного наказания назначается административная ответственность: штраф на граждан в размере от 30 до 50 тысяч рублей; на должностных лиц – от 100 до 200 тысяч рублей; на юридических лиц – от 300 до 500 тысяч рублей.</p>
---	--	---	--	---

<p>31 марта 2023 г. – Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Основные положения представлены во вкладке 1 (стр. 11–12).</p>
<p>3 апреля 2023 г. – Указ «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции „Защитники Отечества“. Фонд основан «в целях создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и активную деятельность участников специальной военной операции, иных лиц и членов их семей». Учредителем Фонда является Правительство Российской Федерации. Председателем наблюдательного совета Фонда назначен первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко; председателем Фонда А.Е. Цивилева.</p> <p>Фонд и его филиалы осуществляют свою деятельность в каждом субъекте Российской Федерации. Деятельность Фонда направлена на организацию и оказание помощи ветеранам боевых действий, принимавшим участие (содействовавшим выполнению задач) в специальной военной операции; лицам, принимавшим участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил ДНР, Народной милиции ЛНР, воинских формирований и органов ДНР и ЛНР; членам их семей.</p>
<p>3 апреля 2023 г. – Законы об интеграции ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в судебную систему Российской Федерации.</p>
<p>3 апреля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Следственный комитет РФ и отдельные федеральные органы исполнительной власти в порядке, определенном Правительством РФ, организуют проведение ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения сотрудников, проходящих службу в указанных органах, граждан, уволенных со службы в этих органах, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении, а также рассмотрение результатов этого ежегодного мониторинга.</p>
<p>3 апреля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации“. Вводится понятие «фильм для детей и юношества», под которым понимается фильм, предназначенный для просмотра детьми в возрасте до 18 лет, направленный на воспитание подрастающего поколения, созданный на основе сценария и соответствующий по тематике, содержанию и художественно-стилистическому решению физическому, психическому, духовному и нравственному развитию детей. Предусматривается возможность полного государственного финансирования производства и проката национальных фильмов для детей и юношества, являющихся художественными (игровыми) фильмами.</p>
<p>5 апреля 2023 г. – Указ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 723 „О применении дополнительных специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций“».</p>

<p>14 апреля 2023 г. – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон, устанавливающий порядок постановки на воинский учёт и призыва на военную службу. Постановка на воинский учёт, снятие с воинского учёта и внесение изменений в документы воинского учёта будут осуществляться без личной явки граждан. Установлена обязанность граждан получать повестки, направляемые им в письменной форме и продублированные в электронной форме. Гражданин, получивший повестку, обязан в двухнедельный срок сообщить об этом лично, явившись в военный комиссариат, или через Портал государственных и муниципальных услуг. Установлена обязанность граждан, подлежащих призыву на военную службу и не получивших повестки, лично явиться в военный комиссариат в двухнедельный срок со дня начала следующего периода проведения призыва на военную службу. Установлены меры в случае неявки по неуважительным причинам:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ запрет выезда из Российской Федерации, ✓ запрет на государственную регистрацию физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, ✓ запрет на постановку на учёт в налоговом органе физического лица в качестве налогоплательщика, применяющего специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», ✓ приостановление постановки недвижимого имущества на государственный кадастровый учёт и (или) государственную регистрацию прав, ✓ ограничение на пользование гражданином правом на управление транспортными средствами, ✓ запрет на государственную регистрацию транспортных средств, отказ в заключении кредитного договора, договора займа. 	<p>18 апреля 2023 г. – Государственная Дума РФ одобрила новый законопроект «О гражданстве». Предусматривается возможность лишения приобретенного гражданства России:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ за преступления террористической направленности, тяжкие преступления против государства, а также преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, подделку документов или по добровольному желанию гражданина; ✓ за публичные призывы к действиям против территориальной целостности РФ, дискредитацию ее Вооруженных сил и участие в нежелательной иностранной или международной неправительственной организации; ✓ за публичный призыв к экстремизму, посягательство на жизнь государственного деятеля и за организацию вооруженного мятежа в целях насильственного изменения конституционного строя России и за совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ; ✓ за содействие диверсионной деятельности и прохождение обучения в целях диверсионной деятельности, а также за организацию диверсионного сообщества. <p>В законопроекте предусмотрено сокращение числа требований более чем к 20 категориям лиц при приеме их в российское гражданство, а также расширение полномочий главы государства по определению категории лиц, которые имеют право на упрощенное приобретение гражданства РФ.</p>
--	--

Таким образом, «идеология здорового консерватизма», которой руководствуется В.В. Путин фактически на протяжении всех своих президентских сроков, с одной стороны, вызывает некоторое недовольство экспертов и общества в целом по той причине, что **многие проблемы в стране приобретают застойный, многолетний характер, а меры по их нейтрализации – характер «давно назревших решений»⁶⁰.**

Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что именно такая стратегия позволила Президенту за последние 20 лет **изменить статус России от страны, побежденной коллективным Западом в «холодной войне» (со всеми вытекающими последствиями в виде распада СССР и 30-летней гегемонии победителей), до возможности публично, на законодательном уровне заявить о себе как о «государстве-цивилизации», являющейся «ядром Русского мира», защищающей право на существование и представляющей интересы не только его, но и фактически всех государств, которые открыто и активно заявляют о недопустимости однополярного мира и важности национального суверенитета.**

Новая Концепция внешней политики открыто говорит о том, что Россия больше не современный либеральный Запад. Однако теперь эта во многом непривычная ясность, которая звучит в новой Концепции, требует

столь же ясного продолжения в политике внутренней, исходя из простого принципа, сформулированного однажды главой государства: «Пришлось делать самим. И сделали. И сделали лучше. А если бы не пришлось, то и не сделали бы»⁶¹.

Открыто заявить о своем статусе и о своих целях на ближайшие годы – это одно; отстоять эти заявления перед лицом внешних угроз – это другое; но не менее важно и внутреннее состояние страны – **разделение общего курса, реализуемого Президентом, большинством представителей всех слоев общества. Ведь «если Россия будет оставаться ментально, экономически, социально в таком расхлябанном виде частью этого мира, то колокол зазвонит и по ней»⁶².**

Тенденции общественного мнения свидетельствуют о том, что в стране «созрела» потребность в такой Концепции внутренней политики России, которая так же ясно и четко, как Концепция внешней политики, фиксировала бы ориентиры и алгоритм выхода страны из «ментально, экономически и социально расхлябанного» состояния в сторону социального государства, обеспечивающего и защищающего приоритет традиционных морально-нравственных ценностей, возможность реализации независимой внешней политики и социальную справедливость для большинства населения.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁶⁰ Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 // Официальный сайт Президента РФ. 01.03.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>

⁶¹ Посещение В. Путиным Тульского завода железнодорожного машиностроения 4 апреля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. 04.04.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70859>

⁶² Фурсов А. Конец мировой системы. Население Земли сократится на 90%? // День литературы. 07.04.2023. URL: <https://denliteraturi.ru/article/7319>

Ilyin V.A., Morev M.V.

Unusual Clarity. Russia Is No Longer the West

Abstract. On March 31, 2023, Russian President Vladimir Putin signed a decree “On approving the Foreign Policy Concept of the Russian Federation”, which outlines key goals and objectives of national policy in the field of international relations. The Concept for the first time indicates the status of Russia as a “unique country-civilization”; emphasizes the hostility of the anti-Russian policy implemented by the Collective West and its leader, the United States; and names friendly countries that are becoming the main focus of interaction for the Russian Federation in the coming years. The authors of the Concept and many experts note that the firm and resolute wording, in which the guidelines of Russia’s foreign policy are set out, accurately reflects the objective tenseness of the geopolitical situation that has developed in recent years (especially after the start of the SMO). The Russian Federation, in fact, is in the avant-garde of the struggle for a multipolar world and for the independence of all national states fighting to preserve and strengthen their national sovereignty against the hegemony of the United States and its satellites. At the same time, making things clear regarding Russia’s foreign policy guidelines allows the President to further improve domestic policy, bring it in line with the status of Russia as a country-civilization in terms of strengthening the foundations of public administration, achieving full national sovereignty and social justice. The article analyzes the adoption of a new Foreign Policy Concept as the President’s next step in the implementation of the general course of national development that he has been in charge of for the past 23 years. We present the relevant expert assessments and the dynamics of public opinion regarding the activities of the head of state. We also look into objective historical prerequisites that determined the specifics of a new Foreign Policy Concept of the Russian Federation, as well as some key tasks that are coming to the fore in domestic policy after the adoption of the Concept.

Key words: Foreign Policy Concept of the Russian Federation, friendly and non-friendly countries, President, public administration system, elites, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России

Екатерина Георгиевна

ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

Никита Михайлович

РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443; ResearcherID: AAC-2818-2019

Аннотация. В условиях нестабильной геополитической обстановки, связанной с действием экономических санкций со стороны стран Запада, для России крайне важно обеспечить устойчивые темпы развития. Актуальным становится как насыщение внутреннего рынка качественными товарами и услугами, производимыми внутри страны, так и активизация потребления населения, значительно сократившего траты из-за роста цен. Задача стимулирования внутреннего потребительского спроса определяет контуры развития российской экономики в ближайшей перспективе. Для ее решения в России имеется большой потенциал формирования новых точек роста. Одной из них является туризм, высокий мультипликативный эффект которого позволяет рассматривать его в качестве экономического драйвера. Основные приоритеты развития туристической отрасли России к 2030 году отражены в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства». В условиях экономической неопределенности возрастает потребность в повы-

Для цитирования: Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. (2023). Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.2

For citation: Leonidova E.G., Rumyantsev N.M. (2023). Scenario modeling of tourism services consumption in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 35–51. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.2

шении качества принимаемых управленческих решений в сфере туризма. В связи с этим необходимо разработать прогнозный инструментарий для проведения сценарного моделирования и оценки экономических эффектов от изменения объема внутреннего туристского потребления, что и стало целью работы. Научная новизна исследования заключается в развитии методологии межотраслевого моделирования для определения экономических эффектов от роста спроса населения на услуги внутреннего туризма. Результаты исследования показали, что активное развитие туризма в рамках оптимистичного сценария обеспечит почти вдвое больший прирост объема выпуска валовой продукции ежегодно, чем при сохранении существующих темпов потребления туристских услуг. Используются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, инструментарий, основанный на методологии межотраслевого баланса. Информационную базу составили работы отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами стимулирования внутреннего туристского потребления, сценарного моделирования и прогнозирования экономики, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка.

Ключевые слова: внутреннее туристское потребление, туризм, внутренний туризм, сценарное моделирование, конечное потребление, внутренний спрос.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Резкое ухудшение геополитической ситуации в 2022 году, повлекшее ужесточение санкционного давления со стороны стран Запада, обострило давнюю проблему российской экономики – недостаточный спрос на отечественные товары и услуги вследствие узкого внутреннего рынка. Ориентированность в течение последних десятилетий на экспорт сырьевой продукции с преобладанием товаров с низкой добавленной стоимостью не способствовала его развитию, что тормозило инвестиционную и инновационную активность предприятий. В текущих условиях назрел вопрос о модернизации российской экономики с целью усложнения ее структуры и повышения качества роста. Стратегия развития внутреннего потребления, снижающая риски и зависимость от внешнего спроса, диктует необходимость высоких показателей норм накопления и потребления в валовом внутреннем продукте страны при низких значениях импорта и экспорта. Такая экономическая модель реализуется в США, Японии и с недавних пор в Китае¹.

¹ По данным Всемирного банка, в США в 3 квартале 2022 г. доля домашних хозяйств в ВВП составила 68,2%, норма накопления – 17,8%, экспорт – 11,9%, импорт – 15,4%, в Японии в 2021 г. – 56,1%, 25%, 20%, 19%, в Китае – 54,3%, 42,6%, 20% и 17% соответственно.

В мае 2022 года стало ясно, что российская экономика в своем развитии будет опираться на внутренний рынок, о чем было заявлено в докладе Банка России о денежно-кредитной политике². В настоящее время прорабатывается содержание новой модели экономического роста с основой на внутреннее потребление, подкрепленного промышленным и потребительским спросом. Особые перспективы Минэкономразвития РФ связывает с активным развитием рынка жилищного строительства и сферы жилищно-коммунального хозяйства, агропромышленного сектора, расходами населения на услуги культуры, спорта и внутреннего туризма³. Эти направления рассматриваются в качестве основных драйверов внутреннего рынка. Как отмечается в научной среде, текущее развитие событий предоставляет новые возможности для производителей за счет занятия высвободившихся рыночных ниш (Кувалин,

² Доклад о денежно-кредитной политике // Банк России. 2022. 11 мая. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/40972/2022_02_ddcp.pdf

³ Максим Решетников представил в Правительстве РФ среднесрочный прогноз социально-экономического развития страны. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_o_prognose_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya_strany_do_2025_goda.html

2022). Однако структурная трансформация экономики в сторону наращивания предложения внутри страны требует не только перестройки производственных процессов и создания условий для импортозамещения, но и обеспечения роста доходов граждан. Без решения этой задачи эффективно использовать потребительский потенциал домашних хозяйств, вклад которого в экономику страны составил в 2021 году почти 50%, не получится. По расчетам ученых, «уровень реальных доходов на начало 2022 г. был на 9% ниже максимального их уровня за 30 лет новой России, достигнутого в 2012–2013 гг.» (Аганбегян, 2022).

В последние годы заметные шаги были сделаны в отношении роста расходов граждан на внутренний туризм. С 2020 года как направление поддержки внутреннего потребительского спроса в период пандемии коронавирусной инфекции российским правительством активно стимулировалось потребление населением туристических услуг путем введения туристического кешбэка – программы субсидирования поездок по России. Ее действие распространилось и на 2021–2022 гг. в рамках запущенного в 2021 году национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», рассчитанного до 2030 года. Всего за двухлетний период акцией воспользовались 4,5 млн человек, получивших суммарно 18 млрд рублей⁴. В 2021–2022 гг. благодаря реализации детского кешбэка на отдых в оздоровительные лагеря было отправлено 1,2 млн детей, а их родителям на банковские карты вернулось 14,2 млрд рублей. Продолжением политики, связанной с поддержкой внутреннего туристического потребления, стала реализация с 2022 года пилотного проекта по популяризации путешествий внутри своего региона для школьников 5–9 классов путем выдачи бесплатных сертификатов, в котором участвовало 18 субъектов страны⁵. Согласно оценкам, сертификатами воспользовались около 100 тыс. детей.

Действие туристического кешбэка было положительно оценено властями, отметившими получение от него суммарного эффекта для

экономики в более чем 100 млрд рублей⁶, представителями туристического бизнеса, констатируя, что акция привлекла не менее 50% туристов, принявших решение отправиться в поездки по стране только благодаря данной программе⁷, а также научным сообществом. Ученые рассчитали, что стимулирование внутреннего туристического потребления гражданами страны в 2020 году увеличило объем валового выпуска продукции в целом по экономике, обусловило прирост фонда заработной платы и численности работников (Леонидова, 2021).

В конце 2022 года в структуре управления российским туризмом произошли изменения: ликвидирован Ростуризм, а сама отрасль перешла в прямое подчинение Минэкономразвития РФ для большей эффективности решения вопросов, связанных с выполнением целей национального проекта в сфере туризма, прежде всего реализацией крупных инфраструктурных туристических проектов. На момент написания статьи решение о пролонгации программы субсидирования туристических поездок по стране принято не было. Эксперты связывают неопределенность в этом вопросе с изменением условий получения туристического кешбэка с учетом ввода критериев нуждаемости⁸, а также сменой приоритетов туристической политики в сторону наращивания не спроса, а предложения путем выделения средств на развитие инфраструктуры⁹.

Ученые подчеркивают значимость составления сценариев социально-экономического развития и обоснования мер экономической политики, направленных на задействование его внутреннего потенциала (Широв и др., 2022). Результаты анализа научных публикаций свидетельствуют, что прогнозу последствий для

⁶ Дмитрий Чернышенко: Большинство показателей нацпроекта по туризму по итогам года перевыполнены. URL: <http://government.ru/news/45422/>

⁷ Новая акция с кешбэком за туры по России стартует в январе 2022 года. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58041.html>

⁸ В правительстве хотят ориентировать туристический кешбэк на малообеспеченных. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/17/945818-turisticheskii-keshbek-maloobespechennih>

⁹ Минэк выбрал стратегию для снижения цен на внутренний туризм. URL: <https://profi.travel/news/56519/details>

⁴ Данные портала «Национальные проекты. РФ». URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/>

⁵ Там же.

экономики от принимаемых управленческих решений в туристской отрасли не уделено достаточно внимания. Кроме того, в России отсутствует официальная методология подсчета вклада внутреннего туризма в экономику. В связи с этим цель нашего исследования заключается в проведении сценарного моделирования и оценке экономических эффектов от изменения объема внутреннего туристского потребления. Для ее достижения необходимо обобщить теоретические подходы к исследованию особенностей влияния туризма на экономику, выявить динамику развития внутреннего туризма в России, апробировать методический подход для оценки эффектов и моделирования изменения экономических параметров от стимулирования государством покупки туров внутри страны и разработать предложения по итогам расчетов.

Несмотря на то, что в сателлитном счете туризма (TSA, CCT)¹⁰ в объем внутреннего туристского потребления включаются не только туристические расходы жителей страны, но и траты нерезидентов, т. е. въездных туристов, в нашем исследовании учитывается только потребление внутренних туристов, так как въездной туризм в России развит слабо.

Следует отметить, что влияние внутреннего туризма на экономику страны Росстатом отдельно не рассматривается, это затрудняет оценку экономического эффекта от его развития. В настоящее время рассчитывается валовая добавленная стоимость (ВДС) всей туристической индустрии в разрезе страны и регионов, ее доля в ВВП и ВРП, утвержденная Росстатом в 2022 году. Этот показатель не учитывает весь объем выпуска товаров и услуг туризма, представляя собой разницу между его стоимостью и промежуточным потреблением. Измеряется

¹⁰ Сателлитный (или вспомогательный) счет туризма – популярный метод измерения прямого вклада потребления туризма в национальную экономику, который увязан с системой национальных счетов. Основой для данных ССТ являются результаты обследований домашних хозяйств, туристических организаций, туристов. В настоящее время ССТ на регулярной основе составляются в Канаде, США, Испании, Нидерландах и других государствах. Источник: Вспомогательный счет туризма: рекомендуемая методологическая основа, 2008 год (2010) / Департамент по экономическим и социальным вопросам. Статистический отдел. Люксембург, Мадрид, Нью-Йорк, Париж. 145 с.

по совокупности производственных единиц, отнесенных к группировке «Туризм» классификатора ОКВЭД-2¹¹. По оценкам экспертов¹², в нее, помимо видов экономической деятельности (ВЭД), непосредственно относящихся к туризму (гостиницы, турагентства, музеи и т. п.), включены и те ВЭД, товары и услуги которых потребляются не только туристами. Это приводит к завышению показателей, а также влияет на качество управления отраслью. Таким образом, актуальной научной проблемой становится отсутствие методического инструментария, позволяющего адекватно оценить объем внутреннего туристского потребления, генерируемого резидентами страны, в экономику и прогнозировать его динамику. В рамках анализа и обобщения методических подходов по указанной проблематике выявлено, что дать объективную оценку изменению объема внутреннего туристского потребления поможет метод межотраслевого баланса, в связи с чем необходима разработка авторской методики для решения этой задачи в российских условиях.

Информационной базой послужили труды отечественных и зарубежных ученых, занимающихся исследованием внутреннего туристского потребления, сценарным моделированием и прогнозированием экономики, а также сведения органов государственной статистики, данные Всемирного банка.

Научная новизна исследования заключается в развитии методологии межотраслевого моделирования в целях определения эффектов для экономики страны в результате роста спроса населения на услуги внутреннего туризма.

Теоретические аспекты исследования

В научной литературе довольно давно была доказана связь между туризмом и экономикой, эмпирически подтвердившаяся в TLG-гипотезе (Tourism-Led Growth hypothesis), согласно которой существует сильная корреляция между ростом ВВП и развитием туризма в стране. Туризм рассматривается как часть экспорта, поскольку служит источником валютных

¹¹ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met%2036_25.01.2022.pdf (дата обращения 12.09.2022).

¹² Точка зрения: статистике туризма в России по-прежнему суждено быть «дутой». URL: <https://www.tourdom.ru/news/tochka-zreniya-statistike-turizma-v-rossii-po-prezhnemu-suzhdenu-byt-dutoy.html> (дата обращения 12.09.2022).

поступлений и увеличивает потребление в стране, принимающей туристов (McKinnon, 1964). Исследователями введена экономическая категория «туристское потребление», включающее в себя все расходы туриста на товары и услуги, потребленные во время его пребывания, а также на товары и услуги, произведенные различными секторами, которые непосредственно способствуют увеличению потребления туризма (Baretje, Defert, 1973).

Впоследствии было доказано положительное влияние отрасли на появление новых инфраструктурных объектов (Balaguer, Cantavella-Jordá, 2002), занятость, рост человеческого капитала, распространение технологий (Schubert et al., 2011). В настоящее время фокус исследования сместился на изучение взаимосвязи между ростом туризма и неравенством доходов. Так, на примере десяти ведущих туристических направлений мира с помощью применения квантильной регрессии была выявлена отрицательная зависимость между ростом туризма и неравенством доходов населения в Китае, Франции, Испании, Италии, России и США (Raza et al., 2023). Это означает, что развитие отрасли минимизирует неравенство в доходах. С другой стороны, в Германии, Турции, Мексике и Великобритании отмечена сильная положительная связь между двумя переменными, означающая, что рост туризма увеличивает неравенство в доходах.

В целом многими учеными подчеркивается, что наиболее широко изучено влияние международного туризма на рост экономики страны, в то время как количество исследований, связанных с внутренним туризмом, ограничено (Lee, 2021; Nguyen et al., 2021). Всплеск интереса к внутреннему туризму отмечен после пандемии COVID-19, в условиях которой он стал не только катализатором восстановления туристического сектора во многих странах (Rogerson, Rogerson, 2021), оказавшись более устойчивым к влиянию COVID-19, чем международный туризм (Duro et al., 2022), но и выступил как важнейший элемент восстановления экономики в целом (Arbulú et al., 2021; Gossling et al., 2021; Kreiner, Ram, 2021; Woyo, 2021). В некоторых работах указывается, что внутренний туризм характеризуется внутренним спросом и внутренним предложением, относительно независимы-

ми от международных потрясений, что наряду с его преимуществами для экономики (создание рабочих мест, вклад в инвестиции и производство) является фактором снижения экономической уязвимости (Canh, Thanh, 2020).

В России в последнее время интерес к исследованию внутреннего туризма и его экономической оценке также повышается. Авторами поднимается проблема поиска новых стратегических векторов его развития в изменившихся геополитических условиях и действия на него пандемии коронавирусной инфекции (Симонян, Сарян, 2022). Констатируется, что без повышения доходов граждан достижение цели нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» – двукратный рост числа путешествий по стране к 2030 году – маловероятно. Ученые приходят к выводу, что из-за низкого уровня доходов граждан пока не имеется оснований для увеличения спроса на туризм, а выполнение заявленных показателей возможно лишь за счет роста частоты поездок платежеспособного населения. Снижение покупательной способности остается сдерживающим фактором для развития внутреннего туризма (Донскова и др., 2022). Также отмечается неравномерность распределения туристического спроса между территориями (Леонидова, 2022), наличие внутрирегиональных диспропорций между величиной турпотока и развитостью туристической инфраструктуры (Иванов и др., 2022).

Проблематика влияния внутреннего туризма на экономику, в том числе инструментальной его количественной оценки, наиболее разработана в трудах зарубежных авторов. В научной литературе распространено моделирование внутреннего туризма с помощью корреляционного и регрессионного анализа (Зюляев, 2017; Николенко, Терехов, 2022), хотя такие прогнозы, как правило, характеризуют влияние каких-либо факторов на отрасль, не учитывая отраслевых эффектов, а также «в некоторых случаях оказываются неточными» (Athanasopoulos et al., 2011).

Обобщение результатов работ (Kronenberg et al., 2018; Tohmo, 2018; Li et al., 2019; Patandianan, Shibusawa, 2020; Liu, 2022) показало, что в последнее время растет интерес зарубежных исследователей к межотраслевому анализу как инструменту, позволяющему опре-

делить вклад внутреннего туризма в экономику. С помощью данного метода можно исследовать структурные взаимосвязи как в экономике в целом, так и на примере отдельных отраслей; кроме того, прогнозировать, каким образом изменится общий объем выпуска продукции при увеличении конечного потребления в рассматриваемой отрасли (Artal-Tur et al., 2020), оценить ее мультипликативный эффект (Лобан, Шепелевич, 2015). Заслуживает внимания исследование, посвященное измерению экономического влияния внутреннего туризма в условиях пандемии COVID-19 на примере самой многонаселенной китайской провинции Гуандун¹³ (Wu et al., 2022). Авторами предпринята попытка разработать региональный спутниковый счет туризма, используя подход «снизу вверх», основываясь на данных социологических опросов о расходах посетителей местности, таблиц «затраты – выпуск». Результаты расчетов позволили оценить прямой вклад внутреннего туризма в экономику провинции Гуандун в до- и постпандемийный период.

Следует отметить, что измерение внутреннего туристского потребления в России осложнено несовершенством статистической информации (Кривошеева, 2020), т. к. не разрабатывается спутниковый счет туризма, а данные таблиц «затраты – выпуск» публикуются с большой задержкой, существенно ограничивая исследовательскую деятельность. Тем не менее назовем ряд работ (Лукин и др., 2018; Леонидова; 2021; Leonidova et al., 2022), в которых на основе авторских методик доказана их пригодность для решения такого рода задач. Таким образом, в связи с широкими аналитическими возможностями инструментария и необходимостью его развития в российских условиях видится целесообразным его использование для оценки экономической динамики при изменении проводимой в области туризма политики.

Методика исследования

Для выявления трендов внутреннего туристского потребления в России и разработки предложений по его дальнейшему наращиванию использовались общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения.

Разработка прогнозных сценариев изменения его объема основана на применении методов статистического анализа с учетом трендов, характеризующих динамику внутренних туристских поездок, определяемых по числу россиян, остановившихся в коллективных средствах размещения.

При осуществлении вариативного прогнозирования были использованы следующие сценарии.

1. Оптимистичный сценарий, основанный на значении целевого показателя национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в 140 млн поездок к 2030 году, что выше уровня 2019 года в 2,1 раза. Было определено, что для этого сценария наиболее высоким R^2 обладает экспоненциальная функция тренда.

2. Реалистичный сценарий, реализация которого предполагает сохранение средних темпов прироста показателя на 7,3% за 2010–2021 гг.

3. Пессимистичный сценарий, в основу которого заложены темпы роста со снижением на 3,78% каждый год, продемонстрированные в 2020 году, для учета в моделировании эффектов спада от пандемии коронавирусной инфекции. Изучение кризисных параметров 2020 года позволяет точнее моделировать наихудший сценарий изменения объема внутреннего туристского потребления. В ходе оценки эффекта для экономики использован метод межотраслевого баланса, дающий возможность проведения сценарного межотраслевого моделирования. В качестве инструмента прогнозирования применялась межотраслевая модель, опирающаяся на основное уравнение межотраслевого баланса, которое в матричной форме имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В рамках моделирования использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

¹³ Согласно данным переписи населения, по итогам 2020 года в провинции Гуандун проживало 126,012 млн человек.

Расчет объема конечного выпуска туризма, генерируемого внутренним потреблением, основан на инструментарии, предложенном в исследованиях (Леонидова, Сидоров, 2019; Леонидова, 2021; Leonidova et al., 2022, Леонидова, Сидоров, 2023), расширенном путем уточнения статистических данных. Прогноз роста объема осуществлен на основе использования межотраслевой модели российской экономики. Исследование предполагает допущение о том, что структура расходов на отдых внутренних туристов Республики Казахстан и РФ схожа в силу социально-экономической, культурной и ментальной близости этих стран. Оно базируется на сведениях, полученных в ходе социологических опросов, а также Вспомогательном счете туризма Казахстана, согласно которым на основные статьи расходов на отдых российские и казахские туристы, путешествующие внутри страны, тратят примерно одинаковое количество средств. Для оценки объема туристического выпуска в Российской Федерации использовалась следующая информация:

– данные социологического опроса¹⁴ туристов о сумме трат россиян на одно путешествие и их распределении;

– данные Вспомогательного счета туризма Республики Казахстан о структуре затрат внутренних туристов, путешествующих с личными и деловыми целями;

– сведения ЕМИСС, характеризующие производство и отгрузку товаров, работ и услуг.

Определение объема туристического выпуска в Российской Федерации осуществляется на основе алгоритма, представленного на *рисунке 1*.

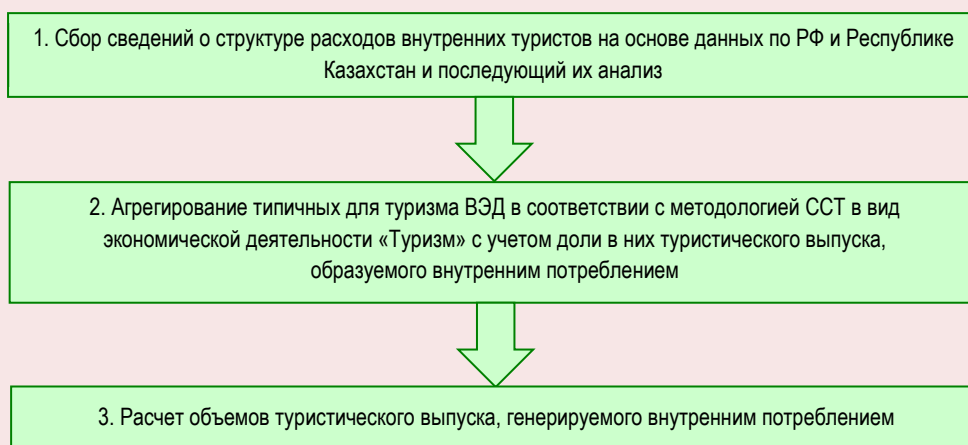
Таким образом, в соответствии с алгоритмом объем выпуска внутреннего туризма в РФ рассчитан путем вычленения из видов экономической деятельности, представленных в российских квалификаторах, доли, которая обусловлена потреблением внутренних туристов, и их последующего агрегирования в ВЭД «Туризм». Объем выпуска внутреннего туризма определяется в постоянных ценах.

Основные результаты исследования

Тренды потребления туристских услуг населением в Российской Федерации

По данным Всемирной туристской организации, в допандемийный период в мире фиксировалось порядка 9 миллиардов внутренних туристических путешествий, что в 6 раз превышало число международных поездок¹⁵.

Рис. 1. Схема определения объема выпуска внутреннего туризма в экономике Российской Федерации

Источник: составлено авторами.

¹⁴ Социологический опрос сервиса поездок и путешествий Туту.ру. URL: <https://travelvesti.ru/news/skolko-rossiyane-tratyat-na-puteshestviya-i-kak-raspredelyayut-byudzheth-poezdki.html> (дата обращения 12.09.2022).

¹⁵ World Tourism Organization (2020), UNWTO Briefing Note – Tourism and COVID-19, Issue 3. Understanding Domestic Tourism and Seizing its Opportunities, UNWTO, Madrid, DOI: <https://doi.org/10.18111/9789284422111>

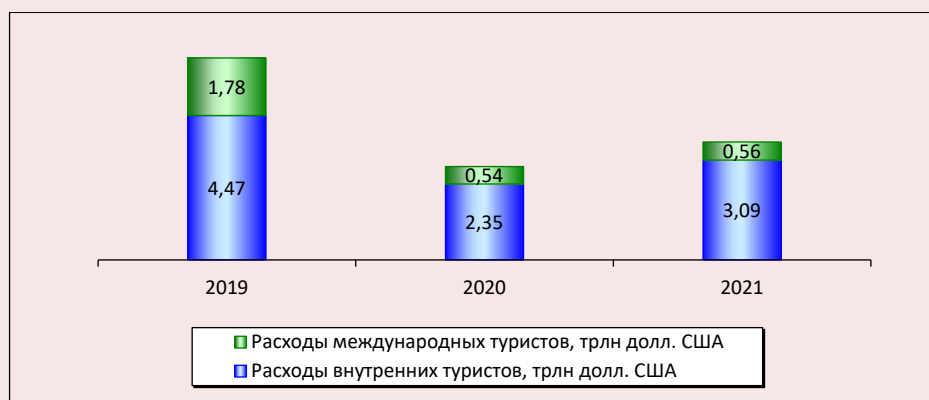
По оценкам исследователей, около 85% турпоездки в мире приходилось на внутренний рынок (Hall, 2015). Расходы резидентов страны на отдых внутри страны намного больше, чем международных туристов, что позволяет говорить о том, что вклад туризма в экономику обеспечивается развитием именно внутреннего туризма (рис. 2).

Стоит отметить, что в целом в мире общий объем трат на путешествия по итогам 2021 года вырос на 26% после резкого спада в 2020

году из-за пандемии коронавируса, составив 3,65 трлн долларов США. Однако значение показателя осталось ниже допандемического уровня.

К крупнейшим в мире рынкам внутреннего туризма по числу туристических поездок относятся Китай, США и Индия в основном из-за большой численности населения и площади. США, Китай и Германия являются мировыми лидерами по расходам внутренних туристов (таблица).

Рис. 2. Общие расходы на путешествия и туризм в мире с 2019 по 2021 год по видам туризма (в ценах 2021 г.)

Источник: данные WTTC, Oxford Economics, Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1337656/travel-and-tourism-spending-worldwide-by-tourist-type/> (дата обращения 10.02.2023).

Показатели развития туризма в странах мира (в ценах 2021 г.)

№	Страна	Расходы внутренних туристов, млрд долл. США			Расходы въездных туристов, млрд долл. США			Число внутренних туристских поездок, млн ед.		
		2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
1.	США	1085,5	571,7	731,5	190,9	39,8	40,3	2318,0	1580,0	2040,0
2.	Китай	931,8	365,6	458,7	147,4	19,4	14,1	6005,0	2879,0	3246,0
3.	Германия	321,3	200,4	212,2	52,6	22,0	24,6	160,9	85,6	85,1
4.	Индия	155,8	97,0	151,1	34,3	14,5	8,8	2321,9	610,0	677,6
5.	Япония	214,4	95,5	134,0	47,3	10,6	1,0	587,1	293,4	268,2
6.	Мексика	149,6	108,0	130,4	27,1	12,9	20,4	101,7	48,0	н/д
7.	Великобритания	186,5	75,1	118,2	43,6	9,1	4,7	1,775	н/д	н/д
8.	Италия	116,8	66,8	117,9	50,7	19,1	22,9	132,8	74,6	73,0
9.	Франция	128,4	67,7	102,6	66,3	32,9	43,9	260,5	212,0	251,6
10.	Бразилия	80,9	53,4	69,4	5,1	3,2	2,9	н/д	13,3	12,2
Справочно: Россия		44,1	26,7	39,6	16,5	5,3	6,0	н/д	н/д	н/д

Источники: OECD (2022), OECD Tourism Trends and Policies 2022, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/a8dd3019-en> URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/a8dd3019-en/1/1/index.html?itemId=/content/publication/a8dd3019-en&_csp_=dd10a6327bf40b05da33e7fa1f979e3e&itemIGO=oecd&itemContentType=book; данные Всемирной туристской организации. URL: <https://www.unwto.org/tourism-statistics/key-tourism-statistics>; данные Всемирного совета по туризму и путешествиям. URL: <https://wtcc.org/research/economic-impact>

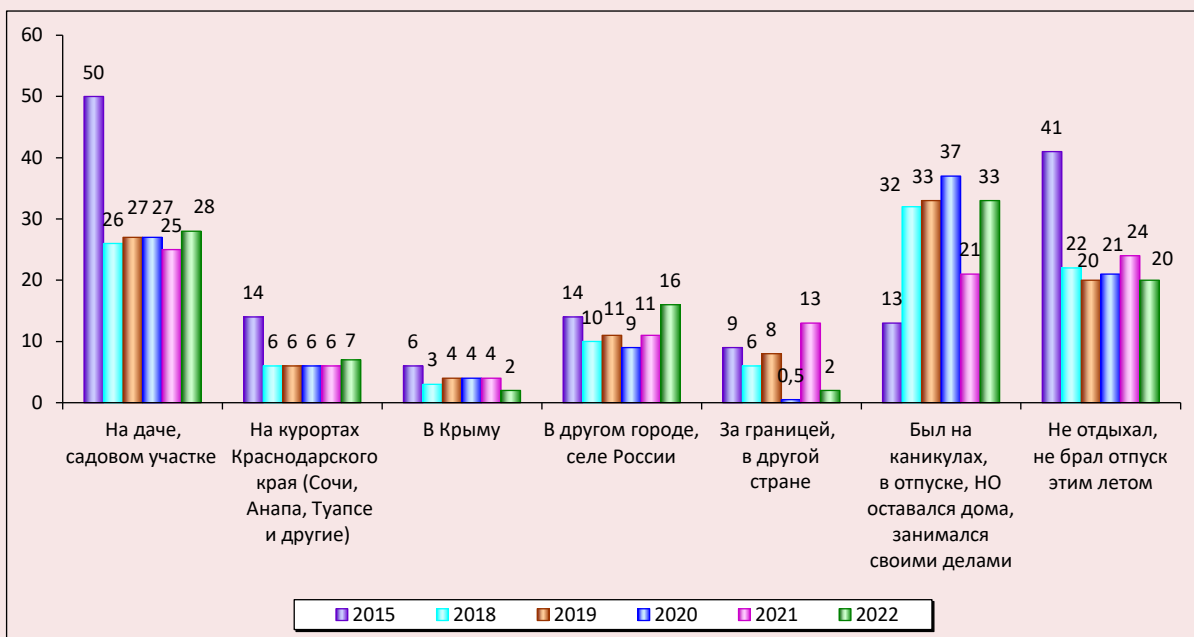
Стоит отметить, что в России оценка внутреннего туристского потока, определяемого по числу поездок, осуществляется Росстатом лишь с 2022 года, что затрудняет международные сопоставления за более ранний период.

Объем трат внутренних туристов в России значительно меньше среднемирового уровня, что снижает вклад туристической отрасли в ее экономику. В то же время страна имеет высокий потенциал для наращивания внутреннего туристского потребления, реализация которого сдерживается недостатком как спроса, так и предложения. Этим объясняется тот факт, что в течение длительного времени сохраняется устойчивая тенденция проведения россиянами отдыха не в поездках, а дома либо на даче (в 2015 г. – 63%, в 2022 г. – 61%; *рис. 3*).

Однако в 2022 году отмечен довольно заметный рост путешествующих по России (+6 п. п.

к 2018 г. и +5 п. п. к 2021 г.). Примечательно, что среди всех, кто провел отпуск в 2022 году, самой многочисленной категорией является молодежь от 18–24 лет – ее доля составляет почти 30%. Этому способствовала активная политика по развитию внутреннего туризма, проводимая в последние годы, одной из самых заметных мер которой стало внедрение программы туристического кешбэка. О нем, как показывают данные соцопросов, население хорошо осведомлено. Так, значительно увеличилось число россиян, знающих об этой акции, – с 56% в 2020 году до 72% в 2022 году¹⁶. Также, согласно опросам ВЦИОМ, население информировано о реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». По итогам 2022 года он был знаком 64% респондентов, и с прошлого года информированность о нем возросла

Рис. 3. Распределение ответов россиян относительно проведения отпуска (опрос ВЦИОМ, любое число ответов), % от числа опрошенных

Источник: Итоги летнего отдыха – 2022 / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dacha-ili-kurort-gde-otdykhali-rossijane-ehitim-letom> (дата обращения 10.01.2023).

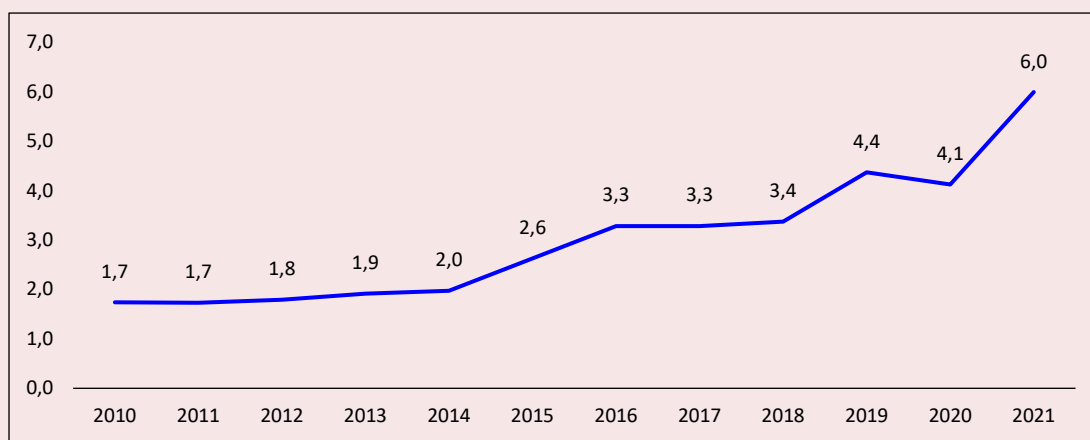
¹⁶ Исследовательский центр портала Superjob.ru. Социологический опрос. Место проведения опроса: Россия, все округа. Населенных пунктов: 360. Время проведения: 29–31 августа 2022 года. Исследуемая совокупность: экономически активное население России старше 18 лет. Размер выборки: 1600 респондентов. URL: <https://dzerzhinskiy.superjob.ru/research/articles/113645/osvedomlennost-rossiyan-o-programme-turisticheskogo-keshbeka-vyrosla/>

(на 5 п. п. к 2021 году), что позволило ему войти в число пяти нацпроектов с самым высоким приростом узнаваемости у населения¹⁷. Причем по мнению 63% опрошенных именно в этой в сфере весьма заметны усилия государства по ее развитию. Среди наиболее заметных улучшений при реализации нацпроекта россияне особенно отметили увеличение разнообразия предложений для отдыха (77%) и улучшение информированности о привлекательных для посещения территориях (76%).

Рост внутреннего туризма в последние годы подтверждается данными официальной статистики (рис. 4). Так, в 2021 году зафиксировано рекордно высокое за последнее десятилетие число россиян, отправленных турфирмами на отдых по России, — почти 6 млн человек, что выше допандемийного значения (2019 год) на 36%.

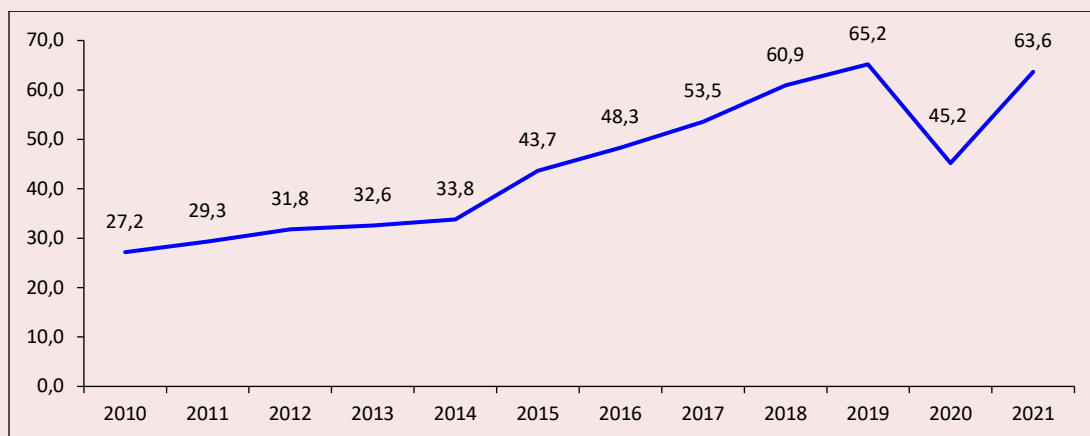
Рост числа посетителей гостиниц и других средств размещения по итогам 2021 года почти приблизился к допандемийному уровню 2019 года (рис. 5).

Рис. 4. Динамика численности россиян, отправленных в туры по России, млн чел.

Источник: данные Росстата.

Рис. 5. Динамика численности россиян, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.

Источник: данные ЕМИСС.

¹⁷ Национальные проекты — 2022: планы и результаты / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2022-plan-i-rezultaty>

Повышение интереса к отдыху внутри страны фиксируется и в сегменте речных круизов. Так, по оценке Минтранса России, объем речных перевозок в 2022 году возрос на 35% к уровню 2019 и 2021 гг.¹⁸ По прогнозам Ростуризма, поток круизных туристов, представленный в основном российскими путешественниками, по итогам 2022 года должен составить не менее 700 тыс. человек¹⁹. В числе факторов популярности у населения речных путешествий в 2022 году эксперты назвали действие программы туристического кешбэка, обусловившее спрос на речные круизы на 25–30%²⁰. В целом оборот рынка речных круизов по итогам года увеличился на 30% и составил 25 млрд рублей²¹.

Таким образом, все вышеперечисленное позволяет говорить о том, что программа туристического кешбэка стимулирует внутреннее по-

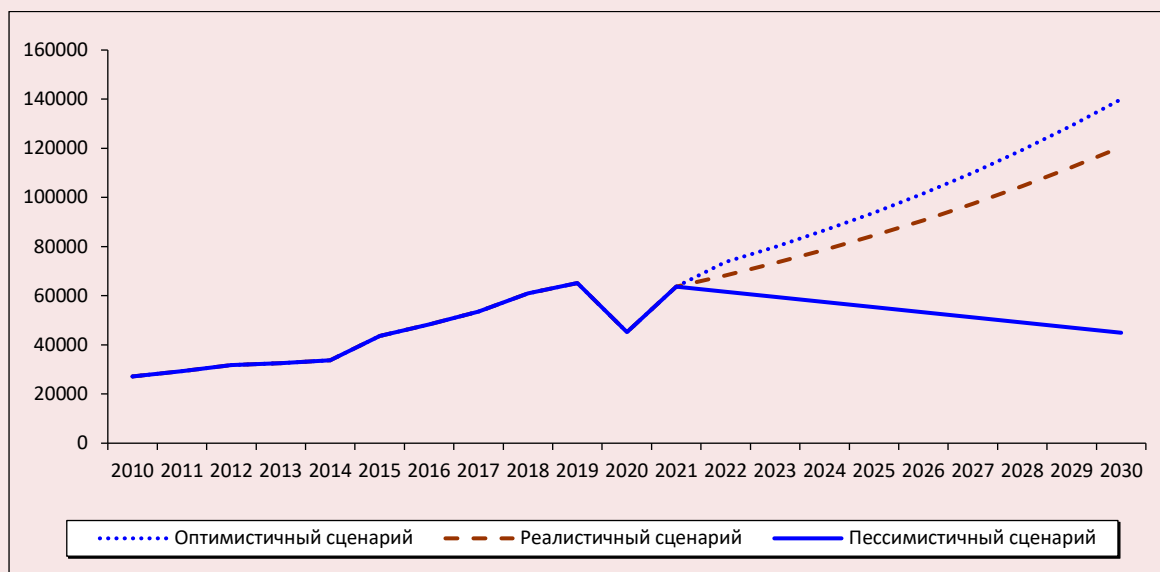
требление в стране. Достижение показателей развития внутреннего туризма, заданных в стратегических документах, требует разработки прогнозных сценариев изменения объема внутреннего туристского потребления и оценки влияния этих процессов на экономику страны.

Оценка эффектов от стимулирования внутреннего туристского потребления

Сравнительные результаты прогнозирования объемов внутреннего туристского потребления согласно трем предложенным сценариям представлены на *рисунке 6*.

Оптимистичный сценарий учитывает заложенные в национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» ориентиры и предполагает повышение показателя в 2,1 раза от уровня 2019 года, вызванное ростом спроса на путешествия в связи с реализацией инфра-

Рис. 6. Прогноз числа внутренних туристических поездок с 2022 по 2030 год в зависимости от сценария развития, тыс. чел.

Источник: расчеты авторов.

¹⁸ Сидорихина И. «Не нужен нам берег турецкий» // Эксперт. URL: <https://expert.ru/2023/01/25/ne-nuzhen-nam-bereg-turetskiy/>

¹⁹ Ростуризм: в речные круизы в 2022 году отправятся 700 тыс. туристов. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/59671.html>

²⁰ Кешбэк на речные круизы тоже может завершиться досрочно. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/59350.html>

²¹ Оборот рынка речных круизов России в 2022 году увеличился на 30% — до 25 млрд рублей. URL: <https://portnews.ru/news/341680/>

структурных проектов, увеличением доходов граждан, улучшением транспортной доступности туристических маршрутов и т. п.

Реалистичный сценарий основан на том, что частота поездок будет оставаться на уровне, демонстрируемом в 2010–2021 гг. Этот вариант не предполагает активного стимулирования внутреннего туристского потребления. Он характеризует медленное развитие туристской индустрии и отсутствие дополнительных финансовых возможностей населения для роста трат средств на отдых.

Реализация пессимистичного сценария предусматривает спад туристической активности, отмеченной в 2020 году. Он иллюстрирует «выживание» отрасли, стагнацию или дальнейший спад доходов россиян, сокращение финансирования туризма вследствие переориентации государства на другие, более значимые проекты.

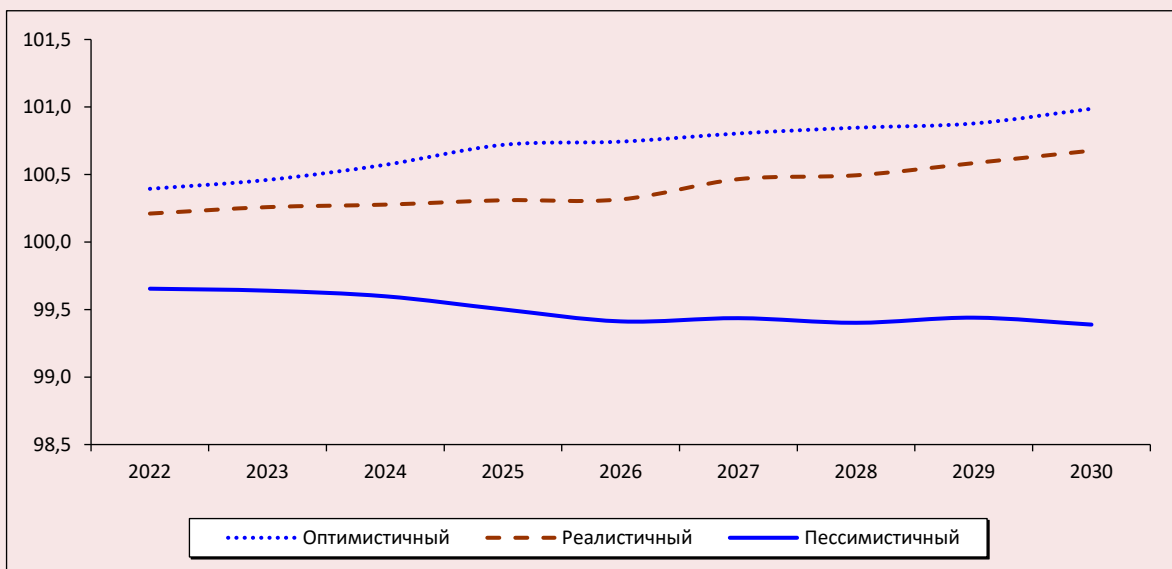
Использование межотраслевого моделирования дало возможность рассчитать эффект для экономики страны при реализации трех различных сценариев изменения объема внутреннего туристского потребления (рис. 7).

Расчеты, проведенные на основе сформированной межотраслевой модели российской экономики с учетом мультипликативных эффектов, генерируемых туристской отраслью, позволили определить значимость стимулирования поездок граждан по стране. При наступлении условий для реализации пессимистичного сценария валовой выпуск продукции будет сокращаться в среднем на 0,5% ежегодно.

В то же время активное развитие туризма в рамках оптимистичного сценария даст экономике дополнительный прирост объема выпуска валовой продукции на 0,7% в год. Это почти вдвое больше, чем при сохранении существующих темпов потребления в рамках реалистичного сценария.

Таким образом, использование методологии межотраслевого баланса помогло выполнить сценарное моделирование изменения объема внутреннего туристского потребления и оценить его влияние на российскую экономику. Результаты расчетов доказывают значимость политики по увеличению расходов населения на отдых, обеспечивающих положительную экономическую динамику.

Рис. 7. Прогноз темпов изменения объема выпуска в российской экономике в зависимости от изменения объема внутреннего туристского потребления, % к предыдущему году

Источник: расчеты авторов.

На важность продолжения стимулирования внутреннего туристского потребления указывают представители туристического бизнеса. Так, по оценкам экспертов, отмена стимулирования программы субсидирования туров по стране приведет к снижению объема турпотока в межсезонье на 10–15%, сильнее всего ударив по Краснодарскому краю и Подмосковию²². Согласно данным Ассоциации туроператоров России, в 2023 году рост цен на отдых в России составит от 5 до 20%, что вызвано в основном повышением стоимости услуг сектора транспортных перевозок²³. По результатам социологического исследования компании Ipsos, в 2023 году из общего количества респондентов, отказывающихся от путешествий, доля тех, кто не планирует поездки именно по причине дороговизны, составила 59% (для сравнения: в 2022 году 47%, а в 2020-м – 37%)²⁴. Таким образом, вклад внутреннего туризма в экономику страны в ближайшей перспективе может уменьшиться, что требует разработки дополнительных мер по поддержке спроса на туры по России.

Выводы

На основе результатов проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Полученные значения эффектов для экономики от роста внутреннего потребления туристических услуг обуславливают значимость наращивания туристического потока внутри страны.

2. Перспективным является продолжение политики по субсидированию туристических поездок внутри страны, обеспечивающей рост внутреннего туристского потребления.

3. Для достижения двукратного роста числа туристических поездок по стране к 2030 году требуются значительные усилия государства, направленные на стимулирование внутренне-

го туризма. Анализ показал, что более половины россиян на протяжении последних лет не совершали поездки большей частью по причине отсутствия средств на эти цели. Представляется, что в настоящее время предпринимаемые усилия по активизации внутренних турпоездки со стороны спроса (кешбэк, субсидирование программ внутренних коммерческих чартерных воздушных перевозок пассажиров) хотя и способствуют росту продаж туров по стране и открытию для туристов новых направлений, но в большей степени выполняют функции поддержки отрасли в кризисные времена. Они привлекают к путешествиям внутри страны ту часть населения, которая совершала турпоездки и ранее, в том числе за границу. В связи с этим целесообразно расширить меры стимулирования турпоездки по стране, направленные, в первую очередь, на увеличение доли путешествующих среди малоодоходных групп населения. Так, «разрыв в расходах на отдых между десятой и первой децильными группами составляет 35 раз» (Широв, Потапенко, 2020), что заметно ограничивает возможности части населения в потреблении туристических услуг. Требуется существенное снижение уровня дифференциации доходов. При наступлении благоприятных условий для развития выездного туризма возможно сокращение объема потребления туристических услуг внутри страны вследствие переориентации более обеспеченной части населения на выездные направления, ранее заменявшиеся отдыхом в России.

Также необходимо пересмотреть методику подсчета объема внутреннего турпотока, который в настоящее время характеризует частоту пользования гостиничными услугами. Неучтенным остается неорганизованный турпоток.

В связи с этим возможна адаптация к российским условиям методологии спутникового учета туризма либо проведение масштабных статистических исследований по изучению потребления домашними хозяйствами туристических услуг, уточнению структуры их расходов на туризм, учету внутренних турпотоков, определению объема выпуска продукции, генерируемой внутренним туризмом, без привязки

²² Докатались: туристический и детский кешбэки не вернутся в 2023 году. URL: <https://iz.ru/1470720/anastasiia-platonova/dokatalis-turisticheskii-i-detskii-keshbeki-ne-vernutsia-v-2023-godu>

²³ АТОР: россияне в 2023 году стали больше тратить на турпоездки. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/96330/>

²⁴ Исследование: пляжный отдых как вид туризма в 2023 году наиболее популярен у москвичей. URL: <https://www.atorus.ru/node/51753>

к месту регистрации предприятий. В качестве альтернативных вариантов для анализа туристической активности внутри страны можно использовать Big data, отражающие «портрет» туриста на основе транзакций банковских карт либо геоданных сим-карт. В настоящее время такие сервисы уже используются в некоторых российских регионах и положительно себя зарекомендовали, помогая оценить популярность территорий, количество и траты их жителей и гостей.

Реализация указанных направлений позволит уточнить объем реализации туристических услуг, потребляемых жителями внутри страны, что способствует росту доходности отрасли и, учитывая ее мультипликативный эффект, экономики в целом.

Научная значимость проведенного исследования заключается в развитии методологии межотраслевого моделирования эффектов для экономики от роста спроса на товары и услуги внутреннего туризма, а также в обосновании путей его развития с учетом протекающих современных социально-экономических процессов. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных результатов органами власти для большего понимания текущего положения в сфере туризма и разработки ее стратегических приоритетов. Следующий этап работ будет включать исследование влияния на внутреннее туристское потребление инфраструктурных туристических проектов и определение факторов, способствующих его наращиванию.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2022). Социально-экономическое развитие регионов России в условиях новых санкций // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2. С. 10–22.
- Донскова Л.И., Баранников А.Л., Маковецкий М.Ю. (2022). Состояние внутреннего туризма в России в современный период: количественный и качественный анализ // Вестник академии знаний. № 52 (5). С. 127–136.
- Зюляев Н.А. (2017). Эконометрический анализ спроса россиян на внутренний туризм // Российское предпринимательство. Т. 18. № 4. С. 461–470. DOI: 10.18334/rp.18.4.37538
- Иванов И.А., Васильева Т.В., Красильникова И.Н., Манаков А.Г. (2022). Внутренний туризм в муниципальных образованиях СЗФО: статистические оценки и влияние пандемии COVID-19 // Известия Русского географического общества. Т. 154. № 5-6. С. 59–72. DOI: 10.31857/S0869607122050044
- Кривошеева Т.М. (2020). Государственная политика Российской Федерации в сфере туризма: совершенствование и расширение инструментария // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. Т. 14. № 1. С. 24–34. DOI: 10.24411/1995-0411-2020-10103
- Кувалин Д.Б. (2022). Российская экономика в условиях жестких внешних санкций: проблемы, риски и возможности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 79–93. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.4
- Леонидова Е.Г. (2021). Туризм в России в условиях COVID-19: оценка экономического эффекта от стимулирования спроса для страны и регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 59–74. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.4
- Леонидова Е. Г. (2022). Приоритеты и угрозы развития регионального туризма // Регионоведение. Т. 30. № 3. С. 624–646. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646>
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2019). Структурные изменения экономики: поиск отраслевых драйверов роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 166–181. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.9
- Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2023). Оценка и прогноз внутреннего туристического потребления в России // Проблемы прогнозирования. № 1 (196). С. 193–205. DOI: 10.47711/0868-6351-196-193-205
- Лобан И.И., Шепелевич С.Н. (2015). Сателлитный счет по туризму: история развития и внедрения в Республике Беларусь // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. № 3. С. 32–38.
- Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2018). Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8

- Николенко П.Г., Терехов А.М. (2022). Анализ состояния туристской отрасли в России и направления ее развития. *Статистика и Экономика*. № 19 (4). С. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-4-57-70>
- Симонян Г.А., Сарян А.А. (2022). Стратегические цели и задачи развития внутреннего туризма в новых условиях // *Современная научная мысль*. № 6. С. 266–273. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-273-277
- Широв А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В. (2022). Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.2
- Широв А.А., Потапенко В.В. (2020). Парадокс российского потребления // *ЭКО*. № 6. С. 8–25. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-6-8-25
- Arbulú I., Razumova M., Rey-Maqueira J., Sastre F. (2021). Can domestic tourism relieve the COVID-19 tourist industry crisis? The case of Spain *Journal of Destination Marketing and Management. Journal of Destination Marketing & Management*, 20 100568.
- Artal-Tur A., Navarro-Azorin J.M., Ramos-Parreño J.M. (2020). Measuring the economic contribution of tourism to destinations within an input-output framework: Some methodological issues. *Portuguese Economic Journal*, 19(3), 243–265 DOI: 10.1007/s10258-019-00167-y
- Athanasopoulos G., Hyndman R.J., Song H., Wu D.C. (2011). The tourism forecasting competition. *International Journal of Forecasting*, 27(3), 822–844. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2010.04.009
- Balaguer J., Cantavella-Jordá M. (2002). Tourism as a long-run economic growth factor: The Spanish Case. *Applied Economics*, 34(7), 877–884.
- Baretje R., Defert P. (1973). Aspects économiques du Tourisme. *Revue de Géographie Alpine*, 61-2, 319–320.
- Canh N.P., Thanh S.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Duro J.A., Perez-Laborda A., Fernandez M. (2022). Territorial tourism resilience in the COVID-19 summer. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3(1). DOI: 10.1016/j.annale.2022.100039
- Gosling S., Scott S., Hall M. (2021). Pandemics, tourism, and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20.
- Hall C. M. (2015). On the mobility of tourism mobilities. *Current Issues in Tourism*, 18(1), 7–10. DOI: 10.1080/13683500.2014.971719
- Kreiner N.C., Ram Y. (2021). National tourism strategies during the COVID-19 pandemic. *Annals of Tourism Research*, 89, 103076.
- Kronenberg K., Fuchs M., Lexhagen M. (2018). A multi-period perspective on tourism's economic contribution – a regional input-output analysis for Sweden. *Tourism Review*, 73(1), 94–110. DOI: 10.1108/TR-03-2017-0044
- Lee C.G. (2021). Tourism-led growth hypothesis: International tourism versus domestic tourism-evidence from China. *International Journal of Tourism Research*, 23(5), 881–890. DOI: 10.1002/jtr.2450
- Li L., Li J., Tang L., Wang Sh. (2019). Balancing tourism's economic benefit and CO2 emissions: An insight from input-output and tourism satellite account analysis. *Sustainability*, 11(4), 1052. DOI: 10.3390/su11041052
- Leonidova E., Lukin E., Uskova T. (2022). Assessing Impact of COVID-19 on the Russian tourism sector and its development scenarios in the context of value chains transformation. *Ateliê Geográfico*, 16(1), 6–23.
- Liu A. (2022). Impact of tourism on regional economic growth: A global value chain perspective. *Asian Development Bank Economics Working Paper Series*, 646. DOI: 10.2139/ssrn.4019859. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4019859>
- McKinnon R. (1964). Foreign exchange constraints in economic development and efficient aid allocation. *Economic Journal*, 74, 388–409.
- Nguyen C.P., Su T.D. (2020). Domestic tourism spending and economic vulnerability. *Annals of Tourism Research*, 85, 103063. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103063
- Nguyen H.Q., Luigi P., Remoaldo P. (2021). Elasticity of tourism demand by income and price: Evidence from domestic tourism of countries in ASEAN. *Cogent Social Sciences*, 7(1). DOI: 10.1080/23311886.2021.1996918
- Patandianan M.V., Shibusawa H. (2020). Evaluating the spatial spillover effects of tourism demand in Shizuoka prefecture, Japan: An inter-regional input-output model. *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 4, 73–90. DOI: 10.1007/S41685-019-00111-0

- Raza S.A., Shah N., Kumar R.R., Alam M.S. (2023). Tourism growth, income inequality and the dependence between their quantiles: Evidence from quantile on quantile approach. In: Okumus F., Rasoolimanesh S.M., Jahani S. (Eds.). *Cutting Edge Research Methods in Hospitality and Tourism*, Emerald Publishing Limited, Bingley. DOI: 10.1108/978-1-80455-063-220231006
- Rogerson C.M., Rogerson J.M. (2021). COVID-19 and changing tourism demand: Research review and policy implications for South Africa. *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*, 10(1), 1–21. DOI: 10.46222/ajhtl.19770720-83
- Schubert F.S., Brida J.G., Risso W.A. (2011). The impacts of international tourism demand on economic growth of small economies dependent of tourism. *Tour Manag*, 32(2), 377–385.
- Tohmo T. (2018). The economic impact of tourism in Central Finland: A regional input-output study. *Tourism Review*, 73(4), 521–547. DOI: 10.1108/TR-04-2017-0080
- UNWTO Briefing Note – *Tourism and COVID-19, Issue 3. Understanding Domestic Tourism and Seizing Its Opportunities*. (2020). Madrid: UNWTO. DOI: 10.18111/9789284422111
- Woyo E. (2021). The sustainability of using domestic tourism as a post-COVID-19 recovery strategy in a distressed destination. In: Wörndl W., Koo C., Stienmetz J.L. (Eds.). *Information and Communication Technologies in Tourism 2021*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-65785-7_46
- Wu D.C., Cao C., Liu W., Chen J.L. (2022). Impact of domestic tourism on economy under COVID-19: The perspective of tourism satellite accounts. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, 3(2), 100055. DOI: 10.1016/j.annale.2022.100055

Сведения об авторах

Екатерина Георгиевна Леонидова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Никита Михайлович Румянцев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rummyanik.95@gmail.com)

Leonidova E.G., Rummyantsev N.M.

Scenario Modeling of Tourism Services Consumption in Russia

Abstract. Given the unstable geopolitical situation associated with the impact of economic sanctions imposed by Western countries, it is extremely important for Russia to ensure its own steady development pace. Saturating the domestic market with Russian-made high-quality goods and services, and promoting consumption that has declined because people significantly reduced spending due to rising prices, are becoming relevant goals. The task of stimulating domestic consumer demand determines the framework of development of the Russian economy in the near future. To address the issue, Russia possesses a great potential for the formation of new growth points. One of them is tourism, whose high multiplicative effect allows us to consider it as an economic driver. The main priorities for the development of the Russian tourism industry by 2030 are reflected in the national project “Tourism and the hospitality industry”. In the context of economic uncertainty, there is an increasing need to improve the quality of management decisions in the tourism sector. In this regard, the purpose of the work is to develop forecasting tools for scenario modeling and assessment of economic effects obtained due to changes in the volume of domestic tourist consumption. Scientific novelty of the research lies in the development of input-output modeling methodology to determine the economic effects provided by the growth of demand for domestic tourism services. The results of the study have shown that active development of tourism under the optimistic scenario will provide an almost twofold increase in the volume of gross output annually in comparison with the existing rates of tourist services consumption. We use general scientific methods

of analysis, synthesis, comparison, generalization, and tools based on input-output methodology. The information base includes the works of domestic and foreign scientists involved in stimulating domestic tourist consumption, scenario modeling and forecasting of the economy, as well as information from state statistics bodies and World Bank data.

Key words: domestic tourist consumption, tourism, domestic tourism, scenario modeling, final consumption, domestic demand.

Information about the Authors

Ekaterina G. Leonidova – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Nikita M. Rumyantsev – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com)

Статья поступила 01.02.2023.

Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России

Светлана Григорьевна

ПЬЯНКОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: silen_06@list.ru

ORCID: 0000-0002-7072-9871; ResearcherID: H-5682-2018

Михаил Анатольевич

КОМБАРОВ

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: mikhail.kombarov@list.ru

ORCID: 0000-0002-6194-7762

Аннотация. Российская Федерация, согласно ряду стратегических документов, характеризуется высокой гетерогенностью экономического пространства, одним из способов ослабления которой, по мнению отечественных и зарубежных учёных, является усиление фискальной децентрализации. Исследование призвано установить, позволит ли применение этого способа в России добиться желаемого результата. Получить ответ на этот вопрос возможно путём проведения регрессионного анализа зависимости масштабов гетерогенности экономического пространства от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне. В ходе исследования авторами был разработан новый метод количественной оценки уровня гетерогенности экономического пространства территории, требующий построения фигуры в прямоугольной системе координат и нахождения её площади. Преимущество этого метода для оценки масшта-

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2023). Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.3

For citation: Pyankova S.G., Kombarov M.A. (2023). Strengthening fiscal decentralization to reduce the heterogeneity of Russia's economic space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 52–68. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.3

бов гетерогенности экономического пространства России заключается в том, что он позволяет одновременно учесть оба важнейших показателя – объём ВРП и объём ВРП на душу населения, в отношении которых ведутся активные дискуссии – какой из них является числовым индикатором уровня экономического развития региона. Оценив масштабы гетерогенности экономического пространства России с помощью разработанного метода за период с 2000 по 2021 год, авторы пришли к выводу, что усиление фискальной децентрализации позволит ослабить гетерогенность экономического пространства России. В частности, снижение степени концентрации бюджетных расходов на федеральном уровне на 1% может повлечь за собой ослабление гетерогенности на 12,6%. На основе этого вывода предложены пути уменьшения доли расходов федерального бюджета в общем объёме расходной части консолидированного бюджета.

Ключевые слова: гетерогенность экономического пространства, геометрический метод оценки, концентрация бюджетных расходов, федеральный уровень, фискальная децентрализация.

Введение

Согласно п. 20 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, имеющиеся в России социально-экономические проблемы побуждают недружественные страны вводить против неё различные санкции. Одной из таких проблем, в соответствии с пп. 24 п. 12 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208, выступает высокая гетерогенность экономического пространства, чем и объясняется актуальность темы исследования.

Цель работы заключается в определении, позволит ли усиление фискальной децентрализации ослабить гетерогенность экономического пространства России. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

а) рассмотреть мнения учёных относительно гетерогенности экономического пространства России в целом и усиления фискальной децентрализации как способа снижения её масштабов в частности;

б) проанализировать зависимость масштабов гетерогенности от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне;

в) предложить возможные направления усиления фискальной децентрализации в стране.

Рабочей гипотезой исследования выступает гипотеза о том, что ослабить гетерогенность экономического пространства России позволит усиление фискальной децентрализации, т. е. снижение доли доходов и расходов федерального бюджета в общем объёме доходов и расходов консолидированного бюджета.

Обзор литературы

Под гетерогенностью экономического пространства понимается присущая любой экономической системе (стране, региону и т. д.) особенность, состоящая в том, что каждая входящая в состав системы административно-территориальная единица (далее – АТЕ) характеризуется индивидуальным уровнем развития экономики. Данная особенность уже почти 200 лет находится под пристальным вниманием учёных, которых можно разделить на три группы: а) рассматривающие причины, в силу которых экономическое пространство каждой страны и её регионов гетерогенно; б) исследующие влияние указанного фактора на экономическое развитие страны (региона); в) рассматривающие взаимоотношения между федеральными, региональными и местными органами власти той или иной страны в условиях гетерогенности экономического пространства. Главным представителем первой группы является немецкий экономист И. фон Тюнен. На примере так называемого «изолированного государства», экономика которого является абсолютно унифицированной экономикой закрытого типа и представлена сельским хозяйством, он показал, что АТЕ той или иной страны и её регионов дифференцированы по уровню экономического развития вследствие того, что наиболее выгодная экономическая специализация для каждой из них индивидуальна. Так, для одной максимальную прибыль способно принести садоводство, для другой – лесное хозяйство, для третьей – молочное животноводство и т. д. (Thünen, 1910).

Одним из первых экономистов, рассмотревших последствия гетерогенности экономического пространства страны и её регионов для состояния соответствующей экономической системы, стал шведский учёный Г. Мюрдаль. Согласно его выводам, гетерогенность экономического пространства усиливается с течением времени, поскольку АТЕ, первоначально являющиеся более развитыми, выступают аттракторами для ресурсов менее развитых АТЕ (Myrdal, 1957). В результате нарушается целостность и единство экономического пространства страны (региона), что замедляет развитие экономической системы. Несколько иное мнение высказал А. Хиршман. Проявляя интерес к такой экономической категории, как конкуренция, он определил, что у каждой отстающей АТЕ имеются потенциальные резервы, мобилизуя которые, они вступают в конкурентную борьбу с более успешными АТЕ, способствующую экономическому развитию соответствующей страны и её регионов (Hirshman, 1958). Подобная конкурентная борьба имела место, например, в США в XX – начале XXI века. Так, в 1930 году, когда экономика США переживала глубокий кризис, удельный вес таких её географических регионов, как Северо-Восток и Средний Запад, в объёме ВВП составлял 39,4 и 31,3% соответственно, в то время как на долю Юга и Запада приходилось 17,1 и 11,2% соответственно, а к 2018 году, когда страна обрела статус мировой экономической державы, доли последних двух регионов увеличились до 33,2 и 25,3% соответственно, в результате чего доли Северо-Востока и Среднего Запада снизились до 20,7 и 19,7% соответственно (Khan, Siddique, 2021).

Логическим продолжением теории А. Хиршмана стала теория полюсов роста. К числу ее авторов относятся французские экономисты Ф. Перру и П. Потье. В соответствии с ней одним из ключевых потенциальных резервов отстающих АТЕ выступает развитие транспортной инфраструктуры, поскольку через их территорию осуществляется движение товаров между развитыми АТЕ, именуемыми в данной теории полюсами роста (Perroux, 1961; Pottier, 1963). Согласно результатам недавних исследований, увеличение грузопотока автомобильным транспортом в том или ином регионе России

на 1 млн тонн приводит к росту объёма ВРП в среднем на 47,6 млн рублей (Катаева, 2013).

Для того чтобы отстающие АТЕ могли успешно реализовать все свои потенциальные резервы, требуется грамотное построение взаимоотношений между федеральными, региональными и местными органами власти, являющимися объектом внимания представителей третьей группы учёных. Одним из видов таких взаимоотношений является фискальная децентрализация, преимущества и недостатки которой активно обсуждаются в научных кругах.

О достоинствах фискальной децентрализации говорили, например, Ч. Тибу, Я. Брюкнер, Н. Акай, М. Саката, Д. Кантареро, П.П. Гонсалес, А.О. Юшков, Н.Ю. Одинг, Л.И. Савулькин, М.А. Печенская-Полищук. Также это отмечалось в наших исследованиях. Ч. Тибу, в частности, заявил о богатом практическом опыте использования фискальной децентрализации, подчеркивая, что расходы бюджетов регионального и местного уровней зачастую оказываются выше расходов федерального бюджета, а их структура определяется желанием населения соответствующей АТЕ. Кроме того, многие блага, притягивающие население, например школы, дороги, парковки и др., создаются за счёт средств региональных и местных бюджетов. Следовательно, отсутствие у того или иного региона или муниципалитета средств, необходимых для создания благ, которое может иметь место в случае отказа от фискальной децентрализации, приведёт к оттоку населения из него (Tiebout, 1956).

Н. Акай, М. Саката, Д. Кантареро, П.П. Гонсалес, Я. Брюкнер проводили исследования, направленные на установление наличия и характера влияния фискальной децентрализации на экономический рост страны и её АТЕ. Так, Н. Акай и М. Саката пришли к выводу о положительном воздействии фискальной децентрализации на экономический рост штатов США (Akai, Sakata, 2002), Д. Кантареро и П.П. Гонсалес – на экономический рост регионов Испании (Cantarero, Gonzalez, 2009), а Я. Брюкнер – на экономический рост гипотетической страны, где всё население делится на два поколения – молодых и пожилых людей, и последние должны получать общественное благо на более высоком уровне (Brueckner, 2006).

Нами было установлено, что усиление фискальной децентрализации в России позволит увеличить объём ВРП образующих её регионов и объём реального ВВП страны (Pyankova, Kombarov, 2023), динамика которого есть не что иное, как темпы экономического роста.

А.О. Юшков, Н.Ю. Одинг и Л.И. Савулькин рассматривали три возможных уровня усиления фискальной децентрализации в России: консервативный, умеренный и оптимальный. На консервативном уровне они предлагают передать бюджетам регионов налоговые поступления от акцизов на табачные изделия по нормативу 50% и на алкогольную продукцию с объёмной долей этилового спирта свыше 9% по нормативу 100%, на умеренном — в дополнение к этим акцизам поступления от налога на прибыль организаций, исчисленного по ставке 3%, т. е. федеральную компоненту данного налога, по нормативу 100%, а на оптимальном — налоги, передаваемые на умеренном уровне, а также 30% НДС на нефть за исключением бюджета ХМАО — Югры. Согласно подсчётам, проведённым исследователями, при усилении фискальной децентрализации до оптимального уровня объём дополнительных доходов региональных бюджетов более чем в 2,5 раза превысит объём выпадающих из федерального бюджета средств (Юшков и др., 2017).

По мнению М.А. Печенской-Полищук, усиление фискальной децентрализации в России позволит элиминировать имеющую место в настоящее время негативную тенденцию, связанную с колоссальным оттоком из бюджетов регионального и местного уровней собираемых налоговых доходов, а следовательно, повысить заинтересованность региональных и местных органов власти в экономическом развитии соответствующих АТЕ. В качестве примера этой тенденции исследователь приводит ситуацию, складывающуюся в одном из городов Ленинградской области, Пикалёво, в бюджете которого остаётся лишь 9% от общей суммы собираемых налогов (Печенская-Полищук, 2021).

Недостатки усиления фискальной децентрализации рассматривали Х. Мартинес-Васкес и Р. Макнаб. Они пришли к выводу о том, что применение этого способа поддержки отстающих АТЕ создаёт благоприятную среду для развития коррупции (Martinez-Vazquez, McNab, 1997).

Обобщая рассмотренные мнения учёных, можно констатировать, что гетерогенность экономического пространства какой-либо страны и её регионов способна оказать как положительное, так и отрицательное влияние на развитие соответствующей экономической системы в зависимости от степени выраженности данного фактора. Так, при низком уровне гетерогенности, когда все отстающие АТЕ мобилизовали свои потенциальные резервы, это влияние положительное, а при высоком, характерном для России — отрицательное. Одним из способов снижения масштабов гетерогенности экономического пространства выступает усиление фискальной децентрализации. О целесообразности и возможных направлениях его использования в России будет сказано ниже.

Материалы и методы

На первом этапе исследования необходимо провести количественную оценку гетерогенности экономического пространства России. В настоящее время для осуществления такой оценки ученые применяют несколько различных показателей. К наиболее распространённым относятся коэффициент разрыва полярных значений (Лаврикова, Суворова, 2020; Маньшин, Моисеева, 2022), индекс Тейла (Морошкина, 2018; Khan, Siddique, 2021) и коэффициент вариации (Туровский, Джаватова, 2019). Отметив их недостатки в одной из предыдущих работ, мы оценили гетерогенность экономического пространства России при помощи иного показателя, названного индексом Светунькова (Пьянкова, Комбаров, 2022). Его применение требует информации о количестве АТЕ, образующих экономическую систему, и об уровне экономического развития каждой из них. Если с первым параметром всё предельно просто, то вторым могут возникнуть определённые сложности, т. к. в научных кругах ведутся активные дискуссии касательно того, какой именно показатель является его числовым индикатором — номинальный объём ВРП или объём ВРП на душу населения. Например, А.К. Губанова полагает, что таковым выступает номинальный объём ВРП, поскольку объём ВРП на душу населения может не отражать истинного положения дел в силу малочисленности отдельных АТЕ (Губанова, 2019). Схожей позиции придерживаются П.А. Булочников и К.Б. Смир-

нов (Булочников, Смирнов, 2019). По мнению других исследователей, в частности, А.Г. Гранберга¹, Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2009), Т.В. Усковой (Ускова, 2018) и т. д., на уровень экономического развития той или иной АТЕ указывает объём ВРП на душу населения. В связи с этим представляется весьма целесообразным оценивать гетерогенность экономического пространства России с помощью методов, позволяющих учесть оба параметра одновременно.

В ходе исследования оценка будет проведена с помощью метода, который можно назвать геометрическим методом оценки гетерогенности экономического пространства страны и её регионов, являющегося разработкой авторов. На первом этапе необходимо построить в прямоугольной системе координат точечную диаграмму уровня экономического развития АТЕ, образующих экономическую систему, гетерогенность пространства которой оценивается, откладывая по оси абсцисс значения показателя, являющегося валидным измерителем этого уровня, в номинальном выражении, а по оси ординат — его значения в расчёте на душу населения. На втором этапе по крайним точкам полученной диаграммы следует построить фигуру таким образом, чтобы все остальные точки оказались внутри неё. На заключительном, третьем, этапе необходимо найти площадь этой фигуры (далее — фигуры гетерогенности), которая и будет количественной мерой гетерогенности оцениваемого экономического пространства. В случае если полученная фигура окажется отличной от основных геометрических фигур, для нахождения площади потребуется разбить её на несколько таковых фигур. Так, если фигура гетерогенности будет разбита на несколько треугольников, то формула для определения её площади приобретёт следующий вид:

$$S_{hg} = \sum S_{\Delta}, \quad (1)$$

где:

S_{hg} — площадь фигуры гетерогенности;

S_{Δ} — площадь треугольников, образующих фигуру гетерогенности.

В свою очередь площадь треугольника, помещённого в прямоугольную систему координат, рассчитывается следующим образом:

$$S_{\Delta} = \frac{|(x_2 - x_1)(y_3 - y_1) - (x_3 - x_1)(y_2 - y_1)|}{2}, \quad (2)$$

где:

$x_1, y_1; x_2, y_2; x_3, y_3$ — координаты вершин треугольника.

Недостаток геометрического метода оценки гетерогенности экономического пространства страны и её регионов заключается в том, что его невозможно использовать, когда показатели изменяются строго пропорционально, поскольку в этом случае описанная выше диаграмма будет представлять собой прямую линию. Однако в силу того что подобная ситуация на практике маловероятна, такой недостаток нельзя признать существенным и умаляющим главное достоинство метода, заключающееся в учёте обоих показателей, используемых представителями научных кругов в качестве числовых индикаторов уровня экономического развития АТЕ, образующих ту или иную экономическую систему.

Информация, необходимая для проведения оценки гетерогенности экономического пространства России геометрическим методом, представлена на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики². После оценки гетерогенности пространства за период с 2000 по 2021 год³ возможно провести регрессионный анализ зависимости данной величины от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне, являющейся количественным измерителем текущего уровня фискальной децентрализации, т. е. её снижение указывает на усиление фискальной децентрализации и наоборот. Рассчитывается эта степень как доля доходов и расходов федерального бюджета в общем объёме расходной части консолидированного бюджета (далее — $d_{\text{дох. фед.}}$ и $d_{\text{расх. фед.}}$ соответственно) на основе информации, представленной на официальном сайте Министерства финансов Россий-

¹ Гранберг А.Г. (2004). Основы региональной экономики: учебник для вузов. 4-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 495 с.

² Национальные счета / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 14.03.2023).

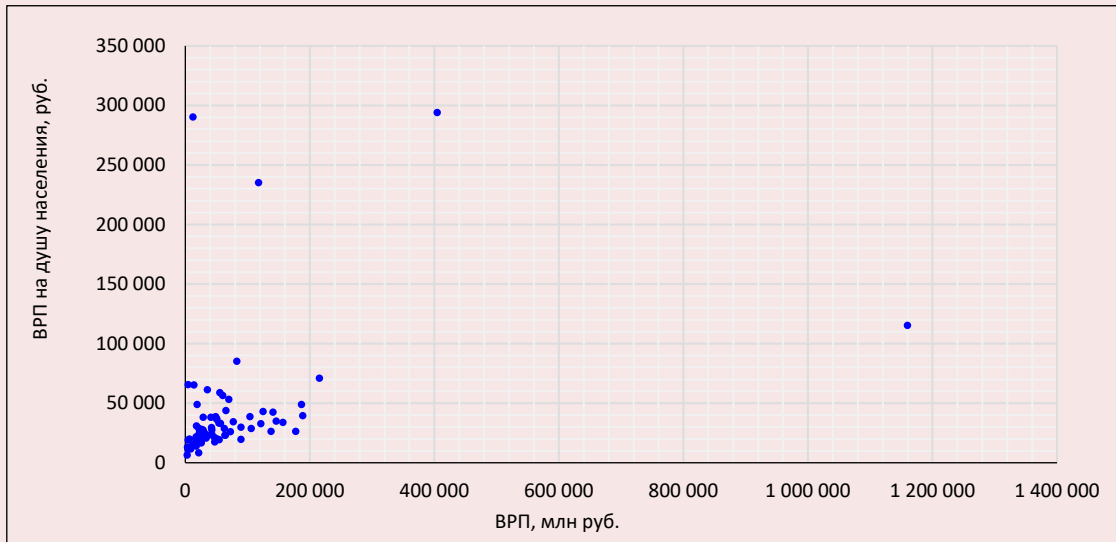
³ Данные за 2021 и 2022 гг. по состоянию на сегодняшний день отсутствуют.

ской Федерации⁴. После завершения анализа, в случае если его результаты покажут необходимость усиления фискальной децентрализации в России, т. е. необходимость снижения $d_{\text{дох. фед.}}$ и $d_{\text{расх. фед.}}$ будет сказано о возможных направлениях реализации такой политики.

Результаты

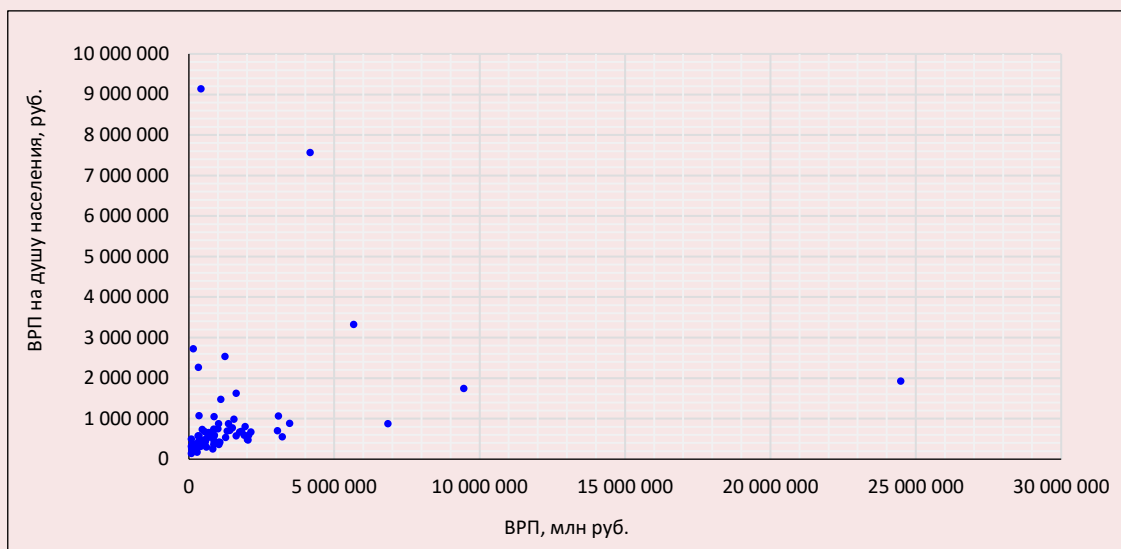
Точечные диаграммы уровня экономического развития российских регионов, построенные на основе данных об объёме ВРП и ВРП на душу населения за 2000 и 2021 гг., представлены на *рисунках 1, 2*.

Рис. 1. Точечная диаграмма уровня экономического развития регионов России за 2000 год

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Точечная диаграмма уровня экономического развития регионов России за 2021 год

Источник: составлено авторами.

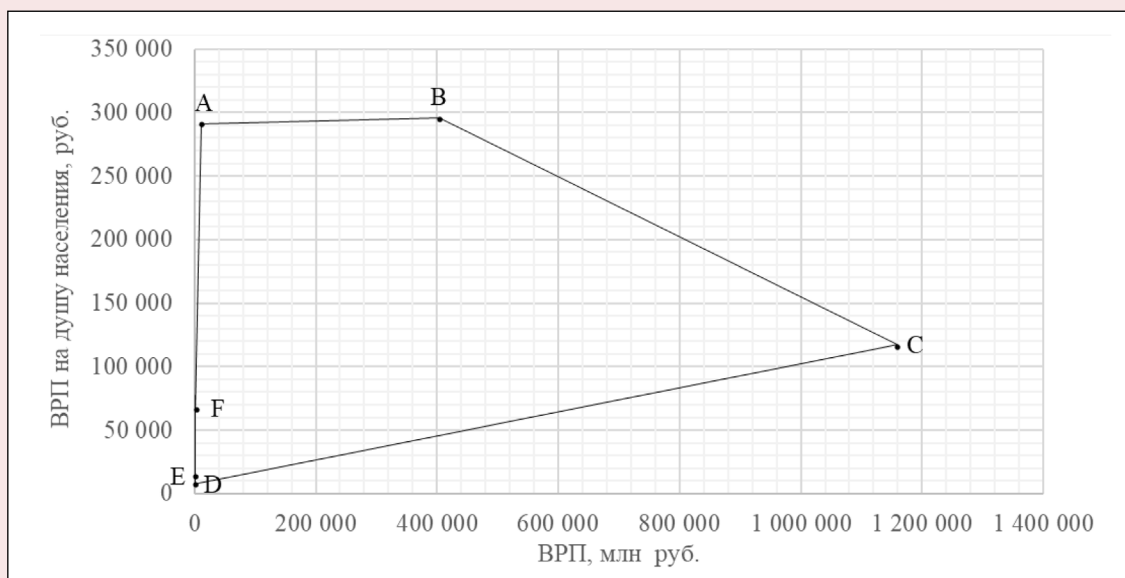
⁴ Минфин России. Статистика. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/> (дата обращения 14.03.2023).

Крайними точками точечной диаграммы уровня экономического развития регионов России за 2000 год выступают такие субъекты, как ХМАО – Югра (субъект с самым высоким объёмом ВРП на душу населения), Москва (субъект с самым высоким объёмом ВРП) и Республика Ингушетия (субъект с самыми низкими значениями обоих показателей). Помимо них, вершинами фигуры гетерогенности экономического пространства России за 2000 год служат точки, обозначающие Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и Республику Алтай, поскольку они находятся вне плоскости, ограниченной линиями, соединяющими крайние точки диаграммы. Спустя 21 год субъектом с самым высоким объёмом ВРП на душу населения стал Ненецкий автономный округ, Москва сохранила свою позицию, а Республика Ингушетия, оставшись субъектом с самым низким объёмом ВРП на душу населения, уступила последнюю строчку в рейтинге российских регионов по объёму ВРП Республике Алтай. Также вершиной фигуры гетерогенности экономического пространства России за 2021 год является точка, обозначающая Чукотский автономный округ.

Сравнивая диаграмму, представленную на рисунке 1, с диаграммой, представленной на рисунке 2, можно выдвинуть гипотезу о том, что гетерогенность экономического пространства России стремительно возрасла на протяжении всего рассматриваемого периода времени. Так, если ордината крайней верхней точки диаграммы за 2000 год не дотягивает до 300 тыс., а абсцисса крайней правой – до 1,2 млн, то у диаграммы за 2021 год эти координаты превышают 9 млн и 24 млн соответственно, в то время как положение крайней нижней и крайней левой точки изменилось несущественно. По данным диаграммам построим фигуры гетерогенности экономического пространства России за 2000 и 2021 гг. (рис. 3, 4).

Фигуры гетерогенности экономического пространства России за 2000 и 2021 гг. представляют собой многоугольники, которые делятся на несколько треугольников. Фигуры за остальные годы рассматриваемого периода имеют схожий вид. Это означает, что расчёт уровня гетерогенности российского экономического пространства за 2000–2021 гг. может быть выполнен с помощью формул (1) и (2). Результаты расчёта представлены в таблице 1,

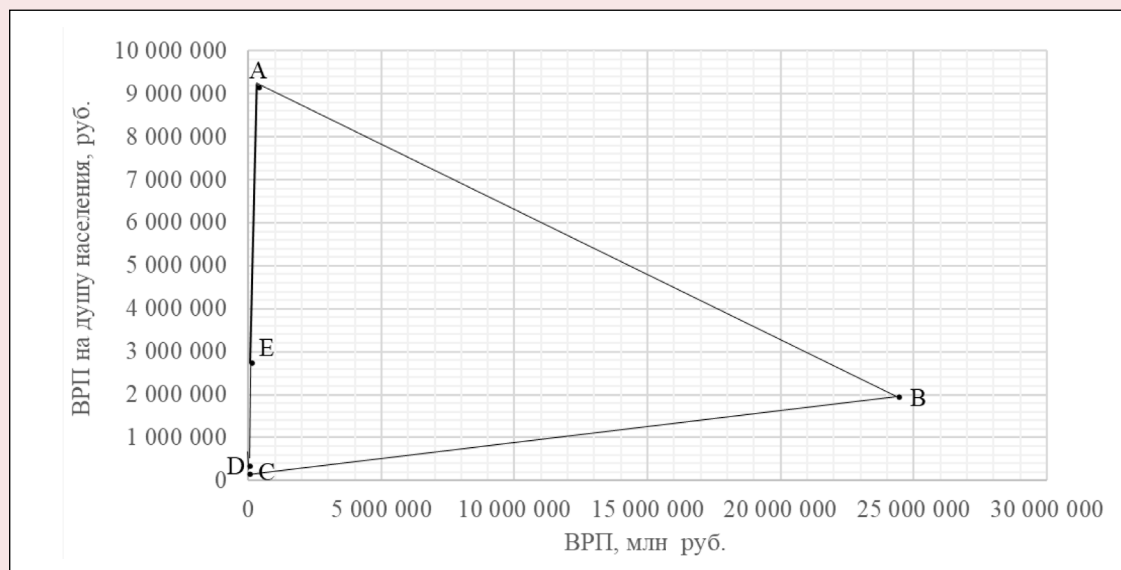
Рис. 3. Фигура гетерогенности экономического пространства России за 2000 год

Примечание: А – Ненецкий автономный округ, В – ХМАО – Югра, С – Москва, D – Республика Ингушетия, E – Республика Алтай, F – Чукотский автономный округ.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Фигура гетерогенности экономического пространства России за 2021 год

Примечание: А – Ненецкий автономный округ, В – Москва, С – Республика Ингушетия, D – Республика Алтай, E – Чукотский автономный округ.

Источник: составлено авторами.

Таблица 1. Гетерогенность экономического пространства России в 2000–2021 гг. и концентрация бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне

Год	Площадь фигуры гетерогенности, у. е.	d _{дох. фед.}	d _{расх. фед.}
2000	200 207 472 785,6	-	-
2001	286 195 545 481,9	-	-
2002	391 926 242 783,4	-	-
2003	663 874 223 570,2	-	-
2004	1 321 832 924 232,2	-	-
2005	2 157 664 354 703,9	-	-
2006	4 138 520 591 900,4	72,64	65,81
2007	7 642 343 349 126,6	70,94	65,56
2008	8 746 822 350 350,4	71,82	67,29
2009	10 810 636 983 849,5	74,80	77,52
2010	14 159 318 223 785,5	76,50	79,25
2011	19 073 420 372 919,5	75,60	74,79
2012	19 190 279 411 460,4	80,61	79,30
2013	23 244 909 026 881,4	79,64	77,14
2014	27 047 402 986 242,6	77,17	75,65
2015	34 383 655 760 012,3	77,26	78,81
2016	43 993 857 597 305,5	73,62	77,29
2017	48 757 126 799 077,8	74,12	75,49
2018	66 956 692 764 222,0	73,64	72,15
2019	72 770 619 359 658,8	72,56	70,52
2020	53 361 858 096 803,4	75,00	76,77
2021	109 664 682 849 975,0	73,80	74,90

Источник: расчёты авторов.

где также приведена необходимая для проведения регрессионного анализа информация о степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что гетерогенность экономического пространства России в течение 2000–2021 гг. демонстрировала стремительный и почти монотонный рост. Это подтверждает выдвинутую гипотезу и согласуется с положениями нормативно-правовых актов, в частности. Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Рассматривая динамику данного показателя более подробно, легко заметить, что наиболее стремительный его рост пришёлся на 2003–2007 гг. и был отмечен по итогам 2021 года. Подобное положение дел может свидетельствовать о том, что наблюдавшийся в течение почти всего первого десятилетия XXI века и в 2021 году подъём российской экономики происходил лишь в части субъектов: Ненецком автономном округе, ХМАО – Югра, ЯНАО, Москве, а также Московской области и Санкт-Петербурге. Небольшая дегетерогенизация экономического пространства России, отмеченная по итогам 2020 года, является следствием таких обстоятельств, как пандемия COVID-19 и снижение объёмов нефтедобычи. Наибольший ущерб от этих обстоятельств понесли шесть вышеперечисленных субъектов, кроме того, предпринятые органами власти антикоронакризисные меры оказали заметное позитивное влияние на экономическое положение отстающих регионов (Фрейхе и др., 2023).

Также из таблицы 1 видно, что при проведении регрессионного анализа зависимости масштабов гетерогенности экономического пространства России от степени concentra-

ции бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне возможно охватить лишь период времени с 2006 по 2021 год, т. к. объём сведений, представленных на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации, не позволяет рассчитать указанную величину за более ранние годы. Результаты этой аналитической процедуры отражены в *таблице 2*.

Как показывают данные таблицы 2, зависимость масштабов гетерогенности экономического пространства России от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне имеет место быть, поскольку коэффициент детерминации R^2 оказался статистически значимым. Что касается коэффициентов при экзогенных переменных, то среди них статистически значимым является только коэффициент при переменной $d_{\text{расх. фед.}}$. Следовательно, масштабы гетерогенности российского экономического пространства могут быть абсолютно неэластичны к изменению степени концентрации бюджетных доходов на федеральном уровне, в то время как изменение степени концентрации бюджетных расходов на указанном уровне на 1% способно повлечь за собой аналогично направленное изменение данных масштабов примерно на 12,6%. Одним из наиболее благоприятных обстоятельств, приводящих к ослаблению концентрации бюджетных расходов на федеральном уровне, служит более быстрый, по сравнению с ростом объёма расходной части федерального бюджета, рост расходов региональных и местных бюджетов. На основании того что для обеспечения такого роста им требуются дополнительные источники доходов, можно констатировать, что России действительно необходимо усиление фискальной децентрализации.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа зависимости масштабов гетерогенности экономического пространства России от $d_{\text{дох. фед.}}$ и $d_{\text{расх. фед.}}$

Зависимая переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)			R^2	Уравнение регрессии
	a	b	c		
Площадь фигуры гетерогенности	$8,8063 \cdot 10^{17}$ ($5,1187 \cdot 10^{11}$)	-14,9942 (9,3421)	$12,5988^{**}$ (5,1838)	0,3196*	$Y = 8,8063 \cdot 10^{17} \cdot X_1^{-14,9942} \cdot X_2^{12,5988}$
Примечания: а) *, ** – значимость на уровне 10% и 5% соответственно (отсутствие звёздочек свидетельствует о статистической незначимости коэффициента); б) X_1 и X_2 в уравнении регрессии – $d_{\text{дох. фед.}}$ и $d_{\text{расх. фед.}}$ соответственно. Источник: составлено авторами.					

Обсуждение

Главной особенностью мер по усилению фискальной децентрализации в России должен стать их выборочный характер. Иными словами, такие меры не следует применять к регионам, за счёт успешного развития которых масштабы гетерогенности российского экономического пространства стремительно растут и которые отчётливо выделяются на точечных диаграммах, представленных на рисунках 1 и 2, а именно к Москве, Московской области, Санкт-Петербургу, Ненецкому, Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам. Точки, обозначающие остальные субъекты, оказались сосредоточены в левом нижнем углу диаграмм, что соответствует крайне низкому по сравнению с показателями вышеуказанных регионов, объёму ВРП и объёму ВРП на душу населения. На эти регионы и должны быть направлены меры по усилению фискальной децентрализации. Что касается конкретных способов проведения такой политики, то важно согласиться с рассмотренным выше мнением А.О. Юшкова, Н.Ю. Одинг и Л.И. Савулькина о том, что на региональный уровень могут быть переданы налоговые поступления от акцизов на табачные изделия по нормативу 50%, на алкогольную продукцию с объёмной долей этилового спирта свыше 9% за исключением продукции, перечисленной в абзаце 9 ст. 50 БК РФ, по нормативу 100%, федеральная компонента налога на прибыль организаций и НДС в виде нефти по нормативу 30% (Юшков и др., 2017).

При этом сценарии усиления фискальной децентрализации должны быть для каждого из регионов индивидуальными. Так, в отношении одних субъектов следует ограничиться консервативным, в то время как к другим необходимо применить оптимальный сценарий.

Установить, какой сценарий усиления фискальной децентрализации должен быть реализован в том или ином субъекте, возможно путём определения степени экономической направленности регионального бюджета и сравнения её с данным параметром федерального бюджета. Под степенью экономической направленности бюджета необходимо понимать объём расходов на национальную экономику, направляемых в среднем с одного рубля его доходов. Важность этого показателя заключается в том, что в современных экономических реалиях, когда Россия испытывает колоссальное санкционное давление, расходы на национальную экономику являются приоритетными расходами её бюджета расширенного правительства, т. к. они позволят реализовать политику импортозамещения, а следовательно, обеспечить стране резильентность к санкционному давлению. Определён этот параметр может быть как коэффициент при экзогенной переменной X в уравнении линейной регрессии, описывающей зависимость указанных расходов того или иного бюджета от объёма его доходной части. Результаты регрессионного анализа такой зависимости, проведённого на основе данных с 2006 по 2021 год, представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа зависимости расходов на национальную экономику федерального бюджета и региональных бюджетов от объёма их доходной части

Зависимая (эндогенная) переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)		R ²	Уравнение регрессии
	a	b		
Расходы федерального бюджета на национальную экономику	-307102311,0487 (306771348,6658)	0,1786*** (0,0212)	0,8354***	$Y = -307102311,0487 + 0,1786X$
Расходы на национальную экономику бюджета:				
Алтайского края	2363979,7665* (1324310,4191)	0,1523*** (0,0156)	0,8716***	$Y = 2363979,7665 + 0,1523X$
Амурской области	-4018616,2082** (1443152,2486)	0,2813*** (0,0261)	0,8922***	$Y = -4018616,2082 + 0,2813X$
Архангельской области	580502,9064 (966733,2461)	0,1390*** (0,0141)	0,8822***	$Y = 580502,9064 + 0,139X$
Астраханской области	-350384,1852 (510045,6042)	0,1477*** (0,0140)	0,8883***	$Y = -350384,1852 + 0,1477X$

Продолжение таблицы 3

Зависимая (эндогенная) переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)		R ²	Уравнение регрессии
	a	b		
Белгородской области	12136508,7941*** (3805052,8991)	0,1458** (0,0493)	0,3849**	Y = 12136508,7941 + 0,1458X
Брянской области	-2055061,6750 (1275824,5719)	0,3188*** (0,0265)	0,9177***	Y = -2055061,6750 + 0,3188X
Владимирской области	1980052,2607* (1000750,2001)	0,1201*** (0,0196)	0,7583***	Y = 1980052,2607 + 0,1201X
Волгоградской области	-375062,2726 (1092120,1176)	0,1959*** (0,0130)	0,9458***	Y = -375062,2726 + 0,1959X
Вологодской области	-1358817,3659 (1261623,4185)	0,2136*** (0,0192)	0,9053***	Y = -1358817,3659 + 0,2136X
Воронежской области	201803,8866 (1543820,4031)	0,2120*** (0,0175)	0,9131***	Y = 201803,8866 + 0,2120X
Еврейской автономной области	711948,1183*** (181725,2011)	0,0781*** (0,0160)	0,6638***	Y = 711948,1183 + 0,0781X
Забайкальского края	-1491427,2463** (658102,5514)	0,1803*** (0,0125)	0,9371***	Y = -1491427,2463 + 0,1803X
Ивановской области	-1421034,4136*** (467498,0363)	0,1865*** (0,0135)	0,9320***	Y = -1421034,4136 + 0,1865X
Иркутской области	-968898,0057 (1094261,7446)	0,1364*** (0,0084)	0,9494***	Y = -968898,0057 + 0,1364X
Кабардино-Балкарской Республики	732336,6841 (462205,4780)	0,1497*** (0,0162)	0,8597***	Y = 732336,6841 + 0,1497X
Калининградской области	-14723467,2060*** (3295842,9922)	0,7170*** (0,0432)	0,9582***	Y = -14723467,2060 + 0,717X
Калужской области	-116101,9470 (1025964,2282)	0,2624*** (0,0210)	0,9181***	Y = -116101,9470 + 0,2624X
Камчатского края	-3485341,5617*** (646121,1963)	0,3026*** (0,0109)	0,9822***	Y = -3485341,5617 + 0,3026X
Карачаево-Черкесской Республики	-194938,5100 (223679,3350)	0,2029*** (0,0110)	0,9602***	Y = -194938,5100 + 0,2029X
Кемеровской области	760251,8903 (1988860,4783)	0,1161*** (0,0164)	0,7820***	Y = 760251,8903 + 0,1161X
Кировской области	613877,8142 (665663,1032)	0,1703*** (0,0144)	0,9090***	Y = 613877,8142 + 0,1703X
Костромской области	-1213560,0320*** (282365,2705)	0,2345*** (0,0114)	0,9679***	Y = -1213560,0320 + 0,2345X
Краснодарского края	-2262777,5905 (2676391,7553)	0,1786*** (0,0127)	0,9427***	Y = -2262777,5905 + 0,1786X
Красноярского края	12825336,8133*** (3137196,5472)	0,0748*** (0,0158)	0,6168***	Y = 12825336,8133 + 0,0748X
Курганской области	-702719,0311 (554373,4005)	0,1901*** (0,0161)	0,9082***	Y = -702719,0311 + 0,1901X
Курской области	1864039,2197** (757931,6306)	0,1897*** (0,0159)	0,9104***	Y = 1864039,2197 + 0,1897X
Ленинградской области	2288796,8781 (1336479,3326)	0,1660*** (0,0134)	0,9161***	Y = 2288796,8781 + 0,166X
Липецкой области	3163114,7851** (1381441,3816)	0,1519*** (0,0265)	0,7009***	Y = 3163114,7851 + 0,1519X
Магаданской области	533088,0501 (361540,2961)	0,1048*** (0,0128)	0,8275***	Y = 533088,0501 + 0,1048X

Продолжение таблицы 3

Зависимая (эндогенная) переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)		R ²	Уравнение регрессии
	a	b		
Мурманской области	1529207,4369** (536232,8537)	0,0687*** (0,0091)	0,8017***	$Y = 1529207,4369 + 0,0687X$
Нижегородской области	-166505,5191 (1751630,0926)	0,1774*** (0,0128)	0,9365***	$Y = -166505,5191 + 0,1774X$
Новгородской области	-1023580,8748 (650569,6408)	0,2627*** (0,0229)	0,9098***	$Y = -1023580,8748 + 0,2627X$
Новосибирской области	-1543234,6828 (1759161,1551)	0,1875*** (0,0145)	0,9230***	$Y = -1543234,6828 + 0,1875X$
Омской области	-1232372,1515 (1120982,7284)	0,1830*** (0,0154)	0,9102***	$Y = -1232372,1515 + 0,183X$
Оренбургской области	495117,5133 (1020525,0848)	0,1780*** (0,0133)	0,9277***	$Y = 495117,5133 + 0,178X$
Орловской области	146055,7130 (540578,1326)	0,2057*** (0,0197)	0,8864***	$Y = 146055,713 + 0,2057X$
Пензенской области	-210654,3044 (565313,2737)	0,1931*** (0,0123)	0,9460***	$Y = -210654,3044 + 0,1931X$
Пермского края	-2455986,4119 (2090346,4525)	0,1841*** (0,0189)	0,8718***	$Y = -2455986,4119 + 0,1841X$
Приморского края	948650,3515 (3052947,3271)	0,1919*** (0,0317)	0,7242***	$Y = 948650,3515 + 0,1919X$
Псковской области	-1591596,8373*** (487427,7215)	0,3149*** (0,0180)	0,9564***	$Y = -1591596,8373 + 0,3149X$
Республики Адыгея	-1867603,7489*** (370824,7400)	0,3249*** (0,0207)	0,9499***	$Y = -1867603,7489 + 0,3249X$
Республики Алтай	-420349,2266 (545524,6959)	0,2530*** (0,0328)	0,8094***	$Y = -420349,2266 + 0,253X$
Республики Башкортостан	2984272,3004 (2098158,1437)	0,1662*** (0,0140)	0,9097***	$Y = 2984272,3004 + 0,1662X$
Республики Бурятия	632453,0846 (756938,9848)	0,1337*** (0,0142)	0,8715***	$Y = 632453,0846 + 0,1337X$
Республики Дагестан	3399471,5871** (1427436,6641)	0,0948*** (0,0150)	0,7415***	$Y = 3399471,5871 + 0,0948X$
Республики Ингушетия	1721677,6287** (681384,0695)	0,0467 (0,0304)	0,1438	$Y = 1721677,6287 + 0,0467X$
Республики Калмыкия	-363543,9571 (215947,1734)	0,2365*** (0,0189)	0,9180***	$Y = -363543,9571 + 0,2365X$
Республики Карелия	-1791490,9899** (742054,5636)	0,2343*** (0,0202)	0,9060***	$Y = -1791490,9899 + 0,2343X$
Республики Коми	2130166,1525** (961491,7727)	0,0980*** (0,0156)	0,7384***	$Y = 2130166,1525 + 0,098X$
Республики Марий Эл	-584670,3603 (344896,0445)	0,2216*** (0,0135)	0,9505***	$Y = -584670,3603 + 0,2216X$
Республики Мордовия	3904043,9066*** (1270268,2830)	0,1453*** (0,0362)	0,5355***	$Y = 3904043,9066 + 0,1453X$
Республики Саха (Якутия)	-143139,3628 (1792801,8855)	0,1582*** (0,0107)	0,9400***	$Y = -143139,3628 + 0,1582X$
Республики Северная Осетия – Алания	-586853,3778 (375662,9981)	0,1546*** (0,0147)	0,8945***	$Y = -586853,3778 + 0,1546X$
Республики Татарстан	7989322,3203* (3978657,6574)	0,2802*** (0,0189)	0,9399***	$Y = 7989322,3203 + 0,2802X$

Окончание таблицы 3

Зависимая (эндогенная) переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)		R ²	Уравнение регрессии
	a	b		
Республики Тыва	-1889930,6150*** (448524,2064)	0,2415*** (0,0173)	0,9420***	Y = -1889930,615 + 0,2415X
Республики Хакасия	717294,4294* (356855,5933)	0,0979*** (0,0148)	0,7576***	Y = 717294,4294 + 0,0979X
Ростовской области	-595760,0670 (2218715,5636)	0,1527*** (0,0156)	0,8720***	Y = -595760,067 + 0,1527X
Рязанской области	-1371147,1153* (732278,3991)	0,2426*** (0,0161)	0,9458***	Y = -1371147,1153 + 0,2426X
Самарской области	-7540348,9718*** (2328442,6541)	0,2525*** (0,0164)	0,9440***	Y = -7540348,9718 + 0,2525X
Саратовской области	993106,2146 (909095,1309)	0,1399*** (0,0114)	0,9146***	Y = 993106,2146 + 0,1399X
Сахалинской области	709952,0295 (2526909,7882)	0,2104*** (0,0230)	0,8655***	Y = 709952,0295 + 0,2104X
Свердловской области	2035012,6124 (1850725,8884)	0,1296*** (0,0095)	0,9353***	Y = 2035012,6124 + 0,1296X
Смоленской области	-864001,0156* (431876,7832)	0,2159*** (0,0122)	0,9569***	Y = -864001,0156 + 0,2159X
Ставропольского края	1047553,7873 (1333256,9653)	0,1590*** (0,0153)	0,8853***	Y = 1047553,7873 + 0,159X
Тамбовской области	-5328,2871 (1595194,2370)	0,2497*** (0,0413)	0,7229***	Y = -5328,2871 + 0,2497X
Тверской области	-4081692,7832*** (992754,0218)	0,2683*** (0,0192)	0,9330***	Y = -4081692,7832 + 0,2683X
Томской области	336590,7747 (862807,9947)	0,1511*** (0,0168)	0,8522***	Y = 336590,7747 + 0,1511X
Тульской области	1041711,6824 (944862,8811)	0,1505*** (0,0155)	0,8712***	Y = 1041711,6824 + 0,1505X
Тюменской области	34795338,4308*** (6591616,2275)	0,0341 (0,0417)	0,0457	Y = 34795338,4308 + 0,0341X
Удмуртской Республики	-1004779,3146 (969692,9204)	0,1936*** (0,0164)	0,9090***	Y = -1004779,3146 + 0,1936X
Ульяновской области	718010,8529 (1250990,0176)	0,1655*** (0,0262)	0,7539***	Y = 718010,8529 + 0,1655X
Хабаровского края	6060345,4726* (2945269,3362)	0,0071 (0,0401)	0,0026	Y = 6060345,4726 + 0,0071X
Челябинской области	1618138,8062 (1494076,5960)	0,1272*** (0,0109)	0,9132***	Y = 1618138,8062 + 0,1272X
Чеченской Республики	5033681,5708** (1694723,3918)	0,0475** (0,0210)	0,3182**	Y = 5033681,5708 + 0,0475X
Чувашской Республики	2536590,2286*** (669922,9634)	0,1249*** (0,0156)	0,8209***	Y = 2536590,2286 + 0,1249X
Чукотского автономного округа	474810,5380 (1227159,3172)	0,2528*** (0,0413)	0,7276***	Y = 474810,5380 + 0,2528X
Ярославской области	969258,6824 (662428,3556)	0,1421*** (0,0122)	0,9068***	Y = 969258,6824 + 0,1421X

Примечание: *, **, *** – значимость на уровне 10%, 5% и 1% соответственно (отсутствие звёздочек свидетельствует о статистической незначимости коэффициента).
Источник: составлено авторами.

Степень экономической направленности федерального бюджета составляет 0,1786 пункта, т. е. с каждого рубля его доходов примерно 18 копеек направляется на национальную экономику. На основании этого можно констатировать, что фискальная децентрализация должна быть усилена по консервативному сценарию в отношении регионов, степень экономической направленности бюджета которых не превышает 0,1686 пункта либо данный коэффициент является статистически незначимым, по умеренному – в отношении регионов, для которых данный показатель находится в интервале от 0,1687 до 0,1885 пункта, и по оптимальному – в отношении регионов, бюджет которых характеризуется экономической направленностью, составляющей не менее 0,1886 пункта.

Для оценки эффективности предлагаемых мер необходимо провести регрессионный анализ зависимости $d_{\text{расх. фед.}}$ от величины нефтегазовых доходов бюджета расширенного правительства, к которым относятся доходы от НДС в виде нефти, от его налоговых доходов от акцизов и от налога на прибыль организаций. Результаты анализа представлены в *таблице 4*.

Как показывают данные, увеличение доходов бюджета расширенного правительства от акцизов влечёт за собой рост $d_{\text{расх. фед.}}$, а от налога на прибыль организаций – снижение, т. к. первые из этих налогов практически целиком зачисляются в федеральный бюджет, а большая часть второго – в бюджеты субъектов РФ. Следовательно, передача части доходов от акцизов на региональный уровень позволит, как минимум, снизить эластичность зависимости $d_{\text{расх. фед.}}$ от них, а федеральной компоненты налога на

прибыль организаций – сделать позитивный эффект от увеличения доходов бюджета расширенного правительства от данного налога, заключающийся в снижении концентрации бюджетных расходов на федеральном уровне, более выраженным. На основании сказанного, а также того, что НДС в виде нефти, динамика доходов бюджета расширенного правительства от которого может не оказывать влияние на $d_{\text{расх. фед.}}$, предлагается передать лишь при оптимальном сценарии усиления фискальной децентрализации, можно констатировать, что принятие органами власти рекомендуемых мер позволит ослабить гетерогенность российского экономического пространства.

Реализация предложенных в исследовании мероприятий по ослаблению гетерогенности российского экономического пространства повлечёт за собой выпадение средств из федерального бюджета. Компенсировать выпадающие доходы позволят некоторые изменения законодательства о налогах и сборах, вступившие в силу с 1 января 2023 г. К ним, прежде всего, относится повышение налоговой нагрузки на ПАО «Газпром» и на другие предприятия, занятые добычей угля, нефти и газа, что будет приносить федеральному бюджету более 1 трлн рублей в 2023–2025 гг.

Заключение

Высокогетерогенное экономическое пространство России выступает одним из факторов, замедляющих развитие национальной экономики и в связи с этим привлекающих внимание органов власти. Цель исследования заключалась в определении, позволит ли усиление фискальной децентрализации ослабить

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа зависимости $d_{\text{расх. фед.}}$ от величины некоторых доходов бюджета расширенного правительства

Зависимая переменная	Коэффициент (стандартная ошибка)				R ²	Уравнение регрессии
	a	b	c	d		
$d_{\text{расх. фед.}}$	137,7892*** (1,4297)	0,0033 (0,0552)	0,1339*** (0,0348)	-0,1967*** (0,0473)	0,6749***	$Y = 137,7892 * X_1 + 0,0033 * X_2 + 0,1339 * X_3 - 0,1967$
Примечания: а) *, **, *** – значимость на уровне 10%, 5% и 1% соответственно (отсутствие звёздочек свидетельствует о статистической незначимости коэффициента); б) X_1 , X_2 и X_3 в уравнении регрессии – нефтегазовые доходы, акцизы и налог на прибыль организаций соответственно. Источник: составлено авторами.						

гетерогенность экономического пространства страны. С помощью проведения расчётных и аналитических процедур выявлена статистически значимая зависимость масштабов гетерогенности российского экономического пространства от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне, т. е. от $d_{\text{дох. фед.}}$ и $d_{\text{расх. фед.}}$, ослабление которой выступает индикатором усиления фискальной децентрализации, и установлено, что снижение $d_{\text{расх. фед.}}$ на 1% может сократить масштабы гетерогенности экономического пространства России примерно на 12,6%.

Проведённое исследование является значимым как с теоретической, так и с практической точки зрения. Его теоретическая значимость состоит в том, что оно включает в себя разработку и апробацию нового подхода к оценке гетерогенности экономического пространства России, требующего построения фигуры в прямоугольной системе координат, названной авторами фигурой гетерогенности, нахождения её площади и учитывающего одновременно оба важнейших экономических показателя её регионов, а практическая объясняется тем, что его результаты могут быть учтены органами власти при реализации стратегических до-

кументов, например Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и т. д.

При проведении регрессионного анализа зависимости масштабов гетерогенности российского экономического пространства от степени концентрации бюджетных доходов и расходов на федеральном уровне был охвачен отрезок времени, начинающийся с 2006 года. Такое ограничение поставил перед авторами тот факт, что объём информации, представленной на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации, не позволяет рассчитывать значения экзогенных переменных за более ранние годы. Элиминирование департаментами указанного органа, ответственными за подготовку информации, этого недостатка позволит существенно повысить качество будущих исследований данной области.

Предложенный нами геометрический метод оценки уровня гетерогенности экономического пространства страны и её регионов может быть применён и для оценки указанного параметра каждого субъекта РФ в разрезе образующих его муниципальных образований. Проведению такой оценки следует посвятить одно из будущих исследований.

Литература

- Булочников П.А., Смирнов К.Б. (2019). Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. № 4. С. 68–75. DOI: 10.25631/PEJ.2019.4.68.75
- Губанова А.К. (2019). Проблемы экономического неравенства регионов России // Вестник науки. Т. 4. № 8 (17). С. 9–14.
- Зубаревич Н.В. (2009). Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. № 3 (35). С. 154–169.
- Катаева Ю.В. (2013). Интегральная оценка уровня развития транспортной инфраструктуры региона // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. № 4 (19). С. 66–73.
- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. (2020). Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. Т. 16. № 4. С. 1017–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1
- Маньшин Р.В., Моисеева Е.М. (2022). Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России // Экономика региона. Т. 18. № 3. С. 727–741. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-8
- Морошкина М.В. (2018). Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионоведение. Т. 26. № 4 (105). С. 638–657. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657
- Печенская-Полищук М.А. (2021). Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий // Экономика региона. Т. 17. № 2. С. 658–672. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-22

- Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2022). Диспропорции в пространственном развитии России и её экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 75–90. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.4
- Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. (2019). Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. № 2. С. 48–73. DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
- Ускова Т.В. (2018). О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. № 5 (97). С. 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1
- Фрейхе С., Матыцин М.С., Попова Д.О. (2023). Влияние экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и антикризисных мер на распределение доходов в России // Вопросы экономики. № 2. С. 43–60. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-2-43-60
- Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. (2017). Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. № 9. С. 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82
- Akai N., Sakata M. (2002). Fiscal decentralization contributes to economic growth: Evidence from state-level cross-section data for the United States. *Journal of Urban Economics*, 52(1), 93–108. DOI:10.1016/S0094-1190(02)00018-9
- Brueckner J. (2006). Fiscal federalism and economic growth. *Journal of Public Economics*, 90(10-11), 2107–2120. DOI:10.1016/j.jpubeco.2006.05.003
- Cantarero D., Gonzalez P.P. (2009). Fiscal decentralization and economic growth: Evidence from Spanish regions. *Public Budgeting & Finance*, 29(4), 24–44.
- Hirschman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- Khan M.S., Siddique A.B. (2021). Spatial analysis of regional and income inequality in the United States. *Economies*, 9(4), 159. DOI: 10.3390/economies9040159
- Martinez-Vazquez J., McNab R. (1997). *Fiscal Decentralization, Economic Growth, and Democratic Governance*. International Center for Public Policy, Andrew Young School of Policy Studies, Georgia State University.
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd.
- Perroux F. (1961). *L'économie du XXe siècle*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Pottier P. (1963). Axes de communication et développement économique. *Revue économique*, 14, 58–132. DOI: 10.3406/RECO.1963.407543
- Pyankova S.G., Kombarov M.A. (2023). Giersch's "volcano" model and its application for the analysis of regional disparities in Russia. *R-Economy*, 9(1).
- Thünen I. von (1910). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Jena: Verlag von Gustav Fischer.
- Tiebout C. (1956). A pure theory of local expenditures. *The Journal of Political Economy*, 64(5), 416–424. DOI:10.1086/257839

Сведения об авторах

Светлана Григорьевна Пьянкова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: silen_06@list.ru)

Михаил Анатольевич Комбаров – аспирант, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

Pyankova S.G., Kombarov M.A.

Strengthening Fiscal Decentralization to Reduce the Heterogeneity of Russia's Economic Space

Abstract. According to a number of strategic documents, Russia's economic space is characterized by high heterogeneity. To reduce it, Russian and foreign researchers propose to strengthen fiscal decentralization. The study aims to find out whether using this method in Russia will allow achieving the desired result. An answer can be obtained by conducting a regression analysis of the dependence of the scale of heterogeneity of the economic space on the degree of concentration of budget revenues and expenditures at the federal level. In the course of the research, we develop a new method for quantifying the level of heterogeneity of the economic space of a territory; the method requires constructing a figure in a rectangular coordinate system and finding its area. The advantage of this method for assessing the scale of heterogeneity of Russia's economic space is that it allows us to take into account both major indicators – the volume of GRP and the volume of GRP per capita, since so far it has not been determined which of them is a numerical indicator of a region's economic development level. Having assessed the scale of heterogeneity of Russia's economic space for the period from 2000 to 2021 with the help of the above method, we conclude that strengthening fiscal decentralization will reduce the heterogeneity of Russia's economic space. In particular, a 1% decrease in the concentration of budget expenditures at the federal level may lead to a 12.6% decrease in heterogeneity. Proceeding from this conclusion, we put forward some ways to reduce the share of federal budget expenditures in the total volume of the expenditure part of the consolidated budget.

Key words: heterogeneity of economic space, geometric method of estimation, concentration of budget expenditures, federal level, fiscal decentralization.

Information about the Authors

Svetlana G. Pyankova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Oblast, 620144, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Mikhail A. Kombarov – postgraduate student, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Oblast, 620144, Russian Federation; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

Статья поступила 27.03.2023.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.4

УДК 332.14, ББК 65.04

© Кузнецова М.Н., Васильева А.С.

Инновационный потенциал регионов Арктической зоны РФ: методика оценки, сравнительный анализ, перспективы развития

**Марина Николаевна
КУЗНЕЦОВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация

e-mail: m.kuznetsova@narfu.ru

ORCID: 0000-0003-4242-4488

**Анастасия Сергеевна
ВАСИЛЬЕВА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация

e-mail: a.vasileva@narfu.ru

ORCID: 0000-0002-5986-8061

Аннотация. Значимым индикатором устойчивого развития и роста территорий является инновационный потенциал, определяющий степень конкурентоспособности экономики региона (страны). Множество существующих подходов к его измерению требует дальнейшей дискуссии в научном сообществе. Необходимо дополнять и расширять инструментарий для повышения оценки качества исследуемого показателя. Арктическая зона РФ представляет стратегический интерес для России исходя из геополитических, геоэкономических позиций данной территории в современном мире (здесь создаётся 12–15% ВВП страны и обеспечивается 25% экспорта). В статье объектом изучения стали восемь субъектов РФ, относящихся к арктическим территориям. Методологическая основа исследования включает анализ документов, определяющих стратегическое развитие территорий в рамках инновационного направления, и обзор существующих

Для цитирования: Кузнецова М.Н., Васильева А.С. (2023). Инновационный потенциал регионов Арктической зоны РФ: методика оценки, сравнительный анализ, перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 69–87. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.4

For citation: Kuznetsova M.N., Vasileva A.S. (2023). Innovation potential of regions within the Arctic zone of the Russian Federation: Assessment methodology, comparative analysis, development prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 69–87. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.4

подходов к оценке уровня инновационного потенциала. Информационной базой послужила региональная статистическая информация. Исследование направлено на разработку методики оценки инновационного потенциала с применением объективных показателей, сгруппированных по блокам и рассчитанных с помощью интегрального метода. Для визуализации результатов используется лепестковая диаграмма, содержащая индикаторы по регионам, входящим в Арктическую зону РФ. Это позволяет сравнивать субъекты РФ по степени инновационного потенциала, определять их позицию. Авторы предлагают провести кластеризацию регионов, выявить лидеров и аутсайдеров для обоснования предложений по стимулированию ключевых направлений в инновационной деятельности. Дана интерпретация значений уровня инновационного потенциала. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости разработки программ регионального развития территорий с привлечением крупного бизнеса как потенциального инвестора.

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, ресурсный подход, интегральный метод, индексный метод, кластерный анализ, методика оценки, регионы Арктической зоны РФ.

Введение

В современных условиях функционирования экономики важным фактором развития государства (региона) является повышение инновационного потенциала, который становится одним из главных индикаторов, позволяющих эффективно конкурировать на уровне национальной экономики. Для повышения инновационной активности следует ориентироваться на инновационные возможности регионов. Таким образом, проявляется синергетический эффект, обеспечивающий устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Целью исследования выступает разработка методики оценки инновационного потенциала территории и её апробация на статистических данных регионов, входящих в Арктическую зону РФ.

Для решения поставленной цели авторами были определены задачи:

- на основе обзора литературных источников обобщить теоретические аспекты исследуемой проблематики (сравнение и уточнение понятийного аппарата, анализ подходов и методов к оценке уровня инновационного потенциала с акцентом на их достоинства и недостатки);
- обосновать алгоритм расчета изучаемого показателя в рамках предлагаемой методики;
- провести сравнительный анализ полученных результатов посредством ранжирования регионов по уровню инновационного потенциала и выявить лидеров и аутсайдеров;
- оценить перспективы развития субъектов с позиции инновационной деятельности.

Объектом изучения стали территории, входящие в Арктическую зону РФ, которые представляют стратегический интерес для России исходя из геополитических, геоэкономических позиций региона в современном мире.

Арктическая зона РФ включает восемь регионов. Три территории (Мурманская область, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО) полностью входят в состав Арктической зоны РФ; Архангельская область и Ненецкий автономный округ (НАО), Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Республика Саха (Якутия) частично¹.

География регионов обширна, территории включены в различные федеральные округа РФ. В состав Северо-Западного федерального округа входят Мурманская область, Архангельская область и НАО, Республика Карелия, Республика Коми; в Сибирский федеральный округ – Красноярский край, в Дальневосточный федеральный округ – Чукотский АО, Республика Саха (Якутия). К Уральскому федеральному округу относится Ямало-Ненецкий АО. Численность населения Арктической зоны составляет 2,6 млн человек, общая площадь арктических территорий 5 млн км².

В *таблице 1* дана характеристика регионов Арктической зоны РФ.

¹ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 (ред. от 05.03.2020). URL: <https://base.garant.ru/70647984/> (дата обращения 16.04.2022).

Таблица 1. Сравнительная характеристика регионов Арктической зоны РФ

Субъект РФ	Площадь арктических территорий, тыс. км ²	Численность населения, проживающего на арктических территориях, тыс. чел.	Средняя плотность населения, чел. на 1 км ²	Сводный инновационный индекс*	Ранг по инновационному индексу
Республика Карелия	71,4	109,0	3,3	0,325	47
Республика Коми	127,4	152,0	1,9	0,333	42
Архангельская область	222,9	627,0	1,9	0,347	34
Мурманская область	144,9	724,5	5,0	0,335	41
Ямало-Ненецкий АО	769,3	552,1	0,7	0,293	61
Красноярский край	1094	237,0	1,2	0,427	8
Чукотский АО	721,5	50,0	0,1	0,13	85
Республика (Саха) Якутия	1608,8	68,0	0,3	0,309	56

Примечание: данные по сводному инновационному индексу приведены по субъектам РФ без вычленения территорий, входящих в Арктическую зону РФ (такая информация отсутствует).
 * Рейтинг инновационного развития субъектов РФ. Выпуск 7. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2020. 274 с. (дата обращения 16.01.2023).
 Источник: URL: <https://arctic-council-russia.ru/useful/> (дата обращения 03.03.2023).

Арктическая зона РФ характеризуется неблагоприятными климатическими условиями проживания, здесь наблюдаются низкая плотность населения (от 0,1 до 5,0 человека на 1 кв. км; в целом по России плотность населения составляет 8,6 человека на 1 кв. км)², локальный характер освоения территорий и ведения производственно-хозяйственной деятельности, ориентация экономики на добычу углеводородов и вывоз ресурсов в другие субъекты РФ и за её пределы, зависимость от поставок жизненно важных товаров.

Арктическая территория Архангельской области занимает 222,9 тыс. кв. км (4 место), численность населения составляет 627,0 тыс. человек (2 место). Показатель плотности населения представлен с учетом НАО (в НАО плотность населения – 0,23 человека на 1 кв. км). Сводный инновационный индекс территории 0,347 (без учета НАО; в НАО эта величина равна 0,155 (ранг 84)).

Функционирование территорий невозможно без инновационной деятельности, которая способствует эффективному развитию субъекта. Затраты на инновационную деятельность организаций в Арктической зоне РФ составили в 2019 году 0,63%, в 2020 году – 0,62% в общем объеме этих затрат по РФ³.

² URL: <http://www.gis.gks.ru/StatGis2015/Viewer/?05285969-ec60-e911-8f04-c52edb349072#> (дата обращения 16.01.2022).

³ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Calendar1-2021.htm> (дата обращения 16.04.2022).

С учетом значимости Арктики на федеральном уровне был разработан ряд документов, определяющих государственную политику РФ на временной лаг до 2035 года⁴ и стратегическое развитие данной территории в рамках инновационного подхода⁵.

Стратегия развития Арктической зоны включает три этапа. В настоящее время реализуется первый этап (2020–2024 гг.), заключающийся в формировании подходов экономического и социального развития территорий и разработке нормативно-правового поля с учетом их специфики. В рамках Стратегии реализуется государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»⁶. В документе даны целевые показатели развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной

⁴ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 05.03.2020 № 164. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения 16.01.2022).

⁵ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 12.11.2021). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556/> (дата обращения 16.04.2022).

⁶ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 № 484 (ред. от 30.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381261/ (дата обращения 16.04.2022).

безопасности до 2035 года. Целевое значение показателей устанавливается на периоды до 2024, 2030, 2035 гг. Указом Президента Российской Федерации⁷.

В каждом субъекте РФ, относящемся к Арктической зоне, разрабатываются документы на мезоуровне с учетом особенностей региона.

К вопросам инновационного развития, оценки инновационного потенциала территорий, дифференциации стратегий инновационного развития субъектов региональной эко-

номики обращаются многие отечественные и зарубежные ученые (табл. 2).

На основе данных таблицы 2 можно сделать вывод о том, что тема является актуальной и обсуждаемой в научном сообществе. Исследователи делают акцент на анализ существующих и поиск новых методик оценки инновационного потенциала в рамках разработанных подходов. Обратимся к предмету исследования и рассмотрим методологические основы оценки уровня инновационного потенциала.

Таблица 2. Теоретические основы исследования

Авторы	Содержание исследования
Л.С. Архипова, Г.Ю. Гагарина (Архипова, Гагарина, 2014)	Рассматриваются подходы к оценке развития инновационной экономики в субъектах РФ, анализируются качественные и количественные методы расчета инновационного потенциала территорий, предлагается методика оценки инновационного развития с использованием индексного и рейтингового методов
А.Р. Бахтизин, Е.М. Бухвальд, А.В. Кольчугина (Бахтизин и др., 2016)	Рейтинговый метод оценки показателя, ранжирование субъектов РФ по инновационному, инвестиционному и социальному потенциалам
А.Б. Гусев (Гусев, 2009)	Затрагивается вопрос о разработке методики определения рейтинга регионов по уровню инновационного развития с последующей их дифференциацией
Ю.А. Гаджиев, М.М. Стыров, Д.В. Колечков, Н.В. Шляхтина (Гаджиев и др., 2016), Н.В. Кузнецова (Кузнецова, 2017)	Поднимается проблема оценки и анализа инновационного потенциала на основе кластерного метода с применением статистических данных
Е.С. Губанова, О.С. Москвина (Губанова, Москвина, 2020), И.Г. Ершова, Л.Н. Гусельникова (Ершова, Гусельникова, 2020), О.Ф. Котихина (Котихина, 2007), Н.А. Перевозчикова, Д.Г. Багдасарова (Перевозчикова, Багдасарова, 2020)	Рассматриваются методологические аспекты инвестиционно-инновационного потенциала региона с опорой на ресурсный подход с применением матричного и интегрального методов
Л.Н. Гусельникова (Гусельникова 2020), О.А. Доничев, Д.Ю. Фраймович, С.А. Грачев (Доничев и др., 2018), В.Н. Овчинников (Овчинников, 2016)	Изучаются факторы инновационной активности региона, для оценки инновационного потенциала предлагается использовать математический аппарат, основанный на ресурсном подходе с применением корреляционно-регрессионного метода
A. Bramanti, S. Tarantola (Bramanti, Tarantola, 2012)	Рассматривается методика рейтинговой оценки инноваций
G. Carlino, W.R. Kerr (Carlino et al., 2014), E. Calik, F. Calisir, B. Cetinguc (Calik et al., 2017), M. Fraas (Fraas, 2004), M. Fritsch, R. Lukas (Fritsch, Lukas, 1991), M. Fritsch (Fritsch, 2002), Ю.С. Токтамышева (Токтамышева, 2015), T.F. Slaper, K.M. Harmon, B.M. Rubin (Slaper et al., 2018)	Исследуется проблема оценки инновационного потенциала на региональном уровне с акцентом на рейтинговый метод расчета показателя
L. Lesáková (Lesáková, 2011)	Раскрывается процесс формирования региональной инновационной стратегии и оценки уровня инновационного потенциала с применением SWOT-анализа
D.H.C. Chen, C.J. Dahlman (Chen, Dahlman 2006), J-M. Zabala-Iturriagoitia, P. Voigt, F. Gutiérrez-Gracia, A. Jiménez-Sáez, (Zabala-Iturriagoitia et al., 2007)	Предлагаются модели инновационных систем, которые позволяют определять степень их эффективности посредством оценки уровня инноваций различными методами в рамках ресурсного подхода
Источник: составлено авторами.	

⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения 18.04.2022).

Инновационный потенциал: сущность, подходы к оценке, методы

Инновационный потенциал в условиях современных трендов развития территорий важен, поскольку является определяющим при оценке эффективности функционирования выбранного субъекта, уровня его конкурентоспособности (Porter, 1985, p. 134; Armstrong, 1993, p. 245).

В настоящее время многие ученые фокусируются на проблеме оценки инновационного потенциала на микроуровне (предприятие), мезоуровне (регион), макроуровне (государство). Осознавая значимость вопроса, рассмотрим методологические аспекты (понятие «инновационный потенциал», подходы, методы его оценки).

В *таблице 3* представлены подходы к понятию «инновационный потенциал».

Таблица 3. Подходы к понятию «инновационный потенциал»

Источник	Определение понятия «инновационный потенциал»	Подход к оценке
ГОСТ Р 54147–2010	«Совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, информационные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности»	Ресурсный
(Бердникова, 2015, с. 69)	«Совокупность ресурсов, резервов и возможностей, позволяющих осуществлять инновационную деятельность, достигать инновационных целей, улучшить показатели эффективности деятельности»	Ресурсно-результативный
(Гаджиев и др., 2016, с. 238)	«Способность территории к созданию, восприятию и внедрению в практику нововведений в ходе социально-экономического развития»	Ресурсный, результативный
(Жиц, 2000, с. 164)	«Количество экономических ресурсов, которые в каждый конкретный момент общество может использовать для своего развития. Эти ресурсы распределяются между тремя основными секторами (сегментами, направлениями) макросистемы: научно-техническим, образовательным, инвестиционным. Совокупность названных сегментов и формирует инновационный потенциал макросистемы»	Ресурсный
(Изюмова, 2011, с. 169)	«Совокупность взаимосвязанных условий и ресурсов, обеспечивающих воспроизводство научно-технических и технологических новшеств, возможность осуществления инновационной деятельности как наиболее конкурентоспособной стратегии устойчивого развития системы регионального хозяйства»	Ресурсно-результативный
(Кравченко, Кладченко, 2003, с. 89)	«Совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности»	Ресурсный
(Митрофанова, Бендь, 2006, с. 186)	«Совокупность ресурсных возможностей, технологических, коммерческих, управленческих компетенций для генерации, распространения и использования нововведений в целях модернизации экономики региона»	Ресурсный
(Перевозчикова, Багдасарова, 2020, с. 93)	«Совокупность потенциалов (кадрового, финансово-экономического, производственного, научно-технического), которая даёт возможность осуществлять активную деятельность, направленную на экономическое развитие территории»	Ресурсный
(Прокофьев, 2011, с. 13)	«Способность и готовность территории обеспечивать непрерывный инновационный процесс за счет ресурсов и эффективности»	Ресурсно-результативный
(Татаркин, Новикова, 2015, с. 280)	«Интегральная совокупность природно-географических, финансово-экономических, социально-психологических, общественно-политических, научно-образовательных ресурсов и возможностей создания и использования инноваций на определенной территории»	Ресурсный
Источник: составлено авторами.		

Следовательно, понятие «*инновационный потенциал*» не имеет однозначной трактовки, отсутствует общий подход к оценке этого показателя в научной среде. Прокомментируем различные точки зрения, поскольку данная категория лежит в основе дальнейшего исследования.

Опираясь на нормативно-законодательную базу (национальный стандарт в области стратегического и инновационного менеджмента, ГОСТ Р 54147–2010), предлагается рассматривать инновационный потенциал через призму ресурсного подхода, тем самым в качестве структурных элементов задействовать различные виды ресурсов (факторов). Подобной трактовки придерживаются многие авторы (Жиц, 2000; Кравченко, Кладченко, 2003; Митрофанова, Бендь, 2006; Прокофьев, 2011; Татаркин, Новикова, 2015; Перевозчикова, Багдасарова, 2020). Следует подчеркнуть, что среди них только Н.А. Перевозчикова, Д.Г. Багдасарова предлагают использовать в терминологии не «совокупность ресурсов», а «совокупность потенциалов». В таком контексте *инновационный потенциал* является комплексной характеристикой, ориентированной на оценку отдельных компонентов (потенциалов), позволяющей реализовывать возможности для активного развития нововведений в деятельности территорий.

По представлению исследователей (Бердникова, 2015; Изюмова, 2011; Прокофьев, 2011) в основе термина «*инновационный потенциал*»

лежит совокупность не только ресурсов, но и оценка степени эффективности инновационной деятельности. Это утверждение означает, что изучаемая дефиниция рассматривается с позиции ресурсно-результативного подхода, при котором учитываются и факторы, и конечный итог функционирования.

По мнению Ю.А. Гаджиева, М.М. Стырова, Д.В. Колечкова, Н.В. Шляхтиной, инновационный потенциал – это способность к созданию, восприятию и внедрению нововведений в практическую деятельность (Гаджиев и др., 2016). Авторы не акцентируют внимание на совокупности ресурсов и эффективности, но подразумевают, что в основу расчета показателя заложены результативный и ресурсный блоки, включающие определённый перечень факторов.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что не существует единого мнения относительно многоаспектности понятия «*инновационный потенциал*». Мы предлагаем рассматривать *инновационный потенциал* как совокупность ресурсов, используемых субъектом для эффективного социально-экономического развития территории, способной внедрять нововведения в практической деятельности.

Исследователи выделяют три основных подхода к оценке инновационного потенциала: ресурсный, результативный, ресурсно-результативный, которые в дальнейшем формируют информационную базу для расчета его уровня (табл. 4).

Таблица 4. Характеристика основных подходов к оценке инновационного потенциала

Подход	Сущность	Достоинства	Недостатки
Ресурсный	Популярен в научном сообществе, т. к. в лексическом значении слова «потенциал» изначально заложено, что это набор определённых ресурсов, направленных на развитие объекта	Возможность изучения сильных и слабых сторон инновационных процессов, выявление дальнейших перспектив роста	Применение затратного механизма в оценке инновационного потенциала; не позволяет оценить эффект от инновационной деятельности
Результативный	Ориентирован на определение конкретного результата от использования имеющихся ресурсов	Дает возможность количественно оценить результат инновационной деятельности	Невозможно определить и сопоставить степень эффективности инновационной деятельности из-за отсутствия информации о необходимых ресурсах
Ресурсно-результативный	Представляет синтез ресурсного и результативного подходов	Обеспечивает возможность оценки эффективности инновационной деятельности; определяет структуру потенциала в разрезе двух направлений (ресурсов и результатов)	Требует сбора информации по двум блокам: ресурсному и результативному

Источник: составлено авторами.

В рамках указанных подходов применяются различные методы оценки: интегральный, рейтинговый, факторный, матричный, кластерный. Остановимся подробнее на их особенностях.

Интегральная оценка инновационного потенциала может проводиться с применением следующих способов: экспертный, нормативный, индексный, корреляционно-регрессионный. Они имеют как достоинства, так и недостатки (табл. 5).

Применение интегрального метода для оценки уровня инновационного развития может дополняться рейтинговым методом. В статьях (Архипова, Гагарина, 2014, с. 12; Бахтизин и др., 2016, с. 14; Гусев, 2009, с. 165) описываются зарубежные и отечественные методики оценки инновационного потенциала, носящие рейтинговый характер. Следует подчеркнуть, что не существует общепризнанного подхода к ранжированию. Достоинством подобных методик является определение интегрального индекса с применением конкретного набора показателей (перечень зависит от выбранной методики). Однако возникают проблемы, связанные с отсутствием статистических данных или сопоставимостью показателей, что приводит к не-

возможности дифференциации территорий по изучаемому комплексному показателю.

В последнее время получил популярность кластерный метод оценки уровня инновационного потенциала на основе метода k-средних (Гаджиев и др., 2016, с. 240; Кормишкина, Колосков, 2017, с. 222; Кузнецова, 2017, с. 163). Для расчета используются показатели, сгруппированные по блокам. Перечень показателей формируется авторами самостоятельно. Предлагается выделение кластеров по разным критериям, например с высокой, повышенной, средней, низкой инновационной активностью (Гаджиев и др., 2016, с. 245; Кузнецова, 2017, с. 167) либо по значению «индекса экономики знаний региона» (Кормишкина, Колосков, 2017, с. 228). Однако учёные не указывают градацию, по которой осуществляется позиционирование территорий.

Матричный метод, как правило, ориентируется на два показателя. В статье (Губанова, Москвина, 2020, с. 49) инновационный потенциал рассматривается как результативная составляющая, инвестиционный потенциал – как ресурсная составляющая (ресурсно-результативный подход). Каждый структурный элемент включает частные потенциалы, содержащие ряд

Таблица 5. Методы интегральной оценки инновационного потенциала

Метод	Сущность	Достоинства	Недостатки
Экспертный	Опирается на субъективное мнение, опыт, интуицию, знания специалистов в конкретной области и определение значений частных показателей посредством балльных оценок	Прост в применении	Субъективность в оценке показателей
Нормативный	Предполагает применение нормативов при расчете показателей	Не требует сложных вычислений	Нормативы должны быть обоснованы, в противном случае объективность расчетных данных отсутствует
Индексный	Количественный метод, основанный на расчете относительных величин (индексов). Позволяет рассчитывать индивидуальные индексы по отдельным факторам и интегральный индекс инновационного потенциала	Дает возможность проводить сравнительный анализ регионов	Требует актуальной, достоверной статистической информации по изучаемым частным показателям
Корреляционно-регрессионный	Количественный метод, позволяющий определить тесноту взаимосвязи между инновационным потенциалом и факторами, влияющими на его величину, построить регрессионную модель, устанавливающую причинно-следственную зависимость	Разработан математический аппарат для расчета параметров модели	Количество изучаемых данных должно быть достаточным, а их значения сопоставимыми, чтобы обеспечить практическую значимость выбранной регрессионной модели

Источник: составлено авторами.

показателей. Расчетные значения потенциалов позволяют разделить регионы на группы с высоким, средним, низким потенциалом по двум критериям. В результате выделены «лидеры», «средняки», «проблемные», «кризисные» территории. Представленная методология позволяет провести группировку регионов, ранжировать их, выявлять динамику их позиций.

Анализ методов оценки уровня инновационного потенциала показал, что не существует единого подхода к решению этой сложной проблемы. Вопрос дискуссионный, требующий глубокого осмысления. Исследователи, разрабатывая методику оценки инновационного потенциала, чаще всего ориентируются на ресурсный подход, используя в его рамках различные комбинации методов (интегральный и рейтинговый, интегральный и кластерный, интегральный и матричный, факторный и рейтинговый).

Авторская методика оценки инновационного потенциала ориентирована на использование комбинации интегрального и рейтингового методов в рамках ресурсного подхода. Такое решение считается целесообразным. Во-первых, интегральный метод обеспечивает комплексную оценку уровня инновационного потенциала. При этом важно учитывать перечень включаемых показателей, влияющих на изучаемую величину, особенности применяемого инструментария. В исследовании предлагается использовать индексный метод, который дает объективную оценку факторов, позволяет проводить сравнительный анализ относительных показателей. Во-вторых, с помощью рейтингового метода осуществляется ранжирование регионов, что обеспечивает количественную оценку уровня инновационной деятельности на конкретной территории.

Методические основы исследования

Обозначенная проблема и предмет исследования приводят к выводу о том, что необходимо дополнять и расширять инструментарий в оценке уровня инновационного потенциала региона.

В основу разработанной методики оценки инновационного потенциала заложен *ресурсный подход*, т. к. в ходе рассмотрения понятийного аппарата нами определено, что *инновационный потенциал* – это совокупность ресурсов, используемых субъектом для эффективного социально-экономического развития территории.

Алгоритм оценки уровня инновационного потенциала включает следующие этапы: подготовительный, расчетно-аналитический и заключительный.

Подготовительный этап направлен на выбор и обоснование показателей, необходимых для расчета частных потенциалов. Авторская методика предполагает, что уровень инновационного потенциала оценивается при помощи факторов (частных потенциалов), включенных в следующие блоки: кадрово-образовательный потенциал, научный потенциал, информационный потенциал, экономический потенциал. Каждый блок содержит определённый перечень показателей (табл. 6), формируемый с учетом выбранного ресурса. Кадрово-образовательный блок содержит показатели, учитывающие уровень развития высшего образования, степень подготовки специалистов в регионе и их востребованность, научный потенциал – уровень результатов проведения научных исследований и разработок, информационный потенциал – степень цифровизации территории, экономический потенциал – способность эффективно функционировать в рыночных условиях.

Отбор именно этих показателей в каждом блоке дает возможность оценить частные потенциалы и обеспечить расчет инновационного потенциала территории. Информационной базой для оценки и анализа уровня инновационного потенциала является статистическая информация⁸.

На втором этапе (*расчетно-аналитическом*) рассчитываются индивидуальные индексы (i) по каждому блоку, за базу берутся максимальные значения из массива данных по конкретному показателю. Исключение составляет показатель «Степень износа основных фондов» из блока «Экономический потенциал». В этом случае в числителе индекса рассматривается наименьшее значение из предложенных данных по этому показателю, а в знаменателе используется значение показателя конкретной территории. Это объясняется тем, что рост параметра «Степень износа основных фондов» имеет

⁸ Индикаторы инновационной деятельности (2021): стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 280 с.; Российский статистический сборник (2020). М.: Росстат. 700 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2021): стат. сб. М.: Росстат. 1112 с.

Таблица 6. Перечень показателей инновационного потенциала по блокам

Блок	Показатели
1. Кадрово-образовательный потенциал (<i>S1</i>)	Изменение среднегодовой численности занятых, i_{11}
	Уровень занятости населения, i_{12}
	Численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, i_{13}
	Численность обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10 тыс. чел., i_{14}
2. Научный потенциал (<i>S2</i>)	Выдача патентов на изобретение, i_{21}
	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, i_{22}
	Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, i_{23}
	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, i_{24}
	Уровень инновационной активности организаций, i_{25}
	Затраты на инновационную деятельность, i_{26}
3. Информационный потенциал (<i>S3</i>)	Использование цифровых технологий в организациях, i_{31}
	Число персональных компьютеров на 100 работников, i_{32}
	Использование сети Интернет населением, i_{33}
4. Экономический потенциал (<i>S4</i>)	Объём инвестиций в основной капитал, i_{41}
	ВРП на душу населения, i_{42}
	Изменение численности населения, i_{43}
	Индексы промышленного производства, i_{44}
	Степень износа основных фондов, i_{45}
Источник: составлено авторами.	

отрицательную оценку в отличие от остальных рассматриваемых показателей.

Весы показателей в блоках принимаются равноценными. Такое решение означает, что представленные в таблице 6 параметры равнозначны при оценке уровня инновационного потенциала и в перечень не включаются индикаторы, которые несущественны. Таким образом, субиндексы (*S*) (кадрово-образовательный потенциал, научный потенциал, информационный потенциал, экономический потенциал) представляют собой среднее арифметическое значение индивидуальных индексов. Для визуализации полученных результатов применяется лепестковая диаграмма, содержащая субиндексы по регионам.

Интегральный показатель инновационного потенциала (*I*) представляет собой средневзвешенное значение четырех субиндексов (*S1*, *S2*, *S3*, *S4*). Значимость (вес) субиндексов рассчитывается как отношение количества показателей, входящих в конкретный блок, к общему количеству показателей по всем блокам (формула 1). Кадрово-образовательный

потенциал включает 4 показателя, научный потенциал – 6 показателей, информационный потенциал – 3 показателя, экономический потенциал – 5 показателей. Общее количество показателей 18.

$$I = \frac{4}{18} \times S1 + \frac{6}{18} * S2 + \frac{3}{18} * S3 + \frac{5}{18} \times S4. \quad (1)$$

В формуле (1) наибольшую значимость имеет субиндекс *S2* (научный потенциал), наименьшую – *S3* (информационный потенциал). Субиндексы *S1* (кадрово-образовательный потенциал) и *S4* (экономический потенциал) – промежуточные значения. Это объясняется тем, что при расчете отдельных субиндексов используется разное количество показателей, перечень которых определялся с учетом важности и существенности.

На третьем этапе (*заключительном*) формируется массив расчетных данных показателей инновационного потенциала исследуемых субъектов РФ, входящих в Арктическую зону. Это дает возможность провести ранжирование и сравнить территории по степени инноваци-

онного потенциала. Интерпретация значений уровня инновационного потенциала в авторской методике имеет 5 уровней: критический (недопустимый) ($I < 0,3$), низкий ($0,3 \leq I < 0,5$), средний ($0,5 \leq I < 0,8$), повышенный ($0,8 \leq I < 0,9$), высокий ($0,9 \leq I$).

В методике вводится понятие «индикатор качества уровня инновационного потенциала». Индикатор представляет собой отношение значения уровня инновационного потенциала конкретного региона к значению уровня инновационного потенциала региона-лидера. Предлагаемый показатель изменяется в интервале от 0 до 1 включительно. Значение, равное 1, свидетельствует о лидирующем положении по представленному показателю. Значение меньше 1 указывает на степень отставания региона.

Предложенный индикатор даёт возможность оценить разрыв между регионом-лидером и оцениваемым регионом, но для этого необходимо сформировать массив данных по субъектам.

Предлагаем провести кластеризацию регионов с применением четырех частных потенци-

алов, сгруппировать территории по уровню инновационного потенциала, выявить лидеров и аутсайдеров с целью обоснования предложений по стимулированию ключевых направлений в инновационной деятельности. Использование метода k-средних исключает взвешивание частных потенциалов для расчета инновационного потенциала, как предлагается в авторской методике. В расчетах используются индивидуальные индексы, которые имеют одинаковую степень значимости. Сопоставление результатов, полученных по авторской методике и методом k-средних, позволит оценить степень расхождения результатов и практической значимости предложенной модели.

Результаты исследования

С опорой на описанную методику проведена оценка инновационного потенциала регионов, входящих в Арктическую зону РФ, с целью осуществления сопоставительного анализа и дальнейшего ранжирования территорий.

В таблице 7 представлена сводная информация по блокам, включающая данные за 2020 год, необходимые для оценки уровня инновационного потенциала.

Таблица 7. Показатели инновационного потенциала по блокам в регионах, входящих в Арктическую зону РФ

Показатель	Мурманская область	Чукотский АО	Ямало-Ненецкий АО	Архангельская область и НАО	Республика Карелия	Республика Коми	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)
1. Кадрово-образовательный потенциал								
Изменение среднегодовой численности занятых, % к предыдущему году	96,1	100,2	98,6	97,5	97,7	95,6	97,1	97,5
Уровень занятости населения, %	61,5	76,2	72,1	53,7	53,5	57,0	58,9	62,7
Численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, чел.	358	4	12	987	736	547	4486	1532
Численность обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел.	90	28	7	153	177	170	233	242

Окончание таблицы 7

Показатель	Мурманская область	Чукотский АО	Ямало-Ненецкий АО	Архангельская область и НАО	Республика Карелия	Республика Коми	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)
2. Научный потенциал								
Выдача патентов на изобретение, шт.	23	0	27	56	38	32	326	54
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	2837,4	-*	224,8	1574,6	1062,1	2097,7	26588,1	3076,2
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, шт.	35	7	7	34	19	25	71	31
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	1988	-*	135	999	1113	1468	8334	2140
Уровень инновационной активности организаций, %	9,4	6,7	5,9	4,4	7,0	8,0	6,7	8,6
Затраты на инновационную деятельность, млн руб.	3438,5	70,0	1419,6	1930,0	4748,6	5423,3	53845,9	6544,3
3. Информационный потенциал								
Использование цифровых технологий в организациях (организации, использующие персональные компьютеры), %	79,4	87,1	80,1	84,6	87,4	79,2	80,1	80,2
Число персональных компьютеров на 100 работников, шт.	53	54	41	50	62	53	53	51
Использование сети Интернет населением, % от общей численности субъекта	90,7	93,1	95,3	83,7	86,5	84,0	83,8	94,3
4. Экономический потенциал								
Объём инвестиций в основной капитал, млрд руб.	191,1	31,6	1075,3	198,8	56,9	140,4	478,8	221,7
ВРП на душу населения, тыс. руб.	828,4	1898,6	5710,5	780,6	527,8	873,1	938,0	1258,7
Темп роста численности населения, %	98,8	98,5	100,5	99,2	99,7	99,2	99,6	101
Индексы промышленного производства, %	101,0	101,0	100,5	93,2	105,5	91,2	91,2	95,3
Степень износа основных фондов, %	42,7	48,9	57,3	54,8	53,8	55,1	46,7	57,3
* Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (п. 5 ст. 4, ч. 1 ст. 9). Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/								

Следует отметить, что отсутствуют данные по Чукотскому АО по показателям «Внутренние затраты на научные исследования и разработки», «Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками» в разделе «Научный потенциал». Вследствие этого расчет уровня инновационного потенциала в этом субъекте РФ носит ограниченный характер и может повлиять на результаты итоговых расчетов.

В таблице 8 представлен расчет индивидуальных индексов, субиндексов и интегрального показателя инновационного потенциала по регионам с применением авторской методики (формула 1).

Согласно данным, приведённым в таблице 8, интегральный показатель инновационного потенциала по изучаемым регионам не превышает 1. Интерпретация значений уровня инновационного потенциала в авторской методике

Таблица 8. Индивидуальные индексы, субиндексы и интегральный показатель инновационного потенциала в регионах, входящих в Арктическую зону РФ

Индекс	Мурманская область	Чукотский АО	Ямало-Ненецкий АО	Архангельская область и НАО	Республика Карелия	Республика Коми	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)
1. Кадрово-образовательный потенциал								
i_{11}	0,959	1,000	0,984	0,973	0,975	0,954	0,969	0,973
i_{12}	0,807	1,000	0,946	0,705	0,702	0,748	0,773	0,823
i_{13}	0,080	0,001	0,003	0,220	0,164	0,122	1,000	0,342
i_{14}	0,372	0,116	0,029	0,632	0,731	0,702	0,963	1,000
$S1$	0,093	0,029	0,007	0,158	0,183	0,176	0,241	0,250
2. Научный потенциал								
i_{21}	0,071	0,000	0,083	0,172	0,117	0,098	1,000	0,166
i_{22}	0,107	0,000	0,008	0,059	0,040	0,079	1,000	0,116
i_{23}	0,493	0,099	0,099	0,479	0,268	0,352	1,000	0,437
i_{24}	0,239	0,000	0,016	0,120	0,134	0,176	1,000	0,257
i_{25}	1,000	0,713	0,628	0,468	0,745	0,851	0,713	0,915
i_{26}	0,064	0,001	0,026	0,036	0,088	0,101	1,000	0,122
$S2$	0,329	0,135	0,143	0,222	0,232	0,276	0,952	0,335
3. Информационный потенциал								
i_{31}	0,908	0,997	0,916	0,968	1,000	0,906	0,916	0,918
i_{32}	0,855	0,871	0,661	0,806	1,000	0,855	0,855	0,823
i_{33}	0,952	0,977	1,000	0,878	0,908	0,881	0,879	0,990
$S3$	0,905	0,948	0,859	0,884	0,969	0,881	0,884	0,910
4. Экономический потенциал								
i_{41}	0,178	0,029	1,000	0,185	0,053	0,131	0,445	0,206
i_{42}	0,145	0,332	1,000	0,137	0,092	0,153	0,164	0,220
i_{43}	0,983	0,980	1,000	0,987	0,992	0,987	0,991	1,005
i_{44}	0,957	0,957	0,953	0,883	1,000	0,864	0,864	0,903
i_{45}	1,000	0,873	0,745	0,779	0,794	0,775	0,914	0,745
$S4$	0,653	0,635	0,940	0,594	0,586	0,582	0,676	0,616
Интегральный показатель инновационного потенциала, I	0,462	0,386	0,454	0,422	0,442	0,440	0,706	0,490
Источник: составлено авторами.								

свидетельствует о том, что арктические территории являются регионами с низким уровнем инновационной активности. Значения попадают в интервал $(0,3 \leq I < 0,5)$. Исключение составляет Красноярский край, у которого средний уровень инновационного потенциала равен $0,706$ $(0,5 \leq I < 0,8)$.

Для визуализации полученных результатов применяется лепестковая диаграмма, содержащая субиндексы (частные потенциалы) по регионам (рисунок).

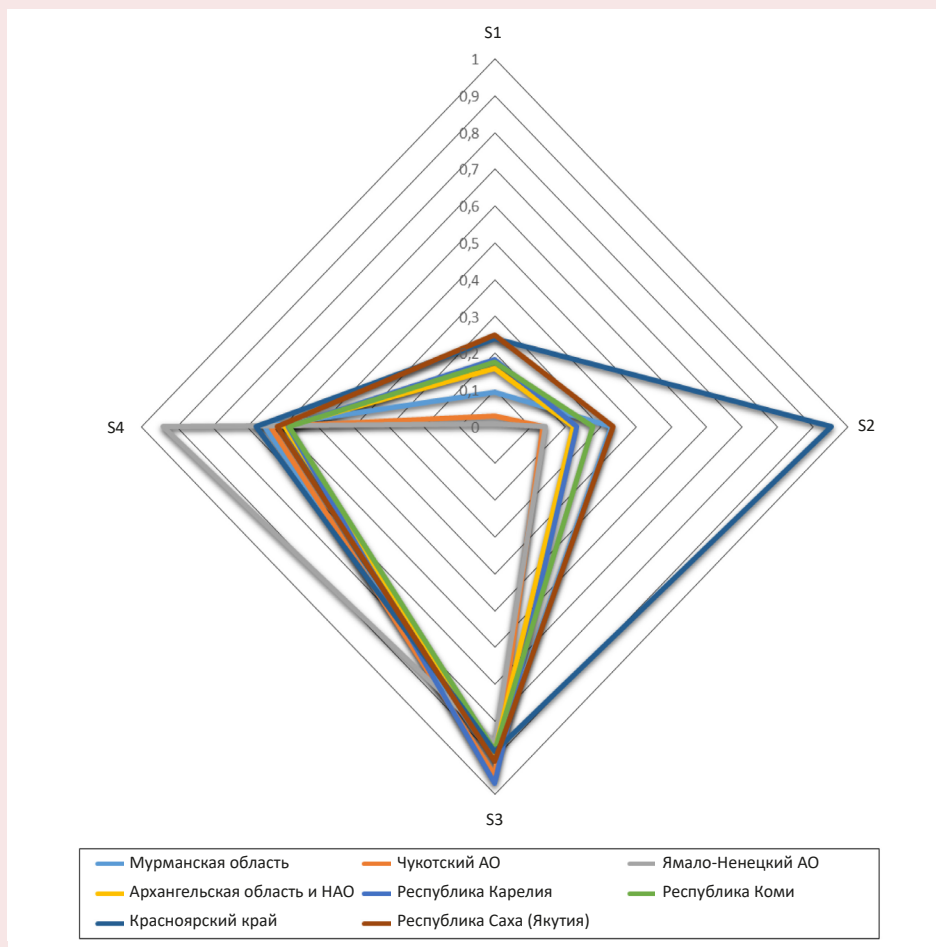
Видим, что значения субиндексов по блокам кадрово-образовательный потенциал ($S1$), научный потенциал ($S2$), экономический потенциал ($S4$) не превышают $0,5$ или незначительно отклоняются от этого уровня. Исключение составляют Красноярский край ($S2 = 0,952$), Ямало-Ненецкий АО ($S4 = 0,940$).

Информационный потенциал ($S3$) по всем изучаемым регионам стремится к единице.

В таблице 9 представлено ранжирование регионов, входящих в Арктическую зону РФ, по уровню инновационного потенциала и приведены значения индикатора качества уровня инновационного потенциала.

Лидирующим регионом по уровню инновационного потенциала является Красноярский край. На последнем и предпоследнем местах в рейтинге находятся Чукотский АО и Архангельская область и НАО. Результаты расчетов по Чукотскому АО требуют комментариев, так как в отношении этого субъекта отсутствует информация по отдельным показателям блока «Научный потенциал», что приводит к занижению субиндекса $S2$ и уменьшению уровня инновационного потенциала.

Субиндексы инновационного потенциала регионов, входящих в Арктическую зону РФ

Источник: расчёты авторов на основании данных Росстата.

Таблица 9. Ранжирование регионов, входящих в Арктическую зону РФ, по уровню инновационного потенциала

Субъект	Индикатор качества уровня инновационного потенциала	Рейтинг региона
Красноярский край	1,000	1
Республика Саха (Якутия)	0,694	2
Мурманская область	0,655	3
Ямало-Ненецкий АО	0,643	4
Республика Карелия	0,627	5
Республика Коми	0,623	6
Архангельская область и НАО	0,597	7
Чукотский АО	0,547	8

Источник: расчёты авторов на основании данных Росстата.

Отметим, что рассматриваемые в работе территории по индикатору качества уровня инновационного потенциала незначительно отличаются друг от друга, наблюдается разброс значений от 0,547 до 0,694 (см. табл. 9). Следовательно, развитие регионов осуществляется в целом равномерно. Исключение составляет Красноярский край, занимающий лидирующие позиции.

Обратимся к методу *k*-средних для оценки практической значимости авторской методики. В рамках использования кластерного метода по частным потенциалам: кадрово-образовательный потенциал (*S1*), научный потенциал (*S2*), информационный потенциал (*S3*), экономический потенциал (*S4*) выделено 2 кластера. В первый кластер входят Мурманская область, Архангельская область и НАО, Республика Карелия, Республика Коми, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), во второй кластер – Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО.

Применение кластерного метода привело к выводу о том, что аутсайдерами являются Чукотский АО и Ямало-Ненецкий АО. Различия в расчетах по авторской методике с кластерным методом зафиксированы по двум субъектам: Архангельская область и НАО и Ямало-Ненецкий АО, т. к. в разработанной нами методике значимость блока «Экономический потенциал» высокая (формула 1), а в кластерном методе веса всех показателей равноценны.

В итоге в авторской методике субиндекс (*S4*) значительно повлиял на интегральный показатель инновационного потенциала и вывел Ямало-Ненецкий АО на 4 место в рейтинге, а Архангельскую область и НАО – на 7 место. Расхождение в результатах не может отрица-

тельно повлиять на целесообразность применения методики. Возможно расширение перечня показателей, входящих в блоки «Кадрово-образовательный потенциал» (*S1*), «Информационный потенциал» (*S3*).

Таким образом, предложенная методика позволяет оценить инновационный потенциал с использованием интегрального и рейтингового методов в рамках ресурсного подхода. Методика имеет преимущества: проста в применении, обеспечивает доступность в получении актуальной, достоверной статистической информации по изучаемым частным показателям, дает возможность ранжировать регионы и проводить сопоставительный анализ территорий с целью выявления проблем, связанных с инновационным развитием.

Инновационная деятельность в Арктической зоне РФ

По результатам проведенного исследования регионы Арктической зоны РФ отнесены к территориям с невысокой инновационной активностью. Используя цифровой материал, полученный в ходе апробации методики, представим качественную оценку уровня инновационного потенциала арктических территорий субъектов РФ (табл. 10).

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что в арктических регионах наблюдается инновационное развитие следующих отраслей: энергетика, транспорт, добыча и транспортировка углеводородного сырья. Это обусловлено особенностями территорий: богатые месторождения полезных ископаемых, ориентация экономики на добычу углеводородов, вывоз ресурсов в другие субъекты РФ и за её пределы, зависимость от поставок жизненно важных товаров и про-

Таблица 10. Качественная оценка уровня инновационного потенциала регионов, входящих в Арктическую зону РФ

Субъект РФ	Качественная оценка уровня инновационного потенциала
Красноярский край	Инновационно развитый регион. Высокий уровень кадрово-образовательного, научного и цифрового потенциалов. Однако следует отметить, что инновационная структура сосредоточена в крупных городах и её воздействие на рост периферийных арктических территорий незначительно. Инновационная структура включает кластер, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, территории опережающего социально-экономического развития, инновационные центры, информационные центры, центры коллективного пользования и другие объекты. Регион является лидером по потребности в инвестициях. Инновационная деятельность связана с горнодобывающей промышленностью.
Республика Саха (Якутия)	Наблюдается средний уровень инновационной активности, но за счет территорий, не входящих в Арктическую зону РФ. Особое внимание уделяется добыче алмазов и золота, электроэнергетике, топливной отрасли. Субъект имеет высокий уровень экономического потенциала. Инновационная структура включает кластер, бизнес-инкубатор, инновационный центр, территории опережающего социально-экономического развития.
Мурманская область	Положительные тенденции в развитии региона, высокий уровень научного и цифрового потенциалов. В регионе имеются объекты развитой транспортной инфраструктуры (порты, аэропорты, разветвленная сеть железнодорожного и автомобильного транспорта), промышленные предприятия. Инновационное развитие осуществляется в следующих отраслях: энергетика, транспорт, добыча и транспортировка углеводородного сырья. Инновационная структура включает кластер, бизнес-инкубатор, инновационный центр, территории опережающего социально-экономического развития.
Ямало-Ненецкий АО	В регионе низкий кадрово-образовательный и научный потенциал. Следует подчеркнуть, что в последнее время происходит активное развитие морского порта Сабетта, железнодорожных транспортных коридоров, аэропортов. Инновационное развитие направлено на рост топливно-промышленного комплекса, переработку и транспортировку углеводородов. Инновационная структура представлена технопарками, инновационно-технологическим центром, фондами.
Республика Карелия	Средний уровень кадрово-образовательного, научного потенциалов. Активное развитие лесной, деревообрабатывающей, горнодобывающей промышленности, рыболовства, пушного звероводства. Инновационная структура включает кластер, бизнес-инкубатор, инновационный центр, территории опережающего социально-экономического развития.
Республика Коми	Низкий уровень научного, кадрово-образовательного потенциалов. Удаленность арктических территорий от центра. Развитие топливно-энергетического комплекса (нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, газовая, угольная отрасли и электроэнергетика), оленеводство. Инновационная структура состоит из кластера, бизнес-инкубатора, инновационного центра, территории опережающего социально-экономического развития, центров трансфера технологий.
Архангельская область и НАО	Архангельская область рассматривается вместе с НАО, в результате показатели инновационной деятельности невысокие. Инновационная инфраструктура состоит из научно-образовательного и технологического комплексов с участием Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, технопарков и бизнес-инкубаторов. В Ненецком АО наблюдается низкий научно-образовательный потенциал, слабо развита транспортная логистика. Инновационное развитие и модернизация экономики области осуществляется в следующих отраслях: сельское хозяйство, энергетика и жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, добыча и транспортировка углеводородного сырья. Особое внимание уделяется внедрению инноваций на предприятиях лесопромышленного и агропромышленного комплексов, судостроения.
Чукотский АО	Самый низкий уровень кадрово-образовательного и научного потенциалов (суровые климатические условия, низкая плотность населения, моноотраслевой характер развития отрасли: горнодобывающая промышленность). Главными направлениями сельского хозяйства региона являются оленеводство и охотничий промысел. Инновационная структура состоит из территории опережающего социально-экономического развития.
Источник: составлено авторами.	

дуктов питания, неразвитость транспортной сети, очаговый характер освоения территорий и ведения производственно-хозяйственной деятельности. Поэтому к основным направлениям инновационной политики можно отнести совершенствование технологии добычи полезных ископаемых, поиск альтернативных источников энергии, развитие транспортной системы (своевременная модернизация и расширение портовой, железнодорожной инфраструктуры, региональной авиации, применение цифровых технологий в транспортной логистике), интенсификацию сельского хозяйства с целью повышения продовольственной безопасности. Важно проводить планомерную работу не только в областных центрах, но и на периферии, обеспечивая комплексное развитие территорий.

Для устойчивого и стабильного роста регионов необходима динамичная и целенаправленная работа, заключающаяся в подготовке и реализации программ, связанных с инновационно-инвестиционной деятельностью. Правительство регионов должно устанавливать достижимые целевые показатели в государственных программах, направленных на инновационное развитие и модернизацию экономики. Главное – повысить качество планирования целевых ориентиров с учетом текущей и перспективной ситуации.

Такой подход даст возможность внедрять новейшие технологии, создать дополнительные рабочие места, снизить уровень безработицы, увеличить налоговые поступления в бюджеты регионов, улучшить социально-экономическое состояние субъектов, повысить привлекательность арктических территорий и качество жизни населения, тем самым уменьшить миграционный отток в другие регионы Российской Федерации.

Для обеспечения эффективного инновационного развития территорий требуется не только качественная нормативно-законодательная база, но и наличие инновационных структур в регионах. Особое внимание должно уделяться производственно-технологической составляющей: кластерам, технопаркам, инновационно-технологическим и информационным центрам, бизнес-инкубаторам и другим значимым объектам.

Выводы

В заключение следует подчеркнуть, что в современных условиях функционирования региональной экономики особое внимание должно уделяться вопросу инновационного развития территорий. Такой подход вызывает мощный импульс для создания благоприятных условий устойчивого роста и совершенствования социально-экономических систем (регионов), даёт возможность осуществлять прогнозирование, анализ, мониторинг функционирования субъектов, разрабатывать мероприятия по повышению их инновационной активности.

Теоретические основы исследования заключаются в рассмотрении методологических аспектов оценки инновационного потенциала региона. Авторами проведен анализ термина «инновационный потенциал» и подтверждено наличие многообразия трактовок и неоднозначности суждений о нем. Это позволило обосновать актуальность исследования, выявить основные подходы к оценке уровня инновационного потенциала, проанализировать существующие методы, применяемые в рамках ресурсного, результативного, ресурсно-результативного подходов, и предложить методику оценки инновационного потенциала.

Апробация проведена на статистических данных регионов, входящих в Арктическую зону РФ. Методика дает возможность получить ранжированный массив, включающий оценку уровня инновационного потенциала по субъектам, и составить их рейтинг по изучаемому показателю.

Пространственный анализ уровня инновационного потенциала территорий Арктической зоны РФ выявил:

- в целом равномерное инновационное развитие регионов; исключение составляют Чукотский АО (аутсайдер – 8 позиция в рейтинге) и Красноярский край (лидер – 1 позиция в рейтинге);
- невысокий уровень изучаемого показателя в силу особенностей развития регионов: низкая степень освоения, неравномерное размещение населенных пунктов и производственных мощностей, удаленность объектов от основных транспортных магистралей (значительные площади и наличие труднодоступных районов);

- ориентацию на моноотраслевой характер функционирования экономики;
- акцент на интенсификацию нововведений в сфере энергетики, транспорта, добычи и транспортировки углеводородного сырья (Северный морской путь в настоящее время определяет траекторию движения национальной экономики);
- диспропорции в пространственной локализации инновационной структуры (отсутствие

на периферийных арктических территориях и концентрация в областных центрах).

Результаты исследования могут быть использованы в процессе принятия управленческих решений, связанных с вопросами развития региональной экономики. Перспективное направление работы заключается в расширении перечня оцениваемых факторов и апробировании методики на статистических показателях других федеральных округов РФ.

Литература

- Архипова Л.С., Гагарина Г.Ю. (2014). Подходы к оценке развития инновационной экономики в регионах России // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. № 4. С. 7–17.
- Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2016). Ранжирование субъектов Российской Федерации по потенциалу и темпам социально-экономического развития // Регион: Экономика и Социология. № 2 (90). С. 3–22. DOI: 10.15372/REG20160201
- Бердникова Л.Ф. (2015). Ресурсная составляющая инновационного развития современной организации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. № 1 (31). С. 65–69.
- Гаджиев Ю.А., Стыров М.М., Колечков Д.В., Шляхтина Н.В. (2016). Анализ инновационного потенциала северных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (48). С. 236–254. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.13
- Губанова Е.С., Москвина А.С. (2020). Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 41–55. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.3
- Гусев А.Б. (2009). Формирование рейтингов инновационного развития регионов России // Наука. Инновации. Образование. Т. 4. №. 1. С. 158–173.
- Гусельникова Л.Н. (2020). Факторы, влияющие на динамику инновационного потенциала региона // Вестник Академии знаний. № 6 (41). С. 99–105. DOI: 10.24412/2304-6139-2020-10768
- Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Грачев С.А. (2018). Региональная система экономических и социальных факторов формирования ресурсов инновационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.6
- Ершова И.Г., Гусельникова Л.Н. (2020). Оценка инновационного потенциала региона в условиях цифровой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. № 32 (6). С. 175–180. DOI: 10.24412/2309-4788-2020-10709
- Жиц Г.И. (2000). Инновационный потенциал и экономический рост. Саратов: Саратовский государственный технический университет. 164 с.
- Исюмова О.Н. (2011). Инструментарий управления инновационным потенциалом региона в условиях его устойчиво-воспроизводственного развития (на материалах Волгоградской области) // Terra Economicus. Т. 9. № 4-3. С. 168–172.
- Кравченко С.И., Кладченко И.С. (2003). Исследование сущности инновационного потенциала // Научные труды Донецкого технического университета. Серия: Экономическая. Вып. 68. Донецк: ДонНТУ. С. 88–96.
- Кормишкина Л.А., Колосков Д.А. (2017). Инновационные подходы к формированию инструментов инвестиционной политики с позиции парадигмы неоиндустриального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 218–233. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.14
- Котихина О.Ф. (2007). Методические подходы к оценке инновационного потенциала // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. № 17 (89). С. 32–37.
- Кузнецова Н.В. (2017). Потенциал инновационного развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 3. С. 150–170. DOI: 10.15838/esc.2017.3.51.8

- Митрофанова И.В., Бендь А.С. (2006). Инновационный потенциал региона: проблемы формирования и использования // Сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. «Управление инновациями». Москва: Доброе слово. С. 186–189.
- Овчинников В.Н. (2016). Системодополняющий эффект взаимодействия инновационного потенциала и институциональной среды региона // Экономика региона. Т. 12. № 2. С. 537–546. DOI: 10.17059/2016-2-18
- Перевозчикова Н.А., Багдасарова Д.Г. (2020). Инновационный потенциал региона: сущность и методические подходы к его оценке // Вестник Института экономических исследований. № 3 (19). С. 91–99.
- Прокофьев К.Ю. (2013) Инновационный потенциал региона: сущность, структура // Стратегия развития региона. № 30 (309). С. 12–18.
- Татаркин А.И., Новикова К.А. (2015). Инновационный потенциал территории в поведенческих оценках населения // Экономика региона. № 3 (43). С. 279–294. DOI: 10.17059/2015-3-23
- Токтамышева Ю.С. (2015). Индикаторы инновационного развития регионов Российской Федерации в анализе потенциала их экономического роста // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. № 3. С. 153–158.
- Armstrong H. (1993). *Regional Economics and Policy*. New York.
- Bramanti A., Tarantola S. (2012.) *Regional Innovation Index Regional champions within national Innovation Systems*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Calik E., Calisir F., Cetinguc B. (2017). A scale development for innovation capability measurement. *Journal of Advanced Management Science*, 5(2), 69–76. DOI: 10.18178/joams.5.2.69-76
- Carlino G., Kerr W.R. (2014). Agglomeration and innovation. *NBER Working Paper Series*, 20367, 1–62.
- Chen D.H.C., Dahlman C.J. (2006). *The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations*. Washington: World Bank Institute.
- Fraas M. (2004). *Oslo Innovation Scoreboard. Revealed Regional Summary Innovation Index for the Oslo Region*. Oslo.
- Fritsch M., Lukas R. (1991). Innovation, cooperation, and the region. In: Audretsch D.B., Thurik R. (Eds.). *Innovation, Industry Evolution and Employment*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fritch M. (2002). Measuring the quality of regional innovation systems: A knowledge production approach. *International Regional Science Review*, 25, 86–101.
- Lesáková L. (2011). The process of forming the regional innovation strategy. *Acta Polytechnica Hungarica*, 8(1), 5–22.
- Porter M. (1985). *Competitive Advantage*. New York: The Free Press.
- Slaper T.F., Harmon K.M., Rubin B.M. (2018). Industry clusters and regional economic performance: A study across U.S. metropolitan statistical areas. *Economic Development Quarterly*, 32(1), 44–59. DOI: 10.1177/0891242417752248
- Zabala-Iturriagoitia J-M., Voigt P., Gutiérrez-Gracia, F.Jiménez-Sáez A. (2007). Regional innovation systems: How to assess performance. *Regional Studies*, 41(05), 661–672.

Сведения об авторах

Марина Николаевна Кузнецова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий инженер, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: m.kuznetsova@narfu.ru)

Анастасия Сергеевна Васильева – кандидат экономических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.vasileva@narfu.ru)

Kuznetsova M.N., Vasilyeva A.S.

Innovation Potential of Regions within the Arctic Zone of the Russian Federation: Assessment Methodology, Comparative Analysis, Development Prospects

Abstract. Innovation potential, which determines economic competitiveness of a region (country) is an important indicator of sustainable development and growth of territories. Many existing approaches to measuring this indicator require further discussion within the academic community. It is necessary to supplement and expand the tools to improve the assessment of the quality of the indicator under consideration. The Arctic zone of the Russian Federation is in the scope of Russia's strategic interests due to the geopolitical and geo-economic positions of this territory in the modern world (12–15% of the country's GDP is created here, and 25% of exports is provided). Eight RF constituent entities belonging to the Arctic territories are the object of our study. Methodological basis includes analysis of documents that define strategic development of territories within the framework of the innovation direction, and review of existing approaches to assessing innovation potential level. Regional statistical data serve as the information base. The aim of the research is to develop a methodology for assessing innovation potential using objective indicators grouped into blocks and calculated using the integral method. The results are visualized on a radar chart that contains indicators for the regions included in the RF Arctic zone. This makes it possible to compare RF constituent entities according to the degree of innovation potential and determine their position. We suggest clustering regions, identifying leaders and outsiders so as to substantiate proposals to stimulate key areas in innovation activity. We provide an interpretation of the values of innovation potential level. The findings of the research indicate the necessity to design programs for regional development of territories with the involvement of large business as a potential investor.

Key words: innovation, innovation potential, resource approach, integral method, index method, cluster analysis, assessment methodology, regions of the Arctic zone of the Russian Federation.

Information about the Authors

Marina N. Kuznetsova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, leading engineer, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: m.kuznetsova@narfu.ru)

Anastasia S. Vasilyeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: a.vasileva@narfu.ru)

Статья поступила 16.01.2023.

Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства

Илья Викторович

НАУМОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ilia_naumov@list.ru

ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

Владислав Михайлович

СЕДЕЛЬНИКОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: vms-1990@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0494-2647

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем неравномерного пространственного развития сферы животноводства в регионах России, формирующегося под воздействием множества факторов, в том числе объема привлекаемых инвестиций, кадровых ресурсов, и ставящего под угрозу продовольственную безопасность территорий. В качестве цели исследования выступает оценка пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в Свердловской области. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: провести пространственный автокорреляционный анализ развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области, рассмотреть влияние инвестиций и затрат на развитие кадрового потенциала на пространственную неоднородность отрасли животноводства в регионе, оценить пространственные эффекты от развития отрасли животноводства в территориаль-

Для цитирования: Наумов И.В., Седельников В.М. (2023). Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 88–111. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.5

For citation: Naumov I.V., Sedelnikov V.M. (2023). Forecasting the impact of investments on spatial heterogeneity in the development of the livestock industry. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 88–111. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.5

ных системах, сформировать прогнозные сценарии ее развития в муниципальных образованиях региона до 2025 года. Анализ теоретико-методологических подходов к оценке пространственной неоднородности на региональном и муниципальном уровнях показал разнообразие используемых отечественными и зарубежными исследователями методов. Их применение не позволяет комплексно оценить пространственную неоднородность развития отрасли животноводства. Для решения этой проблемы был предложен методический подход, новизной применения которого является системность использования методов пространственного автокорреляционного анализа по различным матрицам пространственных весов, регрессионного анализа по панельным данным и ARIMA-моделирования, которые в сочетании друг с другом дают возможность установить степень влияния инвестиций и других факторов на неоднородность развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях региона и сформировать систему различных прогнозных сценариев. Построенные регрессионные модели подтвердили дифференцированное влияние инвестиций и кадровых ресурсов на пространственную неоднородность сферы животноводства в Свердловской области и обозначили перспективы ее развития.

Ключевые слова: инвестиции, животноводство, пространственная неоднородность, производственная функция Кобба – Дугласа, пространственная автокорреляция, сценарное прогнозирование, ARIMA-моделирование.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН на 2023 г.

Введение

Проблематика, связанная с пространственной неоднородностью развития отрасли животноводства на региональном и муниципальном уровнях, актуальна в настоящее время и характерна для всех стран мира независимо от уровня экономического развития. Пространственная неоднородность развития отрасли животноводства, по нашему мнению, проявляется в чрезмерной концентрации производств в определенных территориальных системах и недостаточности их развития в других, что формирует угрозы продовольственной безопасности экономического пространства на муниципальном, региональном и макроэкономическом уровнях. Неоднородность в деятельности субъектов агропромышленного производства выражается в силу существующих различий в объеме и структуре используемых ресурсов, особенностей географического положения региона, качества получаемой продукции и ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, близости к каналам сбыта и т. д. (Горбатовская, 2017). По мнению В.Ф. Печенецкого и О.И. Снегирева, среди множества факторов, оказывающих влияние на размещение и развитие отдельных отраслей животноводства, к наиболее значимым относятся природный потенциал сельского хозяйства ре-

гиона, зоны и степени его использования, землеобеспеченность, зональные сочетания отраслей, уровень и структура местного потребления продовольствия, расстояния и средства перевозок тех или иных видов продуктов и сырья для их производства от места производства к местам их потребления, от которых зависят транспортные расходы (Печенецкий, Снегирев, 2018). Как отмечает С.С. Патракова, в целях снижения пространственной неоднородности и асимметрии, повышения сбалансированности развития муниципальных образований региона необходимо формировать новые локальные центры и полюса роста, повышать интенсивность пространственных взаимодействий между территориями (Патракова, 2022).

В зарубежных исследованиях также преобладает подход, заключающийся в поиске оптимальных вариантов снижения негативных эффектов пространственной неоднородности, например, в работе, посвященной изучению факторов, влияющих на продовольственную безопасность в Китае, рассматриваются масштабные различия и пространственные неоднородности продовольственной безопасности, а также факторы, ее определяющие (Lv et al., 2022).

В настоящее время актуальны исследование динамики изменения пространственной неоднородности в развитии отрасли животноводства в территориальных системах различного уровня и выработка механизмов ее сглаживания. Важным аспектом является оценка факторов формирования и развития данной пространственной неоднородности. Исходя из этого, основной целью представленной работы стала оценка пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в Свердловской области. Объектом исследования выступают муниципальные образования Свердловской области, предметом – социально-экономические отношения, возникающие в процессе производства продукции животноводства.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: провести теоретический обзор методов, используемых для оценки пространственной неоднородности экономической деятельности хозяйствующих субъектов, сценарного моделирования, прогнозирования их развития в будущем и формирования системного подхода, учитывающего преимущества и недостатки данных методов; оценить пространственную неоднородность развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области и осуществить поиск основных центров (полюсов роста) развития данной отрасли, похожих по уровню развития отрасли муниципальных образований, которые могут объединиться в пространственные кластеры, а также зон их влияния; провести моделирование пространственных эффектов в развитии отрасли животноводства в данных территориальных системах; сформировать регрессионную модель Кобба – Дугласа с использованием панельных данных по муниципальным образованиям Свердловской области для оценки влияния привлекаемых инвестиций в основной капитал и оплаты труда работников на объем производства продукции животноводства в муниципальных образованиях региона; построить регрессионные модели по временным рядам для оценки степени влияния данных факторов на развитие отрасли животноводства; осуществить ARIMA-моделирование динамики оцениваемых факторов для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев развития

отрасли до 2025 года: инерционного, учитывающего наблюдаемые в настоящее время тенденции, оптимистичного и пессимистичного.

Решение поставленных задач позволит установить не только пространственную неоднородность развития отрасли животноводства в Свердловской области, но и дифференцированность факторов ее формирования, а построенные регрессионные модели в дальнейшем помогут выработать механизмы ее сглаживания.

Обзор теоретико-методологических подходов к оценке пространственной неоднородности

Оценка явления пространственной неоднородности получила широкое развитие в трудах отечественных и зарубежных ученых. Так, К.Т. Сибхату, Л. Стейнхубель, Х. Сирегар, М. Каим, М. Вольни исследовали пространственную неоднородность деятельности по производству пальмового масла на примере домохозяйств провинции Джамби в Индонезии на основе структурированных аддитивных регрессионных моделей с нелинейными пространственными эффектами с целью визуализации пространственных кластеров (Sibhatu et al., 2021). В. Янг, Х. Джиа и другие авторы рассматривали пространственную неоднородность в потреблении продуктов питания сельских домашних хозяйств на основе анализа пищевых и потребительских привычек на примере типичных переходных пастбищ Внутренней Монголии и Китая с использованием одностороннего дисперсионного анализа (Yang et al., 2022). Коллективом авторов (Т.Дж. Чикувире, С. Мпепереки и др.) с помощью описательной и непараметрической статистики было исследовано влияние пространственной неоднородности на продовольственную безопасность муниципального района Мутоко, типичной засушливой зоны в Зимбабве (Chikuvire et al., 2006). М.Ю. Архипова, А.И. Смирнов использовали линейные и нелинейные регрессионные модели с целью статистической оценки применяемых показателей для прогнозирования урожайности сельскохозяйственных культур (Архипова, Смирнов, 2020).

Для исследования пространственной неоднородности социально-экономического развития на региональном и муниципальном уровнях достаточно часто применяются статистические методы: интегральные коэффициенты, индексы Херфиндаля – Хиршмана, Тейла, стати-

стические характеристики (среднее значение, медиана, среднее квадратичное отклонение, коэффициент асимметрии, коэффициент эксцесса, коэффициент вариации и др.). Показатель дифференциации – индекс Тейла – использовался А.В. Бровковой для анализа социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России, а также выявления проблемных зон пространственного развития и полюсов роста (Бровкова, 2014). И. Жанг и Б. Ли применяли индекс Тейла и географически взвешенную регрессию для объяснения пространственно-временных характеристик распределения производства пшеницы в регионе Хуан-Хуай-Хай (Zhang, Li, 2022). Г.Ю. Гагарина и Р.О. Болотов осуществили декомпозицию межрегионального неравенства при помощи индекса Тейла и доказали, что различия в пределах федеральных округов – лишь небольшая часть пространственной неоднородности, в то время как на межрегиональные различия внутри округов приходится более 80% всей региональной вариации (Гагарина, Болотов, 2021). В исследовании А.Ф. Зимина и В.М. Тимирьяновой оценивается пространственная неоднородность рынка потребительских товаров на основе показателей специализации территорий и локализации отдельных процессов в регионах РФ (Зимин, Тимирьянова, 2016).

Коэффициент концентрации и индекс Херфиндаля – Хиршмана использовались М.Н. Толмачевым для исследования уровня концентрации производства продукции сельского хозяйства и факторов производства регионов РФ за период с 2000 по 2008 год (Толмачев, 2010), а Л. Пиетом – для оценки степени концентрации экономического и производственного потенциала фермерских хозяйств в странах Европейского союза (Piet, 2017). Статистические методы (в том числе коэффициенты К. Джини и вариации, индексы Э.Б. Аткинсона и А. Тейла) используются отечественными учеными для оценки региональной дифференциации по различным показателям, таким как валовой региональный продукт и доходы населения (Глазырина и др., 2010), заработная плата (Зубаревич, 2013), уровень распределения инвестиций, бедности и безработицы (Зубаревич, Сафронов, 2013), налоговые поступления

(Малкина, Балакин, 2014), бюджетные доходы до и после их распределения (Постникова, Шильцин, 2009).

Производственная функция Кобба – Дугласа и метод географически взвешенной регрессии (ГВР) активно применяются отечественными и зарубежными исследователями для моделирования пространственной неоднородности. В частности, А.А. Кос с соавторами выявили пространственные отличия сельскохозяйственного производства на основе ГВР и функции Кобба – Дугласа для оценки влияния сельского хозяйства на валовой доход Турции (Кос et al., 2017). В данной работе использовалась не стандартная производственная функция Кобба – Дугласа, а географически взвешенная ее модификация, при построении которой учитывались фиксированные эффекты регионов с помощью дамми-переменных, вектор переменных для региональных дамми-переменных и вектор параметров для описания взаимосвязи между факторами и региональной дамми-переменной в модели.

Т.П.С. Вэйгл применял производственную функцию Кобба – Дугласа для исследования логической взаимосвязи между производственными и трудовыми затратами на примере сельскохозяйственной отрасли Непала (Wagle, 2016). Н.В. Суворов и его коллеги использовали производственную функцию Кобба – Дугласа со статическими и динамическими параметрами на примере промышленного комплекса Республики Башкортостан за 2006–2016 гг. (Суворов и др., 2020).

М. Венбо, Т. Вейтенг, Ж. Киан, М. Кианкиан с помощью географически взвешенной регрессии на основе учета временных и геопространственных характеристик нивелировали недостатки традиционного пространственного анализа данных, который учитывает только пространственную неоднородность и игнорирует временную переменную. Авторами были выявлены ключевые факторы, влияющие на урбанизацию (социально-экономические факторы, образование, вторичная промышленность, среда обитания), в пространственно-временном измерении путем построения модели ГВР на примере 110 городов экономического пояса реки Янцзы (Wenbo et al., 2021).

А.Г. Билле, С. Сальвиони, Р. Бенедетти использовали метод итеративной географически взвешенной регрессии (IGWR) для преодоления пространственной неоднородности с целью выявления кластеров пространственных технологий, т. е. групп фирм, применяющих общую технологию, на примере рынка производства оливок в Италии (Bille et al., 2015). В. Фэнг, В. Хуанг, Б. Янг, К. Ху изучали факторы, вызывающие географическую неоднородность уровней производства зерна в китайской провинции Гуандун, в отношении земли, труда и капитала. Для устранения эффекта пространственного затухания влияющих факторов использовался метод ГВР (Fang et al., 2021). Вместе с тем методы географически взвешенной регрессии не позволяют оценить динамику пространственной неоднородности исследуемых процессов, поскольку опираются исключительно на пространственные данные и оценивают влияние факторов с применением географических координат объектов исследования (широты и долготы).

Помимо этого, для исследования пространственной неоднородности на региональном и муниципальном уровнях отечественными и зарубежными учеными использовались методы пространственной автокорреляции. А.А. Хан построил пространственные модели развития отрасли животноводства в регионах Турции с целью выявления полюсов роста и потенциальных кластеров на основании метода пространственной автокорреляции с учетом глобального и локального индексов Морана (Khan, 2020). Коллективом авторов (С. Хан, Ж. Ванг и др.) пространственный автокорреляционный анализ применялся для изучения пространственных структурных изменений отрасли животноводства в Китае за период 1980–2017 гг. Результаты исследования показали, что производственные мощности земель наряду с повышением уровня доходов и уровня жизни населения сыграли важную роль в развитии животноводства (Han et al., 2020). Т.А. Дуброва использовала многомерный статистический и кластерный анализ для формирования групп стран по производству мяса за период 2000–2011 гг. (Дуброва, 2014). Аналогичный инстру-

ментарий применяли И. Шуинь и Ф. Ксяокси при исследовании пространственных зависимостей и выявлении пространственной неоднородности растениеводства в провинции Сычуань с 2000 по 2016 год (Shouying, Qiaoxi, 2018), а Д.Дж. Аугустин, Д.Т. Бут, С.Е. Кокс и Дж.Д. Дернер – для анализа пространственной неоднородности растительности на пастбищах (Augustine et al., 2012).

Для рассмотрения пространственных эффектов от развития тех или иных процессов в зарубежных исследованиях использовались различные инструменты пространственного регрессионного моделирования, например модели с пространственным лагом (SAR), пространственной ошибкой (SEM), их комбинацией (SAC), а также пространственные модели Дарбина, в которых оценивался пространственный лаг факторных признаков (SDM-модель). Так, коллективом авторов (Н. Атиках, Б. Видодо и др.) применялась пространственная модель Дарбина (Spatial Durbin Model, SDM) с целью картографирования местности для оценки и оптимизации уровня налоговых поступлений от рекламы в городе Маланг (Atikah et al., 2021). Другие исследователи осуществили пространственное распределение элитных больниц Китая и оценили факторы, влияющие на него, на основе методов географически взвешенной регрессии (GWR), многомасштабной географически взвешенной регрессии (MGWR), GWR и MGWR с пространственной автокорреляцией (GWR-SAR и MGWR-SAR), моделью пространственного запаздывания (SLM) и моделью пространственной ошибки (SEM) (Shi et al., 2021). В качестве наиболее значимых факторов были названы уровень города, количество медицинских колледжей, уровень урбанизации, постоянное население и ВВП на душу населения. Ж. Бюлто, Т. Фолье, Р. Ле Бонек с помощью пространственных эконометрических моделей (SAR и GWR) выявили пространственную неоднородность и пространственные взаимовлияния между транспортной инфраструктурой г. Нант (северо-западная часть Франции) и ценовой политикой на продажи домов в городской и пригородной (сельской) местности (Bulteau et al., 2018).

Обзор теоретико-методологических подходов к оценке пространственной неоднородности развития сферы животноводства на региональном и муниципальном уровнях показал разнообразие используемых исследователями методов. Все рассмотренные выше методы имеют свои преимущества, недостатки, особенности и ограничения. Статистические методы позволяют осуществить быструю диагностику пространственной неоднородности, но при этом не дают возможности выявить факторы, ее обуславливающие. Регрессионный анализ помогает решить эту задачу, однако не учитывает полноценно влияние пространственных эффектов при исследовании неоднородности, а сформированные панельные модели могут затруднять прогностический процесс. Географически взвешенные регрессионные модели используются для анализа факторов пространственной неоднородности, позволяют учесть расстояния между территориями, но при этом не учитывают фактор времени, что значительно затрудняет процесс оценки изменения пространственной неоднородности в динамике. Пространственные модели (SAR, SEM, SAC, SDM и другие) дают возможность установить влияние соседних территорий, учесть фактор времени, однако сложноприменимы для многовариантного прогнозирования исследуемых процессов, так как коэффициенты регрессии, соответствующие пространственному лагу и ошибке, в них не могут быть интерпретированы напрямую, как в традиционных регрессионных моделях.

Пространственный автокорреляционный анализ позволяет осуществить кластерный анализ территорий, выявить имеющиеся прямые и обратные взаимосвязи между ними, определить основные центры концентрации ресурсов и таким образом подтвердить пространственную неоднородность их распределения. Вместе с тем в качестве фактора неоднородности рассматривается исключительно расстояние между территориальными системами. Поэтому для исследования пространственной неоднородности развития отрасли животноводства необходим методический подход, интегрирующий методы пространственного автокорреляционного ана-

лиза, регрессионного моделирования и ARIMA-моделирования и позволяющий выявить факторы, обуславливающие пространственную неоднородность, а также учесть влияние пространственных эффектов.

Методические основы сценарного моделирования и прогнозирования пространственной неоднородности отрасли животноводства

Для исследования и сценарного прогнозирования пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в регионе был предложен методический подход, опирающийся на методы пространственного автокорреляционного анализа, регрессионного моделирования с использованием панельных данных и авторегрессионного моделирования с использованием скользящей средней (ARIMA). На начальном этапе для оценки особенностей размещения основных центров производства отрасли животноводства применялся пространственный автокорреляционный анализ по модифицированной методике П. Морана. Ее модификация заключалась в использовании не одной, а целой системы матриц пространственных весов для расчета глобального и локальных индексов пространственной автокорреляции и формирования диаграммы рассеивания Морана (стандартизированных и традиционных матриц обратных расстояний по автомобильным дорогам, линейным расстояниям и смежным границам). Необходимость их использования обусловлена важностью получения обоснованных результатов пространственного анализа, их обобщения по различным матрицам.

Рассчитываемые на их основе глобальный (1) и локальные индексы пространственной автокорреляции Морана (2) в динамике за период с 2017 по 2020 год, оценка показателей их статистической значимости Z , P -value (3) позволят, в случае принятия отрицательных значений, подтвердить пространственную неоднородность развития отрасли животноводства в Свердловской области, определить тенденции ее изменения, а формируемая диаграмма рассеивания П. Морана — установить пространственные центры (полюса роста) развития данной отрасли, муниципальные образования, обладающие схожими характеристиками и высоким уров-

нем пространственного взаимовлияния, которые способны сформировать пространственные межтерриториальные кластеры в отрасли животноводства, а также их зоны сильного и слабого влияния.

$$I_G = \frac{\sum_i \sum_j w_{ij} (x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\frac{1}{n} \sum_i (x_i - \bar{x})^2 \sum_i \sum_j w_{ij}}, \quad (1)$$

где I_G – глобальный индекс пространственной автокорреляции Морана; w_{ij} – элемент матрицы весов W ; x_i – исследуемый показатель муниципального образования (i); x_j – анализируемый показатель другого муниципального образования (j); \bar{x} – среднее значение показателя; n – общее число муниципальных образований.

$$I_{Li} = n * \frac{(x_i - \bar{x}) \sum_j w_{ij} (x_j - \bar{x})}{\sum_i (x_i - \bar{x})^2}, \quad (2)$$

где I_{Li} – локальный индекс пространственной автокорреляции Морана.

$$Z = \frac{I_G - E(I_G)}{SD(I_G)}, \quad (3)$$

где Z – величина z-оценки, позволяющая определить, на какое количество стандартных отклонений фактическое значение индекса пространственной автокорреляции удалено от ожидаемого среднего значения; $E(I_G)$ – ожидаемое среднее значение глобального индекса Морана; $SD(I_G)$ – стандартное отклонение глобального индекса Морана.

Модификация указанной методики заключалась и в выделении в каждом квадранте диаграммы П. Морана муниципальных образований с различным уровнем пространственного взаимовлияния (с локальными индексами пространственной автокорреляции выше и ниже среднего уровня). Их выделение в квадранте НЛ позволит установить территории, действительно являющиеся центрами развития животноводства в регионе (полюсами роста), и определить только формирующиеся полюса роста, а в квадранте НН – сформировавшиеся и формирующиеся пространственные кластеры взаимосвязанных территорий в отрасли. Разделение территорий в квадранте ЛН по силе пространственного взаимовлияния поможет установить муниципальные об-

разования, испытывающие сильное и слабое влияние полюсов роста и пространственных кластеров в отрасли животноводства Свердловской области. Для подтверждения их влияния на окружающие территории предполагается формирование матрицы локальных индексов пространственной автокорреляции LISA между муниципальными образованиями и выделение в ней территорий с индексом, превышающим среднее, рассчитанное по положительным и отрицательным значениям показателя. Анализ, проведенный по различным матрицам пространственных весов, даст возможность выявить устойчивые прямые и обратные пространственные взаимовлияния между основными центрами животноводства и окружающими их территориями в Свердловской области. Помимо пространственного автокорреляционного анализа по методике П. Морана для оценки пространственной неоднородности развития отрасли животноводства будет использоваться традиционный статистический подход к группировке муниципальных образований. В первую группу войдут муниципальные образования с наивысшим объемом производства продукции отрасли животноводства, превышающим стандартное отклонение от среднего значения по Свердловской области, во вторую группу – территории со средним объемом производства, в третью – муниципальные образования с объемом производства ниже среднего уровня.

На втором этапе исследования предполагается оценить факторы пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в Свердловской области с использованием классической регрессионной модели Кобба – Дугласа по панельным данным муниципальных образований региона за период с 2010 по 2020 год. Данная модель является традиционной при исследовании эффективности организации производственных процессов в различных отраслях промышленности и позволяет оценить влияние объема привлекаемых инвестиций в основной капитал и средств, формирующих фонд заработной платы работников, на объем производства; возникающие дополнительные эффекты от масштаба производственной деятельности (убывающую, постоянную и

возрастающую отдачу). Коэффициенты эластичности по указанным факторам в модели помогут установить степень их влияния на объем производства продукции животноводства в муниципальных образованиях региона, сформировать основу для наиболее вероятных прогнозных сценариев развития отрасли до 2025 года. При построении модели использовались традиционные для нее факторы, контрольные переменные не включались в силу ограниченности статистических данных по муниципальным образованиям, характеризующих развитие отрасли животноводства.

Для оценки влияния ключевых производственных факторов на динамику произведенной в муниципальных образованиях Свердловской области продукции животноводства предлагается использовать регрессионную модель по панельным данным с фиксированными и случайными эффектами (4):

$$\begin{aligned} \ln(V_{it}) = \alpha + \mu_t + \gamma_t + \beta_1 \ln(C_{it}) + \\ + \beta_2 \ln(L_{it}) + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (4)$$

где V_{it} – объем производства продукции животноводства, тыс. руб.; C_{it} – объем привлекаемых инвестиций в основной капитал предприятиями животноводства, находящимися на территории муниципального образования, тыс. руб.; L_{it} – ресурсы, направляемые предприятиями отрасли животноводства на развитие кадрового потенциала (фонд заработной платы всех работников организаций), тыс. руб.; α – константа, совокупность прочих влияющих факторов на объем производства продукции животноводства; β_1 – коэффициент эластичности по объему привлекаемых инвестиций; β_2 – коэффициент эластичности по затратам на развитие кадрового потенциала; μ_t – индивидуальный эффект муниципального образования i , не зависящий от времени t ; γ_t – временные эффекты для муниципального образования i в момент времени t ; ε_{it} – нормально распределенные случайные величины по времени t и территориям i (ошибки модели).

Для построения модели предлагается использовать данные по 69 муниципальным образованиям Свердловской области за период с 2010 по 2020 год в сопоставимых ценах (2010 года). Из-за ограниченности статистических

данных в выборку не вошли муниципальные районы с очень низкой численностью населения. Для оценки влияния не только производственных факторов на динамику производства продукции животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области, но и пространственных эффектов от воздействия окружающих их территорий, на следующем этапе исследования предлагается сформировать модель Кобба – Дугласа с пространственным лагом – SAR (5), модель с пространственной зависимостью в ошибках – SEM (6) и интегрированную модель с пространственным лагом и ошибкой – SAC (7):

$$\begin{aligned} \ln(V_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(C_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \\ + \rho \ln(WV_{it}) + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (5)$$

$$\begin{aligned} \ln(V_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(C_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \\ + \lambda Wu_{it} + \gamma_t + \mu_i + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (6)$$

$$\begin{aligned} \ln(V_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(C_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \\ + \rho \ln(WV_{it}) + \lambda Wu_{it} + \gamma_t + \mu_i + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (7)$$

где V_{it} – объем производства продукции животноводства, тыс. руб.; C_{it} – объем привлекаемых инвестиций в основной капитал предприятиями животноводства, находящимися на территории муниципального образования, тыс. руб.; L_{it} – ресурсы, направляемые предприятиями отрасли животноводства на развитие кадрового потенциала (фонд заработной платы всех работников организаций), тыс. руб.; WV_{it} – пространственно взвешенные значения объема производства продукции животноводства; ρ – коэффициент пространственной авторегрессии; Wu_{it} – матрица пространственной автокорреляции ошибки; λ – вектор не зависящих от времени индивидуальных пространственно зависимых специфических эффектов; α – константа, совокупность прочих влияющих факторов на объем производства продукции животноводства; β_1 – коэффициент эластичности по объему привлекаемых инвестиций; β_2 – коэффициент эластичности по затратам на развитие кадрового потенциала; μ_i – индивидуальный эффект муниципального образования i , не зависящий от времени t ; γ_t – временные эффекты для муниципального образования i в момент времени t ; ε_{it} – нормально распределенные случайные величины по времени t и территориям i (ошибки модели).

При построении данной модели предполагается использовать обобщенный метод моментов по панельным данным (Panel Generalized Method of Moments) с применением инструмента взвешенной матрицы Уайта для контроля гетероскедастичности в модели, а также преобразования данных с использованием ортогональных отклонений, введением дамми-переменных для каждой пространственной единицы и каждого периода времени. Для получения коэффициента пространственной авторегрессии, отражающего влияние производства продукции животноводства в соседних муниципальных образованиях, предлагается пространственное взвешивание его объема на матрицу пространственных весов по линейным расстояниям между муниципальными образованиями. Использование панельных данных по муниципальным образованиям за 11 лет позволит установить не краткосрочные, а долгосрочные пространственные эффекты. Формирование интегрированной модели с пространственным лагом и ошибкой поможет скорректировать коэффициент пространственной авторегрессии и оценить влияние пространственных особенностей на ее ошибки, тем самым подтвердить важность пространственного размещения муниципальных образований для развития отрасли животноводства в регионе.

В целях обоснования значительного влияния исследуемых факторов на динамику пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в регионе и построения прогнозных сценариев ее развития на следующем этапе исследования предлагается построение регрессионных моделей с использованием временных рядов по муниципальным образованиям Свердловской области за период с 2010 по 2020 год. Эти модели позволят оценить степень влияния инвестиций и затрат на развитие кадрового потенциала предприятий отрасли животноводства в муниципальных образованиях, относящихся к сформированным и формирующимся полюсам роста, пространственным кластерам и зонам их сильного и слабого влияния, на объем производства предприятий отрасли.

Для построения базовых, наиболее вероятных прогнозных сценариев изменения динамики производства продукции животновод-

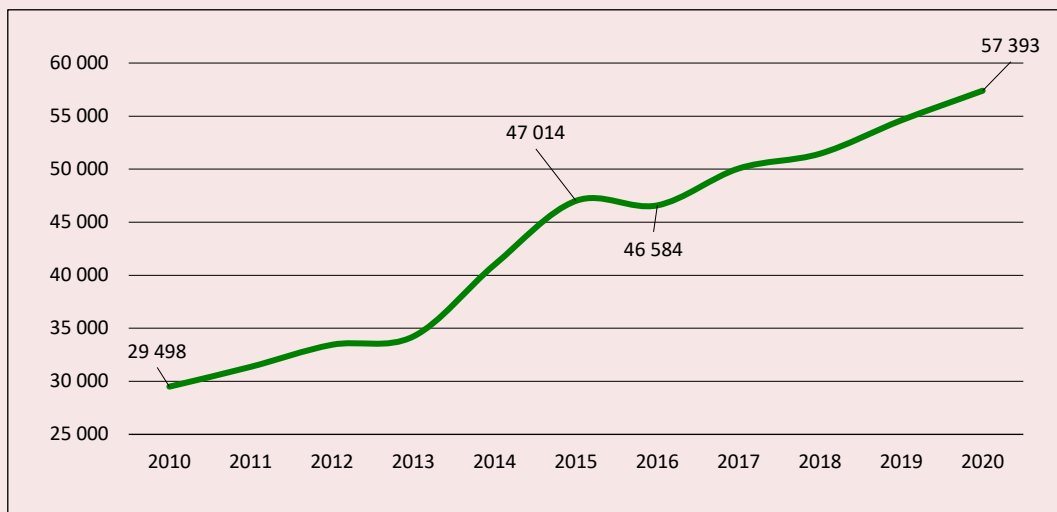
ства в муниципальных образованиях Свердловской области предполагается ARIMA-моделирование динамики факторов, включенных в регрессионную модель Кобба – Дугласа. Авторегрессионное моделирование с использованием скользящего среднего позволит построить инерционный прогноз динамики данных факторов до 2025 года с учетом наблюдаемой тенденции в прошлом, а также установить коридор возможных колебаний их прогнозных значений. Оценка достоверности ARIMA-моделей будет проводиться по коэффициенту детерминации, информационным критериям Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна, стандартным ошибкам и Р-значениям основных параметров модели.

Прогнозные значения динамики инвестиций в основной капитал и затрат предприятий на развитие кадрового потенциала, полученные в ходе ARIMA-моделирования, на следующем этапе будут использованы для формирования трех наиболее вероятных прогнозных сценариев изменения динамики производства продукции животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области до 2025 года: инерционного, предполагающего сохранение отмеченных за период с 2010 по 2020 год тенденций в динамике показателей, пессимистичного и оптимистичного. Для построения сценариев предполагается использовать регрессионные модели Кобба – Дугласа, сформированные на втором этапе представляемого методического подхода. Таким образом, для моделирования и прогнозирования пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в Свердловской области предполагается внедрение системного подхода, базирующегося на применении статистических методов исследования, пространственного автокорреляционного анализа, регрессионного моделирования по панельным данным и временным рядам, а также ARIMA-моделирования для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев.

Результаты исследования

Свердловская область – крупнейший промышленный центр России, животноводство не является основной отраслью ее специализации. Однако в контексте достижения и поддержа-

Рис. 1. Динамика производства продукции животноводства в Свердловской области за период с 2010 по 2020 год в фактически действовавших ценах, млн рублей

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

ния продовольственной безопасности региона и снижения его зависимости от импорта животноводческой продукции из других стран данная отрасль сельского хозяйства, по нашему мнению, должна активно развиваться. Если посмотреть на динамику объема производства предприятий отрасли (рис. 1), то можно отметить, что за последние 10 лет (с 2010 по 2020 год) показатель вырос почти в два раза.

Несмотря на значительное развитие отрасли животноводства в регионе, до сих пор острой остается проблема пространственной неоднородности ее размещения. В настоящее время почти 50% продукции животноводства Свердловской области производится в шести муниципальных образованиях: городском округе Рефтинский (10,5%), Ирбитском муниципальном образовании (9,8%), городском округе Богданович (7,8%), Камышловском муниципальном районе (7,6%), г. Екатеринбурге (7,5%) и городском округе Верхний Тагил (4,2%). В 2010 году в них было произведено 37,6% всей продукции животноводства региона и объем ее производства превышал одно стандартное отклонение от среднего, рассчитанного по всем муниципальным образованиям области. Статистический анализ данных показал, что за период с 2010 по 2020 год. уровень концентрации

производства данной отрасли сельского хозяйства в некоторых из них значительно вырос. Так, например, удельный вес продукции животноводства в городском округе Богданович по отношению ко всему объему производимой в регионе продукции увеличился с 3,3 до 7,8%, а в Камышловском муниципальном районе — с 2,6 до 7,6% (табл. 1).

Незначительный рост концентрации производства наблюдался и в городском округе Рефтинский, Ирбитском муниципальном образовании. В группу муниципальных образований с уровнем концентрации производств отрасли животноводства выше среднего по Свердловской области по данным 2020 года вошли городские округа Талицкий (3,3%), Сухой Лог (3,1%), Первоуральск (3%), Горноуральский (2,9%), Каменский (2,8%), Белоярский (2,4%), Среднеуральск (2,4%), Сысертский (2,3%) и другие. На 16 муниципальных образований данной группы приходится 38,7% всей продукции животноводства региона, тогда как в 2010 году — 40,7%. В отдельных муниципальных образованиях уровень концентрации производства значительно сократился, например в городских округах Первоуральск (с 3,8 до 3,0%), Горноуральский (с 4,6 до 2,9%), Среднеуральск (с 3,9 до 2,4%).

Таблица 1. Динамика объема производства продукции животноводства и уровня ее концентрации в муниципальных образованиях в 2010 и 2020 гг.

		2010 год		2020 год	
		млн руб.	%	млн руб.	%
Основные центры производства	ГО Рефтинский	2 892	9,8	6 033	10,5
	Ирбитское МО	2 401	8,1	5 610	9,8
	ГО Богданович	983	3,3	4 477	7,8
	Камышловский МР	776	2,6	4 351	7,6
	МО город Екатеринбург	2 363	8,0	4 329	7,5
	ГО Верхний Тагил	1 676	5,7	2 403	4,2
Муниципальные образования с уровнем концентрации выше среднего по региону	Талицкий ГО	909	3,1	1 889	3,3
	ГО Сухой Лог	591	2,0	1 797	3,1
	ГО Первоуральск	1 108	3,8	1 727	3,0
	Горноуральский ГО	1 362	4,6	1 638	2,9
	Каменский ГО	785	2,7	1 595	2,8
	ГО Среднеуральск	1 146	3,9	1 358	2,4
	Белоярский ГО	607	2,1	1 388	2,4
	Байкаловский МР	574	1,9	1 325	2,3
	г. Нижний Тагил	60	0,2	1 306	2,3
	Сысертский ГО	696	2,4	1 343	2,3
	Пышминский ГО	801	2,7	1 250	2,2
	Артинский ГО	860	2,9	1 218	2,1
	МО Алапаевское	625	2,1	1 208	2,1
	Туринский ГО	545	1,8	1 086	1,9
	МО Красноуфимский округ	733	2,5	1 044	1,8
	Артемовский ГО	613	2,1	1 050	1,8
Средний уровень по Свердловской области		427,5	1,4	831,8	1,4
Стандартное отклонение по области		624,7	2,1	1 319,1	2,3
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.					

Таким образом, в настоящее время наблюдается высокая степень пространственной неоднородности развития отрасли животноводства в Свердловской области, с каждым годом ее уровень усиливается, и это негативно влияет на продовольственную безопасность территорий. Для оценки степени пространственной неоднородности развития отрасли был использован пространственный автокорреляционный анализ по модифицированной методике П. Морана. В ходе анализа применялись четыре матрицы пространственных весов между муниципальными образованиями региона: стандартные матрицы по автомобильным дорогам и линейным расстояниям и их стандартизированные версии. Рассчитанные на их основе глобальный индекс пространственной автокорреляции Морана и Z-оценка имели от-

рицательные значения, свидетельствующие о существенной неоднородности территорий по объему производства продукции животноводства в регионе в 2020 году (табл. 2).

Рассчитанные значения индексов Морана по данным матрицам пространственных весов являются статистически значимыми, P-значения коэффициентов Морана не превышают допустимый уровень в 5% (0,05). Результаты пространственного автокорреляционного анализа, отраженные в диаграммах рассеивания Морана по четырем матрицам пространственных весов, были обобщены и систематизированы. В результате в квадрант НЛ территорий, являющихся полюсами роста (основными центрами животноводства в регионе), были включены Ирбитское муниципальное образование, Каменский городской округ и Камышловский

Таблица 2. Глобальный индекс Морана по объему производства продукции животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области в 2020 году и показатели, характеризующие его статистическую значимость

	Матрица расстояний по дорогам (нормированная)	Матрица расстояний по дорогам	Матрица линейных расстояний (нормированная)	Матрица линейных расстояний
Глобальный индекс Морана	-0,0491	-0,0624	-0,1505	-0,1558
sd(li)	0,0008	0,0009	0,0012	0,0012
E(li)	-0,0000103	-0,0000131	-0,0000316	-0,0000327
Z-оценка	-58,4	-71,4	-128,0	-131,4
p-value	0,00000	0,00000	0,00000	0,00000
Источник: составлено авторами.				

муниципальный район, то есть муниципальные образования, локальный индекс пространственной автокорреляции которых в 2020 году превышал средний уровень по отрицательным значениям. В данную категорию входили также и другие муниципальные образования: г. Екатеринбург, Нижний Тагил, городские округа Артинский, Верхний Тагил и Рефтинский. Однако их локальный индекс автокорреляции был значительно ниже среднего уровня по региону, что свидетельствует о низком уровне их пространственного взаимовлияния с другими муниципальными образованиями. Поскольку в окружении этих муниципальных образований располагаются территории с более низким объемом производства продукции животноводства, то они были отнесены нами к потенциальным полюсам роста, которые в будущем, возможно, станут центрами развития данной отрасли сельского хозяйства.

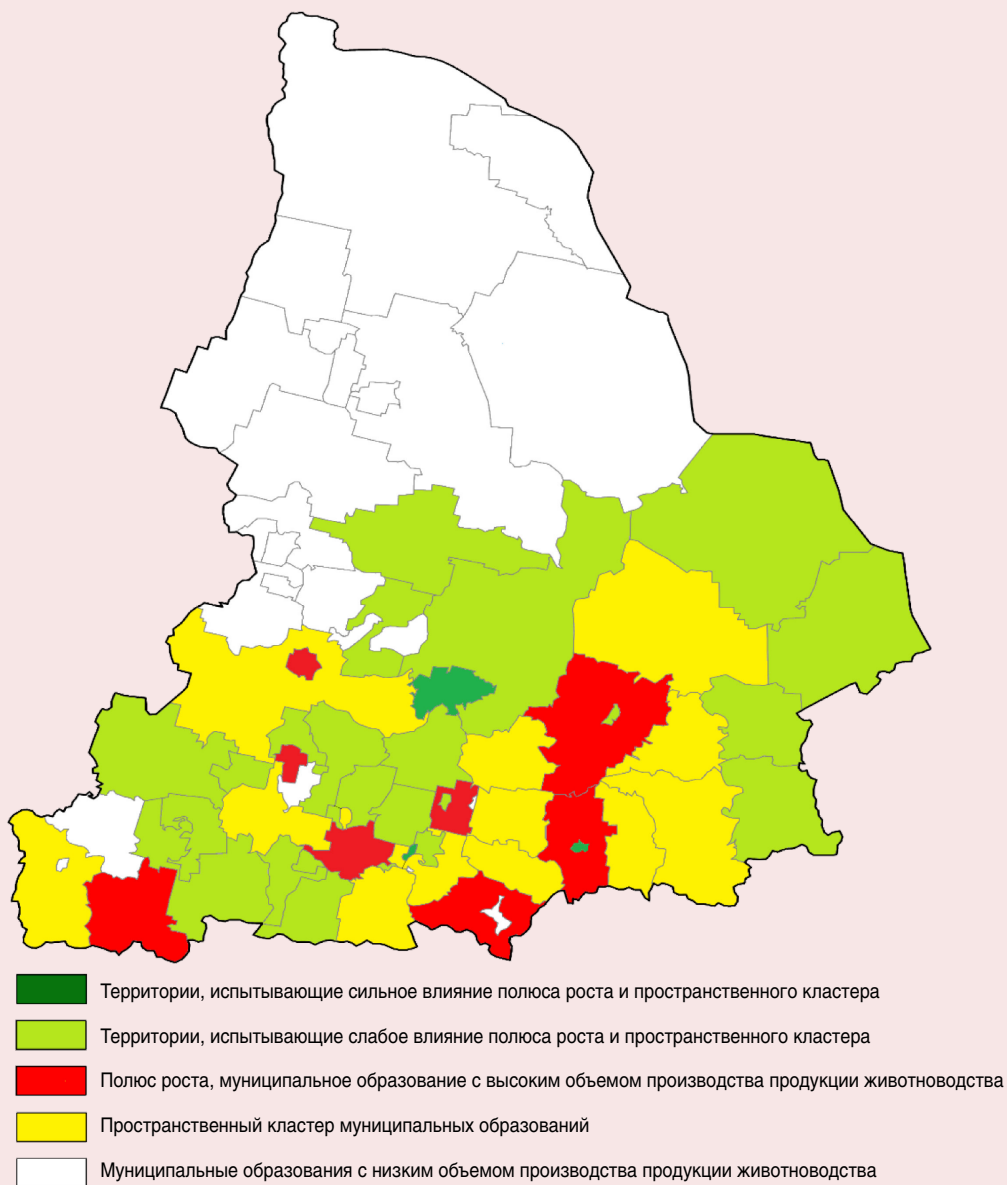
В квадрант НН диаграммы рассеивания локальных индексов пространственной автокорреляции Морана вошли городские округа Богданович, Сухой Лог и Туринский, при развитии тесных кооперационных взаимосвязей способные сформировать пространственный кластер, поскольку обладают схожими характеристиками и высоким объемом производства животноводческой продукции. Их локальные индексы автокорреляции превышают средний уровень по муниципальным образованиям Свердловской области, рассчитанный по положительным значениям. Были установлены и территории, обладающие схожими характеристиками, но с низким уровнем пространственного взаимовлияния (ниже среднего): Артемовский,

Белоярский, Горноуральский, Среднеуральский, Талицкий и другие городские округа. Их близкое размещение к основным центрам производства в отрасли животноводства (к квадранту НЛ) формирует преимущества для прогрессивного развития отрасли. Скорее всего, эти муниципальные образования в дальнейшем сформируют пространственный кластер взаимосвязанных территорий или станут новыми полюсами роста. Пространственный автокорреляционный анализ по методике Морана позволил установить зоны сильного и слабого влияния полюсов роста и пространственных кластеров в отрасли животноводства (рис. 2).

Их сильное влияние в 2020 году испытывали городские округа Верхнее Дуброво и Камышловский, а также муниципальное образование г. Алапаевск.

Полюса роста и пространственные кластеры похожих регионов с высоким объемом производства животноводческой продукции оказывали влияние на Арамилский, Асбестовский, Березовский, Верхнесалдинский, Верхнейвинский, Верхне-Пышминский, Верхотурский, Дегтярский, Заречный, Ревдинский, Староуткинский, Кировградский, Малышевский, Невьянский, Полевской, Режевской, Тавдинский, Тугулымский и Шалинский городские округа. Они размещены в окружении полюсов роста и пространственных кластеров. Белые пятна на рисунке 2 соответствуют муниципальным образованиям с низким объемом производства животноводческой продукции. Их преобладание также подтверждает высокую пространственную неоднородность развития отрасли в регионе.

Рис. 2. Полюса роста, пространственные кластеры взаимосвязанных муниципальных образований и зоны их сильного и слабого влияния в отрасли животноводства Свердловской области в 2020 году

Источник: составлено авторами.

Установленные диаграммой рассеивания Морана зоны влияния полюсов роста и пространственных кластеров были подтверждены матрицей распределения локальных индексов пространственной автокорреляции Морана. Матрица раскрывает силу и направление пространственных взаимовлияний между территориальными системами по исследуемому показателю. Положительные локальные индексы

автокорреляции, превышающие среднее значение, в данной матрице характеризуют прямые, тесные пространственные взаимовлияния. Такие взаимовлияния по четырем рассматриваемым матрицам пространственных весов наблюдались между городским округом Рефтинский и такими муниципальными образованиями, как г. Екатеринбург, Богданович, Сухой Лог, Ирбитское, Камышловский муниципальный район;

между городским округом Богданович и г. Екатеринбург, городским округом Сухой Лог, Камышловским муниципальным районом, Ирбитским муниципальным образованием. Тесные прямые автокорреляционные взаимосвязи зафиксированы между Красноуфимским округом и Туринским городским округом, между городскими округами Верхнее Дуброво и Каменск-Уральский, между городскими округами Верхотурский и Красноуфимск. Высокая теснота установленных пространственных взаимовлияний объясняется их близким расположением и схожестью по объему производства животноводческой продукции. Формирование и расширение тесных кооперационных взаимосвязей между предприятиями животноводства этих муниципальных образований будет способствовать расширению зоны влияния полюсов роста и пространственных кластеров и в целом активному развитию отрасли в регионе.

Обратные тесные пространственные взаимовлияния были отмечены между городскими округами Верхнее Дуброво и Каменский, между Камышловским муниципальным районом и Камышловским городским округом, между Ирбитским муниципальным образованием и г. Ирбитом, то есть между располагающимися рядом муниципальными образованиями. Они сильно отличаются друг от друга, и, как правило, развитие отрасли животноводства в одном из них происходит за счет ресурсов другого муниципального образования. Развитию таких взаимовлияний способствует миграция трудовых ресурсов, близость финансовой, банковской инфраструктуры, транспортной и инженерной инфраструктур. Укрепление обратных пространственных взаимовлияний между муниципальными образованиями будет оказывать негативное влияние на развитие отрасли животноводства в регионе, способствовать повышению и без того высокого уровня ее пространственной неоднородности.

Для прогнозирования пространственной неоднородности развития отрасли животноводства и оценки факторов ее формирования и развития нами использовалась классическая регрессионная модель Кобба – Дугласа, позволяющая установить возникающие эффекты от масштаба производственной деятельности (возрастающую, постоянную и убывающую отдачу)

и оценить степень влияния основных факторов производства на развитие отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области: привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал и ресурсов, направляемых на развитие их кадрового потенциала. При формировании модели использовались панельные данные по 69 муниципальным образованиям региона за период с 2010 по 2020 год (759 наблюдений). Перед построением модели временные ряды данных были проверены на стационарность с помощью теста Дики – Фуллера и по некоторым муниципальным образованиям преобразованы к стационарному виду с использованием метода аналитического выравнивания временных рядов. Проведен расчет описательных статистик и для повышения однородности данных, построения модели Кобба – Дугласа с коэффициентами эластичности по производственным факторам исходные данные были преобразованы путем извлечения натурального логарифма.

Панельная диагностика результатов регрессионного анализа, осуществленная с помощью тестов Бреуша – Пагана и Хаусмана, а также оценка информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна показали, что оптимальной моделью является панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами (8):

$$\ln(V) = 8.724 + 0.021 * \ln(C) + 0.231 * \ln(L), \quad (8)$$

где V – объем производства продукции животноводства (в сопоставимых ценах 2010 года), тыс. руб.; C – объем привлекаемых инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории муниципального образования, тыс. руб.; L – ресурсы, направляемые предприятиями отрасли животноводства на развитие кадрового потенциала (фонд заработной платы всех работников организаций), тыс. руб.

Результаты тестирования основных параметров данной модели отражены в *таблице 3*. Коэффициенты регрессии, соответствующие факторам, представленным в модели, оказались статистически значимыми, об этом свидетельствуют низкие значения стандартных ошибок и P -значений параметров. Модель характеризуется высоким уровнем аппроксимации к ис-

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа зависимости объема производства продукции животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области от привлеченных инвестиций в основной капитал и фонда оплаты труда хозяйствующих субъектов (с фиксированными эффектами)

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	8,724	0,736	11,849	< 0,0001	***
C	0,021	0,014	1,025	0,096	*
L	0,231	0,047	4,874	< 0,0001	***
Среднее зав. перемен					
		11,652	Ст. откл. зав. перемен	1,751	
Сумма кв. остатков					
		94,785	Ст. ошибка модели	0,371	
LSDV R-квадрат					
		0,959	В пределах R-квадрат	0,036	
LSDV F (70, 688)					
		231,082	P-значение (F)	0,00000	
Лог. правдоподобие					
		-287,467	Крит. Акаике	716,934	
Крит. Шварца					
		1045,806	Крит. Хеннана – Куинна	843,585	
Параметр rho					
		0,541	Стат. Дарбина – Вотсона	1,561	
Статистика теста Бреуша – Пагана: LM = 3361,75; p-value = prob(chi-square(1) > 3361,75) = 0					
Статистика теста Хаусмана: H = 4,73; p-value = prob(chi-square(2) > 4,73) = 0,093					
Тест Песарана на наличие кросс-секционной зависимости (нулевая гипотеза: отсутствие кросс-секционной зависимости): асимптотическая тестовая статистика: z = 23,086; p-value = 6,39E-118					
Примечание: здесь и далее * – статистическая значимость на уровне 10%, ** – статистическая значимость на уровне 5%, *** – статистическая значимость на уровне 1%.					
Источник: составлено авторами.					

ходным данным, поскольку коэффициент детерминации очень близок к единице ($R^2 = 0,96$). В целом модель является статистически значимой и достоверной (F-значимость имеет значение ниже 0,05), ее точность подтверждает и проведенный тест Песарана на наличие кросс-секционной зависимости в панельных данных. Построенная регрессионная модель показала, что привлекаемые предприятиями инвестиции в основной капитал не оказали значительного влияния на объем производства продукции животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области. Однако существенное влияние на развитие данной отрасли в муниципальных образованиях области оказали затраты предприятий на развитие своего кадрового потенциала.

Согласно данной модели, прирост привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал на 1% способствует росту объема производства продукции животноводства в муниципальных образованиях региона всего лишь на 0,02%, тогда как такой же прирост ресурсов, направляемых на развитие кадрового потенциала, приводит к росту объема производ-

ства на 0,23%. Возможно, это связано с тем, что формируемый предприятиями фонд заработной платы оказывает значительное влияние на привлечение кадров в отрасль, поскольку основными центрами ее развития являются небольшие городские округа. У предприятий данной отрасли уже имеются, возможно, значительно изношенные основные фонды, требуется их обновление и модернизация, но в текущих условиях более важным фактором выступают ресурсы, направляемые предприятиями на развитие кадрового потенциала.

Для оценки наблюдающихся пространственных эффектов в динамике производства продукции животноводства не только от производственных факторов, имеющихся на территории тех или иных муниципальных образований, но и развития данной отрасли в соседних территориальных системах нами были сформированы модели пространственного лага (SAR), пространственной ошибки (SEM) и их интегрированной модели (SAC) с использованием метода обобщенных моментов по панельным данным (многоэтапный GMM). Результаты моделирования представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Пространственные модели зависимости объема производства продукции животноводства от объема привлекаемых предприятиями отрасли инвестиций в основной капитал и затрат на развитие кадрового потенциала по матрице линейных расстояний методом многошагового GMM

	Модель пространственного лага (SAR)	Модель пространственной ошибки (SEM)	Модель пространственного лага и ошибки (SAC)
Переменные	Коэффициент	Коэффициент	Коэффициент
V (-1)	0,099 (0,005)***	0,067 (0,006)***	0,057 (0,005)***
C	0,007 (0,002)***	0,072 (0,004)***	0,071 (0,006)***
L	0,255 (0,028)***	0,174 (0,025)***	0,454 (0,052)***
WV	0,533 (0,006)***		0,935 (0,125)***
WE		0,751 (0,007)***	1,686 (0,128)***
Квадрат корреляции между (V; Vmod) *	0,845	0,797	0,868
Стандартная ошибка модели	0,144	0,199	0,161
Сумма кв. остатков	12,56	24,22	15,82
Тест Саргана – Хансена (J-statistic)	49,45	46,93	43,56
P-значение (J-statistic)	0,172	0,242	0,323
Статистика Харке – Бера	68 632,7***	230 076,9***	19 492,3***
P-значение (тест Ареллано – Бонда): Авторегрессия 1 порядка	0,0005	0,0481	0,117
Авторегрессия 2 порядка	0,3888	0,7053	0,6393
Критерий Шварца	-3,859	-3,203	-3,629
Критерий Акаике	-3,888	-3,231	-3,657
Статистика Дарбина – Уотсона	1,416	1,54	1,43
Источник: составлено авторами.			

Для подтверждения достоверности моделей был проведен тест Саргана – Хансена (J-statistic), который проверяет нулевую гипотезу о том, что модель корректна, все параметры регрессии состоятельны. Высокое P-значение теста позволяет нам принять нулевую гипотезу и сделать вывод о достоверности построенных моделей. Проведенный тест Вальда подтвердил статистическую значимость коэффициентов регрессии, тест Харке – Бера установил нормальность распределения случайных ошибок в модели, а тест Ареллано – Бонда подтвердил отсутствие автокорреляции между ними. Низкий уровень стандартной ошибки модели и близкое к нулю значение константы, характеризующей влияние прочих факторов на зависимую переменную, свидетельствуют о важности включения пространственного лага в регрессионную модель. Построенные модели установили наличие положительных пространственных эффектов в развитии отрасли животноводства в регионе, подтвердили, что муниципальные образования, находящиеся в окружении территорий с активным развитием

отрасли животноводства, будут развиваться более высокими темпами. Поскольку данная модель содержит пространственный лаг зависимой переменной, то коэффициенты регрессии не могут быть интерпретированы напрямую, они не являются предельными эффектами, которые в обычной модели позволяют оценить изменение зависимой переменной при изменении объясняющей переменной на единицу. Мы можем только отметить, что установленный в результате моделирования пространственный эффект свидетельствует о том, что изменение объема осуществляемых предприятиями затрат на развитие кадрового потенциала, инвестиций в основной капитал напрямую влияет на изменение объема отгруженной продукции животноводства в муниципальном образовании i и косвенно – на его изменение в соседних муниципальных образованиях. Рост объема отгруженной продукции животноводства в отдельно взятом муниципальном образовании будет способствовать росту данного показателя в окружающих его территориальных системах.

В связи с этим для формирования прогнозных сценариев развития отрасли животноводства были построены модели по временным рядам за период с 2010 по 2020 год для каждого муниципального образования Свердловской области. Они показали еще большую значимость осуществляемых предприятиями затрат на развитие кадрового потенциала в развитии отрасли (табл. 5). В основных центрах развития данной отрасли, в городских округах Рефтинский, Ирбитское, Богданович, Верхний Тагил, Камышловском муниципальном районе и городе Екатеринбурге, как свидетельствуют

регрессионные модели, фактор привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал был статистически незначимым и не оказывал влияния на объем производства продукции животноводства.

К тому же коэффициенты регрессии, характеризующие эффективность привлекаемых предприятиями средств для развития кадрового потенциала, значительно превышают значение, установленное панельной моделью, построенной по всем муниципальным образованиям Свердловской области. В соответствии с построенными моделями прирост фонда зара-

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа зависимости объема производства продукции животноводства в отдельных муниципальных образованиях Свердловской области от привлеченных инвестиций в основной капитал и фонда оплаты труда хозяйствующих субъектов

	Муниципальный район	Константа	Объем инвестиций в основной капитал	Фонд заработной платы работников		
Основные центры производства	ГО Рефтинский	-7,772**	-0,006	1,559***		
	Ирбитское МО	-4,313	0,302	1,055**		
	ГО Богданович	-6,727	0,314	1,133**		
	Камышловский МР	-13,97***	0,076	2,007***		
	МО город Екатеринбург	2,563	-0,212	0,854***		
	ГО Верхний Тагил	18,456	-0,066	1,107***		
Муниципальные образования с уровнем концентрации производства продукции животноводства	выше среднеобластного уровня	Талицкий ГО	-1,167	-0,121	1,155***	
		ГО Сухой Лог	-11,085***	0,117	1,535***	
		ГО Первоуральск	1,223	-0,007	0,798***	
		Горноуральский ГО	5,314	0,027	1,014***	
		Каменский ГО	-0,019	-0,126*	1,124***	
		ГО Среднеуральск	7,761	0,011	0,976***	
		Белоярский ГО	-2,979	0,041	1,118***	
		Байкаловский МР	-0,357	0,003	1,024***	
		г. Нижний Тагил	-31,444**	2,628***	-1,465	
		Сысертский ГО	1,995	-0,061	0,831***	
		Пышминский ГО	2,119	-0,089	0,932***	
		Артинский ГО	6,251***	-0,002	0,544***	
		МО Алапаевское	-0,954	-0,035	1,056***	
		Туринский ГО	5,378*	-0,077**	0,461**	
		МО Красноуфимский	-15,722*	-0,322	2,361***	
		Артемовский ГО	0,493	-0,033	0,903***	
		ниже среднеобластного уровня	Асбестовский ГО	-44,895**	1,078**	2,624**
			Волчанский ГО	13,486	0,429***	0,439***
	ГО Нижняя Салда		-1,535	0,225**	0,568***	
	Арамилский ГО		9,417***	0,088**	0,055	
	ГО Пельым		-6,643**	0,106*	1,074***	
ГО Староуткинск	0,286		0,325*	0,511***		
ГО Ревда	9,132	0,242*	0,471*			

Источник: составлено авторами.

ботной платы сотрудников в данной отрасли на 1% в городском округе Рефтинский будет способствовать росту объема производства продукции животноводства на 1,56%, в Богдановиче — на 1,13%, в Камышловском муниципальном районе — на 2%.

Более значительное влияние данного фактора было установлено и в муниципальных образованиях с уровнем концентрации производства продукции животноводства выше среднего по Свердловской области, в частности в городских округах Сухой Лог, Талицкий, Горноуральский, Каменский, Среднеуральск, Белоярский, в муниципальном образовании Красноуфимский. Исключением в этой группе муниципальных образований является город Нижний Тагил, в котором фактор, характеризующий объем привлекаемых предприятиями ресурсов для развития кадрового потенциала, не оказал влияния на развитие отрасли животноводства, значительное влияние оказывали привлекаемые предприятиями инвестиции в основной капитал.

В муниципальных образованиях с низким объемом производства продукции животноводства (ниже среднего уровня по региону) привлекаемые предприятиями инвестиции в основной капитал оказывали более серьезное влияние. Если в панельной регрессионной модели, построенной по всем муниципальным образованиям Свердловской области, прирост инвестиций в основной капитал на 1% способствовал росту производства продукции животноводства всего лишь на 0,021%, то в моделях, построенных по временным рядам, в частности по Асбестовскому городскому округу, способствовал росту объема производства на 1,1%, в Волчанском округе — на 0,43%, Староуткинске — на 0,33%, Ревде — 0,24%, Нижней Салде — на 0,23%.

Таким образом, регрессионный анализ позволил установить значительное влияние ресурсов, направляемых предприятиями на развитие своего кадрового потенциала, на объем производства продукции животноводства в основных центрах (полюсах роста) ее развития, а также в муниципальных образованиях, которые благодаря наращиванию тесных кооперационных связей способны сформировать

пространственные кластеры. Инвестиции в основной капитал, как показал регрессионный анализ по временным рядам, выступает ключевым фактором развития рассматриваемой отрасли в муниципальных образованиях с низким объемом производства, которые расположены в окружении полюсов роста и пространственных кластеров, являются их зоной влияния. Построенные регрессионные модели Кобба — Дугласа, а также авторегрессионное моделирование динамики изменения основных факторов в данных моделях с использованием скользящего среднего (ARIMA) позволили сформировать наиболее вероятные прогнозные сценарии динамики производства продукции животноводства в муниципальных образованиях региона: инерционный, предполагающий сохранение отмеченных тенденций в развитии отрасли в будущем, оптимистичный и пессимистичный (табл. 6).

Инерционный сценарий прогнозирует дальнейший умеренный рост объема производства продукции животноводства во всех муниципальных образованиях региона, который наблюдался последние 10 лет. В первой группе муниципальных образований, в основных центрах развития отрасли животноводства в регионе, к 2025 году возможен рост объема производства с 27203 до 33238 млн рублей, во второй группе муниципальных образований, отличающихся уровнем производства выше среднего по области, возможен более значительный рост объема производства: с 22222 до 30815 млн рублей. Менее существенный рост ожидается в третьей группе муниципальных образований, которые характеризуются невысокими темпами развития отрасли: с 7968 до 10038 млн рублей. В целом по Свердловской области данный сценарий предполагает сохранение установившейся тенденции роста объема производства (рис. 3).

Даже при реализации пессимистичного прогнозного сценария, обусловленного снижением объема привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал и фонда заработной платы сотрудников в данной отрасли в муниципальных образованиях области, ожидается незначительный рост объема производства продукции животноводства (с 57393 до 63993 млн рублей к 2025 году).

Таблица 6. Прогнозные сценарии изменения объема производства в отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области к 2025 году и удельного веса данной продукции от всего объема производства в регионе

Муниципальный район	Объем производства в 2020 г.		Инерционный прогнозный сценарий		Пессимистичный прогнозный сценарий		Оптимистичный прогнозный сценарий	
	млн руб.	% от всего объема по региону	млн руб.	% от всего объема по региону	млн руб.	% от всего объема по региону	млн руб.	% от всего объема по региону
ГО Рефтинский	6 033	10,5	6 680	9,0	5 191	8,1	8 301	9,9
Ирбитское МО	5 610	9,8	6 202	8,4	4 910	7,7	7 501	8,9
ГО Богданович	4 477	7,8	4 739	6,4	3 621	5,7	5 748	6,8
Камышловский МР	4 351	7,6	8 399	11,3	7 829	12,2	8 989	10,7
МО город Екатеринбург	4 329	7,5	5 265	7,1	5 237	8,2	5 292	6,3
ГО Верхний Тагил	2 403	4,2	1 953	2,6	1 855	2,9	2 051	2,4
Всего по первой группе МО	27 203	47,4	33 238	44,9	28 644	44,8	37 882	45,0
Талицкий ГО	1 889	3,3	2 145	2,9	2 068	3,2	2 221	2,6
ГО Сухой Лог	1 797	3,1	2 507	3,4	2 350	3,7	2 669	3,2
ГО Первоуральск	1 727	3,0	2 123	2,9	1 987	3,1	2 212	2,6
Горноуральский ГО	1 638	2,9	2 713	3,7	2 438	3,8	2 955	3,5
Каменский ГО	1 595	2,8	3 140	4,2	2 416	3,8	3 775	4,5
Белоярский ГО	1 388	2,4	1 516	2,0	1 327	2,1	1 657	2,0
ГО Среднеуральск	1 358	2,4	1 970	2,7	1 790	2,8	2 115	2,5
Сысертский ГО	1 343	2,3	2 286	3,1	1 847	2,9	2 716	3,2
Байкаловский МР	1 325	2,3	1 763	2,4	1 617	2,5	1 909	2,3
г. Нижний Тагил	1 306	2,3	2 098	2,8	652	1,0	3 839	4,6
Пышминский ГО	1 250	2,2	1 464	2,0	1 378	2,2	1 550	1,8
Артинский ГО	1 218	2,1	1 540	2,1	1 441	2,3	1 605	1,9
МО Алапаевское	1 208	2,1	1 580	2,1	1 406	2,2	1 753	2,1
Туринский ГО	1 086	1,9	966	1,3	910	1,4	1 022	1,2
Артемовский ГО	1 050	1,8	1 266	1,7	1 211	1,9	1 321	1,6
МО Красноуфимский округ	1 044	1,8	1 737	2,3	1 682	2,6	1 792	2,1
Всего по второй группе МО	22 222	38,7	30 815	41,6	26 523	41,4	35 111	41,7
Всего по остальным МО	7 968	13,9	10 038	13,5	8 827	13,8	11 146	13,2
Всего по Свердловской области	57 393	100	74 090	100	63 993	100	84 139	100

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Прогнозные сценарии изменения объема производства продукции животноводства в Свердловской области до 2025 года, млн руб.

Источник: составлено авторами.

При построении прогнозных сценариев нами не учитывалась динамика изменения инфляции в муниципальных образованиях региона из-за недоступности таких данных в официальной статистике. При ее учете вполне вероятно формирование более негативных прогнозных сценариев развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области.

Согласно сформированному пессимистичному сценарию снижение объема производства продукции животноводства к 2025 году ожидается в городских округах Рефтинский, Ирбитское, Богданович, Верхний Тагил, то есть в основных центрах развития данной отрасли. Только в двух муниципальных образованиях первой группы, несмотря на возможное сокращение привлекаемых в отрасль инвестиций и средств для развития кадрового потенциала предприятий, ожидается рост производства продукции животноводства: в г. Екатеринбурге и в муниципальном районе Камышловский. В этих крупных муниципальных образованиях наименее вероятно снижение объема привлекаемых предприятиями отрасли животноводства средств для развития кадрового потенциала, а ведь именно этот фактор, как показало регрессионное моделирование, является основным фактором развития отрасли в данных территориальных системах.

Более значительный рост объема производства продукции животноводства в муниципальных образованиях второй группы по сравнению с первой, который был установлен в ходе формирования инерционного прогнозного сценария, окажет позитивное влияние на динамику пространственной неоднородности развития данной отрасли в регионе. Согласно данному сценарию уровень концентрации производимой в муниципальных образованиях первой группы продукции животноводства к 2025 году может снизиться с 47,4 до 44,9% от всего объема произведенной продукции в регионе, а во второй группе муниципальных образований он может увеличиться с 38,7 до 41,6%. Наиболее вероятно сокращение уровня концентрации производимой продукции животноводства в городских округах Рефтинский (с 10,5 до 9,0%), Богданович (с 7,8 до 6,4%),

Верхний Тагил (с 4,2 до 2,6%) и в муниципальном образовании Ирбитский (с 9,8 до 8,4%). Среди муниципальных образований второй группы возможен рост уровня концентрации производимой продукции животноводства в г. Нижний Тагил (с 2,3 до 2,8% от всего объема произведенной в регионе продукции), в городском округе Горноуральский (с 2,9 до 3,7%), Каменский (с 2,8 до 4,2%), Сысертский (с 2,3 до 3,1%) и в муниципальном образовании Красноуфимский (с 1,8 до 2,3%). Спрогнозированное пространственное перераспределение производства продукции животноводства к 2025 году в рамках инерционного сценария является позитивным направлением дальнейшего развития отрасли, поскольку повышает продовольственную безопасность муниципальных образований, снижает их зависимость от импорта мяса и мясной продукции. В то же время инерционный и другие прогнозные сценарии показали углубление проблем развития данной отрасли в муниципальных образованиях третьей группы, которые отличаются объемом производства продукции животноводства ниже среднего по Свердловской области. Согласно инерционному прогнозируемому сценарию возможно снижение уровня концентрации производимой в данных муниципальных образованиях продукции с 13,9% в 2020 году до 13,5% к 2025 году. В эту группу входят 47 муниципальных образований региона, и столь низкий уровень концентрации производимой в них продукции свидетельствует об их сильной продовольственной зависимости от других территориальных систем, о значительных рисках потери их продовольственной безопасности.

Заключение

Представленный в работе методический подход, включающий пространственный автокорреляционный анализ, регрессионное моделирование по панельным данным, моделирование пространственных эффектов и ARIMA-моделирование, позволяет комплексно оценить пространственную неоднородность развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области, выявить факторы, ее обуславливающие, учесть влияние пространственных эффектов и построить прогнозные сценарии ее развития.

Использование пространственного автокорреляционного анализа по различным матрицам пространственных весов дает возможность установить основные полюса роста, пространственные кластеры и зоны их влияния.

В результате апробации методического подхода была установлена тенденция, связанная с возрастанием пространственной неоднородности производства продукции животноводства, повышением уровня ее концентрации в шести муниципальных образованиях Свердловской области (Рефтинский городской округ, Ирбитское муниципальное образование, городской округ Богданович, Камышловский муниципальный район, г. Екатеринбург и городской округ Верхний Тагил), где сосредоточено почти 50% всей производимой продукции животноводства региона. Кроме того, удельный вес продукции животноводства в этих субъектах за период 2010–2020 гг. вырос в 2–3 раза (в городском округе Богданович с 3,3 до 7,8%, в Камышловском муниципальном районе с 2,6 до 7,6%), что говорит о повышении степени пространственной неоднородности развития отрасли и усилении негативного влияния на продовольственную безопасность Свердловской области.

В ходе построения модели Кобба – Дугласа с использованием панельных данных выявлено, что основным фактором, способствующим возрастанию пространственной неоднородности

развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области, которые выступают полюсами роста или образуют пространственные кластеры, являются затраты предприятий на развитие кадрового потенциала и оплату труда персонала. При этом в муниципальных образованиях с низким объемом производства продукции животноводства (ниже среднего по Свердловской области), расположенных в окружении полюсов роста и пространственных кластеров и являющихся зонами их влияния, фактор привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал оказал более серьезное воздействие на пространственную неоднородность.

В результате исследования были установлены тенденции изменения пространственной неоднородности отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области, определены факторы, оказывающие на нее значительное влияние, и построены регрессионные модели, которые в дальнейшем помогут выработать механизмы ее сглаживания.

Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти для разработки политики, направленной на развитие кадрового потенциала и привлечение инвестиционных ресурсов для развития отрасли животноводства в муниципальных образованиях Свердловской области.

Литература

- Архипова М.Ю., Смирнов А.И. (2020). Современные направления прогнозирования урожайности сельскохозяйственных культур на основе использования эконометрических моделей // Вопросы статистики. № 27 (5). С. 65–75. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-65-75>
- Бровкова А.В. (2014). Совершенствование подходов к статистическому анализу социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 2. С. 113–117.
- Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. (2021). Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. Т. 26. № 4 (104). С. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-20-34>
- Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. (2010). Уровень экономического развития и распределение экологической нагрузки между регионами РФ // Журнал Новой экономической ассоциации. № 7. С. 70–88.
- Горбатовская О. (2017). Факторы и методы оценки территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства // Аграрная экономика. № 6. С. 18–29.
- Дуброва Т.А. (2014). Применение многомерных статистических методов для анализа состояния и тенденций развития российского рынка мяса // Вопросы статистики. № 8. С. 67–75. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-8-67-75>
- Зимин А.Ф., Тимирьянова В.М. (2016). Пространственная организация рынка потребительских товаров // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия экономика. № 1 (15). С. 44–49.

- Зубаревич Н.В. (2013). Неравенство доходов населения: пространственная проекция // *Pro et Contra*. Т. 17. № 6. С. 48–60.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013). Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 15–26.
- Малкина М.Ю., Балакин Р.В. (2014). Исследование концентрации и равномерности налоговых поступлений в регионах Российской Федерации на основе индексов Херфиндаля-Хиршмана, Джини и Тейла // *Налоги и налогообложение*. № 11 (11). С. 1010–1023. DOI: <https://doi.org/10.7256/1812-8688.2014.11.12546>
- Патракова С.С. (2022). Оценка внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области // *Проблемы развития территории*. Т. 26. № 1. С. 27–42. DOI: [10.15838/ptd.2022.1.117.3](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.1.117.3)
- Печеневский В.Ф., Снегирев О.И. (2018). Прогнозирование размещения и развитие производства продукции животноводства в регионе // *Современная экономика: проблемы и решения*. № 1 (98). С. 75–84. DOI: <https://doi.org/10.17308/meps.2018.1/1782>
- Постникова Е.А., Шильцин Е.А. (2009). Новейшие тенденции регионального развития: некоторые фрагменты // *Регион: экономика и социология*. № 3. С. 67–86.
- Суворов Н.В., Ахунов Р.Р., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. (2020). Применение производственной функции Кобба – Дугласа для анализа промышленного комплекса региона // *Экономика региона*. № 16 (1). С. 187–200. DOI: [10.17059/2020-1-14](https://doi.org/10.17059/2020-1-14)
- Толмачев М.Н. (2010). Методология расчета показателей концентрации сельскохозяйственного производства // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*. Т. 10. Вып. 2. С. 103–111.
- Atikah N., Widodo B., Rahardjo S. et al. (2021). The efficiency of Spatial Durbin Model (SDM) parameters estimation on advertisement tax revenue in Malang City. *Journal of Physics: Conference Series*, 1821(1), 012012. Available at: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1821/1/012012>
- Augustine D.J., Booth D.T., Cox S.E., Derner J.D. (2012). Grazing intensity and spatial heterogeneity in bare soil in a grazing-resistant grassland. *Rangeland Ecology & Management*, 65(1), 39–46. Available at: <https://doi.org/10.2111/rem-d-11-00005.1>
- Bille A.G. Salvioni C., Benedetti R. (2015). Spatial heterogeneity in production functions models. *International Conference of Agricultural Economists (ICAE) Agriculture in an Interconnected World*, 16. DOI: [10.22004/ag.econ.211343](https://doi.org/10.22004/ag.econ.211343)
- Bulteau J., Feuillet T., Le Boennec R. (2018). Spatial heterogeneity of sustainable transportation offer values: A comparative analysis of Nantes urban and periurban/rural areas (France). *Urban Science*, 2(1), 14. Available at: <https://doi.org/10.3390/urbansci2010014>
- Chikuvire T.J., Мпепереки S., Tigere T.A., Foti R. (2006). Exploitation of spatial heterogeneity for food security by smallholder farmers in a semi-arid area of Zimbabwe. *Journal of Sustainable Development in Africa*, 8(2), 15–28. Available at: http://jsd-africa.com/Jsda/Summer_2006/PDF/ARC_Exploitation_SpatialHeterogeneityFoodSecurity.pdf
- Fang W., Huang H., Yang B., Hu Q. (2021). Factors on spatial heterogeneity of the grain production capacity in the major grain sales area in Southeast China: Evidence from 530 counties in Guangdong Province. *Land*, 10(2), 206. Available at: <https://doi.org/10.3390/land10020206>
- Han C., Wang G., Zhang Y. et al. (2020). Analysis of the temporal and spatial evolution characteristics and influencing factors of China's herbivorous animal husbandry industry. *PLOS ONE*, 15(8), e0237827. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237827>
- Khan A.A. (2020). Linking spatial patterns of livestock to the geographical variances in Turkey. *Journal of Geography*, 40, 109–117. Available at: <https://doi.org/10.26650/JGEOG2019-0050>
- Koc A.A., Lambert D.M., Boluk G. et al. (2017). A spatial analysis of the relationship between agricultural output and input factors in Turkey. *New Medit, A Mediterranean Journal of Economics, Agriculture and Environment*, 16(1), 11–17. Available at: <https://newmedit.iamb.it/2017/03/15/a-spatial-analysis-of-the-relationship-between-agricultural-output-and-input-factors-in-turkey/>
- Lv F., Deng L., Zhang Z. et al. (2022). Multiscale analysis of factors affecting food security in China, 1980–2017. *Environmental Science and Pollution Research*, 29(5), 6511–6525. DOI: [10.1007/s11356-021-16125-1](https://doi.org/10.1007/s11356-021-16125-1)

- Piet L. (2017). Concentration of the agricultural production in the EU: The two sides of a coin. In: *15 European Association of Agricultural Economists (EAAE) Congress "Towards Sustainable Agri-Food System: Balancing between Markets and Society"*, European Association of Agricultural Economists (EAAE). DOI: 10.22004/ag.econ.261439
- Shi B., Fu Y., Bai X. et al. (2021). Spatial pattern and spatial heterogeneity of Chinese elite hospitals: A country-level analysis. *Frontiers in Public Health*, 9, 710810. DOI: 10.3389/fpubh.2021.710810
- Shouying Y., Qiaoxi F. (2018). Spatial statistical analysis on geographical agglomeration of planting industry in Sichuan Province. In: *Proceedings of the 2018 4th International Conference on Economics, Social Science, Arts, Education and Management Engineering (ESSAEME 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Available at: <https://doi.org/10.2991/essaeme-18.2018.16>
- Sibhatu K.T., Steinhübel L., Siregar H. et al. (2021). Spatial heterogeneity in smallholder oil palm production in Indonesia: Implications for intervention strategies. *International Conference of Agricultural Economists (ICAE 2021)*. Available at: https://ageconsearch.umn.edu/record/315222/files/0-0_Paper_19141_handout_301_0.pdf
- Wagle T.P.S. (2016). Spatial analysis of Cobb-Douglas production function in agriculture sector of Nepal: An empirical analysis. *Journal of Advanced Academic Research*, 3(2), 101–114. Available at: <https://doi.org/10.3126/jaar.v3i2.16759>
- Wenbo M., Weiteng T., Qian Zh., Qianqian M. (2021). Analysis on the temporal and spatial heterogeneity of factors affecting urbanization development based on the GTWR model: Evidence from the Yangtze River Economic Belt. *Complexity*, 2021, 1–11. Available at: <https://doi.org/10.1155/2021/7557346>
- Yang W., Jia H., Wang C. et al. (2022). Spatial heterogeneity of household food consumption and nutritional characteristics of grassland transects in Inner Mongolia, China. *Frontiers in Nutrition*, 9. DOI: 10.3389/fnut.2022.810485
- Zhang Y., Li B. (2022). Detection of the spatio-temporal differentiation patterns and influencing factors of wheat production in Huang-Huai-Hai region. *Foods*, 11(11), 1617. Available at: <https://doi.org/10.3390/foods11111617>

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, e-mail: ilia_naumov@list.ru)

Владислав Михайлович Седельников – младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, e-mail: vms-1990@mail.ru)

Naumov I.V., Sedelnikov V.M.

Forecasting the Impact of Investments on Spatial Heterogeneity in the Development of the Livestock Industry

Abstract. The article investigates uneven spatial development of livestock industry in Russia's regions. It is caused by many factors, including the volume of attracted investments, human resources; and it endangers the food security of territories. The purpose of the study is to assess spatial heterogeneity in the development of the livestock industry in the Sverdlovsk Oblast. To achieve the goal, we set the following tasks: to conduct a spatial autocorrelation analysis of the development of the livestock industry in Sverdlovsk Oblast municipal entities, investigate the impact of human resources investments and costs on the development of spatial heterogeneity in the region's livestock industry, assess the spatial effects of livestock industry development in territorial systems, design forecast scenarios for its development in the region's municipal entities up to 2025. Having reviewed theoretical and methodological approaches to assessing spatial heterogeneity at the regional and municipal levels we find out that Russian and foreign researchers use a variety of methods. Their application does not contribute to the comprehensive assessment of spatial heterogeneity in the development of the livestock industry. To solve the problem, we

propose a methodological approach, whose novelty consists in the comprehensive application of spatial autocorrelation analysis methods using various matrices of spatial weights, regression analysis using panel data and ARIMA modeling which, when combined, make it possible to determine the impact of investments and other factors on heterogeneity in the development of the livestock industry in the region's municipalities and design a system of various forecast scenarios. The regression models we constructed have confirmed the differentiated impact of investments and human resources on spatial heterogeneity in the livestock sector in the Sverdlovsk Oblast and outlined the prospects for its development.

Key words: investments, livestock industry, spatial heterogeneity, Cobb – Douglas production function, spatial autocorrelation, scenario forecasting, ARIMA modeling.

Information about the Authors

Ilya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, head of laboratory, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ilia_naumov@list.ru)

Vladislav M. Sedelnikov – Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vms-1990@mail.ru)

Статья поступила 20.09.2022.

Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты

Тамара Керимовна

РОСТОВСКАЯ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018

Оксана Викторовна

КУЧМАЕВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: kuchmaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0386-857X; ResearcherID: L-9513-2015

Екатерина Николаевна

ВАСИЛЬЕВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: vasilevaen@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0460-5539; ResearcherID: K-6216-2013

Для цитирования: Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Васильева Е.Н. (2023). Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 112–126. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.6

For citation: Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasileva E.N. (2023). Institutional resources to support and develop the institution of student family: Regional dimensions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 112–126. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.6

Аннотация. Представленная работа продолжает комплекс демографических и социологических научных исследований, целью которых является анализ ценностных ориентаций и институциональных ресурсов, влияющих на брачное и репродуктивное поведение акторов. Теоретическая база исследования представлена широким кругом трудов российских ученых-фамилистов, демографов, специалистов в области социологии семьи. Авторы продолжают разработку концепции благополучной семьи, в рамках которой дано определение понятия «студенческая семья», обоснован инструментарий и проведено эмпирическое исследование. Основная цель — с помощью результатов анкетного опроса студенческой молодежи оценить востребованность социальной политики, реализуемой государством и вузами в отношении развития и поддержки института студенческой семьи (на примере Республики Тыва). Получены данные, характеризующие специфику представлений студентов о мерах социальной политики в интересах студенческой семьи; об институциональных ресурсах поддержки и развития института студенческой семьи; об информированности студентов о мерах социальной поддержки молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, что позволило сделать выводы о том, какая помощь может быть востребована студенческой семьей. Получен ответ на вопрос, считают ли студенты необходимым поддерживать тех, кто заключит брак в период обучения в высшем образовательном учреждении. Систематизированы данные об основных направлениях реализации брачного и репродуктивного поведения студенческой молодежи Тувы. Выявлено, что меры социальной поддержки будут востребованы студентами, если будет заключен брак во время обучения в вузе. Это должно учитываться при разработке и реализации управленческих решений, ориентированных на стабилизацию демографической ситуации в регионе.

Ключевые слова: Республика Тыва, демографическая ситуация, молодая семья, студенческая семья, меры поддержки.

Введение

Демографические трансформации, экономические кризисы, социальные и политические потрясения актуализируют обсуждение и служат катализатором при выявлении условий для наиболее полной реализации репродуктивного потенциала и благополучия семьи в контексте ключевых национальных интересов РФ, к которым можно отнести обеспечение демографической безопасности. Практическая значимость представленной темы исследования определяется тем, что в последние годы в рамках развития долгосрочной стратегии демографической политики осуществляются поиск и реализация мер, способствующих росту рождаемости, в том числе за счет ее «омоложения», снижения возраста матери и увеличения репродуктивного периода в жизни молодых поколений.

В частности, на федеральном уровне утверждена единовременная денежная выплата женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет включительно¹, направленная на стимулирование рождений первенцев. В то же время для России, как и для многих стран мира, характерно старение рождаемости — увеличение возраста матери при рождении ребенка. Необходимо учитывать, что значительная часть женщин данной возрастной группы, планирующих жизненные стратегии, в этот период получают среднее или высшее образование. В 2021 году 32,3% лиц в возрасте 17–25 лет были студентами учреждений высшего образования². Молодой возраст является периодом в жизни человека, когда, с одной стороны, происходит профессиональное становление личности, во

¹ Предоставление единовременной денежной выплаты женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет // Единый портал государственных и муниципальных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/401316/1/info> (дата обращения 05.10.2022).

² Рассчитано по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года: стат. бюллетень. Москва, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения 22.10.2022); Социальное положение и уровень жизни населения России 2021: стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm (дата обращения 22.10.2022).

многим связанное с получением качественного образования, требующего затрат времени и сил; с другой — это репродуктивный возраст, значимый для брачной и семейной карьеры, период создания семьи и принятия решений о рождении детей. Стратегии реализации профессиональной и семейно-брачной карьеры вступают в противоречие, поэтому встают вопросы о том, какие модели поддержки семейной жизни и формирования брачной карьеры привлекательны для российской студенческой молодежи в целях обеспечения семейного благополучия.

К сожалению, данные Росстата не позволяют получить полный ответ на поставленные вопросы и дать характеристику распространенности и положения студенческих семей в России. Некоторые выводы можно сделать при интерпретации следующих статистических показателей. Во-первых, число браков в России за 2020 год по возрасту жениха в когорте до 18 лет возросло на 6,03%, в когортах 18–24 года и 25–34 года сократилось на 19,10 и 20,54% соответственно. Во-вторых, число браков по возрасту невесты за тот же период уменьшилось в каждой из трех выделенных возрастных групп: в возрасте до 18 лет — на 11,13%; 18–24 года — на 19,35%; до 18 лет — на 20,60% (Ростовская, 2022). Можно констатировать, что происходит сокращение числа браков в молодых возрастах.

Безусловно, дефицит статистической информации влияет на перспективные оценки развития студенческой семьи. Являясь одним из ведущих институтов социализации молодежи, значимой сферой жизни молодых людей, студенческая семья не в полной мере выступает объектом не только статистического анализа, но и реализации мер государственной и региональной политики и поддержки. Все это требует проведения специальных исследований, желательно в режиме мониторинга. Особую роль играет выявление региональной специфики в силу значительной дифференциации моделей репродуктивного и брачного поведения молодежи и системы поддержки студенческой семьи в субъектах страны. Оценки масштабов и перспектив развития института студенческой семьи будут неполными без учета мнений самой молодежи. В связи с тем, что на федеральном уровне не закреплён социально-правовой статус студенческой семьи, региональные законода-

тельные органы власти самостоятельно принимают меры для ее поддержки. Специфика мер поддержки студенческой семьи в России проявляется в том, что значимыми субъектами политики выступают непосредственно учебные заведения. В силу этого оценки и мнения студенческой молодежи в отношении результативности мер поддержки студенческих семей могут значительно различаться в зависимости от региона проживания и места учебы.

Таким образом, с целью определения мнения студентов о востребованности мер социальной политики в интересах студенческой семьи и формирования перспективной стратегии поддержки института студенческих семей был проведен анкетный опрос. В работе используются следующие индикаторы студенческой семьи — это семья, в которой оба супруга состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения организаций высшего образования (Ростовская, Князькова, 2022). Эмпирической базой послужили результаты авторского регионального исследования, проведенного специалистами Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) в 2022 году на базе Тувинского государственного университета среди студентов — бакалавров и магистров. Реализация проекта осуществлялась методом количественного (выборочного социологического) исследования путем анкетного опроса лиц в возрасте 18–27 лет.

Объект исследования — ресурсы и меры поддержки студенческой молодежи и студенческой семьи. Предмет исследования — представления студенческой молодежи (возраст от 18 до 27 лет, бакалавры и магистры очной формы обучения Тувинского государственного университета) о востребованности институциональных ресурсов поддержки и развития института студенческой семьи. Мнения молодых людей о возможных мерах помощи семье весьма значимы в условиях снижения рождаемости среди молодежи, получающей профессиональное, в том числе высшее, образование.

В ходе работы использовалась квотная выборка. Объем выборки студентов (начиная со второго курса бакалавриата) Тувинского государственного университета составил 133 человека (в соответствии с данными официальной

статистики это 2,6% студентов организаций высшего образования в Республике Тыва)³, средний возраст респондентов – 25 лет (15,3% в возрасте 18–21 года, 34,3% – 22–23 года, 24,2% – 24–25 лет, 26,8% – старше 25 лет). Среди опрошенных 29,2% мужчин и 70,8% женщин. В соответствии с данными Министерства науки и высшего образования РФ⁴, в общем количестве студентов также наблюдается перевес в сторону женщин. Доля лиц женского пола среди студентов Республики Тыва составляет 62,5%. Ошибка выборки в данном случае превышает 5%, мы можем гарантировать достоверность полученных результатов только с вероятностью 86,6%.

В выборку вошли учащиеся очной формы обучения (80,4% – бакалавриат, 17,4% – магистратура, 2,2% – специалитет), в том числе сочетающие получение профессионального образования и занятость (52,1% опрошенных работают, еще 28,3% собираются устроиться работать в ближайшее время). 21,2% респондентов уже состоят в браке, еще 4,8% проживают одни, вне семьи. Остальные студенты проживают с родителями. Практически у всех опрошенных, состоящих в браке, уже есть дети (18,5%), это студенты в возрасте 23 лет и старше. В результате исследования получены данные о том, какие инструменты развития института студенческой семьи могут повысить эффективность социальной политики и реализовать конкретные потребности студенческой молодежи. Исследование позволит выявить стратегические направления такой политики.

Обзор научных подходов по теме исследования

В американских и западноевропейских научных исследованиях ранние браки изучаются с середины XX века. Еще в начале XX века брак, заключенный до достижения партнерами 23 лет, вписывался в общепринятую норму, но расширение и закрепление прав женщин, сексуальная

революция и другие позитивные и негативные социальные явления закономерно привели к росту разводимости. В середине XX века была зафиксирована закономерность – раннее вступление в брак повышает вероятность развода (Monahan, 1953; Booth, Edwards, 1985 и др.). В целях предупреждения ранних браков и последующих разводов в США были введены программы, ориентированные на увеличение возраста вступления в первый брак (Carlson et al., Daire, 2019), что способствовало увеличению брачного возраста. На 2008 год более четверти молодых женщин и более 15% юношей все-таки вступали в брак до 23 лет (Uecker, Stokes, 2008). В настоящее время социологи и антропологи фиксируют тенденции к вступлению в брак в период обучения в образовательных учреждениях (Allison, 2023). Причины, лежащие в основе ранних браков в американском обществе, разные – религиозные нормы, социальные нормы, желание молодых людей выглядеть более взрослыми в глазах социума.

С другой стороны, опыт исследований, проведенных в разных странах, свидетельствует, что намерения молодых людей относительно размера семьи, числа детей часто меняются в результате их опыта в семейной и профессиональной сферах жизни. Если респонденты откладывают рождение детей до тридцати лет, у них гораздо больше шансов скорректировать свои намерения в сторону понижения числа детей, чем если бы они начали детородную карьеру раньше (Liefbroer, 2009). Происходящие в структуре семьи изменения трансформируют структуру будущих семей с течением времени и сменой поколений (Hofferth, Goldscheider, 2010).

Российские ученые, как и зарубежные, сопоставляют ранние браки со стратегиями образования, хотя термин «студенческая семья» в англоязычной литературе не распространен. Российские социологи и демографы пользуются понятием «студенческая семья», определяя ее как тип молодой семьи, который находится в специфических условиях в связи с необходимостью для супругов одновременно получать образование и реализовывать основные семейные функции. Но, несмотря на практические проблемы и разные методологические установки, зарубежные и российские ученые со-

³ Статистическая форма ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», данные за 2021 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения 28.06.2022).

⁴ Там же.

лидарны в том, что желаемая модель студенческой семьи, семьи, заключившей ранний брак (в США — Healthy Marriage и благополучная семья) (Hawkins et al., 2013; Ростовская, Кучмаева, 2015), нуждается в государственной поддержке.

За основу мы берем модель благополучной молодой семьи, разработанную при подготовке Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, принятой в 2007 году⁵. Концептуализация модели благополучной молодой семьи осуществлялась в исследованиях представителей российской школы фамилизма (Климантова, 2008; Антонов, 2010; Ростовская, Кучмаева и др., 2015). Ученые теоретически обосновали модель благополучной семьи и выделили ее параметры: демографические (полная семья, легитимный брак, наличие детей, функциональные родственные связи); материальные (отдельное комфортное жилье, обеспечение потребностей членов семьи в качественном образовании, медицине, отдыхе и т. д.); социально-психологические (отсутствие у членов семьи вредных привычек, противоправных социальных практик, благоприятный психологический климат в семье, вовлеченное родительство), а также ценностные основания формирования. По результатам совместной работы российских ученых и государственных служащих в 2007 году в основу реализации государственной семейной политики был положен принцип создания условий для формирования устойчивого семейного благополучия как фактора социальной и демографической безопасности.

Разработка концепции благополучной семьи, включение в ее исследовательское поле студенческой семьи, изучение мотивации студенческой молодежи к вступлению в брак, установок, реализующихся в процессе построения модели семейной жизни, базируются на достижениях российских исследований 1970–1980-х гг. Одним из итогов данного периода стала работа «Студенческая семья: состояние, проблемы, перспективы» коллектива социологов, в который вошли В. Балцевич, С. Бу-

рова, А. Воднева, Л. Горбатенкова, И. Дегтярик, Н. Залыгина, З. Королева, И. Левицкая, Н. Местовский, С. Сидоренко. Авторами выделяется ряд особенностей студенческой семьи, таких как однородность социального положения супругов, временность их социального положения, общность нравственно-идеологических взглядов, схожесть перспективных целей, стесненные материальные условия ввиду учебной занятости (Балцевич и др., 1991). Эти особенности формируются в результате объективных факторов, влияющих на жизненные стратегии студенческой молодежи, что отражается на современной демографической ситуации в России: увеличение возраста рождения первого ребенка, отложенные браки и рождения и др. (Актуальные проблемы..., 2006; Вишневский, Ячменева, 2018; Кучмаева, 2019; Ростовская, 2015).

Вопросы, связанные с барьерами и ресурсами функционирования студенческой молодой семьи, представлениями студентов о молодой семье, анализом ценностных ориентаций студенческой молодежи, ответы на которые позволят обосновывать перспективные направления целевой демографической и семейной политики, поднимаются в ряде работ (Гареева и др., 2021; Ковальчук и др., 2018; Монастырская, Цветкова, 2021; Уварова, 2012). Следует также отметить региональные исследования студенческой семьи (Денисов, 2012; Саралиева и др., 2022; Татарова, Бочиктуева, 2009). Результаты исследований демонстрируют сложность и неоднородность репродуктивного поведения молодых людей. Желание получить образование, занятость, система ценностей и т. д. влияют на создание семьи и ее функционирование.

Культурологические исследования семейно-брачных отношений в студенческой семье подразделяются на исследования идеальных представлений студентов о браке и семейной жизни, исследования формирования ценностных ориентаций студентов на создание семьи, исследования, посвященные соотношению имеющихся у студенческой молодежи идеалов с фактическими ценностными ориентациями⁶ (Русанова, 2012).

⁵ О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи: Письмо Минобрнауки России от 08.05.2007 № АФ-163/06. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98438/ (дата обращения 05.09.2022).

⁶ Михайленко Т.М. (2017). Культура семейно-брачных отношений в молодежной (студенческой) среде: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 181 с.

Наша работа базируется на опросе студентов Республики Тыва. Это регион России, для которого пока характерен значительный уровень рождаемости: в 2020 году суммарный коэффициент рождаемости составил 2,97 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста⁷. Судя по данным переписей, среди молодых людей Республики Тыва довольно высокий уровень брачности (к возрастному интервалу 25–29 лет более 60% молодых мужчин и женщин состоят в браке). Однако демографическая ситуация характеризуется сложностью и неоднозначностью. Национальные традиции тувинцев в определенной степени влияют на то, что средний размер семьи в республике больше, чем по России в целом, хотя и сокращается: в 2010 году, по данным переписи населения, средний размер семьи составлял в Республике Тыва 3,9 человека, в России – 3,1. Семьи жителей республики отличаются большей многодетностью. 70,8% семей в Республике Тыва имели детей в возрасте до 18 лет (44,1% по России); 42,0% (среди имеющих детей) имеют только 1 ребенка, 33,3% – двух, 24,7% – 3-х и более детей (по России в целом 65,5% – однодетные)⁸. Однако наблюдается тенденция к сокращению детности, что актуализирует анализ брачного и репродуктивного поведения молодых жителей.

Исследования этнодемографических характеристик молодежи Тувы, в том числе студенческой, ее ценностных ориентаций (Персидская, 2019; Попков, 2021) показывают, что тувинские студенты ориентированы на сохранение культуры народов Севера, на семью (Анайбан, Балакина, 2022). С другой стороны, отмечаются неблагоприятные тенденции, связанные с увеличением числа отложенных регистраций брака и ростом внебрачной рождаемости (Натсак, 2022).

Интерес представляет оценка студентами региона, в котором пока сохраняется значительный потенциал рождаемости, роли мер социальной поддержки студенчества и студен-

ческой семьи в поддержании благополучия, сочетания семейной и образовательной, профессиональной карьеры. Это даст возможность определить оптимальную стратегию социальной политики в интересах благополучия студенческой семьи и сохранения уровня рождаемости.

Необходимо выявить стратегии реализуемых мер, позволяющие обеспечить благополучие студенческих семей, определить их значимость на основе оценок молодежи, членов студенческих семей. Решение указанной задачи требует проведения широкого круга социологических исследований в регионах страны.

Результаты исследования

Подробный анализ системы ценностей молодых людей, продолжающих образование, выходит за рамки предметного поля статьи, однако безусловный интерес представляет анализ ответов, данных респондентами на ряд вопросов, направленных на определение места семейных ценностей среди ценностных ориентаций.

Первое место в рейтинге жизненных целей респондентов занимают материальные: хорошее жилье (4,97 балла по 5-балльной шкале) и материальное благополучие семьи (4,93 балла). В пятерку главных целей входят также следующие: «иметь возможность проводить свободное время с семьей» (4,87 балла, 3 место), «уверенность в завтрашнем дне» (4,73 балла, 4 место) и «иметь рядом близкого человека» (4,71 балла, 5 место). Перечисленные цели косвенно касаются семьи – речь идет о материальном благополучии и значимости психологического общения. При этом ценность зарегистрированного брака гораздо ниже значимости «иметь близкого человека» (3,93 балла, 24 место). Интересно, что цель «дать детям хорошее образование» в рейтинге занимает более высокое место (4,69 балла, 7 место), чем просто «воспитать ребенка» (4,32 балла, 18 место). То есть молодые люди прежде всего думают о будущем социальном статусе и благополучии их детей, где большую роль играет образование, чем о необходимости просто родить и вырастить ребенка. Ценность нескольких детей еще ниже: иметь двух детей – 25 место (3,86 балла), трех – 34 место из 35 (2,59 балла). Следовательно, для студентов прежде всего значимы психологические мотивы при

⁷ Демографический ежегодник России 2021: стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm

⁸ Рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

рождении детей (на фоне экономических и социальных), и в этом случае для удовлетворения потребности в детях достаточно одного ребенка. Ценность успешной карьеры занимает 10 место (4,56 балла), свободы и независимости – 15 (4,44 балла), возможности путешествовать – 17 (4,36 балла), что опережает ценность зарегистрированного брака и нескольких детей.

Лишь 4,8% респондентов не хотят создавать свою семью. Для подавляющего большинства создание семьи выступает важным шагом. Отдельный блок вопросов в анкете был посвящен выявлению представлений студентов о желаемой модели семейной жизни (табл. 1). Чем ближе значение балла к 5, тем в большей степени респонденты согласны с тем или иным утверждением.

Студенты в большей степени придерживаются современных взглядов на организацию семейной жизни. Они полагают, что мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним, и нет ничего страшного в том, что в семье женщина зарабатывает больше мужчины. Молодые люди осознают, что отцовство – значимая часть жизни мужчины, «отец – важная часть в жизни ребенка, ребенка трудно вырастить счастливым без отца». Это доказыва-

ет необходимость участия отца в жизни ребенка даже в случае распада брака.

Вместе с тем некоторые респонденты полагают, что семья может быть счастливой и без детей. Наименьшее количество баллов (т. е. реже других упоминаются в качестве значимых) набрали такие характеристики, как негативное отношение к выходу матери на работу до достижения ребенком возраста трех лет, а также утверждения «уход и забота о ребенке – задача женщины, а не мужчины» и «нет ничего плохого, если муж ударит жену, когда она это заслужила» (1,6 балла). Гораздо больше респондентов признают, что физическое наказание детей недопустимо даже для поддержания дисциплины (3,82 балла).

Дополняют ответы респондентов о характеристиках желаемой модели семьи мнения о мотивах (причинах) создания семьи и рождения ребенка. Прежде всего юноши и девушки хотят создать семью, чтобы иметь «рядом близкого, любимого человека и не чувствовать себя одиноким» (62,8%) и «домашний уют» (58,6%). Для трети респондентов (35,9%) важно желание иметь детей. Экономические мотивы («материальная поддержка со стороны супруга»), а также желание ощутить себя взрослым не играют

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны со следующими суждениями, касающимися семейной жизни?», оценка по 5-балльной шкале

Вариант ответа (характеристика брака и семейной жизни)	Балл
Над отношениями в семье должны работать оба партнера	4,82
Мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним	4,78
Ничего страшного, если в семье женщина зарабатывает больше мужчины	4,65
Карьера такая же важная часть жизни, как и семья, и для мужчины, и для женщины	4,52
Нет ничего зазорного, если мужчина берет на себя большую часть домашних обязанностей	4,48
Мужчины должны так же участвовать в работе по дому, как и женщины	4,42
Ответственность матери за материальное благополучие семьи должна быть такой же, как у отца	4,30
Отец – важная часть в жизни ребенка, ребенка трудно вырастить счастливым без отца	4,12
Физическое наказание детей недопустимо даже для поддержания дисциплины	3,82
Семья может быть счастливой и без детей	3,48
У женщины / мужчины должен быть хотя бы один ребенок	3,22
Для семьи хорошо, если главный в ней – мужчина	3,16
Брак должен быть зарегистрированным, сожительство – это не настоящая семья	3,00
Брак является пожизненной связью и не должен расторгаться	2,82
Создание семьи важнее для женщины, чем для мужчины	2,70
В семье должно быть много (3 и более) детей	2,65
Негативно отразится на ребенке, если мать выходит на работу до достижения им 3 лет	2,20
Уход и забота о ребенке – задача женщины, а не мужчины	2,05
Нет ничего плохого, если муж ударит жену, когда она это заслужила	1,60
Составлено по: данные авторского социологического исследования.	

значительной роли (16,4 и 12,3% соответственно). Роль традиций сводится к минимуму («это отвечает желаниям моих родителей (родственников)», «так принято»), они значимы не более чем для 5% опрошенных.

Среднее желаемое число детей (ответ на вопрос «Сколько всего детей Вы хотели бы иметь в своей жизни, если у Вас будут для этого все необходимые условия?») составило довольно значительную величину – 2,8 ребенка (12% респондентов отказались отвечать на этот вопрос, что может свидетельствовать о том, что молодые люди еще не определились, затрудняются ответить). Она сопоставима со значением суммарного коэффициента рождаемости в Республике Тыва (2,72 ребенка в 2019 году, 2,97 – в 2020 году)⁹. То есть в республике складывается ситуация, когда репродуктивные намерения людям удастся реализовать. При этом пока даже в молодых когортах сохраняются достаточно высокие репродуктивные установки. От результативности мер поддержки будет зависеть, удастся ли молодежи и в будущем поддерживать репродуктивный потенциал региона. Столкновение традиций многодетности со значительными трудностями в жизни молодой семьи и значимостью профессионального успеха может этому помешать.

Зафиксированы статистически значимые различия (проверка осуществлялась с использованием t-критерия, значение 0,916, вероятность ошибки $p \leq 0,02$) в представлениях о желаемом числе детей для респондентов,

состоящих и не состоящих в браке (3,3 и 2,7 соответственно). Это подтверждает, что люди, ориентированные на более раннее вступление в брак, отличаются более высокими репродуктивными установками. Реализация имеющихся репродуктивных намерений выступает важным направлением демографической политики региона. Исследования свидетельствуют, что даже незначительное повышение суммарного коэффициента рождаемости требует существенных финансовых затрат со стороны государства. Так, А.Э. Готье и Я. Хатциус (Gauthier, Hatzius, 1997), проводя эконометрический анализ зависимости семейных пособий и рождаемости, показали, что рост суммарного коэффициента на 0,07 ребенка требует увеличения суммы детских и семейных пособий на 25%. В Республике Тыва есть значительный репродуктивный потенциал, для реализации которого необходимо создать условия.

Среди ответивших на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы у Вас родился ребенок, пока Вы учитесь в вузе?» 16,4% дали ответ «да», еще 4,8% – «да, если вступлю в брак». Однако большинство студентов не готово к такому шагу (63,0% – «нет», 15,8% затруднились с ответом).

Ответы студентов свидетельствуют о том, что на решение подождать с рождением ребенка еще несколько лет после окончания вуза прежде всего влияет необходимость приобрести вначале необходимый социально-профессиональный и экономический статус, а также желание «пожить для себя» (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы подождать с рождением ребенка еще несколько лет после окончания вуза, то почему?», % от числа опрошенных (вариант ответа «влияет очень существенно»)

Вариант ответа	Доля выбравших вариант «влияет очень существенно»
Сначала будет нужно прочно «встать на ноги» в материальном отношении	76,8
Сначала нужно будет решить вопрос с жильем	64,2
Необходимо будет уделять большое внимание работе, профессиональной деятельности	63,8
Какое-то время нужно будет пожить для себя	59,5
При наличии маленького ребенка не сможем себе позволить многое из того, чего хотелось бы	51,2
Трудно будет совмещать работу и уход за ребенком	49,4
Вообще не предполагаю начинать семейную жизнь вскоре после окончания вуза	28,5
Составлено по: данные авторского социологического исследования.	

⁹ Демографический ежегодник России 2021: стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm

Большая часть респондентов полагает, что лучше всего вступать в зарегистрированный брак в возрасте 25–29 лет (68,5% опрошенных мужчин и 63,1% женщин), т. е. после завершения профессионального образования. Лишь 6,7% юношей и 16,5% девушек считают целесообразным заключать брак в возрасте до 24 лет, совпадающем с периодом получения профессионального образования.

На формирование мнения о желаемом возрасте заключения брака влияют представления об обязательных условиях создания семьи: наличие сильного чувства (68,5%); наличие стабильного дохода хотя бы у одного из партнеров (52,1%) или у обоих (36,5%); наличие собственного жилья (35,3%) и завершение профессионального образования хотя бы одним из партнеров (31,4%). Одобрение родителей важно только для 22,6% респондентов, а наличие беременности как фактора, стимулирующего вступление в брак, отмечают лишь 9,8%.

Так как на федеральном уровне не закреплён социально-правовой статус студенческой семьи, региональные законодательные органы власти самостоятельно принимают меры для поддержки таких семей. Регионы страны дифференцированы по масштабам и количеству реализуемых мер. Специфика мер поддержки студенческой семьи в России проявляется в том, что значимыми субъектами проводимой политики выступают непосредственно учебные заведения. Вузы представляют различные формы поддержки, начиная от материального содействия, выделения отдельной жилплощади в рамках общежития, заканчивая помощью в трудоустройстве и организации свободного времяпрепровождения. Осуществляется поддержка неформальных объединений студенческих семей. Практика показывает, что на фоне дискретной политики на региональном и федеральном уровне образовательные организации выступают одним из важнейших социальных институтов, оказывающих поддержку студенческой семье.

Однако результаты опроса свидетельствуют, что большинство студентов скептически оценивают условия, созданные в вузе для реализации семейной жизни. 54,6% респондентов не согласны, что «учеба в университете готовит студентов к созданию семьи, вступлению в брак», лишь 12,3% опрошенных дали ответ «согласен

полностью». Несколько лучше обстоят дела с оказанием помощи со стороны вуза студентам, которые должны сочетать семейные обязанности и учебу: 37,4% не считают, что «в университете созданы все необходимые условия для учебы студентов, имеющих семью (состоят в браке, имеют детей)», однако 21,1% – полностью согласны с тем, что такие условия созданы в их университете, еще 23,4% отчасти согласны с этим утверждением.

Оценивая общую атмосферу в учебном заведении в контексте ориентации на формирование у студентов не только профессиональной, но и семейной карьеры, лишь 19,5% респондентов полностью и 25,2% отчасти согласились, что в университете, где они учатся, проводятся мероприятия, которые формируют позитивные семейные ценности, отношение к браку, семье, рождению и воспитанию детей.

Наиболее распространены в образовательных организациях такие меры поддержки, как помощь студентам в поиске работы, а также материальная поддержка студентов, достигших успехов (табл. 3). Студенческие семьи, безусловно, пользуются и общими для всех студентов мерами поддержки. Специфических мер, направленных на помощь именно молодым студенческим семьям, по сути, две: дополнительные выплаты для студентов, имеющих детей, и помощь в присмотре за детьми, причем первая распространена гораздо шире.

Чаще всего студенты пользуются такими мерами, как дополнительные стипендиальные выплаты и выплаты для студентов, проживающих в семьях с низким доходом. Возможно, на это повлияла недостаточная информированность: 28,5% респондентов затруднились ответить на вопрос о том, какие меры поддержки действуют в их университете.

Ответы молодежи позволили в определенной мере выявить перспективы политики в интересах студенческой семьи. С точки зрения респондентов, нужны специальные комплексные программы (54,1%). Еще 2,8% полагают, что такие программы «нужны, но не уверены, что они чем-то помогут молодой семье». Лишь 9,8% дали категоричный ответ «не нужны». Однако настораживает, что около трети респондентов (33,6%) затруднились с ответом на вопрос. Это может свидетельствовать об определенных информационных лакунах в знаниях студенческой

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Действуют ли в Вашей образовательной организации какие-либо меры поддержки студенчества? Пользуетесь ли Вы ими? (отметьте, пожалуйста все подходящие варианты по каждому столбцу)», % от числа опрошенных

Форма поддержки	Действуют ли в Вашей образовательной организации какие-либо меры поддержки студенчества?	Пользуетесь или пользовались ли Вы ранее какими-либо мерами поддержки студенчества в Вашей образовательной организации?
Помощь студентам в трудоустройстве	52,4	8,1
Дополнительные стипендиальные выплаты для студентов, достигших успехов в учебной, научной, методической, информационно-организационной работе	40,2	28,4
Дополнительные выплаты для студентов, имеющих детей	38,2	7,2
Дополнительные выплаты для студентов, проживающих в семьях с низким доходом	33,8	32,3
Льготы на питание отдельным категориям студентов	31,3	12,8
Оплата медицинского обслуживания (медицинская страховка)	20,4	6,5
Помощь в поиске, оплате жилья	17,3	6,5
Помощь в организации своего бизнеса, коворкинг	13,0	8,7
Помощь в присмотре за детьми для студенческих семей	10,8	6,7
Никаких мер нет	8,1	-
Затрудняюсь ответить	28,5	-

Составлено по: данные авторского социологического исследования.

молодежи о социальной политике и поддержке семьи, о проблемах семейной жизни, а также некоторой социальной незрелости. Видимо, часть респондентов вообще пока не задумывались серьезно об этой стороне своей жизни.

30% респондентов затруднились с ответом и на вопрос о том, насколько, по их мнению,

развита сейчас система поддержки студенческой семьи. Большая часть опрошенных негативно оценивает масштабность и действенность существующих мер. В целом позитивно отзываются о существующей системе поддержки студенческой семьи 30,0% респондентов, 40,0% не считают систему полной и дифференцированной (рисунок).

Распределение ответов на вопрос «Насколько развита сейчас система поддержки студенческой семьи?», % от числа ответивших

Составлено по: данные авторского социологического исследования.

Значительными препятствиями на пути разработки и реализации мер поддержки студенческой семьи, по мнению респондентов, выступают «недостаток необходимой информации о состоянии и проблемах развития института студенческих семей», «нежелание властей уделять внимание проблемам студенческих семей» (4,2 балла по 5-балльной шкале), «отношение органов государственного управления различного уровня к результативности подобных мер», «неразработанность соответствующего нормативного обеспечения, регламентов на уровне государства» (3,9 балла), «отношение педагогов и персонала образовательных учреждений к институту студенческой семьи» (3,7 балла). Однако такое возможное препятствие, как «отсутствие необходимости в мерах по мнению самих студентов», набрало только 2,3 балла. Следовательно, респонденты считают, что недостаточная разработанность мер поддержки обусловлена как недостатком информации о реальных проблемах студенческой семьи (требует отдельного внимания и мониторинга), так и невниманием различных субъектов реализации социальной политики, включая руководство вузов, к разработке целевых мер и их ожидаемой результативности. Можно высказывать сомнения в компетентности студентов в отношении стратегии и тактики социальной и семейной по-

литики, реализуемой на территории региона, однако это оценка результативности реализуемых мер со стороны адресной группы. Соответственно, можно говорить о существующих пробелах в реализуемой политике, недостаточной результативности мер, а также недостатках информационной кампании среди целевых групп.

Значимой мерой поддержки для всех студентов выступает помощь в трудоустройстве выпускников учебных заведений. Однако для молодых родителей она особенно актуальна. В большей степени студенты ориентированы на такую помощь со стороны государства, как реализация программ по стимулированию создания рабочих мест для молодых людей (34,5%), предоставляющая большую свободу выбора места работы. 24,6% респондентов полагают, что государство должно оказывать поддержку в поисках работы по желанию выпускника. Речь может идти о расширении спектра консультативных услуг, мерах стимулирования работодателей, разработке специальных программ для служб занятости. 22,3% студентов считают, что в первую очередь государство должно гарантировать выпускникам первое рабочее место. По сути, реализация мер в данном направлении близка к системе распределения выпускников учреждений высшего образования, действовавшей в стране до начала 1990-х годов.

Таблица 4. Оценка возможного влияния мер помощи семьям на вероятность рождения ребенка в студенческой семье по 5-балльной шкале

Мера помощи	Балл
Повышение стипендий (надбавка к стипендии) при рождении ребенка для одного из супругов в студенческой семье	4,44
Дополнительное повышение государственных пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет для одного из супругов в студенческой семье	4,38
Помощь со стороны образовательной организации в трудоустройстве супругов в студенческой семье с возможностью работы в дистанционном режиме	4,30
Содействие студенческим семьям в получении жилья	4,25
Предоставление возможности обучения по индивидуальному графику для родителей в студенческой семье	4,20
Помощь в организации присмотра за ребенком	4,15
Расширение возможностей дистанционного образования для родителей в студенческой семье	4,10
Расширение возможностей дистанционной занятости для родителей в студенческой семье (совершенствование законодательства)	4,0
Помощь в организации семейного отдыха	3,85
Предоставление дополнительных льгот по кредитам, в том числе ипотечным, для студенческой семьи	3,70
Примечание: студентам предлагалась следующая формулировка вопроса «Считаете ли Вы, что вероятность рождения ребенка в студенческой семье может быть несколько выше – если да, то какие из возможных дополнительных мер помощи семьям и в какой степени для Вас могут быть значимы? (оцените значимость каждого из перечисленных мероприятий по пятибалльной шкале, имея в виду, что «1» – практически не имеет значения, «5» – очень большое значение, «0» – затрудняюсь ответить)».	
Составлено по: данные авторского социологического исследования.	

67,4% респондентов отметили, что реализация специальных мер поддержки студенческой семьи очень важна и значима для изменения демографической ситуации в стране.

Реализация мер помощи студенческим семьям может оказать влияние на реализацию репродуктивных планов молодых людей, что приведет к увеличению рождаемости. Оценивая по 5-балльной шкале влияние возможных дополнительных мер помощи на вероятность рождения ребенка в студенческой семье (табл. 4), респонденты на 1 место поставили повышение стипендий при рождении ребенка для одного из супругов (4,44 балла), на второе – увеличение размера пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет (4,38 балла).

Кроме этого, опрошенные полагают, что на рост вероятности рождения ребенка в студенческой семье в большей степени повлияют меры материальной поддержки, помощь в трудоустройстве и получении жилья (4 балла и больше). Молодые люди озабочены экономическим положением семей в случае появления ребенка. Многие проблемы молодые родители, продолжающие значительную часть времени тратить на получение образования, не смогут решить без повышения своих доходов.

Значимая роль отводится и помощи в организации присмотра за ребенком (4,15 балла). «Помощь в организации семейного отдыха» и «предоставление дополнительных льгот по кредитам, в том числе ипотечным, для студенческой семьи» рассматриваются как наименее значимые меры, хотя их оценка также весьма высока (около 4 баллов).

Заключение

Репродуктивный потенциал студенческой молодежи Республики Тыва довольно высок. Сохраняется влияние этнических традиций, в то же время значительная часть молодых людей придерживается современных взглядов на организацию семейной жизни, большую роль в создании семьи и рождении детей играют психологические мотивы. Многие откладывают вступление в брак и рождение детей, стремясь завершить образование и достичь определенного карьерного роста, хотя отказ от рождения детей вообще является скорее исключением. Данная тенденция может привести к тому, что

потенциал рождаемости, поддерживаемый традициями многодетности, будет исчерпан. Это важно учитывать при разработке долгосрочной стратегии целевой демографической политики.

Студенты заинтересованы в мерах государственной поддержки семьи, но пока достаточно скептически оценивают их результативность, а также стратегию, проводимую вузом в интересах студенческих семей. С точки зрения респондентов, нужны специальные комплексные программы по поддержке молодой семьи, позволяющие улучшить ее экономическое положение, обеспечить сочетание семейной и профессиональной карьеры. В большей степени студенческая молодежь обращает внимание на необходимость материальной поддержки, особенно в случае рождения ребенка. Меры семейной и демографической политики пока не позволяют реализовать имеющиеся репродуктивные намерения, и в будущем, если не учитывать интересы молодых семей, не обеспечивать их благополучие, рождаемость сократится.

Результаты исследования свидетельствуют об определенных информационных лакунах в знаниях студентов о социальной политике и поддержке семьи, о проблемах семейной жизни и путях их решения, что требует серьезного отношения к реализации информационной кампании в интересах молодой семьи. Первоочередной задачей институтов, реализующих политику в области материнства, отцовства и детства, должна стать популяризация института благополучной молодой (студенческой) семьи, в которой в молодом возрасте создается супружеская пара и рождаются дети. Создание семьи в молодом возрасте, с одной стороны, может стимулировать рост рождаемости, что весьма важно в условиях депопуляции, с другой – решает целый ряд социальных и психологических проблем молодого человека, противодействует распространению одиночества.

Целесообразно провести более масштабное исследование, объем выборочной совокупности которого позволит выявить особенности представлений о желаемой модели семейной жизни студентов различных возрастных и этнических групп, религиозных конфессий, форм обучения, характеризующихся разным экономическим положением. Это позволит более обоснованно

ванно подойти к разработке рекомендаций по реализации целевой семейной и демографической политики. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что целевая демографическая политика, учитывающая мнения студентов о желаемой помощи от различных социальных институтов (не только образовательных организаций) студенческим семьям, поможет реализовать репродуктивные планы молодых людей Республики Тыва, обеспечить сохранение репродуктивного потенциала региона.

Литература

- Актуальные проблемы семей в России (2006) / под ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН. 223 с.
- Анайбан З. В., Балакина Г. Ф. (2022). Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. № 2. С. 151–156.
- Антонов А.И., Лебедь О.Л., Соколов А.А. (2010). Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3 (97). С. 64–72.
- Балцевич В.А., Бурова С.Н., Воднева А.К. [и др.]. (1991). Студенческая семья: состояние, проблемы, перспективы. Минск: Университетское. 102 с.
- Вишневецкий Ю.Р., Ячменева М.В. (2018). Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. Т. 20. № 5. С. 125–141.
- Гареева И.А., Косойкина С.А., Нам Д.С., Огарева Н.А. (2021). Социальные проблемы современной молодой семьи // Ученые заметки ТОГУ. Т. 12. № 2. С. 254–259.
- Денисов С.Б. (2012). Социальная помощь студенческой семье в СССР: историко-правовой анализ // Вестник Мордовского университета. Т. 22. № 1. С. 67–72.
- Климантова Г.И. (2008). Государственная семейная политика современной России: перспективы и социальные риски // Социальная политика и социология. № 6. С. 23–31.
- Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпоринова Н.Н. (2018). Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Т. 43. № 2. С. 349–360.
- Кучмаева О.В. (2019). Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 2. С. 70–82.
- Монастырская Т.И., Цветкова А.В. (2021). Образ молодой семьи в представлении студентов // Проблемы современного педагогического образования. № 71-3. С. 91–96.
- Натсак О.Д. (2022). Материальная самооценка жителей Республики Тыва в контексте исследования бедности (по материалам социологических исследований) // Уровень жизни населения регионов России. Т. 18. № 1. С. 120–135. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.10
- Персидская О.А. (2019). Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. DOI: 10.25178/nit.2019.3.4
- Попков Ю.В. (2021). Идентичность, социокультурный потенциал, ценностные ориентации и оценка перспектив цивилизационного будущего у тувинских и русских студентов Сибири // Новые исследования Тувы. № 1. С. 217–227. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.12>
- Татарова С.П., Бочиктуева С.Д. (2009). Проблемы функционирования студенческой семьи в современном российском обществе (на материалах исследования студенческих семей Республики Бурятия: [монография]. Улан-Удэ: Изд-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. 111 с.
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. (2015). Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. № 3. С. 85–90.
- Ростовская Т.К. (2015). Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги Всероссийского межвузовского исследования) // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского: Социальные науки. № 4 (40). С. 73–81.

- Ростовская Т.К. (2022). Студенческая семья – ресурс демографического развития России // Ректор ВУЗа. № 5. С. 4–9.
- Ростовская Т.К., Князькова Е. А. (2022). Институциональные основы становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 1. С. 169–179. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-169-179
- Русанова А.А. (2012). Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. № 4.
- Саралиева З.Х.М., Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. (2022). Брак и семья студентов в условиях трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 15. № 1. С. 193–208. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-193-208>
- Уварова Н.Н. (2012). Современное студенчество и его ценностное отношение к семье // Прикладная психология и психоанализ. № 3. С. 11.
- Allison R. (2023). “Why wait?": Early marriage among Southern college students. *Journal of Marriage and Family*. DOI: 10.1111/jomf.12910
- Booth A., Edwards J.N. (1985). Age at marriage and marital instability. *Journal of Marriage and Family*, 47(1), 67–75. Available at: <https://doi.org/10.2307/352069>
- Carlson R.G., Wheeler N.J., Liu X. et al. (2019). The relationship between social support and family relationships among low-income couples attending relationship education. *Fam Process*, 1498–1516. DOI: 10.1111/famp.12499
- Gauthier A.H., Hatzius J. (1997). Family benefits and fertility: An econometric analysis. *Population Studies*, 51, 295–306.
- Hawkins A.J., Amato P.R., Kinghorn A. (2013). Are government-supported healthy marriage initiatives affecting family demographics? A state-level analysis. *Family Relations*, 62(3), 501–513. Available at: <https://doi.org/10.1111/fare.12009>
- Hofferth S.L., Goldscheider F. (2010). Family structure and the transition to early parenthood. *Demography*, 47, 415–437. Available at: <https://doi.org/10.1353/dem.0.0102>
- Liefbroer A.C. (2009). Changes in family size intentions across young adulthood: A life-course perspective. *European Journal of Population*, 25, 363–386. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9173-7>
- Monahan T.P. (1953). Does age at marriage matter in divorce? *Social Forces*, 32(1), 81–87. Available at: <https://doi.org/10.2307/2572864>
- Uecker J.E., Stokes C.E. (2008). Early marriage in the United States. *Journal of Marriage and Family*, 70(4), 835–846. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40056302>

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Екатерина Николаевна Васильева – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vasilevaen@yandex.ru)

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Vasilieva E.N.

Institutional Resources to Support and Develop the Institution of Student Family: Regional Dimensions

Abstract. The article continues the set of demographic and sociological studies whose purpose is to analyze the value orientations and institutional resources that influence actors' marital and reproductive behavior. Theoretical basis of the study is represented by a wide range of works of Russian family scientists, demographers, specialists in the field of family sociology. We continue to develop the concept of a prosperous family within the framework of which we define the concept of "student family", substantiate the tools for the research and conduct an empirical study. The main objective of the study is based on the data of a questionnaire survey of students. Moreover, it has to determine the relevance of the social policy implemented by the state and universities in relation to the development and support of the institute of student family (on the example of the Republic of Tyva). Data were obtained characterizing students' ideas about social policy measures in the interests of student families, institutional resources for the support and development of the institute of student family, and students' awareness of social support measures for young people studying in higher educational institutions. That allowed us to draw conclusions about what kind of assistance can be demanded by student families. We received the answer to the question whether students consider it necessary to support those who get married while studying at a higher educational institution. We systematize the data on the main areas of implementation of marital and reproductive behavior of Tyva students. It is revealed that social support measures will be in demand by student families. This should be taken into account when developing and implementing management decisions aimed at stabilizing the demographic situation in the region.

Key words: Republic of Tyva, demographic situation, young family, student family, support measures.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director for research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Ekaterina N. Vasilieva – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vasilevaen@yandex.ru)

Статья поступила 20.02.2023.

Трансформация системы расселения и её демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

Аннотация. Глобальной демографической тенденцией XX – начала XXI века выступил процесс урбанизации, проявившийся в том числе в концентрации населения в крупных и сверхкрупных мегагородах при стремительном сокращении сельского населения. В России трансформация расселения выразилась в поляризации и локализационном сжатии социально-экономического пространства, фрагментации опорного каркаса территорий. Несмотря на изученность вопросов трансформации расселения на национальном и региональном уровне, сохраняется потребность в углублении исследования её внутрирегиональных трендов и закономерностей. Цель работы заключалась в изучении особенностей трансформации городского и сельского расселения и её демографических проявлений на региональном и муниципальном уровне. Модельным регионом выступила Вологодская область – типичный субъект РФ и северного Нечерноземья. Информационную базу составили данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов, а также текущего статистического учёта Росстата и его территориального органа по Вологодской области. Использовались методы картографии, структурно-динамического анализа характеристик расселения и демографических показателей, типологии муниципальных образований по соотношению компонентов изменения численности населения, а также основных показателей демографической ситуации. Выявлены следующие тенденции трансформации систем

Для цитирования: Короленко А.В. (2023). Трансформация системы расселения и её демографические проявления: опыт исследования на региональном и муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 127–148. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.7

For citation: Korolenko A.V. (2023). Transformation of the resettlement system and its demographic manifestations: Research experience at the regional and municipal levels. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 127–148. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.7

расселения в регионе: нарастание поляризации городского и сельского расселения, выражающейся в концентрации жителей либо в крупных, либо в мелких населенных пунктах; обезлюдение сельских территорий; ослабление опорного каркаса городского расселения (системы малых городов); усиление «очаговости» сельского расселения. Более чем в половине муниципальных образований Вологодской области сокращение численности городского и сельского населения обусловлено двойным действием естественной и миграционной убыли. При этом количество и доля таких муниципалитетов существенно выросли за последние 20 лет. Часть муниципалитетов имеет потенциал миграционного прироста или возрастной структуры, однако только в Кадуйском районе наблюдается увеличение численности населения за счёт миграционного прироста городских жителей. Обозначены угрозы и возможности развития для разных типов муниципалитетов.

Ключевые слова: система расселения, городское и сельское расселение, демографическая ситуация, естественное движение, миграция, муниципальные образования, Вологодская область.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01986, <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>.

Введение

Важнейшим мировым демографическим трендом современности является процесс урбанизации, выражающейся в быстром увеличении численности и доли городского населения, особенно проживающего в крупных и сверхкрупных мегагородах, и стремительном сокращении сельского населения. Так, по данным ООН, численность городского населения с 1950 по 2018 год выросла с 750 млн до 4,2 млрд человек, а доля в общей численности — с 30 до 70%. Почти четверть населения мира проживает в городах-миллионниках (23%), 7% из них — в мегагородах (с численностью от 10 млн человек и выше). Согласно прогнозу, к 2035 году в городах-миллионниках будет проживать 29% мирового населения¹. В конце XX — начале XXI века в ряде стран (США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, России) ярко проявилась проблема «сжимающихся городов», харак-

теризующихся значительной убылью населения вследствие разнородных причин — субурбанизации, деиндустриализации, экономических кризисов, перехода к рыночной экономике (в случае России) и др. (Ефремова, 2015).

Среди ключевых тенденций трансформации расселения отечественные специалисты называют концентрацию сельского и городского населения в крупных населённых пунктах на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов, что неизбежно приводит к сжатию социально-географического пространства и его поляризации (Нефёдова, Глезер, 2020). Расслоение населенного пространства России связано с относительно редкой сетью больших городов. Огромные пространства за пределами пригородов с сильным оттоком населения становятся социально-демографической «пустыней». Особенно сильны процессы поляризации населения в сельской местности староосвоенных районов Нечерноземья с его мелкоселенностью².

¹ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, Online Edition. Sources for Urban Population; Sources for Urban Agglomerations and Capital Cities. Цит. по: Щербакова Е.М. (2018). Прогноз городского и сельского населения мира // Демоскоп Weekly. № 775–776. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/barometer775.pdf>

² Нефёдова Т. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии // Интелпрос. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/17837-polyarizaciya-gorodov-i-selskoy-mestnosti-i-rasshirenje-rossiyskoj-periferii.html

Одной из задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года стало сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ за счёт повышения устойчивости системы расселения³. Устойчивость системы расселения во многом зависит от наличия опорного каркаса территорий, образованного крупными центрами и транспортными магистралями. Но влияние таких городов на социально-экономическое развитие постепенно снижается в направлении «центр – периферия», что приводит к формированию сильных пространственных разрывов как между регионами, так и внутри них (Соболев, 2015). По мере стягивания населения в крупные населённые пункты и зоны их влияния на периферийных территориях значительно снижается демографический и трудовой потенциал, социально-экономическое благополучие. В регионах Нечерноземья проблема поляризации расселения, особенно сельского, стоит наиболее остро вследствие существенных внутрирегиональных контрастов по вектору «центр – периферия» (Егоров, 2020). Данный факт обуславливает востребованность исследований, углубляющих представления о природе и последствиях трансформации расселения на внутрирегиональном уровне. **Целью нашего исследования** выступило изучение особенностей трансформации городского и сельского расселения и её демографических проявлений на региональном и муниципальном уровне.

Теоретические аспекты исследования

Расселение населения представляет одновременно и процесс распределения людей по территории, и его результат в виде совокупности (сети) поселений на определённой территории⁴. Долгое время считалось, что изучение расселения относится к сфере интересов только географии населения и населен-

ных пунктов, однако в наши дни это понятие используется не только в социально-экономической географии, но и в ландшафтоведении, геоэкологии, а также многих негеографических науках (градостроительстве, региональной и пространственной экономике, социологии, демографии, истории, этнологии) (Ткаченко, 2018).

Понятие «система расселения» широко применяется в российских исследованиях, тогда как соответствующий ему англоязычный термин трудно подобрать (чаще применяется на местном уровне). В отечественной науке под ней подразумевают группу населённых пунктов в пределах одной территории, между которыми существуют пространственные и функциональные связи (Glezer et al., 2014).

Пространственные трансформации систем расселения населения рассматриваются зарубежными и отечественными исследователями в рамках *теорий дифференциальной урбанизации и эволюции расселения* (Fielding, 1989; Geyer, Kontuly, 1993; Зайончковская, 1991; Город и деревня..., 2001; Глезер, Вайнберг, 2013; Нефёдова и др., 2015), *концепций организации экономического пространства* (Christaller, 1933; Lösch, 1954), *теории регионального неравенства в уровне социально-экономического развития* (Зубаревич, 2010), *центро-периферийной концепции пространственного развития* (Partridge et al., 2006; Polese, Shearmur, 2006; Borsdorf, Salet, 2007; Swiaczny et al., 2009; Карачурина, Мкртчян, 2013), *теории «сжимающихся городов»* (Baron et al., 2010; Pallagst et al., 2013; Haase et al., 2014; Nam, Richardson, 2014), *концепций агломерационных процессов* (Friedmann, 1966; Richardson, 1993; Krugman, 1998; Моргунов и др., 2021). Российские авторы при интерпретации факторов и последствий трансформации систем расселения чаще опираются на концепции дифференциальной урбанизации и центро-периферийного пространственного развития. Основное внимание в них уделяется эволюции поселенческой структуры и сопутствующим изменениям социально-экономических и демографических процессов.

В качестве особенностей изменения городского и сельского пространства, рассмотренных через призму истории освоения российских

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Расп. Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

⁴ Алексеев А.И. (2013). Расселение и его системы // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск. С. 209.

территорий, их социально-экономических контрастов и демографической динамики, отмечаются дефицит и низкая плотность городов (больших, крупных и крупнейших), концентрация населения в региональных центрах, обезлюдение и исчезновение небольших сельских населённых пунктов, концентрация сельских жителей в крупных поселениях и пригородах больших городов. В результате происходят фрагментация опорного каркаса территорий и выраженное локализационное сжатие социально-экономического пространства (Нефёдова, Глезер, 2020).

Проблема усиления поляризации в системах расселения анализируется, в частности, для Северо-Западного экономического района. В ходе изучения, как уровень развития и размещения производительных сил влияет на демографические процессы и тенденции трансформации системы расселения населения в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях, подтверждено несоответствие сложившихся региональных систем расселения пространственным структурам экономики регионов, оказывающее негативное воздействие на демографические процессы и миграционную активность жителей, особенно в сельских поселениях, что выражается в чрезмерной концентрации трудовых ресурсов в наиболее крупных и средних городах регионов, а также в увеличении демографической нагрузки на трудоспособное население на периферийных территориях (Соболев, 2015).

На основании группировки муниципальных образований России по плотности населения и положению в центрo-периферийной системе установлено, что более половины граждан страны (53%) живут на плотно населенной территории поблизости (до 50 км) от региональных центров, которые занимают лишь 5% территории РФ. В свою очередь 5% россиян проживают в 14% муниципальных образований, находящихся на расстоянии свыше 300 км от регионального центра и с плотностью населения менее 10 чел./км², но занимающих 66% территории страны. Выявлены муниципалитеты «медвежьи углы», удалённые от региональных центров на 500 и более км и с плотностью населения менее 1 чел./км², но занимающие более ½ площади России. Группировка муниципаль-

ных образований одновременно по показателю плотности населения и параметрам миграции показала, что нетто-миграция по всем потокам, кроме международной, имеет четко выраженную связь с заселенностью: чем разреженнее территория, тем чаще она испытывает отток жителей, и наоборот (Карачутина, Мкртчян, 2016).

В развитии системы городского расселения России обнаружены такие тенденции, как увеличение численности и доли населения городов-миллионников; сокращение численности жителей городов с людностью 50 тыс. человек и меньше; отток мигрантов, рабочей силы и интеллектуального капитала из малых и средних городов; старение населения малых городов; повышение контрастности расселения вследствие нарастания разрыва между мегаполисами и провинциальными городами (Фаттахов и др., 2019).

В качестве ключевого тренда трансформации структуры сельского расселения в стране обозначается поляризация сети сельских населённых пунктов, выражающаяся в быстром росте доли мельчайших населённых пунктов и небольшом росте доли самых крупных, при одновременном вымывании мелких и средних поселений. По показателям сельского расселения (средняя людность, доля безлюдных и малых населённых пунктов, удельный вес населения мелких и крупных населённых пунктов) Н.В. Зубаревич выделяет следующие типы территорий России: мелкоселенное Нечерноземье (7% сельского населения), измельчавшие среднеселенные регионы (12%), агломерации с наиболее поляризованным расселением (5%), среднеселенные регионы (30%), средне-крупноселенные регионы (26%), крупноселенные регионы (20%) (Зубаревич, 2013). Неравномерность эволюции сельского расселения в регионах РФ также проявляется в том, что постепенное «проседание» всей сети с медленным уменьшением средней людности происходит в относительно благополучных регионах лесостепной зоны, тогда как «обвал» сети типичен для областей Нечерноземья с уменьшением числа средних по числу жителей поселений за счет их измельчания и перехода в разряд мельчайших. Постоянное укрупнение поселений

при сохранении общего рисунка сети характерно лишь для небольшого числа регионов Юга России (Алексеев, Сафронов, 2015).

Трансформация систем расселения стала объектом исследований вологодских ученых. В сельском расселении региона за период между переписями 2002 и 2010 годов выявлены тенденции увеличения числа и удельного веса пустующих сельских населённых пунктов, сокращения доли жителей малых и средних сельских населённых пунктов при одновременном росте численности крупных, концентрации населения в зоне влияния крупных городов — Вологды и Череповца (Солдатова, 2016; Ускова, Патракова, 2021). При этом наибольшая доля безлюдных поселений характерна для сельских территорий ближней периферии: Вологодского, Усть-Кубинского, Грязовецкого, Великоустюгского и других районов (Ускова, Патракова, 2021). В качестве уникальной черты системы сельского расселения Вологодской области отмечается его «кустовой» характер на севере и в восточной части области, при котором относительно небольшие (в пределах 200 человек) населенные пункты группируются на безлесных участках, формируя своеобразные «кусты», чаще всего в долинах рек (Аверкиева, 2017).

Несмотря на изученность вопросов трансформации расселения на национальном и региональном уровне сохраняется потребность в углублении исследования её внутрирегиональных трендов и закономерностей. Особое значение при этом приобретает рассмотрение долговременных тенденций изменения систем городского и сельского расселения во взаимосвязи с характеристиками демографического развития территорий, что позволяет оценить не только освоённость территорий, но и их демографический потенциал, перспективы динамики населения. Востребованность изучения названных проблем возрастает в связи с обнародованием данных Всероссийской переписи населения 2020 (проведена в 2021 году; далее — ВПН-2020). Ключевыми категориями представленной работы выступают «система расселения» и «демографическая ситуация»: первая отражает характеристики размещения

населения на территории, вторая — параметры численности населения, её динамики и структуры. Сочетание обеих категорий в рамках одного исследования позволяет оценить взаимообусловленность распределения населения по территории с протекающими на ней демографическими процессами, что крайне актуально для поиска инструментов, обеспечивающих устойчивое и сбалансированное пространственное развитие страны и её отдельных регионов.

Материалы и методы

В качестве объекта исследования была выбрана Вологодская область, которая является типичным представителем РФ и северных регионов Нечерноземья. По занимаемой территории область находится на 26 месте среди 85 субъектов РФ (144,5 кв. км), в то же время по численности постоянного населения регион занимает лишь 43 позицию (1151,0 тыс. человек), а по плотности населения располагается в нижней половине рейтинга, занимая 62 место (8,0 человек на 1 кв. км)⁵. Данный факт говорит о невысокой заселённости территорий региона и косвенно об очаговом характере расселения. Кроме того, область стабильно входит в число субъектов РФ с нисходящей динамикой численности населения (Шабунова и др., 2021), что на фоне низкой плотности расселения создаёт реальную угрозу обезлюдения большей части ее территорий и, как следствие, нарастания поляризации пространства и социально-экономического неравенства.

Необходимость понимания природы, демографических и социально-экономических последствий трансформаций расселения, наблюдаемых на территории региона, обуславливает их рассмотрение с точки зрения *нормативного подхода*, согласно которому все населенные пункты, находящиеся в границах рассматриваемой территории, автоматически включаются в соответствующую систему расселения. Его преимуществами выступают неотделимость системы расселения от административно-территориального деления региона и доступность необходимой для анализа информации.

⁵ По данным на 2021 год.

Информационной базой исследования послужили данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов, а также текущего статистического учёта Росстата и его территориального органа по Вологодской области. Для характеристики расселения использовались его ключевые показатели: плотность населения, средняя людность, количество и численность населённых пунктов по людности. Демографические проявления трансформации расселения оценивались по показателям изменения численности населения и её компонентам (естественное движение и миграция), возрастного состава населения. Среди методов исследования систем расселения и демографических проявлений их трансформации общепризнанными являются структурно-динамический анализ, позволяющий отследить как текущее состояние, так и характеристики изменения показателей размещения населения, картографический и геоинформационный методы, помогающие отразить пространственные особенности расселения и визуализировать их. Перечисленные методы использовались в ранее рассмотренных работах (Соболев, 2015; Алексеев, Сафронов, 2015; Карачутина, Мкртчян, 2016; Фаттахов, Низамутдинов, Орешников, 2019; Нефёдова, Глезер, 2020; и др.). Нами в ходе исследования помимо вышеперечисленных методов применялась типология муниципальных образований по соотношению компонентов изменения численности населения, а также по соотношению основных показателей демографической ситуации. Преимущество этого метода заключается в демографической классификации муниципалитетов: в первом случае — по вкладу показателей естественного движения и миграции в динамику численности городского и сельского населения, во втором случае — по характеру демографической ситуации и, в том числе, потенциалу её улучшения в городской и сельской местности. Перед картированием и типологией муниципальных образований осуществлялась их группировка по значениям показателей (плотность, людность, возрастной состав населения). Выделялись три груп-

пы муниципалитетов: с низкими, средними и высокими значениями показателей. В среднюю группу отбирались муниципалитеты со значениями показателей в диапазоне «среднее арифметическое \pm стандартное отклонение», муниципалитеты со значениями ниже или выше этого диапазона относились в группы с низкими и высокими их уровнями соответственно.

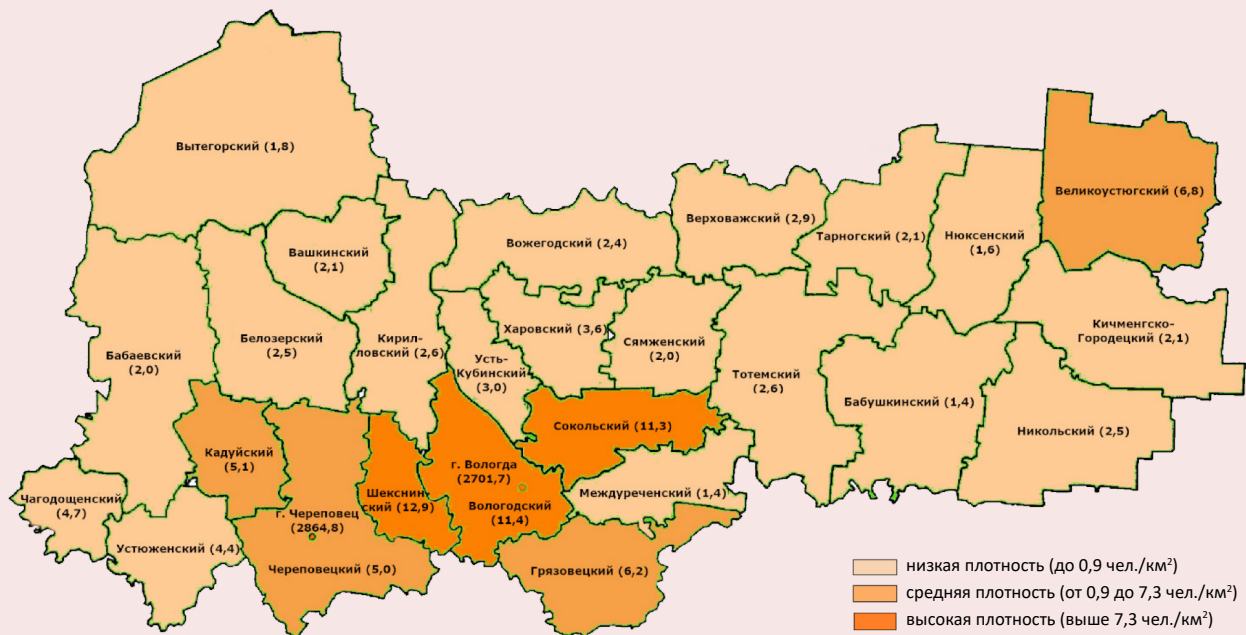
В нашем исследовании системы расселения Вологодской области на муниципальном уровне рассматриваются в разрезе 26 муниципальных районов и двух городских округов. С 1 января 2022 года в ходе реформы территориальной организации местного самоуправления 20 муниципальных районов были преобразованы в муниципальные округа. Ввиду необходимости отслеживать долговременные тенденции трансформации расселения на внутрорегиональном уровне в данной работе за основу принята старая система административно-территориальной организации.

Основные результаты

Трансформация систем городского и сельского расселения в регионе

Показатель плотности населения по муниципальным образованиям Вологодской области демонстрирует большой разброс значений и свидетельствует о неравномерности распределения жителей по территории региона (*рис. 1*). Повышенная концентрация населения, помимо территорий крупных городов — Вологды и Череповца, характерна для близлежащих муниципальных образований — Шекснинского, Вологодского и Сокольского районов. Муниципалитеты со средней и высокой плотностью населения (за исключением Великоустюгского района) расположены в агломерационной зоне Вологодской и Череповецкой моноцентрических агломераций. К первой относят Вологодский, Грязовецкий и Сокольский районы, ко второй — Череповецкий, Шекснинский и Кадуйский районы (Кожевников, 2018). Наблюдаемые особенности распределения населения по территории региона могут быть обусловлены действием агломерационного фактора.

Рис. 1. Плотность населения муниципальных образований
Вологодской области, 2021 г., человек на 1 км²

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. / Вологдастат. 2022. 94 с.

По данным ВПН-2020, в Вологодской области насчитывается 15 городов и 8 посёлков городского типа (далее – пгт; табл. 1). 13 из 15 городов относятся к малым (с численностью населения до 50 тыс. человек), при этом 7 из них – города с численностью населения от 5 до 10 тыс. человек (Белозерск, Красавино, Кириллов, Никольск, Тотма, Устюжна, Харовск). В регионе есть 2 крупных города (от 250 до 500 тыс. человек) – Вологда и Череповец. Среди 8 посёлков городского типа 3 имеют численность населения до 5 тыс. человек (Кузино, Хохлово, Сазоново), 3 – от 5 до 10 тыс. человек (Вожега, Вохтаго, Чагода) и 2 – от 10 до 20 тыс. человек (Кадуй, Шексна). При этом 80% городского населения проживает на территории крупных городов, 55% жителей посёлков город-

ского типа проживают в пгт с численностью населения от 10 до 20 тыс. человек.

В системе городского расселения Вологодской области за период между переписями 2002 и 2020 годов произошли следующие трансформации: выросло число самых малых городов (с численностью до 10 тыс. человек) и увеличилась численность их населения при одновременном сокращении количества малых городов с численностью от 10 до 50 тыс. человек и численности их населения, выросла концентрация городского населения в крупных городах и крупных посёлках городского типа. Наблюдаемые изменения свидетельствуют об усилении поляризации системы городского расселения и ослаблении её опорного каркаса (системы малых городов).

Таблица 1. Группировка городских населенных пунктов Вологодской области по численности населения (людности)

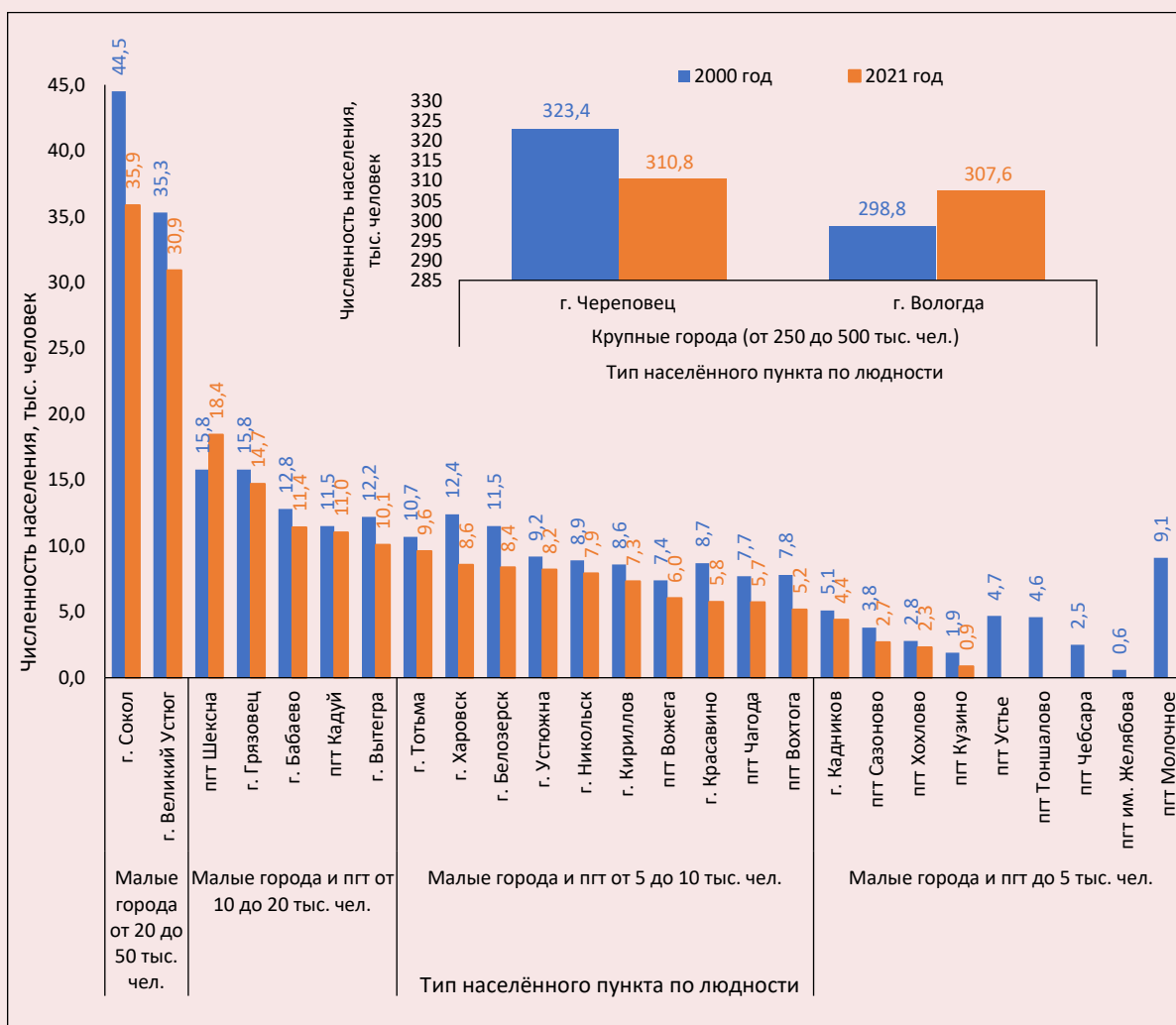
Группа по людности, чел.	Число населенных пунктов, ед.									
	2002 г.		2010 г.		2020 г.		2020 г. к 2002 г. (+/-)		2020 г. к 2010 г. (+/-)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Города										
Всего	15	100,0	15	100,0	15	100,0	0	-	0	-
до 5000	-	-	1	6,7	1	6,7	+1	+6,7	0	0,0
5000–9999	4	26,7	6	40,0	7	46,7	+3	+20,0	+1	+6,7
10000–19999	7	46,7	4	26,7	3	20,0	-4	-26,7	-1	-6,7
20000–49999	2	13,3	2	13,3	2	13,3	0	0,0	0	0,0
50000–99999	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
100000–249999	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
250000–499999	2	13,3	2	13,3	2	13,3	0	0,0	0	0,0
Посёлки городского типа (пгт)										
Всего	12	100,0	9	100,0	8	100,0	-4	-	0	-
до 5000	6	50,0	4	44,4	3	37,5	-3	-12,5	-1	-6,9
5000–9999	4	33,3	3	33,3	3	37,5	-1	+4,2	0	+4,2
10000–19999	1	8,3	1	11,1	2	25,0	+1	+16,7	+1	+13,9
20000–49999	1	8,3	1	11,1	0	0,0	-1	-8,3	-1	-11,1
Численность населения, чел.										
Города										
Всего	795476	100,0	789290	100,0	776964	100,0	-18512	-	0	-
до 5000	-	-	4796	0,6	4106	0,5	+4106	+0,5	-690	-0,1
5000–9999	30451	3,8	52144	6,6	53687	6,9	+23236	+3,1	+1543	+0,3
10000–19999	83649	10,5	48168	6,1	36630	4,7	-47019	-5,8	-11538	-1,4
20000–49999	76461	9,6	70117	8,9	63412	8,2	-13049	-1,4	-6705	-0,7
50000–99999	-	-	0	0,0	-	-	-	-	-	-
100000–249999	-	-	0	0,0	-	-	-	-	-	-
250000–499999	604915	76,0	614065	77,8	619129	79,7	+14214	+3,7	+5064	+1,9
Посёлки городского типа (пгт)										
Всего	81096	100,0	60563	100,0	50613	100,0	-30483	-	0	-
до 5000	17582	21,7	8306	13,7	5699	11,3	-11883	-10,4	-2607	-2,4
5000–9999	30101	37,1	20020	33,1	17325	34,2	-12776	-2,9	-2695	+1,1
10000–19999	11798	14,5	11284	18,6	27589	54,5	+15791	+40,0	+16305	+35,9
20000–49999	21615	26,7	20953	34,6	0	0,0	-21615	-26,7	-20953	-34,6

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Фед. служба гос. статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Фед. служба гос. статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

С 2000 года более чем на 30% сократилась численность населения поселков городского типа Кузино (Великоустюгский район), Вохтога (Грязовецкий район), Сазоново (Чагодощенский район), а также малых городов Красавино (Великоустюгский район) и Харовска, более чем на четверть – пгт Чагода и города Белозерска (рис. 2). Наименьшему сокращению (менее 10%) городского населения под-

верглись город Грязовец и пгт Кадуй. Прирост численности за этот период отмечался только в пгт Шексна (на 16%) и в г. Вологде (на 3%). Численность жителей Череповца сократилась незначительно (на 4%). Пять поселков городского типа (Устье, Тоншалово, Чебсара, им. Желябова и Молочное) в 2000-е годы были административно преобразованы в сельские населённые пункты.

Рис. 2. Города и посёлки городского типа Вологодской области по численности городского населения в 2000 и 2021 гг.*, тыс. человек

* Города и пгт ранжированы по численности городского населения в 2021 году.

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. / Вологдастат. 2022. 94 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдаоблкомстат. 2001. 46 с.

По данным ВПН-2020, самым распространённым типом сельских поселений по людности в Вологодской области стали населённые пункты с численностью жителей до 10 человек, или т. н. однодворки (40% в общем числе сельских поселений; табл. 2). Вторые по распространённости – безлюдные сельские поселения, они составляют 30% в общем числе сельских поселений. Примечательно, что Вологодская область входит в число регионов с максимальной долей сельских поселений без населения, сохраняя свои позиции с 2002 года (Короленко,

2023). Мелкие поселения с числом жителей от 11 до 200 человек составляют 27% в общем числе сельских населённых пунктов. Доля средних и крупных населённых пунктов не превышает 5% в общем числе сельских поселений. Наибольший вклад в общую численность сельских жителей региона вносят мелкие населённые пункты с людностью до 200 человек (28% в общей численности сельского населения). В свою очередь каждый четвёртый сельский житель проживает в крупном сельском поселении с численностью от 2000 человек и более.

Таблица 2. Группировка сельских населенных пунктов Вологодской области по численности населения (людности)

Группа по людности, чел.	Число населенных пунктов, ед.									
	2002 г.		2010 г.		2020 г.		2020 г. к 2002 г. (+/-)		2020 г. к 2010 г. (+/-)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего	8041	100,0	8006	100,0	7844	100,0	-197	-	-162	-
Безлюдные	1625	20,2	2131	26,6	2313	29,5	+688	+9,3	+182	+2,9
до 10	3046	37,9	3228	40,3	3160	40,3	+114	+2,4	-68	0,0
11–200	2971	36,9	2300	28,7	2079	26,5	-892	-10,4	-221	-2,2
201–500	266	3,3	229	2,9	186	2,4	-80	-0,9	-43	-0,5
501–1000	81	1,0	69	0,9	62	0,8	-19	-0,2	-7	-0,1
1001–2000	31	0,4	26	0,3	22	0,3	-9	-0,1	-4	0,0
2001–5000	17	0,2	17	0,2	19	0,2	+2	0,0	+2	0,0
более 5000	4	0,0	6	0,1	3	0,0	-1	0,0	-3	-0,1
	Численность населения, чел.									
Всего	392996	100,0	352591	100,0	315250	100,0	-77746	-	-37341	-
до 10	14288	3,6	14207	4,0	12995	4,1	-1293	+0,5	-1212	+0,1
11–200	124590	31,7	99208	28,1	89207	28,3	-35383	-3,4	-10001	+0,2
201–500	84072	21,4	70266	19,9	57878	18,4	-26194	-3,0	-12388	-1,5
501–1000	56905	14,5	48446	13,7	44306	14,1	-12599	-0,4	-4140	+0,4
1001–2000	40014	10,2	34454	9,8	31025	9,8	-8989	-0,4	-3429	0,0
2001–5000	49936	12,7	50473	14,3	61518	19,5	+11582	+6,8	+11045	+5,2
более 5000	23191	5,9	35537	10,1	18321	5,8	-4870	-0,1	-17216	-4,3

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года / Фед. служба гос. статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года / Фед. служба гос. статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

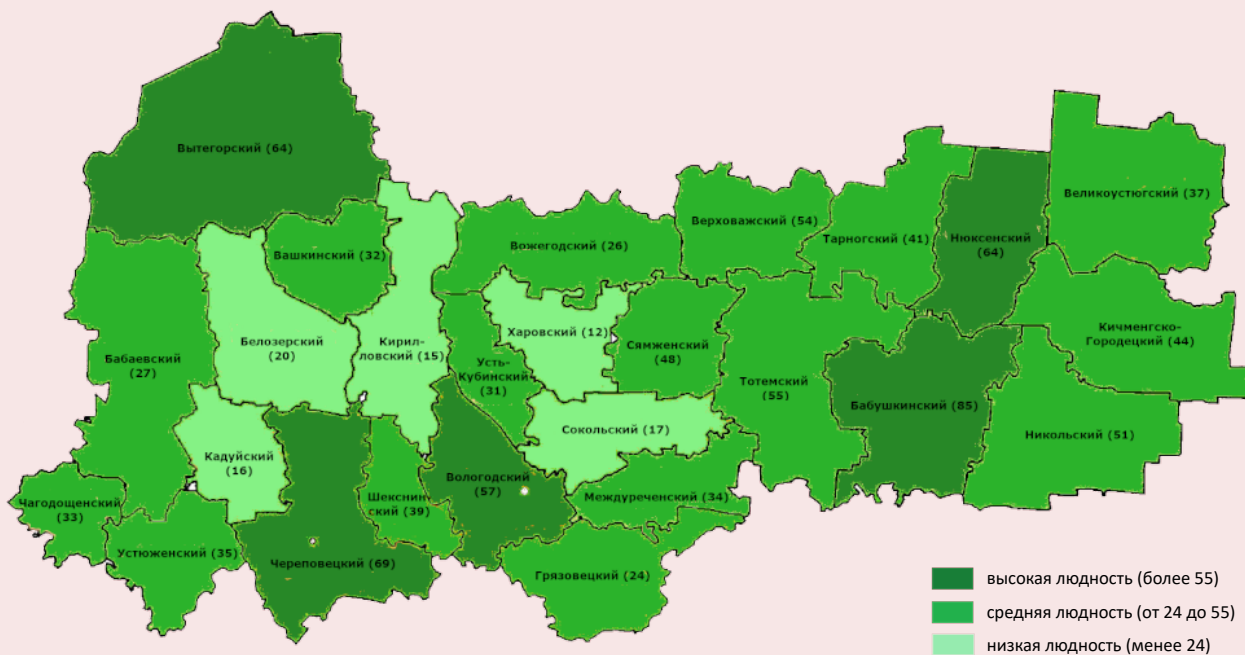
В системе сельского расселения Вологодской области в межпереписной период прослеживались тенденции обезлюдения территорий, увеличения поселений-однодворок в общем числе сельских поселений, нарастания концентрации сельских жителей либо в мелких поселениях, либо в крупных населённых пунктах. Таким образом, для сельского пространства региона характерно нарастание поляризации и усиление «очаговости» расселения.

В 2021 году средняя людность сельских населённых пунктов в Вологодской области составила 40 человек. Высокий уровень людности наблюдается в Бабушкинском, Череповецком, Нюксенском, Вытегорском, Вологодском и Тотемском районах (рис. 3). В свою очередь самый низкий показатель характерен для Харовского, Белозерского, Сокольского, Кадуйского и Кирилловского районов. В остальных муниципалитетах отмечается среднее значение людности. Очевидно, что для восточной части региона в меньшей степени свойственна

проблема низкой людности сельских населённых пунктов и мелкоселённости, что связано с более поздним освоением этих территорий и с долинным характером расселения на них (Солдатова, 2016).

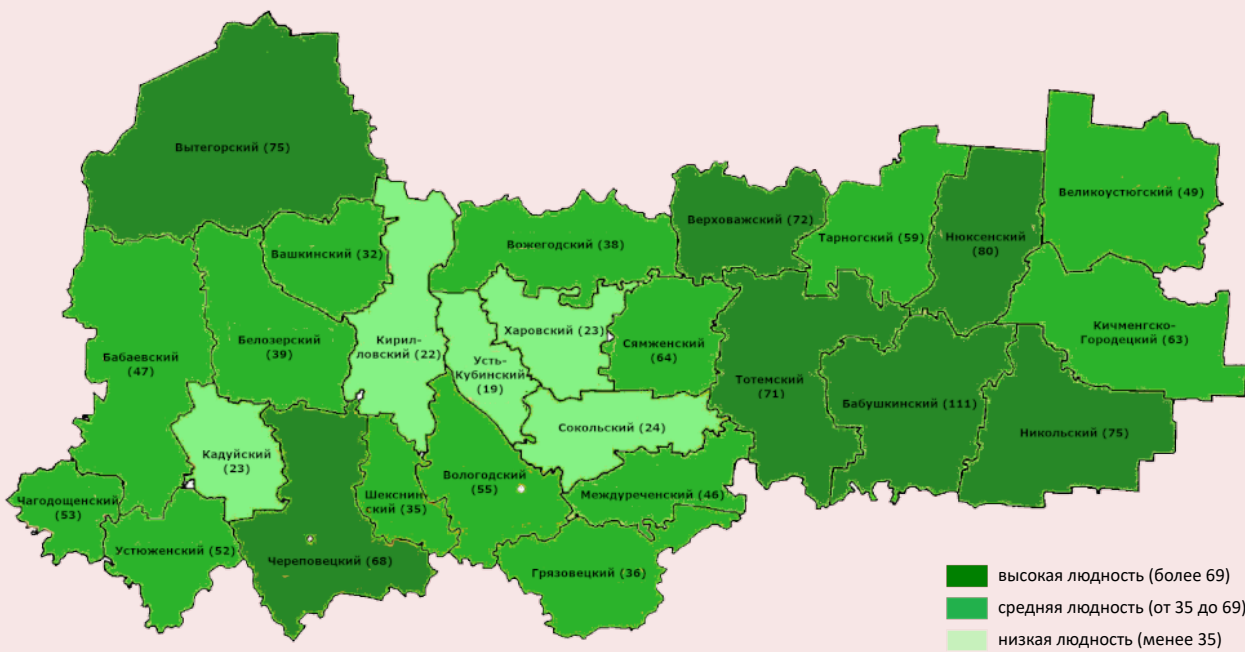
По сравнению с 2000 годом в 2021 году в большинстве муниципальных районов Вологодской области произошло сокращение людности сельских населённых пунктов, при этом наиболее интенсивно данный процесс шёл в западных районах – Белозерском, Харовском, Бабаевском, Вашкинском и Чагодощенском (рис. 3, 4). Увеличение людности за этот период зафиксировано лишь в 4 муниципалитетах – Усть-Кубинском, Шекснинском, Вологодском и Череповецком, однако оно было обусловлено исключительно административным фактором, а именно преобразованием пгт в сельские населённые пункты в отдельных районах (Устье в Усть-Кубинском, Чёбсара в Шекснинском, Тоншалово в Череповецком, Молочное в Вологодском).

Рис. 3. Средняя людность сельских населённых пунктов в муниципальных районах Вологодской области в 2021 году, человек на населённый пункт

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. / Вологдастат. 2022. 94 с.

Рис. 4. Средняя людность сельских населённых пунктов в муниципальных районах Вологодской области в 2000 году, человек на населённый пункт

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдаоблкомстат. 2001. 46 с.

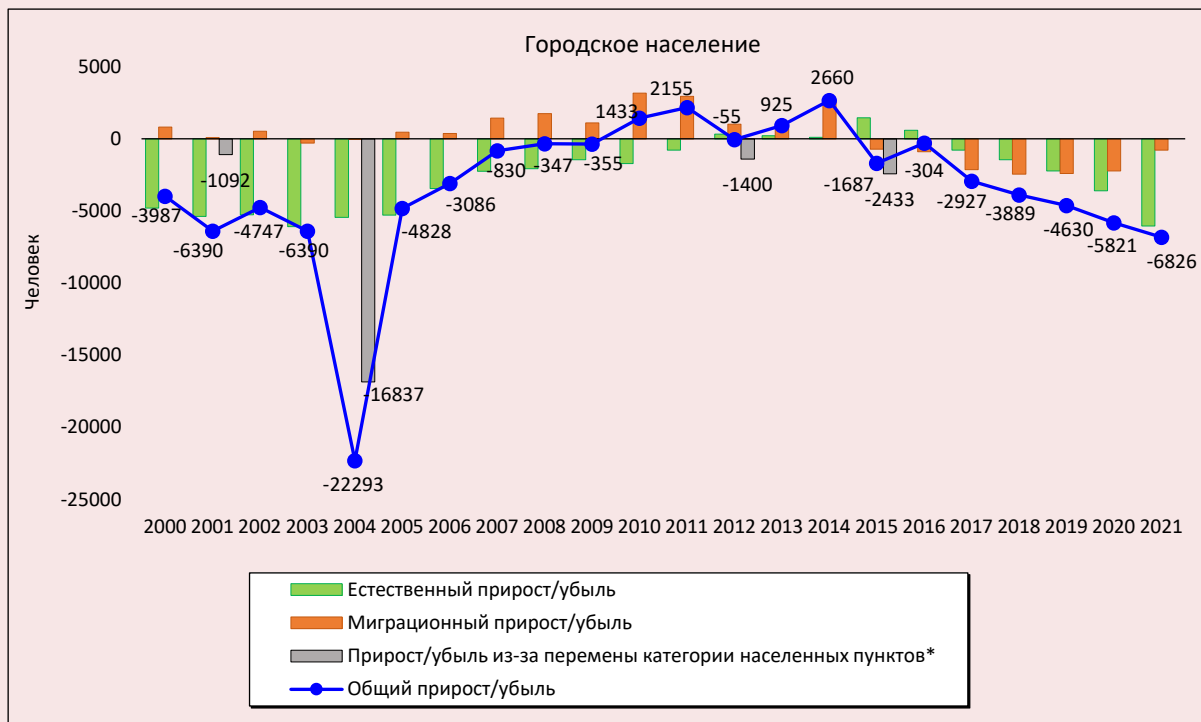
В целом наблюдаемая ситуация позволяет говорить о существовании «очагов» сельского расселения: с одной стороны, в муниципалитетах, находящихся в зоне социально-экономического влияния крупных городов (Вологды и Череповца), с другой стороны, в восточных районах области с исторически сложившимися «кустами» расселения, однако их роль в концентрации сельских жителей снижается.

Демографические проявления трансформации систем расселения

В 2000–2009 и 2015–2021 гг. в Вологодской области отмечалась общая убыль городского населения: в 2000–2002, 2005–2009 гг. – за счёт превышения его естественной убыли над миграционным приростом, в 2016 году – за счёт превышения миграционной убыли над естественным приростом, в 2003, 2017–2021 гг. – за счёт двойного действия естественной и мигра-

ционной убыли (рис. 5). В отдельные годы общая убыль городского населения региона была обусловлена преимущественно административным преобразованием городских населённых пунктов в сельские: в 2004 году – преобразованием пгт Устье и Тоншалово в посёлки, а пгт Молочное – в село, в 2012 году – преобразованием пгт Чёбсара в посёлок, в 2015 году – передачей части городского населения пгт Шексна в сельское поселение. В 2010–2011, 2013–2014 гг. наблюдался прирост городских жителей региона, в 2010–2011 гг. – за счёт превышения миграционного прироста над естественной убылью, в 2013–2014 гг. – за счёт двойного действия миграционного и естественного прироста. В 2021 году общая убыль городского населения региона достигла значения -6826 человек. При этом на 88% она обеспечивалась естественной убылью населения (-6035 человек).

Рис. 5. Компоненты изменения численности городского населения Вологодской области в 2000–2021 гг., человек

* Изменения в численности городского (сельского) населения, произошедшие в результате преобразования сельских населенных пунктов в городские (или городских – в сельские) по решению органов власти: с 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в посёлок, с 2004 г. пгт Молочное – в село, пгт Тоншалово и Устье – в посёлки, с 2012 г. пгт Чёбсара – в посёлок, с 2015 г. часть городского населения пгт Шексна передана в Угольское сельское поселение.

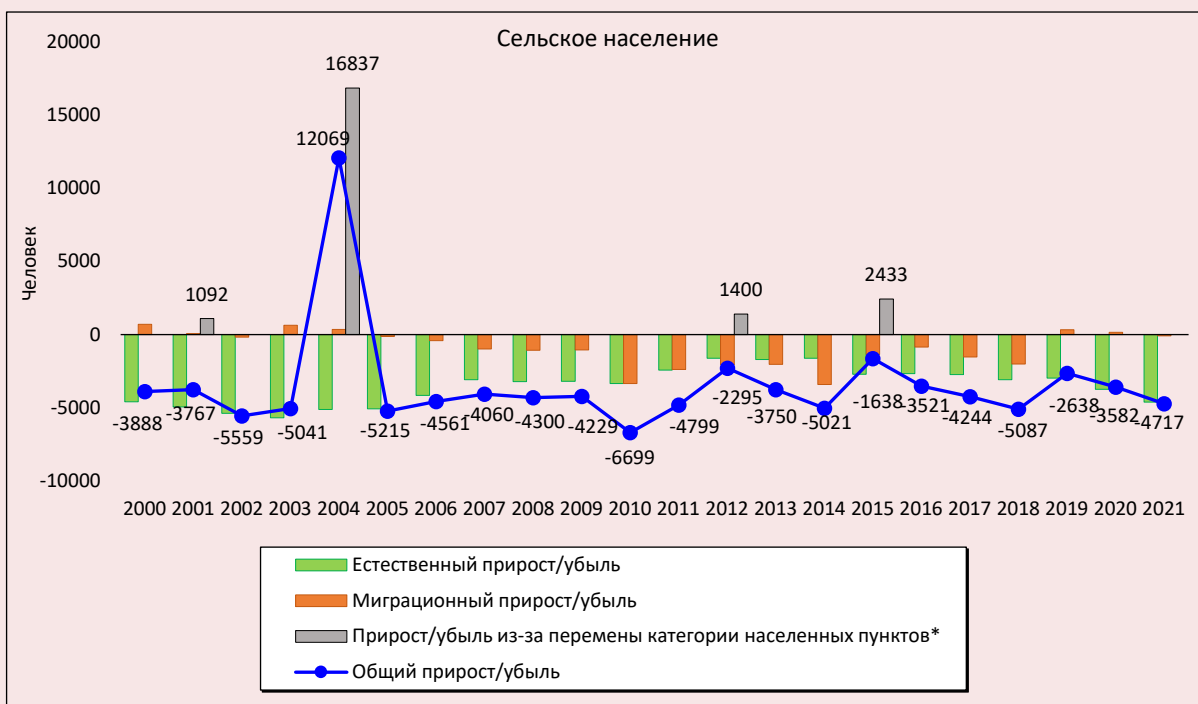
Источник: Демографический ежегодник Вологодской области 2001–2022 гг.

На протяжении практически всего рассматриваемого периода (за исключением 2004 года) в Вологодской области наблюдалась общая убыль сельского населения (рис. 6). В отдельные годы она обеспечивалась превышением естественной убыли над миграционным приростом (2000, 2003, 2019–2020 гг.), однако в остальное время – двойным действием и естественной, и миграционной убыли. Только в 2004 году перевод части городских населённых пунктов в сельские (пгт Устье, Тоншалово и Молочное) покрыл естественную убыль и обеспечил максимальный общий прирост числа сельских жителей в регионе (12069 человек). В 2001, 2012 и 2015 годах административное преобразование не смогло компенсировать вклад естественной и/или миграционной убыли в сокращение численности сельского населения. Максималь-

ного значения общая убыль сельских жителей достигла в 2010 году (-6699 человек). В 2021 году её размер составил -4717 человек и на 98% он обеспечивался естественной убылью (-4623 человек).

Группировка муниципальных образований по соотношению компонентов изменения численности городского населения показала, что в 2021 году в 65% городских муниципалитетов (в 15 из 23) наблюдалась самая неблагоприятная ситуация, характеризующаяся общей убылью жителей вследствие двойного действия естественной и миграционной убыли (табл. 3). В числе таких муниципалитетов оказались крупные города – Вологда и Череповец. В 6 городских муниципальных образованиях (города Сокол, Бабаево, Вытегра, пгт Вожега, Сазоново, Чагода) миграционный прирост

Рис. 6. Компоненты изменения численности сельского населения Вологодской области в 2000–2021 гг., человек

* Изменения в численности городского (сельского) населения, произошедшие в результате преобразования сельских населенных пунктов в городские (или городских – в сельские) по решению органов власти: с 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в посёлок, с 2004 г. пгт Молочное – в село, пгт Тоншалово и Устье – в посёлки, с 2012 г. пгт Чёбсара – в посёлок, с 2015 г. часть городского населения пгт Шексна передана в Угольское сельское поселение.

Источник: Демографический ежегодник Вологодской области 2001–2022 гг.

Таблица 3. Группировка муниципальных образований Вологодской области по влиянию показателей естественного движения и миграции на изменение численности городского населения

Группа	2000 г.		2010 г.		2021 г.	
	Число	Муницип. образования (города и пгт)	Число	Муницип. образования (города и пгт)	Число	Муницип. образования (города и пгт)
ЕУ, МУ, ОУ	10 (36%)	Вологда, Великий Устюг, Сокол, Белозерск, Вытегра, Никольск, Устюжна, Кадуй, Молочное**, Хохлово	13 (54%)	Сокол, Бабаево, Белозерск, Вытегра, Устюжна, Харовск, Вожега, Вохтаго, Кузино, Сазоново, Чагода, Чёбсара***, Шексна	15 (65%)	Вологда, Великий Устюг, Череповец, Белозерск, Грязовец, Кадников, Кириллов, Красавино, Никольск, Тотьма, Устюжна, Харовск, Вохтаго, Кузино, Шексна
ЕУ, МП, ОУ	15 (54%)	Череповец, Бабаево, Грязовец, Кадников, Кириллов, Красавино, Тотьма, Харовск, им. Желябова*, Кузино, Сазоново, Устье**, Чагода, Чёбсара***, Шексна	3 (12%)	Красавино, Кадуй, Хохлово	6 (26%)	Сокол, Бабаево, Вытегра, Вожега, Сазоново, Чагода
ЕП, МУ, ОУ	-	-	4 (17%)	Грязовец, Кадников, Кириллов, Никольск	-	-
ЕУ, МП, ОП	2 (7%)	Вожега, Вохтаго	4 (17%)	Вологда, Великий Устюг, Череповец, Тотьма	2 (9%)	Кадуй, Хохлово
ЕП, МУ, ОП	-	-	-	-	-	-
ЕП, МП, ОП	1 (3%)	Тоншалово**	-	-	-	-
Итого		28		24		23

Здесь и далее: ЕУ, МУ, ОУ – естественная, миграционная, общая убыль населения; ЕП, МП, ОП – естественный, миграционный, общий прирост населения. Зелёным цветом обозначены МО, улучшившие своё положение в 2021 г. по сравнению с 2000 г., красным цветом – ухудшившие положение, чёрным цветом – не изменившие положения.

* С 2001 г. пгт им. Желябова преобразован в посёлок.

** С 2004 г. пгт Молочное преобразовано в село, пгт Тоншалово и Устье – в посёлки.

*** С 2012 г. пгт Чёбсара преобразован в посёлок.

Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдастат. 2001. 46 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат. 2011. 90 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2021: стат. сб. // Вологдастат, 2022. 94 с.

не компенсировал естественную убыль населения, в результате чего отмечалась его общая убыль. Лишь в двух муниципалитетах – посёлках городского типа Кадуй и Хохлово Кадуйского района – зафиксировано увеличение численности населения, обусловленное миграционным приростом.

По сравнению с 2000 годом в 2021 году в группировке городских муниципалитетов по соотношению компонентов изменения численности населения наблюдались негативные тенденции: доля самых неблагополучных городов и пгт возросла с 36 до 65%, а городов и пгт с общей убылью, но миграционным приростом –

сократилась с 54 до 26%. За период наблюдения 10 городских поселений ухудшили своё положение в части соотношения компонентов численности населения, наиболее существенно – пгт Вожега (Вожегодский район) и Вохтаго (Грязовецкий район), 9 – не изменили его и лишь 4 – улучшили позиции (наиболее существенно – пгт Кадуй и Хохлово). Положительная динамика численности посёлков городского типа Кадуй и Хохлово может объясняться функционированием развитых промышленных предприятий, создающих рабочие места. Так, Кадуйский район занимает ведущие позиции в Вологодской области по производству электро-

энергии (Череповецкая ГРЭС) и производству пищевой икры осетровых рыб (рыботоварная фирма «Диана»), а также находится в числе лидеров по производству клееной фанеры и мебельных компонентов (ООО «Кадуйский фанерный комбинат», ОАО «Сивец» и др.)⁶.

В 2021 году в 59% муниципальных образований (в 16 из 27) сельское население сокращалось за счёт и естественной, и миграционной убыли, в 41% (11 из 27) – за счёт превышения естественной убыли над миграционным приростом (табл. 4). Общий прирост численно-

Таблица 4. Группировка муниципальных образований Вологодской области по влиянию показателей естественного движения и миграции на изменение численности сельского населения

Тип	2000 г.		2010 г.		2021 г.	
	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)	Число	Муницип. образования (районы, гор. округа)
ЕУ, МУ, ОУ	8 (31%)	Бабушкинский, Вологодский, Грязовецкий, Кадуйский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сокольский, Тарногский	24 (89%)	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Великоустюгский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Грязовецкий, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Сокольский, Сямженский, Тарногский, Тотемский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий, Шекснинский	16 (59%)	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Грязовецкий, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Сокольский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Шекснинский
ЕУ, МП, ОУ	16 (61%)	Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Вытегорский, Кирилловский, Междуреченский, Нюксенский, Сямженский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий, Шекснинский	2 (7%)	Вологодский, Кадуйский	11 (41%)	Великоустюгский, Вологодский, Кадуйский, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Сямженский, Тарногский, Тотемский, Усть-Кубинский, Череповецкий, с. Молочное (гор. округ Вологда)*
ЕП, МУ, ОУ	-	-	-	-	-	-
ЕУ, МП, ОП	2 (8%)	Великоустюгский, Тотемский	1 (4%)	с. Молочное (гор. округ Вологда)*	-	-
ЕП, МУ, ОП	-	-	-	-	-	-
ЕП, МП, ОП	-	-	-	-	-	-
Итого		26		27		27

* С 2004 г. пгт Молочное преобразован в село.
Составлено по: Демографический ежегодник Вологодской области. 2000: стат. сб. / Вологдастат. 2001. 46 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат. 2011. 90 с.; Демографический ежегодник Вологодской области. 2010: стат. сб. / Вологдастат. 2022. 94 с.

⁶ Стратегия социально-экономического развития Кадуйского муниципального района Вологодской области на период до 2030 года. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/8fb/11.%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%B0%D0%B4%D1%83%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%B0.pdf>

сти сельского населения не был зафиксирован ни в одном муниципалитете. С 2000 по 2021 год доля муниципальных районов с самым неблагоприятным соотношением компонентов изменения численности сельского населения выросла почти в два раза, что подтверждает тенденцию ухудшения демографической ситуации в сельской местности региона. За рассматриваемый период 14 муниципалитетов ухудшили позиции в части соотношения компонентов изменения численности сельского населения, наиболее существенно – Великоустюгский и Тотемский районы, переместившиеся из категории муниципалитетов с приростом сельских жителей за счёт миграционного притока в группу муниципалитетов с убылью сельского населения под двойным прессом естественной и миграционной убыли. 4 района Вологодской области, напротив, улучшили положение (Вологодский, Кадуйский, Кичменгско-Городецкий, Тарногский) за счёт смены миграционного оттока приростом населения, который, тем не менее, не смог покрыть его естественную убыль. Позитивные тенденции в Вологодском и Кадуйском муниципальных районах могут быть связаны с высоким социально-экономическим потенциалом развития их сельских территорий вследствие близости к крупным городам (Ворошилов, 2021). В 8 муниципальных образованиях региона соотношение вклада естественного движения и миграции в динамику численности населения сохранилось на прежнем уровне (стабильно неблагоприятная ситуация).

В *таблице 5* представлены муниципалитеты Вологодской области по основным демографическим показателям в разрезе городского и сельского населения. Самая неблагоприятная ситуация наблюдается в Белозерском и Харовском районах, в которых происходит сокращение численности и городского, и сельского населения под двойным влиянием естественной и миграционной убыли, а также отмечаются маркеры старения населения: высокая доля населения 65 лет и старше, низкий удельный вес населения 15–64 лет и детей до 14 лет (в сельской местности). В 10 муниципальных образованиях (Бабушкинском, Вашкинском, Верховажском, Грязовецком, Междуреченском, Никольском, Нюксенском, Устюженском, Шекснинском районах и городе Череповце) численность го-

родских и/или сельских жителей также снижается вследствие естественной и миграционной убыли.

Часть муниципалитетов (16 из 28) располагают потенциалом для улучшения демографической ситуации, связанным с миграционным приростом населения. В 6 районах отмечается миграционный приток городского населения (Чагодощенский, Бабаевский, Вожегодский, Сокольский, Вытегорский, Кадуйский), однако только в одном из них – в Кадуйском районе – он компенсирует естественную убыль и приводит к увеличению численности городских жителей. В 11 муниципалитетах происходит миграционный прирост сельского населения, но ни в одном из них он не компенсирует естественную убыль.

Примечательно, что в части муниципалитетов миграционная убыль городского населения сопровождается приростом сельского (Кирилловский, Великоустюгский и Тотемский районы, городской округ Вологда, Вологодский и Череповецкий районы – за счёт городов Вологды и Череповца), что косвенно может говорить о дезурбанизационных процессах внутри них. В других же муниципалитетах (Бабаевский, Вытегорский, Сокольский, Чагодощенский и Вожегодский), напротив, на фоне миграционного оттока сельских жителей наблюдается миграционный прирост городского населения, что свидетельствует о тенденции урбанизации.

Наиболее благоприятные параметры возрастного состава городских жителей за счёт высокой доли детей имеют Бабаевский, Вытегорский, Никольский районы, за счёт высокой доли населения 15–64 лет – Шекснинский и Устюженский районы. Самые благоприятные возрастные характеристики сельского населения наблюдаются в Никольском районе (высокая доля детей и населения 15–64 лет и низкая доля пожилых). Для сельского населения Вытегорского и Вологодского районов, а также городского округа Вологда свойственна высокая доля населения средней возрастной группы и низкий удельный вес пожилых. Высокая доля детского населения характерна для сельской местности Бабаевского, Кичменгско-Городецкого, Тарногского, Никольского, Бабушкинского, Верховажского и Нюксенского районов.

Таблица 5. Муниципальные образования Вологодской области по основным демографическим показателям в разрезе городского и сельского населения, 2021 год

МО	Число МО	Городское население						Сельское население						Всё население
		ЕП/У	МП/У	ОП/У	Возр. состав*			ЕП/У	МП/У	ОП/У	Возр. состав**			
					0–14	15–64	65+				0–14	15–64	65+	
Кадуйский р-н	1	ЕУ	МП	ОП	Низ	Ср	Выс	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Низ	Выс	ОП
Бабаевский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Низ	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Вытегорский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Низ	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Выс	Низ	ОУ
Сокольский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Чагодощенский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Выс	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Вожегодский р-н	1	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Ср	Ср	ОУ
Кирилловский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Великоустюгский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Город. округ Вологда	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Низ	ЕУ	МП	ОУ	Низ	Выс	Низ	ОУ
Тотемский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Низ	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Вологодский р-н	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Выс	Низ	ОУ
Кичм.-Городецкий, Тарногский р-ны	2	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Сямженский, Усть-Кубинский, Череповецкий р-ны	3	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МП	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Никольский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Низ	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Выс	Низ	ОУ
Шекснинский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Выс	Низ	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Бабушкинский р-н	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Низ	ОУ
Верховажский, Нюксенский р-ны	2	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Выс	Ср	Ср	ОУ
Устюженский р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Выс	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ОУ
Грязовецкий р-н	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
г. Череповец	1	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	-	-	-	-	-	-	ОУ
Междуреченский р-н	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Ср	Ср	ОУ
Вашкинский р-н	1	-	-	-	-	-	-	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Ср	ОУ
Белозерский, Харовский р-ны	2	ЕУ	МУ	ОУ	Ср	Низ	Выс	ЕУ	МУ	ОУ	Низ	Низ	Выс	ОУ

* Доля населения 0–14 лет: низкая (Низ) – 17,6% и меньше, средняя (Ср) – 17,7–20,1%, высокая (Выс) – 20,2% и больше; 15–64 лет: низкая (Низ) – 63,1% и меньше, средняя (Ср) – 63,2–67,0%, высокая (Выс) – 67,1% и больше; 65 лет и старше: низкая (Низ) – 14,4% и меньше, средняя (Ср) – 14,5–17,5%, высокая (Выс) – 17,6% и больше.

** Доля населения 0–14 лет: низкая (Низ) – 13,9% и меньше, средняя (Ср) – 14,0–18,2%, высокая (Выс) – 18,3% и больше; 15–64 лет: низкая (Низ) – 59,3% и меньше, средняя (Ср) – 59,4–65,8%, высокая (Выс) – 65,9% и больше; 65 лет и старше: низкая (Низ) – 17,1% и меньше, средняя (Ср) – 17,2–25,4%, высокая (Выс) – 25,5% и больше.

Цветами выделены: ■ – МО с самой неблагоприятной дем. ситуацией (естественная и миграционная убыль, неблагоприятные параметры возрастной структуры); □ – МО с неблагоприятной дем. ситуацией (естественная и миграционная убыль или неблагоприятные параметры возрастной структуры); □ – МО с благоприятной дем. ситуацией (естественный или миграционный прирост и/или благоприятные параметры возрастной структуры); □ – МО с самой благоприятной дем. ситуацией (естественный или миграционный прирост, общий прирост населения и/или благоприятные параметры возрастной структуры).

Источник: составлено автором.

Маркеры старения населения (высокая доля пожилых и низкая доля детей) отмечаются в городской и сельской местности Кадуйского, Чагодощенского, Белозерского и Харовского районов, в сельской местности Кирилловского и Устюженского районов. В ряде муниципалитетов зафиксирован низкий удельный вес населения 15–64 лет: в городской местности Бабаевского, Вытегорского, Белозерского и Харовского районов, сельской местности Кадуйского, Чагодощенского, Кирилловского, Устюженского, Вашкинского, Белозерского и Харовского районов.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, в ходе проведенного исследования на примере Вологодской области выявлены следующие тенденции трансформации систем расселения: нарастание поляризации городского и сельского расселения, выражающейся в концентрации жителей либо в крупных, либо в мелких населенных пунктах; обезлюдение сельских территорий; ослабление опорного каркаса городского расселения (системы малых городов); усиление «очаговости» сельского расселения. Региональные тренды изменения систем расселения и их демографические последствия во многом повторяют общероссийские, особенно происходящие в Нечерноземье. Особую роль в наблюдаемых трансформациях расселения играют крупные города – Вологда и Череповец, стягивающие население в зону их влияния, что приводит к снижению численности сельских поселений удаленных муниципальных районов и сокращению городского населения районных центров. Роль восточных районов области в концентрации сельских жителей в поселениях «кустах» постепенно снижается.

Более чем в половине муниципальных образований Вологодской области сокращение численности городского и сельского населения обусловлено двойным действием естественной и миграционной убыли. При этом количество и доля таких муниципалитетов существенно выросли за последние 20 лет. Самая неблагоприятная ситуация отмечается в Белозерском и Харовском районах, в которых сокращение численности населения под «двойным прес-

сом» естественной и миграционной убыли сопровождается неблагоприятными параметрами возрастного состава (старением населения). В этих муниципалитетах на протяжении 2000–2021 гг. происходило существенное сокращение численности сельских поселений и численности жителей районных центров (Белозерска и Харовска). Аналогичные тенденции в трансформации расселения наложили отпечаток на сложившуюся демографическую ситуацию и в других 10 муниципальных образованиях с «двойной» убылью населения.

Часть муниципалитетов Вологодской области имеют потенциал миграционного прироста, тем не менее компенсация естественной убыли миграционным приростом в настоящее время происходит только в городской местности Кадуйского района. Очевидно, что большую роль в данном процессе играют поселки городского типа Кадуи и Хохлово, активно притягивающие население, вследствие чего, однако, происходит сокращение численности сельских поселений муниципального района.

В ряде муниципалитетов наблюдаются благоприятные параметры возрастного состава населения (высокий удельный вес детей и/или населения 15–64 лет, низкая доля пожилого населения), что может иметь позитивные последствия для рынка труда в виде расширенного предложения рабочей силы, например, в сельской и городской местности Никольского района, в городской местности Шекснинского района, в сельской местности городского округа Вологда, Вологодского, Бабушкинского и Вытегорского районов. Однако отмечаемый в некоторых из этих муниципалитетов миграционный отток перечёркивает преимущества возрастной структуры, поскольку «вымывает» с этих территорий молодое и трудоспособное население.

Пространственные трансформации городского и сельского расселения неизбежно приводят к изменениям в демографической ситуации в регионе и его муниципалитетах – миграционной убыли с территорий-доноров и миграционному притоку на территории-акцепторы, трансформации возрастного состава населения, изменению характеристик

воспроизводства. Возникающие социально-демографические диспропорции влекут за собой снижение трудового потенциала малых городов и малых сельских поселений, концентрацию трудовых ресурсов в крупных населённых пунктах. В результате усиливается внутрирегиональное социально-экономическое неравенство, положение населения периферии становится уязвимым как в части доступности социальных объектов и цифровых технологий, так и реализации возможностей на рынке труда.

В ходе исследования выделены разные типы территорий региона: наиболее уязвимые территории, подверженные депопуляции и обезлюдению, территории, находящиеся в состоянии депопуляции и обезлюдения, но имеющие потенциал для улучшения ситуации (миграционный или возрастной структуры), а также территории с наиболее благоприятной ситуацией. Первая группа характеризуется самым неблагоприятным положением, поскольку снижение людности сельских поселений сопровождается «сжатием» районных центров, что влечёт неминуемое сокращение не только демографического, но и экономического, трудового и других потенциалов. Для таких муниципальных образований требуется принятие серьёзных

управленческих мер на уровне региона (например, создание «зон неблагоприятия»). В случае второй группы муниципалитетов внимание должно быть уделено использованию их сильных сторон для улучшения и стабилизации ситуации в целом. В частности, необходимо поддерживать тенденцию миграционного прироста населения (там, где он имеется), стимулируя наращивание его масштабов, грамотно использовать потенциал возрастной структуры, создавая благоприятные условия для жизни населения и закрепления его на территории муниципалитета (особенно молодых и трудоспособных граждан). В случае третьей группы (Кадуйский район) целесообразно обеспечить сохранение позитивных тенденций (миграционного прироста), уделяя особое внимание развитию сельской местности муниципалитета.

Результаты исследования вносят вклад в развитие представлений о внутрирегиональных трендах трансформации расселения и сопутствующих им демографических тенденциях; могут послужить базисом для разработки и реализации мероприятий в рамках программ муниципального управления, в том числе проводимой муниципальной реформы территориальной организации.

Литература

- Аверкиева К.В. (2017). Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С. 86–106.
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 66–76.
- Ворошилов Н.В. (2021). К вопросу об оценке социально-экономического потенциала сельских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.7
- Глезер О.Б., Вайнберг Э.И. (2013). Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. № 3. С. 21–38.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (2001) / под ред. Т.Г. Нефёдовой, П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. М.: О.Г.И. 558 с.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2021). Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19: II региональный демографический доклад / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 89 с.
- Егоров Д.О. (2020). Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. № 4. С. 32–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-3
- Ефремова В.А. (2015). Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. № 3. С. 86–98.

- Зайончковская Ж.А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 132 с.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Зубаревич Н.В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. География. № 3. С. 26–38.
- Капелюшников Р.И. (2019). Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. Т. 14. № 3. С. 8–53. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-3-8-53
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2013). Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс. С. 82–107.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Сер. География. № 5. С. 46–59.
- Кожевников С.А. (2018). Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионоведение. Т. 26. № 4. С. 718–741. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741
- Короленко А.В. (2023). Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4
- Моргунов Е.В., Шутов О.Л., Фатуллаев С.Т. (2021). Теоретико-методологические подходы к определению городской агломерации как пространственно-локализованной подсистемы российских регионов // Вестник МИРБИС. № 3 (27). С. 28–36. DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3
- Нефёдова Т.Г., Глезер О.Б. (2020). Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 214–251.
- Нефёдова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Соболев А.В. (2015). Структурно-функциональные особенности пространственного развития городских и сельских поселений Северо-Западного экономического района // Балтийский регион. № 1 (23). С. 143–158. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-9
- Солдатова Н.В. (2016). Трансформация системы сельского расселения Вологодской области // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Кодекс. С. 338–357.
- Ткаченко А.А. (2018). Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 10–15.
- Ускова Т.В., Патракова С.С. (2021). Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 34–52. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.2
- Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Орешников В.В. (2019). Анализ и моделирование тенденций развития системы территориального расселения в России // Экономика региона. Т. 15. Вып. 2. С. 436–450. DOI: 10.17059/2019-2-10
- Baron M. et al. (2010). *Villes et régions européennes en décroissance, maintenir la cohésion territoriale*. Paris, Lavoisier.
- Borsdorf A., Salet W. (2007). Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. *Belgeo*, 1, 3–14. DOI: 10.4000/belgeo.11604
- Christaller W. (1933). *Die zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer.
- Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, 155, 60–69. DOI: 10.2307/635381
- Friedmann J. (1966). *Regional development policy: a case study of Venezuela*. Boston: The MIT Press.

- Geyer Y.S., Kontuly T. (1993). The Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, 15 (3), 157–177. DOI: 10.1177/016001769301500202
- Glezer O.B., Kolosov V.A., Brade I. et al. (2014). Integrated forms of urban settlement pattern in Russia, Europe, and worldwide. *Regional Research of Russia*, 4, 80–89. DOI: <https://doi.org/10.1134/S207997051402004X>
- Haase A. et al. (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A*, 46, 1519–1534. DOI:10.1068/a46269
- Krugman P. (1998). Spase: The Final Frontier. *Journal of Economic Perspectives*, no 12 (2), 161–174.
- Lösch A. (1954). *The economics of location*. New Haven: Yale University Press.
- Nam C.W., Richardson H.W. (2014). *Shrinking cities: A global perspective (Regions and Cities Series)* / Ed. by Richardson H.W., Nam C.W. New York, Routledge.
- Pallagst K., Martinez-Fernandez C., Wiechmann (Hrsg) Th. (2013). *Shrinking Cities - International Perspectives and Policy Implications*, Routledge Publishers.
- Partridge M. et al. (2006). *Does the New Economic Geography Explain U.S. Core-Periphery Population Dynamics?* Paper prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association, march 30–april 1, St. Augustine, Florida.
- Polese M., Shearmur R. (2006). Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies. *Papers in Regional Science*, 85, 23–46. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2006.00024.x
- Richardson H.W. (1993). *Regional Growth Theory*. London: Macmillan.
- Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2009). Spatial impacts of demographic change in Germany. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, 33, 181–205. DOI: 10.1007/s12523-009-0010-9

Сведения об авторе

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

Transformation of the Resettlement System and Its Demographic Manifestations: Research Experience at the Regional and Municipal Levels

Abstract. The global demographic trend of the 20th and early 21st century was the process of urbanization, which manifested itself, among other things, in the concentration of the population in large and super-large megacities with a rapid decline in the rural population. In Russia the transformation of resettlement was expressed in polarization and localized compression of the socio-economic space, fragmentation of the supporting framework of territories. Despite the fact that the issues of resettlement transformation at the national and regional level have been studied, there is still a need for in-depth research on its intraregional trends and patterns. The purpose of the work was to look into the peculiarities of urban and rural resettlement transformation and its demographic manifestations at the regional and municipal level. The model region was the Vologda Oblast, a typical constituent entity of the Russian Federation and northern Non-Chernozem region. The information base consisted of data from the All-Russian Population Censuses of 2002, 2010 and 2020, and the current statistical records of Rosstat and its territorial department in the Vologda Oblast. The methods of cartography, structural–dynamic analysis of resettlement characteristics and demographic indicators, the typology of municipal entities by the ratio of the components of population change, and the main indicators of the demographic situation were used. We have identified the following trends in the transformation of resettlement systems in the region: increasing polarization of urban and rural resettlement, expressed in the concentration of residents

either in large or in small settlements; depopulation of rural areas; weakening of the supporting framework of urban resettlement (system of small towns); strengthening “focality” rural settlement. In more than half of the Vologda Oblast municipal entities the urban and rural population decrease is caused by the double effect of natural and migration losses. At the same time, the number and the share of such municipalities have grown significantly over the past 20 years. Some municipalities have the potential of migration growth or age structure, but only in Kaduysky District there is an increase in population due to the migration growth of urban residents. In the conclusion the threats and opportunities for development for different types of municipalities are outlined.

Key words: resettlement system, urban and rural resettlement, demographic situation, natural movement, migration, municipal entities, Vologda Oblast.

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Статья поступила 10.03.2023.

Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию

**Софья Борисовна
АБРАМОВА**

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: s.b.abramova@urfu.ru
ORCID: 0000-0003-4010-8406; ResearcherID: I-1755-2018

**Наталья Леонидовна
АНТОНОВА**

УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: n.l.antonova@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-2063-4970; ResearcherID: Q-1495-2015

Аннотация. Вовлечение молодого поколения в практики гражданского участия выступает актуальной задачей, стоящей перед субъектами молодежной политики и общественными активистами. Цифровая среда не только расширяет формы и направления гражданского активизма, но и формирует новые механизмы мобилизации. Сетевые сообщества обладают высоким потенциалом вовлечения, однако существуют в насыщенном информационном потоке. Поэтому важно понимать, как пользователи сталкиваются с сообщениями по социально значимым проблемам и инициативам по их решению и реагируют на них («входящий уровень»: столкновение с предложением участия в гражданском проекте), влияет ли этот опыт на интенсивность вовлечения в реальные практики цифрового гражданского активизма («исходящий уровень»: реакция в фор-

Для цитирования: Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. (2023). Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 149–165. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.8

For citation: Abramova S.B., Antonova N.L. (2023). Youth involvement in digital civic activism: From online clash to participation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 149–165. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.8

ме участия / неучастия в проекте). Основой для статьи послужили результаты онлайн-опроса молодых горожан Свердловской области ($n = 1150$). Выборочная совокупность включает учащуюся и работающую молодежь. По результатам кластерного анализа предложена типология моделей столкновения молодежи с контентом о гражданских инициативах, выделены и охарактеризованы три типа — включенные, поверхностные и пролистывающие читатели. Представлена классификация ресурсов, на которые подписаны молодые граждане, с точки зрения связанности с вопросами гражданского активизма, а также выявлена высокая теснота связи подписки на специализированные ресурсы с типологией по столкновению с данным контентом. Показаны способы реагирования на столкновение с сообщениями гражданской направленности и их распространенность среди молодежи: преобладание отрицающих и заинтересованных реакций при незначительном уровне поддерживающих и деятельных откликов. Построена типология цифрового участия на основании оценки интенсивности вовлеченности. Доля высокововлеченных в информационное поле и реальные практики составила 5% респондентов, большинство опрошенных относится к среднеактивным и низкоактивным участникам гражданского активизма.

Ключевые слова: гражданский активизм, молодежь, цифровой активизм, вовлечение, мобилизация участия, факторы привлекательности контента.

Благодарность

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Введение

Проблематика цифрового гражданского активизма молодого поколения в последнее десятилетие вызывает интерес как у представителей научного сообщества, так и управленцев-практиков, формирующих и реализующих принципы молодежной политики на всех уровнях. Готовность к новациям и погружение в новые высокотехнологичные средства коммуникации становятся основой восприимчивости к виртуальным сервисам, использования интернет-технологий в различных сферах (Истягина-Елисеева и др., 2020). Цифровые инструменты позволяют молодежи создать/вступить в сообщества, организовать мероприятия, реализовать проекты, выразить гражданскую позицию, в целом определить свое место в общественной структуре при вовлечении в практики цифрового гражданского активизма.

Национальные цели развития России включают достижение благополучия людей, возможностей для самореализации, безопасной среды, а также цифровой трансформации. Федеральный проект «Молодежь России»¹ предусматривает как создание условий для эффективной

самореализации молодежи, так и охват молодежными проектами, образовательными форумами, просветительскими мероприятиями молодых людей из всех регионов. Цифровое развитие регионов обеспечивается распространением доступа к сети Интернет и достижением «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Активное привлечение молодежи к разработке инициатив в рамках национальных проектов осуществлялось уже на старте их реализации².

Еще одной опорой для развития цифрового активизма молодежи выступают основные направления деятельности Организации объединенных наций (ООН): достижение Целей устойчивого развития³, развитие электронных правительств, поддержание демократии и др. Страны мира вовлекаются в развитие цифрового гражданского участия, создавая нацио-

² «Культура», «Образование» и «Экология» — в ТОП-3 нацпроектов для молодежи // НАФИ. 12 августа 2021. URL: <https://nafi.ru/analytics/kultura-obrazovanie-i-ekologiya-v-top-3-natsproektov-dlya-molodezhi/> (дата обращения 01.04.2023).

³ ООН. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 29.03.2023).

¹ Федеральный проект «Молодежь России». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/young/>

нальные программы (например, в ОАЭ⁴ или Шотландии⁵). Проекты в области молодежной цифровой активности опираются на Молодежную стратегию Европейского союза⁶, которая заявляет революцию в жизни молодежи вследствие цифровой трансформации и необходимость учитывать в политике позитивные возможности и проблемы этой трансформации. Для мобилизации молодого поколения, чья деятельность может способствовать эффективно-му претворению Повестки-2030 в конкретные действия, Национальный совет молодежных и детских объединений России учредил ежегодную Программу для молодых представителей гражданского общества «Молодежные посланники ЦУР России»⁷.

Общественная палата Российской Федерации⁸ отмечает значительное развитие условий для гражданской активности, в том числе через взаимодействие власти и сообществ граждан в сети Интернет. Как отмечается в докладе, в России интернет-пространство является территорией, где оформляются институты гражданского общества нового типа. Оно выступает площадкой для дискуссий, создавая систему взаимодействий между участниками, имеющими как общие взгляды и представления, так и противоположные, иницируя новые формы гражданской вовлеченности — как результат, наблюдается «относительно высокий интерес значительной части молодежи к установлению широкого публичного онлайн-диалога о социальных, правовых и прочих аспектах развития российского общества» (Домбровская, 2020).

⁴ Министерство внутренних дел ОАЭ. Цифровое участие. URL: <https://www.moi.gov.ae/en/E.Participation.aspx> (дата обращения 02.04.2023).

⁵ Scottish Government. Digital. URL: <https://www.gov.scot/policies/digital/> (дата обращения 02.04.2023).

⁶ The European Union Youth Strategy 2019-2027. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2018:456:FULL> (дата обращения 28.03.2023).

⁷ Национальный Совет молодежных и детских объединений России. Программа «Молодежные посланники ЦУР России». URL: <http://youthrussia.ru/sustainabledevelopment> (дата обращения 31.03.2023).

⁸ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2021 год. М., Общественная палата Российской Федерации, 2021. URL: <http://131fz.ganepa.ru/uploads/files/2022/01/oprf2021.pdf> (дата обращения 14.03.2023).

Цифровая среда имеет ряд преимуществ для выражения гражданской позиции, снимая препятствия и барьеры. Так, Madison и Klang отмечают, что на индивидуальном уровне вовлеченность в цифровой активизм повышает шансы участников стать заметными для большей аудитории, увеличивает информированность о проблемных зонах, создает каналы продвижения идей и убеждений (Madison, Klang, 2020). Среди различных аспектов цифрового активизма — формы и особенности цифрового участия, псевдоактивизм, границы с оффлайн-формами и т. п. — механизмы вовлечения представляются, на наш взгляд, одними из наименее изученных. При этом эффективная реализация мобилизационного потенциала цифровых сообществ может стать источником и движущей силой реальных социальных преобразований.

Свердловская область представляет собой регион, достаточно типичный для России, имеющий в составе населенные пункты разного типа по размеру, ведущей сфере экономики, развитию цифровой инфраструктуры. При этом показатели Свердловской области по разным критериям (уровень использования интернета⁹, среднемесячная заработная плата¹⁰ и др.) близки к среднероссийским, что позволяет говорить о типичности выводов, сделанных по результатам исследований в данном регионе. Также Свердловская область — это регион, которому удалось перейти из разряда наиболее тревожных в группу урловешенных по индексу КРОС¹¹. Индекс прежде всего учитывает страхи, которые имеют региональный контекст, вызывают активный отклик в виде обсуждения в социальных медиа, гражданскую реакцию и приводят к гражданскому участию, что высту-

⁹ Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Итоги наблюдения. 2021 // Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (дата обращения 30.03.2023).

¹⁰ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. 2022 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения 29.03.2023).

¹¹ Национальный индекс тревожности. Рейтинг регионов России // КРОС. URL: <https://www.cros.ru/research/> (дата обращения 19.03.2023).

пает ключевым способом преодоления тревожности. Полагаем, что исследование вовлеченности молодого поколения, проживающего на территории с позитивным опытом решения социально значимых проблем через гражданский активизм в практики цифровой гражданской активности, позволит охарактеризовать современный облик молодежи как инициатора и участника развития региона и гражданского общества.

Обзор литературы

Цифровизация всех сфер общественной жизни становится фактором и условием проявления гражданской позиции молодежи, обозначения ее положения и статуса в общественной структуре как субъекта социальной активности. Р. Адлер и Дж. Гоггин определяют гражданскую активность сквозь призму участия граждан в жизни сообщества с целью улучшения условий и формирования будущего (Adler, Goggin, 2005). Это коллективные действия, в основе которых лежит сотрудничество (Ekman, Arnå, 2012), а усилия направлены на разрешение проблемных задач, реализацию интересов, достижение общего блага для сообществ, оказание влияния на принятие решений (Barrett, Pachi, 2019). Согласно Э. Гидденсу человек как сторонник либо активист социального движения ощущает, что может повлиять на вектор дальнейшего общественного развития (Гидденс, Саттон, 2018).

Гражданское участие может принимать различные формы: индивидуальные и коллективные, пассивные, реактивные и активные, а также политические и неполитические (Hashagen, 2002). П. Брандзаэг пришел к выводу, что женщины чаще участвуют в гуманитарной помощи и деятельности общественных движений, а мужчины более активны в политической жизни (Brandtzaeg, 2017). Дж. Диль и И. Чан обнаружили, что основными барьерами, препятствующими гражданской активности, являются отсутствие влияния на принятие политических решений и мнимый дефицит актуальных проблем (Diehl, Chan, 2021). По мнению П. Штомпки, вовлечение граждан в социальные движения и их активность связаны с глубокими социальными преобразованиями, «затрагивающими сферу традиций и обычаев,

которые приносит технический и производственный прогресс, а также с резкими экономическими кризисами, политическими переломами общественного строя» (Штомпка, 2005, с. 172). Вместе с тем в общественных системах присутствуют индивиды и группы, которые становятся пассивными пассажирами, не предпринимая никаких действий и надеясь получить выгоды без затрат. В этом случае формируются сторонние наблюдатели, оценивающие реальную гражданскую активность как тип поведения, связанный с определенными рисками.

Относительно новым видом гражданской активности становится цифровой активизм. Социальные медиа выступают новой «игровой площадкой» для молодежи, на которой можно выразить мнение, поделиться опытом, оставить отзыв, найти единомышленников. Молодое поколение перестало ориентироваться на традиционные социальные институты и практики и обращается к социальным медиа для подтверждения своей идентичности как новой модели солидарности (Moran et al., 2018). А.Н. Гуреева с коллегами подчеркивают, что молодежь отличается ориентированностью на социальные изменения, что проявляется в ее повседневных практиках, в том числе медиаактивности (Гуреева и др., 2020). Использование интернета, по утверждению английского социолога К. Хайн, стало восприниматься как способ присутствия в мире, а не как средство доступа к отдельному виртуальному домену (Hine, 2015).

Некоторые исследователи (Vissers, Stolle, 2014) считают, что не существует явного верифицированного доказательства влияния онлайн-общения на вовлечение в гражданское участие. С. Булианна (Boulianne, 2015) отмечает, что современные метаданные убедительно демонстрируют формирование связи между социальными сетями и участием в общественной жизни, но вопрос о причинно-следственных отношениях и преобразовательной эффективности пока не решен. Коллективный проект Л.Н. Сабуровой (Сабурова и др., 2021) показал, что информационная насыщенность общения в онлайн-группах в большей степени работает на распространение информации, чем на мобилизацию к действию. Кроме того, по оценке А. Афуксенидиса, способность людей к пол-

ноценному участию зависит от предыдущего офлайн-опыта и степени технической компетентности (Afouxenidis, 2014), когда цифровой разрыв (Schradie, 2018) и слабые цифровые навыки ограничивают вовлечение в гражданский активизм некоторых групп населения¹².

Тем не менее исследователи сходятся во мнении, что социальные медиа обладают мощнейшим ресурсом мобилизации (Dahlgren, 2009). Например, А.А. Азаров с коллегами выделили базовые типы гражданского активизма и установили, что масштаб, конвенциональность деятельности акторов в условиях цифровой мобилизации зависят от способности агентов меняться ролями и средами (Азаров и др., 2021). Новые формы социальных связей выступают основой трансформации общественной жизни, внося фундаментальные изменения в практики гражданского участия. При этом молодое поколение способно не только воспроизводить рутинизированные онлайн-действия, но и создавать новые, используя доступные инструменты (Солдатов и др., 2020).

В статье под цифровым гражданским активизмом будем понимать активное участие в общественной деятельности посредством использования современных информационных и коммуникационных технологий, в том числе сетевых медиа, с целью повышения осведомленности о социально значимых проблемах, оказания давления или создания инициатив для их решения. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на аспекте вовлечения в онлайн-активизм, привлечения новых участников гражданских онлайн-проектов. Основными теоретическими опорами выступили две теории: теория необихевиоризма, позволяющая рассматривать вовлечение и активность граждан как действия, спровоцированные информационными стимулами (Парма, 2021), и власти коммуникации, указывающая на воздействие одних социальных акторов на других и на давление со стороны активного ядра сетевого сообщества на остальных граждан с целью вовлечения (Castells, 2009).

¹² Cho A., Byrne J., Pelter Z. (2020). *Digital civic engagement by young people*. Available at: https://www.unicef.org/media/72436/file/Digital-civic-engagement-by-young-people-2020_4.pdf

Дизайн исследования

Целью исследования стало изучение влияния траекторий столкновения пользователей с контентом о социально значимых проблемах и гражданских инициативах по их решению на интенсивность вовлечения в цифровой гражданский активизм. Задачи работы предполагали построение типологии молодежи по частоте столкновения с тематическим контентом и по реакциям на него, выявление структуры подписок молодежи в социальных сетях, наиболее привлекательных / мобилизирующих характеристик вовлекающих сообщений, а также интенсивности вовлечения молодых людей в реальные практики цифрового активизма.

Эмпирической базой послужили результаты авторского социологического опроса молодых жителей Свердловской области в сентябре 2022 года (1150 человек в возрасте 14–25 лет). Метод исследования – сочетание онлайн-опроса и раздаточного анкетирования (для учащейся молодежи). Инструментарий для двух разновидностей опроса был идентичным (с несущественными различиями в комментариях по заполнению анкеты и оформлению табличных вопросов с учетом возможностей электронной формы), поскольку в анкете отсутствовали типы вопросов, вызывающие наибольшие различия при использовании онлайн и офлайн-опросов (открытые вопросы, вопросы на знание, ответы на которые можно «подсмотреть» в интернете, и т. п.) (Шкурин, 2015).

Для построения выборочной совокупности осуществлялся квотный отбор с учетом следующих характеристик: тип населенного пункта, пол, возраст, род занятости. Территориальное позиционирование выборки предполагало включение жителей областного центра (Екатеринбург, 61% опрошенных), больших и средних городов (10%), а также малых городов Свердловской области (29%). Возрастные рамки объекта определены в соответствии с цифровым поколением, условной границей которого обозначается 1995 год, а культурная и социальная идентичность во многом связывается с интернет-активностью и использованием социальных медиа (Шайгерова и др., 2022). Среди опрошенных 57% составили респонденты женского, 43% – мужского пола.

По роду занятости структура опрошенных учитывала основной вид деятельности – учащаяся и работающая молодежь. Категория учащейся молодежи представлена следующим образом: школьники 8–11 классов (14%), учащиеся учреждений начального профессионального образования (4%), учащиеся учреждений среднего профессионального образования (34%), студенты высших учебных заведений (38%). Среди учащейся молодежи 57% респондентов учатся на дневной форме и не работают, 20% сочетают учебу и трудовую занятость. Доля только работающей молодежи составила 10%; в этой категории 32% являются специалистами, 20% – фрилансерами, 15% – служащими, 15% – рабочими, 4% – руководителями, 4% имеют свой бизнес; 10% временно не работают.

Полученные в ходе опроса данные были обработаны с использованием программы SPSS. Для достижения поставленной цели применялись как общенаучные методы исследования (сравнение, обобщение, индукция, классификация и др.), так и специальные методы работы с количественными данными: построение одномерных и двумерных частотных распределений, корреляционный анализ, кластерный анализ.

Задача рассмотрения ситуации вовлечения молодого поколения в участие в цифровых проектах гражданского активизма предполагала выделение двух ключевых уровней: «входящего», который представляет ситуацию столкновения в информационном потоке с предложением участвовать в проекте/акции, и «исходящего», который характеризует реакцию в форме участия/неучастия в проекте. Допуская определенную упрощенность в такой модели мобилизации молодежи в цифровой активизм, мы рассматриваем ее в качестве методологической рамки, позволяющей выстроить систему индикаторов и последовательность анализа данных.

Исходя из этого наиболее важные индикаторы, определяющие выделенные уровни вовлечения молодежи в гражданский активизм, отбирались с учетом необходимости фиксации факторов и мотивов выбора потенциального проекта для участия в условиях цифровых информационных потоков. К индикаторам «входящего» уровня вовлечения были отнесены частота столкновения в интернете с опре-

деленным контентом (о социальных проблемах жителей, о гражданских проектах, недостоверной и провокационной информации и т. п.), активность подписной деятельности, реакция на призывающие сообщения, привлекательные характеристики вовлекающих сообщений; к индикаторам «исходящего» уровня вовлечения отнесена активность участия в онлайн-проектах. В качестве основы для конструирования вопроса о цифровом активизме использовалась типология Д. Джорджа и Д. Лейднера, в соответствии с которой в анкете был представлен список из 22 действий, максимально широко охватывающих все потенциально возможные формы цифрового участия.

В исследовании выдвинуто две ключевые гипотезы. Первая устанавливает наличие связи между частотой столкновения с информацией о социально значимых проблемах города, уровнем интереса к постам о гражданском активизме и интенсивностью вовлечения в цифровую гражданскую активность. При этом в исследовании, проводимом методом опроса, не представляется возможным установить фактическую частоту столкновения с такой информацией в интернете, поэтому фиксируется самооценка интенсивности. С одной стороны, поскольку исследуемая совокупность представляется достаточно однородной по социально-демографическим показателям, мы можем ожидать близкие параметры образа жизни, ценностных ориентаций, поведенческих моделей, в том числе в сети Интернет; в этом контексте мы можем предполагать наличие у респондентов приблизительно равного уровня цифровых компетенций, схожести используемых цифровых технологий, посещаемых социальных сетей и т. д. (Салганова, Осипова, 2023). С другой стороны, исследуемая проблематика накладывает определенные фильтры на каналы распространения (сайты организаций и общественных движений, страницы блогеров, сообщества в социальных сетях и т. д.), что создает индивидуальные траектории столкновения пользователей с распространяемым контентом. Вторая гипотеза затрагивает характеристики самого поста/сообщения, позволяя выделить параметры, которые повышают вероятность обращения внимания на саму информацию и ее мобилизирующее воздействие на молодую аудиторию.

Результаты исследования

Чтобы выделить категории молодежи, обладающие сходными характеристиками в зависимости от частоты столкновения с информационными сообщениями, был проведен кластерный анализ методом *k*-средних ответов респондентов на вопросы о частоте 1) чтения в социальных сетях и на информационных порталах сообщений, касающихся социальных проблем жителей города их проживания, 2) столкновения с сообщениями, приглашающими к участию в гражданских инициативах и проектах (в соответствии с сущностью метода применялись переменные с порядковыми шкалами, что позволило выявить похожесть объектов). В результате выделено три модели столкновения с контентом (*табл. 1*).

Включенные читатели (16,4% опрошенных) – постоянно или регулярно читают новости о социальных проблемах и их решении, не реже 3–4 раз в неделю видят сообщения о гражданских проектах. В данной подгруппе несколько выше доля молодежи 18–22 лет (48%, в двух других кластерах 40–42%), меньше студентов гуманитарных направлений обучения.

Поверхностные читатели (47,7%) – регулярно или иногда вовлечены в чтение сообщений в СМИ о социальных проблемах жителей, встречают (замечают) информацию о гражданских

инициативах 1–2 раза в месяц. В этой подгруппе несколько больше женщин (63% в сравнении с 55% в других кластерах).

Пролистывающие читатели (35,9%) – очень редко или совсем не интересуются новостями о социальной жизни города, практически не встречаются (не замечают) информацию о гражданских проектах. Ядро подгруппы составляет молодежь 14–17 лет (51,5%, в остальных кластерах 39–40%), незначительно выше доля учащихся учреждений среднего профессионального образования (36%, по 29% в других кластерах).

Преобладающей моделью является средняя интенсивность чтения контента, создающего информационную среду для потенциального вовлечения аудитории в практики гражданского активизма. Между активным и отсутствующим интересом смещение происходит в среднеинтенсивные практики: 68% участников опроса иногда или очень редко читают о социальных проблемах города. Отметим также, что данные модели достаточно равномерно распределены в различных категориях социальной общности молодежи: их процентное соотношение сохраняется в территориальных подгруппах (в зависимости от типа населенного пункта по размеру), в гендерных, образовательных (по уровню полученного образования в подкатегории работающей молодежи)

Таблица 1. Социально-демографические характеристики представителей различных моделей столкновения с контентом о социально значимых проблемах и гражданских проектах, % по столбцам

	Модель столкновения с контентом о социально значимой проблематике и проектах		
	Включенные читатели	Поверхностные читатели	Пролистывающие читатели
Возраст, лет			
14–17	38,6	40,4	51,5
18–22	47,6	42,5	40,2
23–25	13,9	17,1	8,3
Пол			
Мужской	45,8	37,1	44,6
Женский	54,2	62,9	55,4
Род занятости			
Учащиеся школ	16,3	13,0	15,4
НПО	5,4	3,5	3,3
СПО	29,3	29,4	35,9
Вуз	39,8	41,2	38,0
Работающие	9,0	12,6	7,7
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.			

и группах по получаемому образованию (как по уровню – НПО, СПО, высшее, так и по направленности).

Проанализируем содержательные характеристики выявленных моделей столкновения с информацией о социально значимой проблематике и проектах в порядке их долевой представленности.

Поверхностные читатели. Представители этого типа полагают, что достаточно часто сталкиваются с недостоверной информацией в интернете (49,9%), не очень часто видят провокации на рискованные поступки (средний показатель 1,99¹³), редко сталкиваются с призывами к участию в несанкционированных мероприятиях (1,68). Каждый пятый (18,4%) часто видит в интернет-среде угрозу своей личной безопасности. Средний уровень включенности в чтение новостей по вопросам гражданского участия сочетается у них с оценкой интернета как среднеопасной среды. Половина (51,5%) оценивает себя как скорее общественно активных людей, 47,3% называют роль инициативы граждан в жизни современной России значительной. С одной стороны, самооценка активности имеет субъективные критерии и не всегда соответствует объективным показателям вовлеченности (например, у тех, кто ставит себе высокие баллы по вовлеченности, самый низкий показатель по времени, которое необходимо тратить на гражданское участие, чтобы считать себя активным человеком). С другой стороны, могут использоваться офлайн-модели вовлечения (через дружеские контакты, образовательные учреждения, корпоративное волонтерство и т. п.).

Пролыстывающие читатели. Тип пользователей, которые редко просматривают контент по социально значимой тематике и при этом в наименьшей степени считают интернет угрожающей их безопасности средой. Для них характерно упоминание редкого столкновения с недостоверной информацией (37,5%), наименьшая оценка частоты провокаций на рискованные (1,80) или несанкционированные

(1,53) действия. Половина практически не сталкивается с нарушением личных границ и безопасности. При этом считают себя активными участниками общественной жизни 28,4%. У представителей этого типа более выражена позиция (62,1%), связанная с указанием на незначительность (вплоть до отсутствия) влияния инициативы общественности на жизнь в стране.

Включенные читатели. Высокая включенность в изучение социально направленного контента сочетается с восприятием интернет-информации как несущей высокие риски. 67,5% представителей этой модели полагают, что постоянно или часто сталкиваются с недостоверными сообщениями. Для них характерна самая высокая оценка частоты столкновения с призывами к действиям, содержащим риски (2,50) или нарушения закона (2,34); 40,4% часто (из них 25,9% – постоянно) ощущают попытки нарушить свою личную безопасность. Половина представителей этого кластера высоко оценивают возможности влияния гражданских инициатив на процессы в стране, 61,2% относят себя к общественно активной части общества.

Выше был поднят вопрос о сложности измерения фактического объема контента, с которым сталкивается каждый участник опроса. Косвенным образом это было сделано через фиксирование типа сообществ, на которые есть подписка в социальных сетях. В целом среди молодежи 14–25 лет наиболее распространены подписки на блогеров: 61,7% выбирают их в соответствии со своими интересами, 44,8% подписаны на популярных и известных блогеров. Практически каждый второй опрошенный подписан на страницы известных людей шоу-бизнеса (певцов, музыкантов, артистов) и на образовательные/просветительские ресурсы. В пятерку лидеров попадают и сообщества, посвященные проблемам и событиям в регионе – на них подписаны 35,9% опрошенных.

Если более целенаправленно рассмотреть полученные результаты в контексте темы исследования, то можно разделить представленные ресурсы на специализированные (однозначно профильные для тематики гражданского активизма), потенциально специализированные (где гражданская активность не

¹³ Средний показатель частоты столкновения здесь и далее может изменяться от 1 до 4, где 1 – очень редко, 4 – практически каждый день, постоянно. Чем выше значение средней, тем выше частота столкновения.

является основной содержательной направленностью, но может быть включена в обсуждение при определенных обстоятельствах) и общепопулярные (признавая возможность медийных персон влиять на общественное мнение и формировать интерес молодежи к проектам — далее мы обратимся к этой идее, — здесь мы скорее учитываем мотивы подписания на блог, которые с высокой вероятностью не связаны с гражданским активизмом).

Распределение подписок среди представителей кластеров по частоте столкновения с постами по социально значимой проблематике наглядно демонстрирует, что включенные читатели создают себе насыщенную специализированную информационную среду, в которой их шансы столкнуться с интересующими нас сообщениями о социальных проблемах и гражданских инициативах значительно повышаются (табл. 2). В среднем включенные читатели подписаны на 2,13 специализированных и 1,57 неспециализированных ресурсов, поверхност-

ные читатели — на 1,47 и 1,48 соответственно, пролистывающие читатели — на 0,53 (в 4 раза меньше, чем включенные) и 1,09. При этом категория поверхностных читателей практически сопоставима с включенными в отношении подписок на потенциально специализированные ресурсы и обгоняет по интересу к общепопулярным ресурсам.

С целью выявления тесноты взаимосвязи между выделенными кластерами по интенсивности столкновения и подписками на определенные типы ресурсов проводился корреляционный анализ с расчетом коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи между характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции r Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$, табл. 3). Наиболее сильная связь ожидаемо наблюдается с подписками на специализированные ресурсы: общественные организации, страницы гражданских активистов, тематические городские сообщества.

Таблица 2. Структура подписок в социальных сетях у представителей различных моделей столкновения с контентом о социально значимых проблемах и гражданских проектах, % по столбцам*

Ресурсы	Модель столкновения с контентом о социально значимой проблематике и проектах		
	Включенные читатели	Поверхностные читатели	Пролистывающие читатели
Специализированные, из них:	213,2	147,2	53,2
Общественные организации, движения	50,6	30,6	8,3
Сообщества, которые обсуждают проблемы города, региона	48,2	49,3	18,2
Общественные и гражданские активисты	33,7	19,3	5,2
Конкретные политические деятели	33,7	19,0	8,3
Волонтерские, благотворительные организации	31,9	22,8	10,7
Политические партии, движения	15,1	6,2	2,5
Потенциально специализированные, из них:	156,6	147,5	109,1
Блогеры по интересным темам	68,1	69,8	57,0
Образовательные, просветительские, научные ресурсы	60,2	54,9	42,4
Органы власти (мэр, правительство, администрация города и т. д.)	19,3	13,7	4,7
Сообщество дома	9,0	9,1	5,0
Общепопулярные, из них:	100,6	109,9	84,9
Известные певцы, музыканты, артисты	52,4	57,3	45,2
Известные, популярные блогеры	48,2	52,6	39,7
Ничего из перечисленного	3,6	8,1	20,9

* Сумма превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответа.
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Таблица 3. Корреляция моделей столкновения с подписками на определенные типы ресурсов в социальных сетях

Подписка на интернет-ресурсы	Значимость связи
На общественные организации, движения	-,340**
На общественных и гражданских активистов	-,266**
На сообщества, которые обсуждают проблемы Вашего города, региона	-,260**
На конкретных политических деятелей, лидеров	-,226**
На блогеров по интересным темам, направлениям	-,101**
На волонтерские, благотворительные организации	-,189**
На органы власти (мэр, правительство, администрация города и т. д.)	-,167**
На политические партии, движения	-,166**
На образовательные, просветительские, научные ресурсы	-,134**
На известных, популярных блогеров	-,083**
На известных певцов, музыкантов, артистов и т. п.	-,073*
На сообщество дома	-,064*
Ничего из перечисленного	,203**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Анализ привлекательных характеристик вовлекающих онлайн-сообщений позволил выделить топ-10 параметров, которые могут заинтересовать молодых горожан и побудить их участвовать в гражданском проекте (табл. 4), что подтверждает гипотезу о связи характеристик

самого поста/сообщения и мобилизующего воздействия на различную молодую аудиторию. Лидирующую позицию (с большим отрывом числа выбравших от следующей позиции в рейтинге) занимает личный интерес к теме — 73,7% (напомним, 61,7% опрошенных также

Таблица 4. Характеристики вовлекающих сообщений, которые могут побудить молодежь принять участие в проекте, % по столбцам*

Характеристика	По массиву	Модель столкновения с контентом о социально значимой проблематике и проектах		
		Включенные читатели	Поверхностные читатели	Пролистывающие читатели
Личный интерес к теме	73,7	70,5	79,7	75,2
Участие знакомых, друзей	44,3	47,0	44,7	44,4
Высокая вероятность, что этот проект приведет к реальным изменениям	42,7	40,4	44,7	44,1
Анонимность участия, невозможность проследить участников	34,1	30,7	35,2	38,3
Высокий уровень доверия организатору проекта	32,4	38,6	37,5	27,5
Наличие информации о результатах предыдущих акций	29,3	39,2	33,7	20,7
Возможность быстро проголосовать, не надо много говорить / писать	25,7	31,3	27,5	25,3
Возможность подробно высказать свое мнение, предложить идею, совет	24,3	36,7	30,0	13,5
Активное обсуждение проекта, «шум» вокруг проекта	23,9	28,3	28,6	18,7
Участие значимых людей, известных персон, общественных лидеров	18,0	27,1	19,9	13,8
Среднее число ответов**	4,06	4,66	4,39	3,70

* Сумма превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответа.
** Среднее число указано с учетом всех ответов, в том числе не вошедших в топ-10, приведенных в данной таблице.
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

подписаны на блогеров по интересующих их темам, что подтверждает высокий приоритет личного круга интересов). При этом чем выше уровень вовлеченности в чтение постов по проблемам города и активизму, тем выше значимость уровня доверия организатору проекта, возможности подробно высказать свое мнение, наличия информации о результативности предыдущих проектов, но также и активного обсуждения проекта, участия значимых людей и общественных лидеров. То есть практически все характеристики вовлекающих сообщений более интенсивно востребованы и учитываются активной аудиторией. Для низкововлеченных в информационную повестку активизма более значимо (в сравнении с другими кластерами) указание на анонимность участия, здесь меньше показатель среднего числа выбранных ответов (3,7), 10% указали только на личный интерес как мотивирующий фактор.

Далее рассмотрим ситуацию перехода от позиции читателя контента о социально значимых инициативах граждан к участию в данных проектах. Представим классификацию способов реагирования на полученные сообщения с призывами к участию в гражданских инициативах в логике рассмотрения от отрицающих к деятельным (табл. 5).

1. Отрицающие реакции. Почти половина опрошенных (47,3%) практически не вчитываются в содержание сообщений о гражданских

инициативах или просто пропускают (для 39% — это единственная практика, то есть они никогда внимательно не прочитывали подобного рода обращений). Еще 9,8%, как правило, блокируют сообщения от данного сообщества, блогера или организации, тем самым навсегда лишая их возможности повторного обращения/достижения. В основном игнорирующие практики характерны для представителей пролистывающего типа, среди которых 65,3% пропускают и 12,1% блокируют подобные сообщения (включенный тип демонстрирует 18,7 и 7,8% соответственно, что указывает на возможность данных реакций у любой категории молодежной аудитории, а также на возможную предпочтительность целенаправленных усилий по подбору проекта, а не отклика на посты незнакомых людей).

2. Заинтересованные реакции. Связаны с проявлением интереса к проекту: 35,8% опрошенных в большинстве случаев внимательно прочитывают сообщения (21,9% всегда ограничиваются только этим действием). К внимательному прочтению более склонны представители включенного типа (56,6%), но это действие достаточно распространено и в поверхностном типе (42,4%), и в пролистывающем (24,8%). 8,2% (почти все ответы здесь принадлежат включенным читателям) могут даже задать организаторам уточняющие вопросы.

Таблица 5. Структура реакций на вовлекающие сообщения, % по столбцам*

Тип реакции	Способ проявления реакции	По массиву	Модель столкновения с контентом		
			Включенные читатели	Поверхностные читатели	Пролистывающие читатели
Отрицающие	Блокируют сообщения от данного сообщества, блогера	9,8	7,8	7,2	12,1
	Пропускают, не вчитываются	47,3	18,7	41,4	65,3
Заинтересованные	Внимательно читают, но, как правило, не участвуют	35,8	56,6	42,4	24,8
	Задают организаторам уточняющие вопросы	8,2	21,7	7,7	3,6
Поддерживающие	Пересылают, делятся	11,7	25,3	13,3	5,0
	Рассказывают друзьям о заинтересовавших акциях	15,6	27,7	20,1	6,9
Деятельные	Внимательно читают и часто участвуют	7,1	20,5	5,2	2,5

* Сумма превышает 100%, так как респондент мог указать несколько вариантов ответа.
Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

3. Поддерживающие реакции. На этом уровне осуществляется переход к действиям, связанным с распространением информации о гражданских проектах: 11,7% респондентов обычно пересылают их / делают репосты, 15,6% — рассказывают о заинтересовавших их проектах друзьям. Такие практики не являются монореакцией и всегда сочетаются с другими видами реагирования на подобные сообщения. Тенденция более активного использования этих реакций представителями включенного и поверхностного типа сохраняется.

4. Деятельные реакции. Это непосредственный переход от чтения к участию в проекте. Он характерен для 7,1% опрошенных, из них 2,8% выбрали только этот вариант. Отметим, что среди пролистывающих читателей 2,5% готовы перейти к участию в проекте, среди поверхностных — 5,2%, среди включенных — 20,5%.

В завершение рассмотрим реальную вовлеченность молодежи в практики цифрового активизма. Респонденты выбирали те действия, которые они совершали за последний год. На основании содержательных характеристик выбранных действий, а также количества используемых действий была построена типология цифрового участия. В число пяти наиболее распространенных форм цифрового активизма попали обозначение своей поддержки идей, проектов через лайки (66,4%), публикация отзывов на товары, услуги, организации (38%), голосование на новостных сайтах (32%), обсуждение волнующих вопросов на форумах и в сообществах (28%), анализ открытых данных по социально значимым вопросам (27%). При этом 68,5% респондентов также выбирают позицию наблюдателя, определяя свой интерес к гражданским проектам преимущественно как сторонний, информационный, а не деятельный.

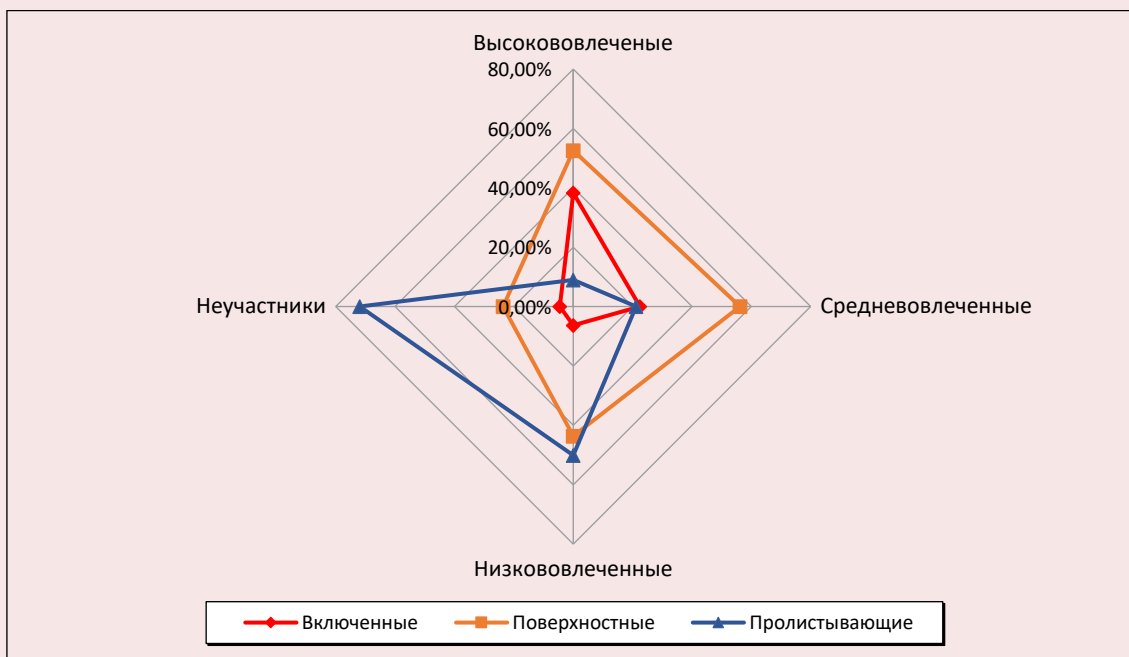
Участники исследования были классифицированы в зависимости от уровня активности реальных практик цифрового активизма на четыре подгруппы: высокововлеченные отметили в предложенном списке больше половины (12–22) форм участия, средневовлеченные применяли 5–11 типов действий, низкововлеченные практиковали 1–4 форму активизма, неучастники ничего не использовали. Отметим, что в нашем исследовании есть определенная тен-

денция, связанная с тем, что переход к более сложным и «качественным» формам активизма включает в себя использование более простых: если человек обсуждает проблемы с единомышленниками или создает контент по социально значимым проблемам, то с высокой вероятностью он также ставит лайки и делает репосты. Следовательно, общее количество типов действий, которое он совершает, будет больше, что подтвердилось через расчет средних показателей. Например, у тех, кто ставит лайки, среднее число совершаемых действий 7, а мода 5; среди тех, кто сам создает контент, среднее число типов действий 13, а мода 22. Поэтому в данном случае количество характеризует как разнообразие, так и качество совершаемых действий гражданского активизма.

Среди опрошенной молодежи больше представителей низкововлеченных (40,1%) и средневовлеченных (37,0%) в цифровой гражданской активизм. Высокую активность проявляют 12,4% опрошенных, из них использовали все возможные варианты гражданского участия 4,0%. Наконец, 10,5% молодых людей не включены в цифровой активизм (но могут при этом использовать офлайн-варианты гражданской активности).

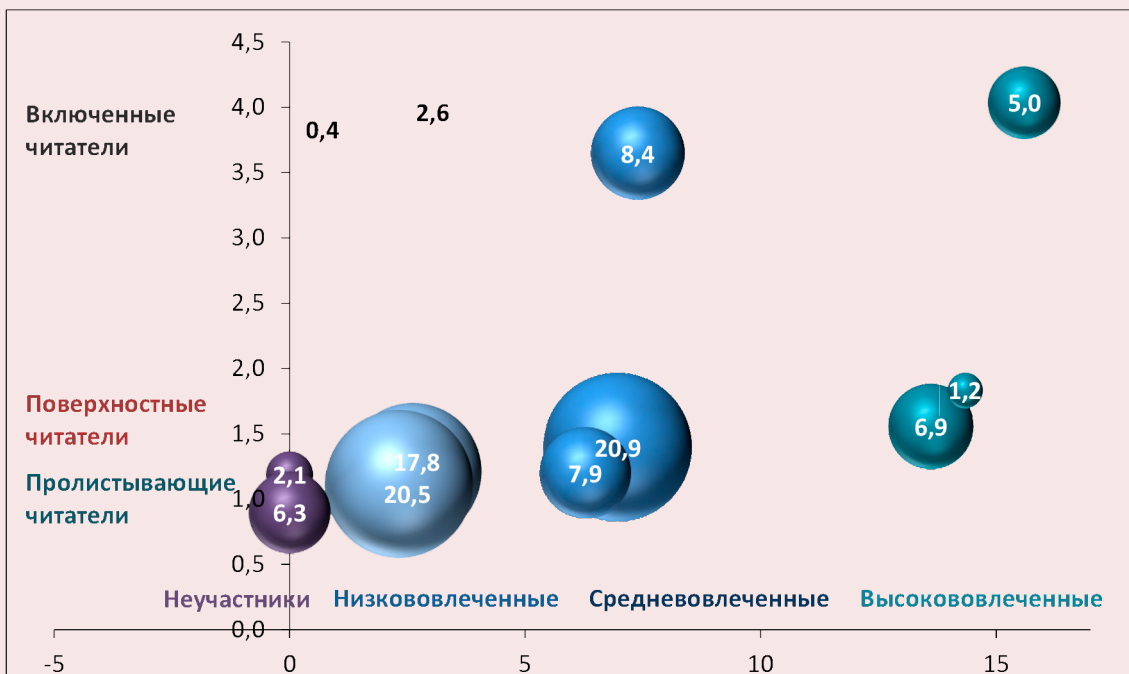
Данная типология имеет значимую корреляцию с кластерами молодежи по частоте столкновения с постами по социально значимой проблематике: значимость связи 0,444, корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). Поскольку поверхностные читатели составляют практически половину опрошенной молодежи, то закономерно они формируют ядро трех вовлеченных в активизм групп: среди высоко- и средневовлеченных 53–56% поверхностных читателей, среди низкововлеченных — 44%. Поэтому специфика определяется тем, представители какой модели дополняют поверхностных читателей: у высокововлеченных это включенные читатели (38,3%), у средневовлеченных сочетание в равных долях включенных и пролистывающих (по 22%), у низкововлеченных — 50% пролистывающих (рис. 1). Среди неучастников гражданского активизма преобладают молодые люди с низким числом столкновения с постами о социальных аспектах городской жизни и гражданских акциях, но присутствуют и включенные читатели (4,5%).

Рис. 1. Доля представителей разных моделей столкновения с контентом среди молодежи с различным уровнем гражданского активизма, % по типам уровня активности

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Рис. 2. Матрица вовлечения молодежи в цифровое гражданское участие, %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

По результатам опроса молодежи фактическая структура вовлечения в цифровое гражданское участие представлена следующим образом (рис. 2). Около 60% молодежи входит в три примерно равные по численности (доли) группы: среднеактивные и низкоактивные участники, регулярно или иногда вовлеченные в чтение сообщений в СМИ о социальных проблемах жителей (38,7%), а также низкоактивные участники, редко интересующиеся новостями из социальной жизни города и практически не замечающие посты о гражданских проектах (20,5%). Высокововлеченные в реальные проекты и информационное поле общественной активности составляют 5% опрошенных, примерно столько же — на противоположной стороне шкалы вовлеченности (6,3% пролистывающих неучастников). Представленная модель подтверждает гипотезу о наличии связи между частотой столкновения с информацией о социально значимых проблемах города, уровнем интереса к постам о гражданском активизме и интенсивностью вовлечения в цифровую гражданскую активность.

Обсуждение

Создавая условия для проявления гражданского активизма, цифровая среда становится посредником в системе взаимодействия молодежи. Это своего рода сцена, которую устанавливают активисты, блогеры, лидеры мнений, институциональные агенты. Важным становится, по мнению П. Гербаудо, создание общей идентификационной матрицы и эмоциональных импульсов для коммуникации интернет-пользователей (Gerbaudo, 2012), что позволяет не только привлекать новых и сохранять старых участников, но и влиять на интенсивность связей, повышать готовность к вовлечению в реальные гражданские проекты. Даже использование приложения WhatsApp, согласно С. Милан и С. Барбоза, солидаризирует пользователей, поскольку повторяющееся взаимодействие в приложении приводит к универсальному, похожему на идентичность чувству связанности, объединяющему социальных акторов (Milan, Barbosa, 2020).

Исследования последних лет демонстрируют, что на вовлеченность в гражданскую активность молодежи меньшее влияние оказывают гендерные или возрастные показатели в сравнении с содержательными характеристиками

(Суркова и др., 2020). Нами было показано, что интерес, проявляемый к общественно значимым проблемам в целом, приводит к более высокой «замечаемости» в информационном потоке сообщений / блогов / сайтов о гражданских инициативах и акциях, что в свою очередь определяет более интенсивную включенность в реальные практики цифрового активизма.

Особое внимание уделено характеристикам информационных постов, вызывающих интерес и готовность подключиться к проекту. Поскольку ключевым мотиватором выступает личный интерес к теме проекта, а внешние стимулы (участие известных персон, просьбы поучаствовать, высокая вероятность результативности проекта и др.) в незначительной мере определяют поддержку со стороны молодежи, необходимо разрабатывать комплексную систему мер по расширению зоны интересов молодежи на социально значимые региональные вопросы. Обратим внимание на достаточно низкую позицию в данном рейтинге образовательных / просветительских ресурсов, а также последнее место домовых сообществ (при росте значения локального активизма и соседских общин) (Одинцов, 2020), что означает менее значимое влияние данных сообществ на информационную среду молодежи с точки зрения предоставления контента по социально значимой тематике.

Сегодня у молодежи сформировано внутреннее убеждение о наличии в России условий для самореализации: 85% граждан страны в возрасте 18–24 лет полагают, что у молодежи есть возможность реализовать себя¹⁴, 34% хотят приносить пользу стране через активное участие в общественной жизни¹⁵. Результаты нашего исследования зафиксировали преобладание среднего уровня столкновения с мобилизирующим контентом в сочетании со средним или низким уровнем участия. Это не соответствует потенциальной готовности молодежи к более активному вовлечению в общественную жизнь и требует дальнейшего развития механизмов

¹⁴ Возможности для молодежи // ВЦИОМ. 8 декабря 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения 17.03.2023).

¹⁵ Ценности молодежи // ВЦИОМ. 14 декабря 2022 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения 18.03.2023).

вовлечения с учетом мотивации молодежи и эффективности характеристик мобилизующих сообщений.

Заключение

Общественный запрос на молодежный активизм остается одним из наиболее устойчивых трендов последних лет. Исследователи активизма включают в этот феномен как сами социальные движения, коллективные и индивидуальные действия, направленные на усиление привлечения молодых горожан к публичной политике и решению актуальной социальной проблематики, так и политику вовлечения молодежи в гражданскую активность, реализуемую различными субъектами (Земнухова, 2021).

В ходе нашего исследования был выделен малоизученный в социологии аспект «встречи» пользователей сети Интернет с информационными постами, инициированными организаторами и сторонниками гражданских проектов с целью вовлечения новых участников. Новизна работы заключается в расширении эмпирического знания о вовлеченности молодежи региона в онлайн-формы гражданского участия. Это позволило подтвердить гипотезы исследования и построить авторскую типологию молодых граждан по уровню (частоте) столкновения с информационными постами по социально значимой проблематике и активизму, а также по уровню (интенсивности использования раз-

личных форм) цифрового участия. Сделанные выводы имеют характер типичных в отношении молодых людей России, поскольку изученная совокупность презентует различные социально-демографические слои молодежи, в то время как цифровая грамотность и модели использования цифровых технологий внутри молодежной общности обладают высокой схожестью.

Сформированная модель вовлечения в цифровое гражданское участие может служить инструментом описания структуры молодежной общности, использоваться для выявления динамики процесса, фиксации доли и характеристик наиболее активных групп. Исследование показало важность комплексного подхода для описания механизма вовлечения в цифровой активизм, включения в модель и поведенческих (как на этапе рекрутинга в проекты, так и их реализации), и мотивационных характеристик. Гражданский активизм, в том числе в онлайн-формате, может выступать одним из эффективных механизмов применения способностей молодых людей для развития различных сфер региональной общественной жизни при наличии системы поддержки со стороны органов местного самоуправления, общественных молодежных организаций, учреждений культуры и образования и т. д., а также развития эффективных каналов продвижения в интернет-пространстве.

Литература

- Азаров А.А., Бродовская Е.В., Шатилов А.Б. (2021). Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 296–318. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2041
- Гидденс Э., Саттон Ф. (2018). Основные понятия в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 336 с.
- Гуреева А.Н., Дунас Д.В., Муронец О.В. (2020). Социальные медиа и политика: к вопросу о переосмыслении природы политического участия молодежи // Медиаскоп. Вып. 3. DOI: 10.30547/mediascope.3.2020.1
- Домбровская А.Ю. (2020). Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. Т. 28. № 2. С. 51–58. DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7134
- Земнухова Л.В. (2021). Неуловимый гражданский активизм: от политического протеста до неполитической деятельности // Социодиггер. Т. 2. Вып. 3 (8). С. 65–69. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2021vol2-8/> (дата обращения 18.03.2023).
- Истягина-Елисеева Е.А., Бариеникова Е.Е., Болдырева А.В. (2020). Включенность российской студенческой молодежи в интернет коммуникации как фактор формирования моделей их социально политической активности // Цифровая социология. Т. 3. № 3. С. 12–20. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-12-20
- Одинцов А.В. (2020). Ресурс гражданского активизма локальных сообществ Волгоградской области // Социодинамика. № 4. С. 11–23. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528

- Парма Р.В. (2021). Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042
- Сабурова Л.А., Благодатский Г.А., Стажилов В.В., Вантрусев П.В. (2021). Факторы социальной мобилизации в интернет-сообществах // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 3. С. 156–170. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.3.11
- Салганова Е.И., Осипова Л.Б. (2023). Цифровая грамотность студентов: компетентностный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 1. С. 227–240. DOI: 10.15838/esc.2023.1.85.12
- Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И. (202). Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл. 375 с.
- Суркова И.Ю., Щербланова В.В., Логинова Л.В. (2020). Гражданский активизм молодежи Саратовской области: социально-политическая включенность и потенциал участия // Социологические исследования. № 8. С. 90–100. DOI: 10.31857/S013216250009485-6
- Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Ваханцева О.В. (2022). Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 2. С. 73–107. DOI: 10.11621/vsp.2022.02.04
- Шкурин Д.В. (2015). Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн-опросов // Дискуссия. № 8. С. 101–105.
- Штомпка П. (2005). Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 664 с.
- Adler R.P., Goggin J. (2005). What do we mean by “civic engagement”? *Journal of Transformative Education*, 3(3), 236–253. DOI: 10.1177/1541344605276792
- Afouxenidis A. (2014). Social media and political participation: An investigation of small scale activism in Greece. *Advances in Applied Sociology*, 4, 1–4. DOI: 10.4236/aasoci.2014.41001
- Barrett M., Pachi D. (2019). Social and demographic factors linked to youth civic and political engagement In: Barrett M., Pachi D. *Youth Civic and Political Engagement*. DOI: 10.4324/9780429025570
- Boulianne S. (2015). Social media use and participation: A meta-analysis of current research. *Information, Communication and Society*, 18(5), 524–538. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1008542
- Brandtzaeg P. B. (2017). Facebook is no “Great equalizer”: A big data approach to gender differences in civic engagement across countries. *Social Science Computer Review*, 35(1), 103–125. DOI: 10.1177/089443931560580
- Castells M. (2009). *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press.
- Dahlgren P. (2009). *Media and Political Engagement: Citizens, Communication and Democracy*. New York: Cambridge University Press.
- Diehl J.A., Chan I.S.L. (2021). Is it just apathy? Using the theory of planned behaviour to understand young adults’ (18 to 35 years old) response to government efforts to increase planning participation in Singapore. *Urban Governance*, 1(2), 89–97. DOI: 10.1016/j.ugi.2021.12.005
- Ekman J., Amnå E. (2012). Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 22(3), 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
- Gerbaudo P. (2012). *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press.
- Hashagen S. (2002). *Models of Community Engagement*. Glasgow: Scottish Community Development Centre.
- Hine Ch. (2015). *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury.
- Madison N., Klang M. (2020). The case for digital activism: refuting the fallacies of slacktivism. *Journal of Digital Social Research*, 2(2), 28–47. DOI: 10.33621/jdsr.v2i2.25
- Milan S., Barbosa S. (2020). Enter the WhatsApp: Reinventing digital activism at the time of chat apps. *First Monday*, 25(12). DOI: 10.5210/fm.v25i12.10414
- Moran L., Brady B., Forkan C., Coen L. (2018). “Individual and connected”: An exploration of young people’s discourses about youth cafes in Ireland. *Journal of Youth Studies*, 21(8), 1127–1139. DOI: 10.1080/13676261.2018.1441981
- Schradie J. (2018). The digital activism gap: How class and costs shape online collective action. *Social Problems*, 65(1), 51–74. DOI: 10.1093/socpro/spx042
- Vissers S., Stolle D. (2014). The internet and new modes of political participation: Online versus offline participation. *Information, Communication and Society*, 17(8), 937–955. DOI: 10.1080/1369118X.2013.867356

Сведения об авторах

Софья Борисовна Абрамова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: s.b.abramova@urfu.ru)

Наталья Леонидовна Антонова – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: n.l.antonova@urfu.ru)

Abramova S.B., Antonova N.L.

Youth Involvement in Digital Civic Activism: From Online Encounter to Participation

Abstract. The involvement of the younger generation in civic participation practices is a relevant task for youth policy actors and public activists. The digital environment not only expands the forms and directions of civic activism, but also designs new mobilization mechanisms. Network communities have a high involvement potential, but they exist in a saturated information flow. Therefore, it is important to understand how users encounter messages on socially significant issues and initiatives to address them, and how they react to them (“input level”: coming across an offer to participate in a civic project); and whether this experience affects the intensity of involvement in real practices of digital civic activism (“output level”: reacting in the form of participation/non-participation in the project). The article is based on the results of an online survey of young residents of the Sverdlovsk Oblast (n = 1150). The sample population includes students and working youth. According to the results of cluster analysis, we propose a typology of models showing how young people encounter the content about civic initiatives; we identify and describe three types: involved, superficial and scrolling readers. We provide a classification of resources that young citizens are subscribed to, in terms of their connection with issues of civic activism; we also reveal that subscriptions to specialized resources are closely connected with the typology of encountering this type of content. We reveal how young people react when they come across civic messages, and find out that they mostly show denying and interested reactions, while the amount of supportive and active responses is negligible. We build a typology of digital participation based on assessing the intensity of involvement. The share of those highly involved in the information field and real practices is 5%; the majority of respondents belong to the medium-active and low-active participants in civic activism.

Key words: civic activism, youth, digital activism, engagement, mobilization of participation, factors promoting attractiveness of the content.

Information about the Authors

Sofia B. Abramova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: s.b.abramova@urfu.ru)

Natalya L. Antonova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor of department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: n.l.antonova@urfu.ru)

Статья поступила 21.03.2023.

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.9

УДК 618.2:616-053.3:616-053.4:314.44, ББК 60.524:88.5:51.9

© Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н.

Факторы риска здоровью ребенка со стороны родителей (по результатам когортного мониторинга за 25 лет)

**Юлия Евгеньевна
ШМАТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ueshmatova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1881-0963; ResearcherID: R-1021-2018

**Ирина Николаевна
РАЗВАРИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: irina.razvarina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9377-1829; ResearcherID: I-8228-2016

**Александра Николаевна
ГОРДИЕВСКАЯ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: alessu85@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7777-3456; ResearcherID: I-9439-2016

Для цитирования: Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2023). Факторы риска здоровью ребенка со стороны родителей (по результатам когортного мониторинга за 25 лет) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 166–189. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.9

For citation: Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N. (2023). Parent-related risk factors affecting child health (on the results of a cohort monitoring study for 25 years). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 166–189. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.9

Аннотация. Экономическая значимость проблемы сохранения и укрепления здоровья сокращающегося детского населения как важного компонента репродуктивного, трудового и человеческого потенциала требует поиска и разработки механизмов управления факторами риска. Представлены выборочные результаты многолетнего мониторинга здоровья детей в Вологодской области за 25 лет исследования (с 1998 по 2022 г.). Цель — оценить степень риска, создаваемого некоторыми факторами со стороны родителей, здоровью детей дошкольного возраста. Методология — интракогортный метод анализа данных о 1454 детях из 5 когорт (1998, 2001, 2004, 2014 и 2020 г. р.) посредством расчета показателя относительного риска. Научная новизна — сравнительный анализ влияния факторов возраста, здоровья и вредных условий труда будущих родителей на здоровье ребенка в пре- и постнатальный период. Выявлено, что молодой возраст матери чаще становится фактором риска здоровью ребенка, а зрелый — повышает риск кесарева сечения и отставания нервно-психического развития детей к 7 годам. Молодой возраст отца, напротив, выступает в качестве защитного фактора в период внутриутробного развития ребенка, но повышает риск развития заболеваний в будущем. Зрелый возраст отца создает риски врожденных патологий сердечно-сосудистой системы, но в дальнейшем его негативное влияние нивелируется. Предполагаем, что причина этого заключается в более высоком уровне материального достатка, медицинской грамотности, ответственности возрастных родителей. Вредные условия труда родителей оказывают пагубное влияние на здоровье ребенка после рождения, а матери — и в пренатальный период. Осложненный акушерский анамнез предыдущих и текущей беременностей — самый значимый фактор риска со стороны матери. Наличие у нее хронических заболеваний не показало связи с отклонениями в состоянии здоровья ребенка, исключение — ожирение и дисфункция щитовидной железы. Осложненный анамнез отца, напротив, демонстрирует прочную связь с нарушениями внутриутробного развития плода, применением оперативного способа родоразрешения, врожденными патологиями, низкой оценкой состояния новорожденного по шкале Апгар, заболеваниями ребенка в будущем. Практическая значимость работы: акцентирование роли отца в формировании здоровья ребенка и подготовка рекомендаций по профилактике нарушений здоровья детей с учетом полученных данных о факторах риска со стороны обоих родителей.

Ключевые слова: здоровье ребенка, риск здоровью ребенка, возраст матери, возраст отца, вредные условия труда, заболевания матери и отца, акушерский анамнез, хронические заболевания, здоровье родителей.

Введение

Показатели фертильности во всем мире с начала XX века поступательно снижаются, а продолжительность жизни населения в большинстве стран увеличивается. Бесплодие в настоящее время затрагивает около 15% пар репродуктивного возраста. Кроме того, растет доля людей, откладывающих родительство (Eid et al., 2022), все чаще встречается бездетность и происходит сближение распространенности моделей одно- и двухдетности¹ (Чурилова, Захаров, 2019). К тому же на фоне пандемии COVID-19 в России число желающих иметь

детей (в т. ч. среди бездетных) сократилось еще больше (Макаренцева, 2020). Эти факты приводят к общему снижению рождаемости.

По прогнозам ООН, к 2050 году доля пожилых превысит долю подростков и молодежи вместе взятых (от 15 до 24 лет). Число детей до 5 лет будет уступать числу лиц старше 65 лет². Это опасно сокращением численности рабочей силы и старением населения, что влечет за собой серьезные социально-экономические и политические проблемы³ (Гурвич, Иванова, 2018; Wang et al., 2020a).

¹ Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2021). Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19: II региональный демографический доклад / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 89 с.

² Организация Объединенных Наций. Демографические изменения. URL: <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics>

³ Денисенко М.Б., Мкртчян Н.В. (2022). Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России // Демоскоп Weekly. № 951–952. С. 21–40.

Об уровне развития страны следует судить, в числе прочего, по состоянию здоровья населения и справедливому распределению медицинских услуг (Asif et al., 2022). Дети являются будущим человеческим ресурсом любой страны, а значит, их здоровье нуждается в надежной защите. В настоящее время в России принимаются меры по улучшению демографической ситуации, поддержке материнства и детства, охране и укреплению здоровья детей. Однако, несмотря на это, состояние здоровья сокращающегося детского населения продолжает вызывать опасения. Проблема актуальна и для большинства стран мира, которые также пытаются снизить показатели детской заболеваемости и смертности⁴. Понимание особой экономической значимости проблемы сохранения здоровья будущих поколений как важного компонента репродуктивного, трудового и человеческого потенциала в целом также дает обоснование для поиска и разработки механизмов управления факторами риска (Шабунова и др., 2021).

Результаты научных исследований свидетельствуют, что на здоровье ребенка младенческого и дошкольного возраста в большей степени оказывают влияние медико-биологические факторы, профессиональные вредности, возраст матери. Известно, что здоровая на момент зачатия женщина имеет больше шансов на успешное протекание беременности и появление здорового ребенка. Тем не менее исход родов (Stephenson et al., 2018) и дальнейшее развитие потомства зависят от множества социальных, медицинских и экологических условий. Так, например, акушерская или экстрагениальная патология осложняют течение беременности и ведут к формированию различных патологий у плода, а также в период новорожденности и старше (Дымова, 2020, с. 88).

Большинство научных медико-биологических исследований сосредоточены на вопросах акушерства и гинекологии (Карельская, 2016), а поиск факторов риска здоровью ребенка чаще всего замкнут на матери (Некрасов и др., 2013). Необходимо более глубокое понимание вклада отца в развитие потомства.

В настоящее время понятие «отцовство» недостаточно регламентировано с правовой, медицинской, социальной точки зрения (Гераскина, Сюбаев, 2019). Так, например, Россия, являясь социальным государством, обеспечивает охрану, поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства согласно ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. В Вологодской области также принят закон (от 16 марта 2015 г.) № 3602-ОЗ⁵, который регулирует отношения в этой сфере. Но, к сожалению, подавляющая часть статей данных законов практически не затрагивает роль отца, фокусируясь преимущественно на материнстве, семье и детях. Согласно нашей гипотезе, отцовские факторы оказывают не меньшее, а в некоторых случаях большее негативное воздействие на формирование здоровья детей. В связи с этим считаем стратегически важным изучить и сравнить материнские и отцовские факторы риска здоровью потомства с целью научного обоснования повышенного внимания к роли мужчины.

Отметим, что ранее нами уже были рассмотрены некоторые социально-демографические, социально-экономические, медико-биологические, экологические предикторы со стороны матери (Шматова и др., 2022; Шматова, 2022) и отца (Разварина, Шматова, 2022; Разварина и др., 2022а; Разварина и др., 2022b). Можно выделить три важных, на наш взгляд, фактора риска: возраст, состояние здоровья и условия труда до зачатия (как матери, так и отца).

Цель нашего исследования – оценить степень риска и направленность воздействия на здоровье ребенка в пре- и постнатальный (на протяжении дошкольного возраста) период некоторых факторов со стороны матери и отца.

Задачи:

- 1) проанализировать исследования о возрасте (1), воздействии вредных условий труда (2) и состоянии здоровья (3) обоих родителей как факторах риска здоровью ребенка;
- 2) оценить относительный риск данных факторов здоровью ребенка со стороны матери;
- 3) оценить относительный риск данных факторов здоровью ребенка со стороны отца;

⁴ UNICEF. *Levels and Trends in Child Mortality: Estimates Developed by the UN Inter-Agency Group for Child Mortality Estimation*; UNICEF: New York, NY, USA, 2021.

⁵ Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424041762>

4) сравнить направленность и степень воздействия материнских и отцовских факторов риска здоровью их ребенка;

5) предложить адресные рекомендации по нейтрализации выявленных в ходе исследования негативных факторов риска здоровью детей дошкольного возраста.

Объект исследования – дети младенческого и дошкольного возраста Вологодской области. Предмет – здоровье детей в возрасте от 0 до 7 лет.

Методология исследования

Как инструмент социологического метода применен проспективный мониторинг наблюдения за когортами семей с детьми, проводимый ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) в рамках НИР «Изучение условий формирования здорового поколения»⁶. Методика предусматривала ежегодное заполнение анкет родителями и медицинскими работниками. Информационную базу составили данные пяти волн когортных исследований. Критериями включения в каждую когорту послужили рождение ребёнка в определённый период времени (1995 г. – 15–21.05; 1998 г. – 01–07.03; 2001 г. – 01–25.03; 2004 г. – 01–25.03;

2014 г. – 01–21.03; 2020 г. – 16.03–10.04), согласие родильницы на заполнение анкеты и участие в дальнейших этапах проспективного исследования, наличие у медицинского персонала необходимой документации об особенностях течения беременности и состоянии здоровья респондентки. Из общего массива данных ($n = 1464$) для анализа были отобраны семьи с детьми, которые в дальнейшем приняли участие хотя бы на одном из этапов исследования до достижения ребёнком возраста 7 лет ($n = 1037$; табл. 1). Про отца новорожденного ребенка смогли ответить 1268 участниц когортного исследования.

На первом этапе подвыборка включала в себя 1464 кейса (2928 анкет), каждый из которых составлен на основе анкетирования двух информантов – матери новорожденного и медицинского персонала роддома. Анализировались ретроспективные данные родильницы о ее возрасте, состоянии здоровья до и во время беременности, условиях труда за год до рождения ребенка, а также об аналогичных показателях отца ребенка (со слов матери). Акушер-гинеколог предоставлял данные медицинского анамнеза родильницы, а неонатолог – о состоянии новорожденного.

Таблица 1. Характеристика выборки исследования

Объём выборки	Когорта 1998	Когорта 2001	Когорта 2004	Когорта 2014	Когорта 2020	Итого	
						абс.	%
Исходное число родильниц	199	250	265	370	380	1464	100,0
Исходное число замужних рожениц, ответивших на вопросы об отце ребенка	139	208	237	341	343	1268	100,0
Участвовали хотя бы на одном этапе наблюдений (кроме этапа новорожденных) до 7 лет (включительно)	166	211	190	243	227	1037	70,8
в % от исходного объёма	83,4	84,4	71,7	65,7	59,7		
База данных для исследования:							
Дети в возрасте: 0 лет	166	211	190	243	227	1037	100,0
1–2 года	162	196	176	236	227	997	96,1
3–4 года	135	166	160	186	–	647	62,4 (79,9)*
6–7 лет	109	144	140	134	–	527	50,8 (65,0)*
* Анализ для периодов 3–4 года и 6–7 лет проводился по данным наблюдений за когортами 1998, 2001, 2004 и 2014 годов рождения; % от исходной выборки рассчитывался без учёта когорты 2020 г. ($n = 810$).							

⁶ Каждый из этапов проводился в 5 населённых пунктах Вологодской области – городах Вологде, Череповце, Великом Устюге, Кириллове и поселке Вожега. Отбор городов осуществлялся в случайном порядке.

В дальнейшем информация о состоянии здоровья детей – участников мониторинга – собиралась посредством анкетирования участкового педиатра по месту жительства респондента (на основании медицинских карт). Наличие заболеваний у ребенка определялось преимущественно по открытым вопросам (предполагает ответ в свободной форме), заданным медицинскому персоналу. Заболевания объединялись по группам, относящимся к той или иной системе организма (сердечно-сосудистая, нервная, пищеварительная и т. д.). Некоторые отклонения здоровья ребенка рассчитывались исходя из ответов на один (группа здоровья, отставание в нервно-психическом развитии и др.) или несколько (дефицит веса, задержка внутриутробного развития) вопросов анкеты.

Для оценки влияния изучаемых факторов риска мы выбрали показатель относительного риска (ОР)⁷ по нескольким причинам:

- информационной базой исследования стали данные когортного мониторинга;

- была поставлена задача рассчитать риск утраты здоровья ребенка при наличии или отсутствии факторов риска, а не отношение шансов встретить предполагаемые факторы у пациентов с исходом и без (как в исследованиях «случай – контроль»);

- участники мониторинга отбирались на протяжении нескольких лет, а закончили исследование одновременно.

ОР рассчитывается на основе четырехпольной таблицы сопряженности: фактор риска (есть/нет) × неблагоприятный исход (есть/нет).

$$RR = \frac{A \cdot (C + D)}{C \cdot (A + B)}$$

Если $OR > 1$, то можно сделать вывод, что действие изучаемого фактора увеличивает риск развития заболевания, и чем больше значение ОР, тем выше вероятность его развития. Если $OR < 1$, то фактор, наоборот, снижает вероятность развития заболевания. В каждом случае обязательно оценивается статистическая значимость относительного риска исходя из значений 95% доверительного интервала (ДИ). Величина доверительного интервала обратно пропорциональна уровню значимости связи фактора и исхода, т. е. чем меньше 95% ДИ, тем более существенной оказывается выявленная зависимость.

Отметим, что ОР не несет информации о величине абсолютного риска (заболеваемости), а демонстрирует силу связи между воздействием и заболеванием. Даже при высоких значениях относительного риска абсолютный риск может быть совсем небольшим, если заболевание редкое.

В нашем исследовании учтены только показатели ОР выше 1,10. В каждом случае обязательно оценивалась статистическая значимость относительного риска исходя из значений 95%.

На основе изученной литературы и доступных нам медико-биологических и социологических данных мониторинга были выделены три фактора риска, воздействие которых представляется возможным оценить у обоих родителей: (1) возраст; (2) состояние здоровья (наличие хронических заболеваний сердечно-сосудистой, дыхательной, пищеварительной, нервной, эндокринной, мочевыводящей системы; у матерей учитывался также акушерский анамнез предыдущих беременностей и особенности протекания текущей; осложнения родов) и (3) вредные условия труда матери

	Исход есть (1)	Исхода нет (0)	Всего
Фактор риска есть (1)	A	B	A + B
Фактор риска отсутствует (0)	C	D	C + D
Всего	A + C	B + D	A + B + C + D

⁷ Относительный риск определяется как отношение вероятностей наступления событий в одной группе к аналогичной вероятности в другой. ОР рассчитывался как отношение риска ухудшения показателей здоровья, развития заболевания в «экспонированной» группе (подвергшейся воздействию фактора риска) к риску развития заболевания (или ухудшения группы здоровья, повышения кратности заболеваемости) в «неэкспонированной» группе (не подвергшейся воздействию).

и отца (химические и токсические вещества, запыленность, загазованность, вибрация, шум, влажность, радиация и действие СВЧ, большая физическая нагрузка, работа на конвейере, работа в 2–3 смены, высокая и низкая температура, биологическая опасность, психическое напряжение, работа в ночное время).

Оценка степени влияния каждого фактора со стороны как матери, так и отца проводилась в отношении двух периодов развития ребенка.

I – пренатальный (внутриутробный) период. Анализировалось воздействие фактора на течение беременности (риск развития анемии, токсикоза, отеков); особенности и осложнения протекания родов (применение оперативного способа родоразрешения, асфиксия); изменение показателей здоровья ребенка (критерии оценки: фиксирование у плода медицинским сотрудником задержки внутриутробного развития (ЗВУР) и отклонений в состоянии здоровья, патологических состояний, заболеваний и врожденных пороков развития у новорожденного).

II – оценка показателей здоровья ребенка в постнатальный (внеутробный) период. Срез производился в возрасте 1–2 года, 3–4 года и 6–7 лет. Выбор возрастных периодов был основан на сроках расширенной диспансеризации детей, сопровождающейся осмотром многими специалистами. В качестве критериев выступили регистрация у ребенка II–IV группы здоровья, частая заболеваемость и наличие хронических заболеваний, по поводу которых он состоит на диспансерном учете. Дополнительно был рассчитан ОР возникновения отдельных заболеваний различных систем и органов.

Статистический анализ медико-биологических и социологических данных был осуществлен с использованием пакета статистической программы SPSS.

Научная новизна заключается в проведении сравнительного анализа влияния факторов риска здоровью детей со стороны обоих родителей у нескольких поколений детей от 0 до 7 лет. Предоставленная работа позволяет углубить знания о степени воздействия наиболее значимых факторов риска здоровью ребенка (в динамике в период от зачатия и на протяжении дошкольного возраста ребенка) со стороны и матери, и отца.

Анализ исследований и публикаций по теме

Рассмотрим опыт последних научных исследований о влиянии изучаемых нами факторов риска здоровью детей со стороны матери и отца.

Возраст матери и отца. С акушерской точки зрения зрелый возраст (по некоторым данным старше 35 лет, по другим – старше 40 лет) матери связан с повышенным риском неблагоприятных исходов беременности и родов (Aoyama et al., 2019). С возрастом матери увеличиваются риски гестационного диабета и преэклампсии, угрозы невынашивания, преждевременных родов, рождения плода с врожденными аномалиями и низкой массой тела (Carolan, Frankowska, 2011; Schmidt et al., 2012). Риск макросомии значительно возрастает после 36 лет (Wang et al., 2020b). Отметим, что связь между недоношенностью и преклонным возрастом матери остается спорной ввиду возможности сочетанного действия других факторов (гипертоническая болезнь, ожирение, сахарный диабет, варикозное расширение вен, гинекологические заболевания, осложнения в родах и использование методов вспомогательной репродукции).

Однако с социально-экономической точки зрения немолодой возраст матери является защитным фактором. Общемировая тенденция отсроченного деторождения связана с более высоким уровнем образования женщин и инвестициями в карьеру, способствуя росту социально-экономического статуса и материального благосостояния, что в свою очередь благотворно влияет на здоровье ребенка (Архангельский, Калачикова, 2020; Шматова и др., 2022; Pillas et al., 2014). Это было подтверждено рядом популяционных исследований (Bushnik, Garner, 2008; Sutcliffe et al., 2012; Kato et al., 2017; Falster et al., 2018).

Следовательно, социально-экономическое превосходство, связанное с более старшим возрастом матери, может в ряде случаев компенсировать биологический недостаток утраты потенциала здоровья. Тем не менее, например, риск синдрома Дауна остается значительно выше у детей, рожденных от женщин старше 34 лет. Примечательно, что и женщины до 26 лет имели более высокий риск данного генетического нарушения у потомства по сравнению

с женщинами в более старшем возрасте 27–33 лет (Song et al., 2022).

Увеличивающийся возраст матери при рождении первого ребенка общепризнан, но гораздо меньше обсуждается тот факт, что распространенность зрелого отцовского возраста (старше 40 лет) также расширяется, как и медицинские последствия этой тенденции. Так, у данной группы мужчин отмечается снижение фертильности, а у будущей матери его ребенка – увеличение осложнений беременности (гестационный диабет, повышенный риск отслойки плаценты (Alio et al., 2012) и преждевременные роды), у потомства – задержка внутриутробного развития, низкий вес при рождении, низкая оценка по шкале Апгар (Sipos et al., 2004; Alio et al., 2012; Khandwala et al., 2018), повышение риска хромосомных и нехромосомных врожденных дефектов (включая пороки сердца, трахео-пищеводные свищи, атрезию пищевода, другие скелетно-мышечные/покровные аномалии, синдром Дауна (Yang et al., 2007; Phillips et al., 2019)). Многие исследователи связывают зрелый возраст отца с различными психическими и нейрокогнитивными расстройствами у детей, такими как шизофрения, аутизм и обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) (Malaspina et al., 2001; Conti, Eisenberg, 2010; Hultman et al., 2011; Wu et al., 2012; Ek et al., 2015; Sharma et al., 2015; de Kluiver et al., 2017; Brandt et al., 2019). Данные свидетельствуют также о ежегодном линейном увеличении рисков для здоровья младенцев по мере старения отца, что может быть связано с мутациями в ДНК сперматозоидов (Khandwala et al., 2018).

В свою очередь ряд углубленных исследований не выявил повышенного риска преэклампсии у партнерш мужчин старше 45 лет при контроле возраста матери и других сопутствующих факторов (Hurley, DeFranco, 2017; Khandwala et al., 2018).

Вредные условия труда матери и отца.

Негативные условия окружающей среды обитания влияют на репродуктивное здоровье родителей и здоровье их потомства. Экологически обусловленные эпигенетические изменения могут вызывать множество патологических состояний (от генетических нарушений до неврологических состояний, включая шизофрению и аутизм) (Xavier et al., 2019).

По результатам отечественных исследований были выделены профессии, опасные для репродуктивного здоровья, повышающие риски нарушений развития детей на первом году жизни. К ним относятся модельщицы и контролеры в машиностроении и машинист крана металлургического производства; лаборанты химического анализа, инженеры-химики химической промышленности (включая нефтехимическое, полимерперерабатывающее производство, органический синтез); врачи-хирурги, акушеры-гинекологи, акушерки, медицинские сестры хирургического профиля, работающие в стационарах (Фесенко и др., 2017).

Неблагоприятные последствия, связанные с химическим воздействием на организм будущей матери, включают самопроизвольный аборт, преждевременные роды, мертворождения, задержку развития, врожденные аномалии (Koch et al., 1990), онкопатологии у детей (Lassi et al., 2014) и урогенитальные проблемы у сыновей (Rodprasert et al., 2021).

Известно, что ионизирующее излучение также оказывает вредное воздействие на репродуктивную систему как мужчин, так и женщин (Temple et al., 2006). У матерей, подвергшихся облучению на рабочем месте, риск невынашивания на ранних сроках возрастает в 1,3 раза (а среди женщин, за которыми наблюдали в течение 6 месяцев после зачатия, в 1,5 раза), мертворождений – в 2,3 раза (Betts, Fox, 1999). Повышается и риск развития у их детей злокачественных новообразований (Adab et al., 2004).

Ранее нами была выявлена связь электромагнитного излучения в месте проживания семьи и патологии плода во внутриутробном периоде, причем последствия сохраняются до возраста 6–7 лет (патологии ЛОР-органов, увеличение частоты заболеваемости, повышение индекса массы тела) (Шматова и др., 2022).

Негативное воздействие повышенного психического напряжения, а именно пренатального стресса, также является значимым фактором риска здоровью женщины и ее будущего ребенка. Тревога и депрессия во время беременности увеличивают вероятность гибели плода, выкидыша (Schetter, Tanner, 2012), преждевременных родов, оперативного родо-

разрешения (Erickson et al., 2017). Переживания матери оказывают значительное влияние на формирование психики ребенка (Батуев, 2000; Петросьян, 2016). Повышенная материнская тревожность связана и с двукратным увеличением риска развития у младенца психических расстройств (Monk et al., 2019), патологий нервной системы и, как следствие, когнитивных и интеллектуальных проблем (Schepanski et al., 2018).

Воздействие некоторых химических веществ на мужчин приводит к бесплодию, изменению уровня гормонов и риску онкопатологий у потомства (Rodprasert et al., 2021; Singh et al., 2021). Была обнаружена значимая связь между воздействием ионизирующего излучения на отцов до зачатия и неходжкинской лимфомой у их детей (Adab et al., 2004; Barrett, Richens, 2003).

Российскими учеными также доказана взаимосвязь профессиональных вредностей (различные виды излучения, изменения температурного режима, действие химических веществ) и некоторых нарушений здоровья и развития ребенка (Софронов, Шакирова, 2010; Баклушина и др., 2014; Иванов и др., 2018; Подсвинова и др., 2020).

Причем негативные факторы окружающей среды, воздействуя на здоровье отца, могут опосредовано повлиять не только на его детей, но и на будущие поколения (Day et al., 2016).

Осложненный медицинский анамнез матери и отца. Здоровье женщины до зачатия является ключевым фактором, определяющим успех беременности и здоровье следующего поколения. Острые и хронические заболевания матери – общеизвестные перинатальные факторы риска нарушений развития ребенка в дошкольном возрасте (Бочарова и др., 2002).

Дисбаланс гормонов щитовидной железы (особенно гипотиреоз) во время беременности приводит к неблагоприятным последствиям для матери (гестационная гипертензия и преэклампсия, послеродовые кровотечения, выкидыши и преждевременные роды), плода (врожденные аномалии, задержка роста, перинатальные нарушения, смерть) и новорожденного (когнитивные расстройства) (Casey et al., 2005; Lassi et al., 2014).

Сахарный диабет является одним из наиболее распространенных хронических заболеваний среди женщин фертильного возраста во всем мире, и его показатели растут. Диабет во время беременности связан с повышенным риском развития у ребенка психических расстройств в целом и шизофрении, умственной отсталости и поведенческих расстройств в частности (Nogueira Avelar e Silva et al., 2021).

Известно, что важную роль в развитии диабета играют образ жизни, включая недостаток физической активности, неправильное питание и ожирение, стресс и урбанизация (Kahn et al., 2006; Risérus et al., 2009). Так, по данным ВОЗ, около 80% диабетиков имеют повышенный индекс массы тела (ИМТ). А у пациентов с ожирением диабет развивается в семь раз чаще. Избыточный вес связан с повышенным риском большинства основных неблагоприятных материнских и перинатальных исходов, от невозможности зачатия до осложнений беременности (преэклампсия, гестационный диабет) и родов (макросомия), врожденных аномалий, мертворождения и низкой массы тела при рождении, неудачного грудного вскармливания и даже материнской смертности (Gesink Law et al., 2007; Marchi et al., 2015; Turcksin et al., 2014; Poston et al., 2016). Отметим, что в ходе многочисленных исследований был доказан кумулятивный эффект как материнского, так и отцовского ожирения на риск ожирения в будущих поколениях (Godfrey et al., 2017).

Более высокие уровни физической активности матери до зачатия в свою очередь снижают риск гестационного диабета на 45% (Tobias et al., 2011) и преэклампсии на 65% (Aune et al., 2014). Ходьба в быстром темпе в течение четырех или более часов в неделю до беременности также обуславливает более низкий риск гестационного диабета (Zhang et al., 2006).

Беременность, осложненная хронической гипертензией и болезнями сердца, связана с повышенным риском гипертонии, дисфункции других органов, преждевременных родов, задержки внутриутробного развития (ЗВУР), гибели плода, гипоспадии и отслойки плаценты. Отметим, что систолическое артериальное давление выше 130 мм рт. ст. увеличивает риск преэклампсии более чем в 7 раз (Caton et al., 2008).

Исследования, проводимые на рубеже XX и XXI веков, показали, что у женщин с диагнозом астма до беременности вероятность обострения во время беременности крайне высока. Это усиливает важность адекватного контроля заболевания до зачатия, т. к. астма может стать причиной серьезных осложнений у матери (токсикоз, гипертония, преэклампсия, преждевременные роды) (Demissie et al., 1998) и плода (задержка внутриутробного развития, неонатальная гипоксия, мертворождение и младенческая смертность) (Liu et al., 2001). В свою очередь использование пероральных кортикостероидов в первом триместре связано с повышенным риском преэклампсии, со снижением массы тела при рождении и повышенным риском расщелины полости рта (Schatz, 2001). Результаты анализа свидетельствуют, что использование препаратов от астмы в период до зачатия в два раза повышает риск гастрошизиса у плода (Jones, Hayslett, 1996). Тем не менее опасность неконтролируемой астмы больше, чем опасность незаменимых противоастматических лекарств.

Неблагоприятные исходы беременности, обусловленные заболеванием почек у матери, включают преэклампсию, хроническую гипертензию, кесарево сечение, преждевременные роды, задержку роста плода, повышенный риск гибели плода и мертворождение. Почечная гипертензия связана с 10-кратным увеличением риска гибели плода по сравнению с женщинами с нормальным артериальным давлением (Jungers et al., 1997).

Исследование, проведенное Krapels с коллегами, выявило связь любого заболевания матери и простуды в периконцепционный период (3 месяца до и после зачатия) с орофациальными дефектами. Риск пороков развития челюстно-лицевой области возрастает от 1,5 до 1,7 раза (Krapels et al., 2006).

В ряде работ показано воздействие хронических заболеваний будущего *отца* в качестве перинатальных факторов риска (Подсвинова и др., 2020). В целом риск развития заболеваний среди детей отцов с низкими показателями здоровья увеличивался более чем в три раза (Azuine, Singh, 2019). Результаты подчеркивают важную роль отцов не только в физическом, но и психическом благополучии

детей (Azuine, Singh, 2019). Нарушения психического здоровья у будущего отца в период ожидания ребенка (перинатальный стресс) увеличивают вероятность появления проблем эмоционального и поведенческого плана у ребенка в 2,6 раза (Day et al., 2016; Wong et al., 2016; Glasser, Lerner-Geva, 2019; Sokół-Szawłowska, 2020).

Последствия сахарного диабета у мужчин включают нарушения репродуктивной системы, которые могут наследоваться по мужской линии и передаваться более чем одному поколению, тем самым увеличивая риск диабета у потомства (Ding et al., 2015).

Доказан значительный вклад отцов в развитие нарушений обмена веществ у детей. Причем передача также наблюдалась в последующих поколениях (Christoforou, Sferruzzi-Perry, 2020). Ожирение мужчины связано не только с нарушением собственной фертильности (Kort et al., 2006), но и повышенным риском хронических заболеваний у потомства (Kaati et al., 2002), таких как диабет, ожирение (Андреева и др., 2019), онкопатология головного мозга (Day et al., 2016). Пищевые привычки отца, заложенные в детстве, могут повысить или понизить риск развития смертельных сердечно-сосудистых заболеваний у его детей и внуков (Krempley et al., 2016).

Таким образом, данные научных исследований подтверждают актуальность выбранных нами для анализа факторов риска здоровью детей в дошкольном возрасте со стороны обоих родителей. Рассмотрим полученные нами результаты оценки относительного риска по каждому критерию.

Основные результаты

Материнские факторы

Возраст матери. Согласно полученным нами данным, молодой возраст будущей матери (до 20 и до 30 лет) выступает фактором риска развития анемии в период беременности (повышая ее риск в 1,5 раза) и отеков (в 2,2–1,7 раза соответственно; табл. 2). У матерей моложе 20 лет в два раза чаще отмечается риск ЗВУР плода и в 1,7 раза – врожденных пороков у новорожденного. Более зрелый возраст коррелирует лишь с риском применения оперативного кесарева сечения в родах, и чем старше возраст, тем риск выше.

Таблица 2. Возраст матери как фактор риска осложнений беременности и нарушения здоровья новорожденного (ОР, 95% ДИ)

Возраст матери, лет	Осложнения беременности			Нарушение здоровья ребенка	
	Анемия	Отеки	Кесарево сечение	ЗВУР	Нарушения здоровья новорожденного
до 20	1,48 (1,29–1,69)*	2,21 (1,49–3,30)		2,22 (1,23–3,98)	1,69 (1,24–2,28)
до 30	1,54 (1,33–1,77)	1,73 (1,18–2,54)			
более 30			1,69 (1,31–2,20)		
старше 35			1,88 (1,40–2,52)		

* Здесь и далее указано значение показателя относительного риска (ОР), в скобках – 95% доверительный интервал (ДИ).
Примечание. Наличие анемии и отеков во время беременности, родоразрешение путем кесарева сечения, задержка внутриутробного развития и наличие нарушений здоровья новорожденного определяли исходя из ответов на вопросы анкеты, предназначенной для заполнения медицинским персоналом (акушером-гинекологом и неонатологом).

Анализ влияния возраста матери на развитие заболеваний у детей в дошкольном возрасте показал⁸, что молодой возраст повышает вероятность развития заболеваний пищеварительной системы (в 2 раза) и ЛОР-органов (на 50%) в младенческом возрасте, неврологических (на 60%) и аллергических проявлений (на 70%), а также кариеса в 3–4 года (в 3,6 раза). У детей, родившихся от матерей старше 40 лет, на 77% возрастает вероятность развития ЛОР-заболеваний в возрасте 3–4 лет (табл. 3).

Возраст матери старше 40 лет сопряжен со следующими рисками: постановка ребенка на диспансерный учет уже в младенческом воз-

расте, дефицит веса и анемия в 1–2 года; заболевания ЛОР-органов в 3–4 года и отставание нервно-психического развития (НПР) к 6–7 годам. Это может быть вызвано снижением потенциала здоровья матери на момент зачатия и вынашивания ребенка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодой возраст матери чаще выступает фактором риска здоровью ребенка во внутриутробном периоде и на протяжении всего дошкольного возраста. Для возрастных мам (старше 40 лет) чаще характерны осознанное материнство и высокая медицинская активность, что благоприятно сказывается на тече-

Таблица 3. Возраст матери как фактор риска здоровью ребенка в дошкольном возрасте (ОР, 95% ДИ)

Возраст матери, лет	Возраст ребенка									
	1–2 года			3–4 года				6–7 лет		
	Нарушения здоровья; заболевания									
	Диспансерный учет	Дефицит веса	Анемия	ЛОР-органы	ЖКТ	Кардиология	Неврологические	ЛОР-органы	Кариес	Отставание НПР
до 20				1,49 (1,07–2,08)	2,02 (1,19–3,42)		1,59 (1,12–2,47)		3,61 (1,14–11,41)	
до 30				1,50 (1,15–1,96)	2,55 (1,50–4,32)	1,81 (1,22–2,70)				
40 и более	2,14 (1,47–3,11)	4,23 (1,10–16,23)	2,43 (1,17–4,29)					1,77 (1,13–2,76)		7,24 (2,58–20,30)

⁸ Здесь и далее рассматриваемые отклонения со стороны здоровья ребенка определялись исходя из ответов участковых педиатров; нахождение ребенка на диспансерном учете, дефицит веса, наличие анемии, заболевания ЛОР-органов и со стороны ЖКТ – по ответам педиатра о здоровье ребенка в 2 года, при отсутствии данных – в 1 год. Аналогично определялись неблагоприятные исходы в 3–4 года и в 6–7 лет. Кардиологические, неврологические проблемы, болезни ЛОР-органов, наличие кариеса и некоторые другие – по открытым вопросам для педиатров. Отставание в нервно-психическом развитии вычислялось по вопросу «Соответствуют ли показатели нервно-психического развития ребенка норме?» (вариант ответа педиатра «отстают»).

нии беременности, но в то же время повышает вероятность развития патологий у ребенка в годовалом возрасте с последующим их снятием в более старших возрастах. Тем не менее значительно увеличивается риск отставания НПР к школьному возрасту.

*Вредные условия труда матери*⁹. Воздействие радиации и СВЧ на рабочем месте женщины за год до рождения ребенка повышают риск развития у нее анемии (на 46%) и отеков (на 80%) в период беременности (табл. 4). Контакт с токсическими и химическими препаратами коррелирует с риском кесарева сечения, увеличивая его в 1,7 раза, с инфицированными людьми, животными, растениями и микроорганизмами – в 1,9 раза. Если условия труда матери были связаны с запыленностью, то на 60% возрастал риск рождения ребенка с врожденными пороками развития.

Неблагоприятные условия труда будущей матери коррелируют и с некоторыми патологиями у ребенка по мере его взросления. Так, загазованность, работа на конвейере и воздействие высоких температур способствуют развитию различных ЛОР-заболеваний (табл. 5). Подверженность матери до и во время беременности низким температурам на рабочем месте в 5,5 раза увеличивает риск развития стеноза слезного канала у будущего ребенка.

Осложненный анамнез матери. Наличие хронических заболеваний у матери, согласно произведенным нами расчетам, не показало связи с развитием отдельных заболеваний у ребенка в дошкольном возрасте. Исключение составил осложненный гипер- или гипофункцией щитовидной железы анамнез матери, при котором относительный риск развития эндокринных заболеваний у ребенка к возрасту 6–7 лет

Таблица 4. Вредные условия труда матери за год до рождения ребенка как фактор риска осложнений беременности и нарушений здоровья новорожденного (ОР, 95% ДИ)

Фактор риска, условие	Осложнения беременности			Нарушения здоровья новорожденного
	Анемия	Отеки	Кесарево сечение	
Химическое и токсическое воздействие			1,74 (1,22–2,46)	
Запыленность				1,59 (1,17–2,16)
Радиация и действие СВЧ	1,46 (1,15–1,85)	1,80 (1,27–2,56)		
Биологическая опасность			1,89 (1,35–2,64)	

Таблица 5. Вредные условия труда матери за год до рождения ребенка как фактор риска здоровью ребенка в дошкольном возрасте (ОР, 95% ДИ)

Вредные условия труда матери	Возраст ребенка			
	1 год		3–4 года	6–7 лет
	Заболевания			
	Неврологические	Стеноз слезного канала	ЛОР-органов	ЛОР-органов
Загазованность			1,71 (1,33–2,21)	
Работа на конвейере	2,22 (1,10–4,48)		1,61 (1,11–2,34)	2,57 (1,26–5,25)
Высокая температура			1,47 (1,15–1,87)	
Низкая температура		5,52 (1,30–23,46)		

⁹ Производственные факторы риска определялись исходя из выбранных родильницей ответов на вопрос «Условия труда на предприятии, где Вы работали за год до рождения ребенка». В списке были указаны следующие вредные факторы: химические и токсические вещества; запыленность; загазованность; вибрация; шум; влажность; радиация и действие СВЧ; большая физическая нагрузка; работа на конвейере; высокая температура; низкая температура; биологическая опасность (микроорганизмы, больные люди, животные, растения); психическое напряжение; работа в 2–3 смены; работа в ночное время; работа на компьютере более 4 часов в день.

составил 8,18 (95% ДИ 2,04–32,88). Также было выявлено, что диагноз ожирение у будущей матери в два раза повышает риск отставания в нервно-психическом развитии ребенка к 3–4 годам (ОР = 2,04; 95% ДИ 1,07–3,86).

В то же время серьезное влияние на развитие тех или иных заболеваний у будущего ребенка, по нашим расчетам, оказывает акушерский анамнез матери (согласно ответам акушера-гинеколога на основе данных медицинской карты родильницы). Так, например, мертворождение как исход предыдущих беременностей в 5,5 раза повышает риск нарушений системы пищеварения ребенка в младенческом возрасте и в 16 раз – бронхиальной астмы к моменту поступления в школу (табл. 6). У детей, чья мать имела в истории болезни внематочные беременности, в 8 раз увеличена вероятность развития пупочной грыжи на первом году жизни, в 12 раз – бронхиальной астмы и в 7 раз – ожирения в возрасте 6–7 лет.

В свою очередь анемия и отеки во время текущей беременности положительно коррелируют с риском развития заболеваний ЛОР-органов в 1 год и нарушениями работы сердечно-сосудистой системы в 3–4 года (табл. 7).

Отцовские факторы

Возраст отца. Молодой возраст (до 30 лет) мужчины является, согласно нашим расчетам, защитным фактором развития у матери его будущего ребенка в период беременности анемии (ОР = 0,70; ДИ 95% 0,61–0,79) и отеков (ОР = 0,55; ДИ 95% 0,38–0,79), а также отклонений в состоянии здоровья, патологических состояний, заболеваний, врожденных пороков развития у новорожденного (ОР = 0,71; ДИ 95% 0,56–0,91). Если мужчине больше 40 лет, то у его ребенка вероятность развития врожденных отклонений со стороны сердечно-сосудистой системы, в т. ч. порока сердца, увеличивается втрое (ОР = 3,05; ДИ 95% 1,18–7,87).

Таблица 6. Осложнения предыдущих беременностей матери как фактор риска развития некоторых диагнозов у ребенка дошкольного возраста (ОР, 95% ДИ)

Осложнения	Возраст ребенка			
	1 год		6–7 лет	
	Заболевания у ребенка			
	ЖКТ	Пупочная грыжа	Бронхиальная астма	Повышенный ИМТ
Мертворождение	5,54 (1,36–22,47)		15,88 (2,89–87,25)	
Внематочная беременность	7,91 (1,40–44,80)		11,89 (1,97–71,57)	
	6,88 (1,19–39,75)			

Таблица 7. Осложнения текущей беременности матери как фактор риска развития некоторых диагнозов у ребенка дошкольного возраста (ОР, 95% ДИ)

Осложнения в ходе беременности	Возраст ребенка				
	1 год	3–4 года			6–7 лет
	Заболевания ребенка				
	ЛОР-органов	Кардиологические	Неврологические	ЛОР-органов	Неврологические
Токсикоз				1,33 (1,13–1,57)	1,52 (1,12–2,07)
Анемия	1,61 (1,25–2,06)	1,62 (1,17–2,23)			
Отёки	1,61 (1,21–2,15)	1,61 (1,15–2,27)	1,89 (1,30–2,75)		
Белок в анализах мочи	1,90 (1,48–2,44)			1,37 (1,15–1,63)	
Припадки эклампсии				1,65 (1,24–2,18)	

Примечание. Указанные факторы риска со стороны матери вычисляли исходя из ответов на вопросы об особенностях протекания данной беременности («Укажите, пожалуйста, какие заболевания перенесла респондентка в период беременности. Особое внимание уделите случаям нефропатии, преэклампсии, эклампсии»; «Находилась ли респондентка в период беременности на стационарном или амбулаторном лечении (укажите срок беременности и диагноз)?»; «Имели ли место случаи обнаружения белка в анализах мочи?»; «Имели ли место припадки эклампсии?»; «Имели ли место отёки в период беременности?»).

Относительно влияния возраста отца в постнатальный период развития ребенка получены следующие результаты. У детей, отцы которых являются зрелыми мужчинами (старше 40 лет), незначительно (на 12%) повышается вероятность снижения группы здоровья ниже II в младенческом возрасте (табл. 8). У потомства молодых мужчин (до 20 лет) втрое увеличен риск развития к возрасту 2 лет заболеваний ЖКТ и на 18–20% – снижения группы здоровья в 3–4 года и дошкольном возрасте. У детей, отцы которых моложе 30 лет, на 40% возрастает риск отставания физического и нервно-психического развития уже в младенчестве, вдвое – нарушений системы пищеварения к 2 годам и на 80% – кардиологических заболеваний к 3–4 годам.

Таким образом, молодой возраст отца благоприятно сказывается на протекании беременности и внутриутробном развитии плода, но может привести к некоторым нарушениям здоровья ребенка в младшем дошкольном возрасте. Отцовство в более зрелом возрасте может негативно отразиться в пренатальный период и первый год жизни, но дальнейшее влияние данного фактора риска нивелируется. Возможно, это связано с более высокими уровнями медицинской грамотности и ответственности, материальной обеспеченности и готовности к укреплению здоровья ребенка у возрастных отцов. Несмотря на это, возраст будущего отца старше 30 лет повышает вероятность отставания НПР к 3–4 годам.

*Вредные условия труда отца*¹⁰. Нами выявлено, что вредные условия труда мужчины за год

до рождения ребенка выступают фактором риска здоровью ребенка. Так, работа в условиях загазованности втрое увеличивает риск асфиксии в родах (ОР = 2,99; ДИ 95% 1,35–6,63), а условия биологической опасности (микрорганизмы, больные люди, животные, растения) способствуют возрастанию на 18% риска снижения группы здоровья детей к 3–4 годам (ОР = 1,18; ДИ 95% 1,14–1,22).

Дополнительно мы проанализировали риск развития отдельных заболеваний у ребенка в зависимости от вредных условий труда его отца до зачатия. Получено, что наибольший вред здоровью ребенка наносит работа мужчины в тесном контакте с химическими и токсическими веществами. У детей таких отцов на 75% чаще отмечаются неврологические заболевания уже на первом году жизни, в два и более раза чаще – аллергические проявления и нарушения работы пищеварительной системы начиная с трех лет (табл. 9).

Риск развития пупочной грыжи в младенчестве в 4,6 раза чаще отмечен у маленьких участников когортного наблюдения, будущие отцы которых работали на конвейерном производстве. Заболеваниям ЖКТ более подвержены дети, чьи отцы трудились в условиях повышенной загазованности. Если мужчина работал при повышенной влажности, то у его ребенка к дошкольному возрасту вероятность развития бронхиальной астмы увеличивается в 5,5 раза. Ожирение в возрасте 6–7 лет в 5,7 раза чаще наблюдается у детей, отцы которых за год до их рождения трудились в условиях биологической опасности.

Таблица 8. Возраст отца как фактор риска здоровью ребенка в дошкольном возрасте (ОР, 95% ДИ)

Возраст отца, лет	Возраст ребенка					
	1–2 года		3–4 года		6–7 лет	
	Нарушения здоровья ребенка					
	Несоответствие физического и НПР	Заболевания ЖКТ	Группа здоровья II–IV	Отставание НПР	Кардиологические заболевания	Группа здоровья II–IV
до 20		3,09 (1,50–6,40)	1,20 (1,15–1,24)			1,18 (1,14–1,23)
до 30	1,40 (1,13–1,74)	2,00 (1,35–2,97)			1,81 (1,23–2,69)	
30 и более				1,82 (1,22–2,70)		

¹⁰ Производственные факторы риска со стороны отца определялись исходя из ответов роженицы на вопрос «Условия труда на предприятии, где работал Ваш муж за год до рождения ребенка». Перечень вредных условий такой же, как и для матери (см. «Вредные условия труда матери»).

Таблица 9. Вредные условия труда отца как фактор риска развития отдельных заболеваний у ребенка в дошкольном возрасте (ОР, 95% ДИ)

Вредные условия труда отца	Возраст ребенка						
	1 год		3–4 года		6–7 лет		
	Заболевания у ребенка						
	Неврологические заболевания	Пупочная грыжа	Заболевания ЖКТ	Аллергические проявления	Заболевания ЖКТ	Бронхиальная астма	Ожирение
Химические и токсические вещества	1,74 (1,30–2,33)		2,16 (1,26–3,70)	2,41 (1,53–3,79)			
Загазованность					2,07 (1,16–3,70)		
Работа на конвейере		4,63 (1,22–17,57)					
Влажность						5,52 (1,58–19,34)	
Биологическая опасность							5,74 (1,53–21,51)

Осложненный анамнез отца. В ходе нашего исследования было выявлено, что осложненный анамнез отца может негативно сказываться на здоровье ребенка начиная с пренатального периода. Так, например, сахарный диабет у мужчины в среднем в 8 раз увеличивает риск ЗВУР плода и асфиксии во время родов (табл. 10), а нарушения обмена веществ и туберкулез в 3,3 и 5,5 раза соответственно – риск применения кесарева сечения в родах. Более чем вдвое повышен риск рождения ребенка с низкой оценкой по шкале Апгар у мужчин, перенесших венерические и мочеполовые заболевания, а также туберкулез.

Нами отмечено и воздействие осложненного анамнеза отца как фактора риска некоторых нарушений здоровья его детей при рождении. Так, заболевания кожи и подкожной клетчатки у мужчины в 4 раза повышают риск развития у его новорожденного сына или дочери желтухи и в 11 раз – отклонений со стороны костно-мышечной системы (дисплазии тазобедренных суставов, вальгусной стопы, косолапости). Риск появления на свет ребенка с врожденным пороком сердца в 3,8 раза выше у отца, страдавшего болезнями системы пищеварения. Урологические проблемы у новорожденных мальчиков (гипоспадия, крипторхизм,

Таблица 10. Осложненный медицинский анамнез отца как фактор риска при протекании родов и здоровью новорожденного (ОР, 95% ДИ)

Заболевания отца*	Нарушения протекания родов и здоровья ребенка			
	ЗВУР	Кесарево сечение	Асфиксия	Оценка по шкале Апгар менее 7 баллов
Сахарный диабет	8,13 (1,98–33,36)		16,78 (4,00–70,45)	
Эндокринные болезни		3,35 (1,62–6,95)		
Венерические болезни				2,83 (2,59–3,10)
Туберкулёз		5,54 (4,83–6,37)		2,83 (2,59–3,09)
Болезни мочеполовой системы				2,08 (1,43–3,02)

* Наличие указанных заболеваний у отца определялось по вопросу, задаваемому матери ребенка, «Есть ли у Вашего супруга какие-либо заболевания (в том числе хронические)?». Указаны группы заболеваний по классу МКБ-10 (с наиболее распространенными примерами), отдельные заболевания (венерические болезни, туберкулез), также была возможность написать об имеющемся заболевании в свободной форме в случае затруднения при ответе на вопрос.

Таблица 11. Осложненный медицинский анамнез отца как фактор риска развития заболеваний новорожденного ребенка (ОР, 95% ДИ)

Хронические заболевания отца	Нарушения здоровья новорожденного			
	Желтуха новорожденных	Отклонения со стороны костно-мышечной системы	Отклонения со стороны сердечно-сосудистой системы	Урологические проблемы у мальчиков
Кожи и подкожной клетчатки	4,09 (1,15–14,61)	11,25 (1,55–81,75)		
Органов пищеварения			3,75 (1,34–10,45)	
Мочеполовой системы				12,49 (1,67–93,47)

Примечание. Заболевания новорожденного ребенка определялись исходя из ответов медицинского персонала на открытый вопрос «Какие патологические состояния и (или) заболевания имел ребенок в первые 7 дней жизни?».

опущение яичка) закономерно положительно коррелируют с проблемами мочеполовой системы отцов (табл. 11).

Хронические заболевания в анамнезе мужчины продолжают сказываться на здоровье его потомства в будущем, ухудшая такие общие показатели, как группа здоровья, кратность заболеваний и диспансерный учет. Так, наличие в анамнезе отца сахарного диабета, туберкулеза или венерических заболеваний повышает частоту заболеваний его детей в младенчестве, постановки на диспансерный учет и снижения группы здоровья до II и ниже на 15% (ОР = 1,16; ДИ 95% 1,13–1,19), к 3–4 годам риски возрастают до 19% (ОР = 1,19; ДИ 95% 1,15–1,24) а к 6–7 годам – на четверть (ОР = 1,25; ДИ 95% 1,19–1,31). Врожденные пороки развития отца увеличивают частоту заболеваемости ребенка к 1–2 годам на треть (ОР = 1,33; ДИ 95% 1,23–1,44), снижения группы здоровья – на 22% (ОР = 1,22; ДИ 95% 1,15–1,30). Если у отца

были зарегистрированы заболевания мочеполовой, эндокринной, нервной системы, органов дыхания, а также болезни почек, то у его потомства выявлен риск снижения группы здоровья к 3–4 и 6–7 годам в среднем на 18–20%. К тому же нарушения обмена веществ и деятельности мочеполовой системы отца повышают частоту заболеваемости ребенка к дошкольному возрасту на четверть (ОР = 1,25; ДИ 95% 1,19–1,31).

Нами также выявлено, что отдельные хронические заболевания в анамнезе мужчины увеличивают шанс развития некоторых диагнозов у его потомства на протяжении дошкольного периода. Так, расстройства нервной системы и органов чувств у отца повышают риск развития у его будущих детей заболеваний ЖКТ к 3–4 годам в 5 раз, а к 6–7 годам – в 6,5 раза (табл. 12). В свою очередь наличие проблем с ЖКТ у отца не связано с аналогичными заболеваниями у детей в дошкольном возрасте, но

Таблица 12. Осложненный медицинский анамнез отца как фактор риска здоровью ребенка в дошкольном возрасте (ОР, 95% ДИ)

Заболевания отца	Возраст ребенка					
	1–2 года		3–4 года			6–7 лет
	Заболевания у ребенка					
	Кардиологические	Отставание НПР	Кардиологические	Неврологические	ЖКТ	ЖКТ
Нервной системы и органов чувств					5,24 (1,90–14,42)	6,45 (2,77–15,02)
Органов пищеварения		2,11 (1,10–4,06)				
Почек				3,17 (1,54–6,50)		
Венерические болезни						4,75 (1,16–19,49)
Кожи и подкожной клетчатки	2,83 (1,11–7,27)		2,68 (1,18–6,09)			

вдвое повышает риск отставания НПР ребенка к 3–4 годам. Анамнез отца, осложненный болезнями почек, втрое чаще провоцирует развитие неврологических заболеваний его сына или дочери к 3–4 годам. Венерические болезни, перенесенные мужчиной ранее, в 4,8 раза увеличивают вероятность желудочно-кишечных болезней у его потомства к дошкольному возрасту. А болезни кожи и подкожной клетчатки более чем в 2,5 раза повышают риск развития у его детей кардиологических заболеваний, начиная с 1 года.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее значимым фактором риска здоровью потомства со стороны матери выступают не столько ее хронические заболевания, сколько осложнения предыдущих и текущей беременностей. Осложненный медицинский анамнез отца, напротив, коррелирует с развитием ряда диагнозов у его детей.

Заключение

Возраст родителей, состояние их здоровья и воздействие вредных условий труда в период, предшествующий зачатию, являются значимыми факторами риска здоровью ребенка и не только оказывают влияние в пренатальный, ранний постнатальный период, но и продолжают ухудшать состояние здоровья на протяжении всего дошкольного возраста.

Анализируя полученные нами результаты, можно сделать следующие выводы о факторах риска.

Со стороны матери:

1. Молодой возраст матери (до 20 лет) чаще выступает фактором риска здоровью ребенка во внутриутробный период, а также на протяжении дошкольного возраста.

2. С возрастом женщины чаще всего повышаются уровень ее образования и медицинская грамотность, социальный статус и материальное положение, а также ответственное отношение к деторождению. Воздействие данных факторов, по результатам нашего исследования (Шматова и др., 2022), в некоторой степени нивелирует негативное воздействие накопленных медико-биологических предикторов, связанных с утратой потенциала здоровья. Зрелый возраст будущей матери не связан с угрозой протекания беременности, но повышает риск применения в родах кесарева сечения, вероятность развития некоторых патологий у

младенца (с последующим исцелением по мере взросления) и отставание НПР к школьному возрасту (в 7 раз).

3. Вредные условия труда матери оказывают значительное пагубное влияние на протекание беременности и родов, здоровье новорожденного и на протяжении всего дошкольного возраста, чаще всего провоцируя заболевания ЛОР-органов.

4. Мертворождения и внематочная беременность в анамнезе крайне негативно сказываются на здоровье ребенка с рождения и на протяжении всего дошкольного возраста.

5. Наличие у матери ожирения и дисфункции щитовидной железы связано с рисками здоровью ребенка.

Со стороны отца:

1. Молодой возраст отца выступает защитным фактором в период беременности и внутриутробного развития, но является фактором риска развития ряда заболеваний в будущем (ЖКТ, кардиология, отставание НПР).

2. Более зрелый возраст повышает риск врожденных патологий сердечно-сосудистой системы и отставание НПР к 3–4 годам, но в дальнейшем его негативное влияние нивелируется. Возможно, это также связано с большей медицинской грамотностью и ответственностью, материальной обеспеченностью и более широкими возможностями укрепления здоровья ребенка.

3. Вредные условия труда мужчины оказывают чуть меньшее воздействие на будущего ребенка в пренатальный период, чем матери, но также коррелируют с рядом диагнозов в дошкольный период.

4. Осложненный хроническими заболеваниями анамнез будущего отца, в отличие от матери, демонстрирует связь с внутриутробным развитием плода, оперативным способом родоразрешения, развитием врожденных патологий и низкой оценкой состояния новорожденного по шкале Апгар. Также отмечено его негативное воздействие на здоровье ребенка в будущем.

Таким образом, мы подтвердили гипотезу о значительном влиянии на здоровье ребенка не только материнских, но и отцовских факторов риска. Подавляющее большинство из них являются управляемыми и могут быть нейтрализованы посредством мер государственной образовательной, медицинской и социально-

экономической поддержки мужчин и женщин детородного возраста (начиная с подростков), совершенствования гинекологической, андрологической и акушерской помощи, развития перинатальных центров и клиник мужского здоровья. Исходя из глубокого всестороннего анализа отечественных и международных исследований, а также результатов собственного многолетнего когортного мониторинга, отметим некоторые меры по профилактике и лечению заболеваний детей.

- Большинство исследований, посвященных репродуктивному процессу, проводятся в отношении женщин по причине их очевидной роли в деторождении. К тому же женщины обладают более глубокими знаниями о своей репродуктивной функции благодаря ежегодным посещениям гинеколога, социальному давлению и общению с друзьями и семьей. Мужчины консультируются с андрологом или урологом по поводу своего репродуктивного здоровья лишь в случае медицинских проблем или проблем с фертильностью. В связи с этим необходимо активизировать новую исследовательскую программу, стимулируя переосмысление роли мужчин в репродукции и сохранении здоровья будущих поколений (Almeling, Waggoner, 2013).

- Учитывая негативное влияние факторов окружающей среды на обоих родителей, необходимо создавать условия для обеспечения молодых семей с детьми жильем на территориях, исключая воздействие электромагнитного излучения. Стоит предусмотреть обеспечение санаторно-курортным лечением детей из семей, проживающих на экологически неблагоприятных территориях, а также родителей, работающих на производстве с вредными условиями труда. Считаем необходимым усовершенствование нормативно-правовой базы, касающейся охраны здоровья мужчин и женщин, работающих в опасных условиях.

- Медицинские службы должны быть ориентированы на эмоциональное благополучие отцов в перинатальном периоде, что важно для здоровья не только мужчин, но и их жен и будущих детей (Davenport et al., 2022). Необходимо во время скрининга психоэмоционального состояния будущей матери в период беременности включать вопросы о состоянии отца ребенка, в случае выявления у него дистресса оказывать соответствующую помощь (Glasser,

Lerner-Geva, 2019); исследовать отцовскую перинатальную депрессию.

- Необходимо уделять больше внимания вмешательству в жизнь потенциальных родителей до зачатия, для того чтобы улучшить здоровье матери и ребенка и уменьшить растущее бремя неинфекционных заболеваний. Важно, чтобы медицинские работники были осведомлены о способах выявления женщин и мужчин, планирующих беременность (Stephenson et al., 2018).

- Поставщики медицинских услуг должны знать о потенциальных рисках со стороны мужчины для здоровья будущих поколений и соответствующим образом консультировать не только будущих матерей, но и отцов.

- Профилактика избыточного веса у детей также должна проводиться еще до зачатия (Guo et al., 2014) со стороны обоих родителей (Philips et al., 2020). Результаты исследований свидетельствуют, что отцы играют ключевую роль в пищевом поведении детей (Litchford et al., 2020; Davison et al., 2020). В целях оказания существенного влияния на здоровье до зачатия требуется двойная стратегия в отношении населения, улучшающая статус питания и повышающая двигательную активность людей на протяжении всей жизни и особенно в репродуктивном возрасте. Ориентироваться при этом нужно на всех мужчин и женщин, которые планируют зачатие (Stephenson et al., 2018).

- Улучшить здоровье детей возможно также с помощью политики и программ, поддерживающих малоимущих молодых отцов и матерей, т. е. повышающих их материальное положение, уровень образования и медицинскую грамотность.

- Вопросы репродуктивного планирования и контрацепции для женщин репродуктивного возраста с хроническими заболеваниями следует обсуждать сразу после постановки диагноза (Lassi et al., 2014).

- Результаты нашего мониторинга демонстрируют необходимость повышения осведомленности будущих родителей о факторах риска и мотивации для изменения здоровья и образа жизни до зачатия. Вмешательства по улучшению здоровья до зачатия должны быть сосредоточены на общении медицинских работников, школ, членов семьи и средств массовой информации (Daly et al., 2022).

Считаем целесообразным использовать элементы отработанного механизма здоровьесбережения ребенка со стороны матери как основу для выстраивания медико-социального сопровождения будущих отцов, дополнив адаптивными мерами, учитывающими специфику физиологии и развития мужского организма. Качественная характеристика факторов риска со стороны обоих родителей позволит скорректировать существующую систему профилактики заболеваемости детей и укрепить их потенциал здоровья.

Ограничения исследования: 1) выборку составили изначально благополучные с медицинской и социальной точки зрения родильницы с детьми, пожелавшие участвовать в мониторинге, а не все родившие в период набора когорты; 2) существует серьезная проблема, связанная с сохранением числа участников когортного мониторинга на протяжении долгого периода исследования; выборка со-

кращается с каждым годом; 3) остаточное и неизмеримое смешение и комбинация всех внутренних и внешних факторов требует дальнейшего изучения; 4) в текущем исследовании нами не принято во внимание взаимодействие отцовских и материнских факторов. Комбинированные эффекты обоих родителей могут иметь различную степень влияния и должны быть разделены.

В дальнейшем планируется изучение факторов риска со стороны матери и отца не только в дошкольном, но и более старшем возрасте ребенка, в том числе с применением других методов анализа. Дополнительные данные могут прояснить сложное взаимодействие как материнской, так и отцовской составляющей. Мы осознаем необходимость научного обоснования и разработки адресных рекомендаций совершенствования политики здоровьесбережения детей и родителей для повышения потенциала здоровья будущих поколений.

Литература

- Андреева В.О., Хошаби К.Э., Андреева С.С., Аперян А.В., Шухардина Т.А. (2019). Факторы риска формирования овариальной дисфункции у подростков с ожирением // Репродуктивное здоровье детей и подростков. Т. 15. № 3. С. 22–32. DOI: 10.24411/1816-2134-2019-13003
- Архангельский В.Н., Калачикова О.Н. (2021). Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.10
- Баклушина Е.К., Бобошко И.Е., Балакирева А.В. (2014). Влияние перинатальных факторов риска на развитие плода и здоровье новорожденного // Вестник Ивановской медицинской академии. Т. 19 (1). С. 48–51.
- Батуев А.С. (2000). Возникновение психики в дородовой период: краткий обзор современных исследований // Психологический журнал. Т. 21. № 6. С. 51–56.
- Бочарова Е.А., Сидоров П.И., Соловьев А.Г. (2002). Влияние перинатальных факторов риска и соматического состояния на психическое здоровье ребенка дошкольного возраста // Вестник РУДН. Серия Медицина. № 4. С. 16–20.
- Гераськина А.А., Сюбаев Р.Р. (2019). Институт отцовства в современной России // Академическая публицистика. № 5. С. 342–345.
- Гурвич Е.Т., Иванова М.А. (2018). Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ // Финансовый журнал. № 5 (45). С. 9–22. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-5-9-22
- Дымова И.А. (2020). Факторы формирования здоровья детей первого года жизни (обзор литературы) // Пермский медицинский журнал. Том XXXVII. № 1. С. 85–92. DOI: 10.17816/pmj37185%92
- Иванов Д.О., Радзинский В.Е., Петренко Ю.В., Федорова Л.А. (2018). Междисциплинарный обзор проблемы перинатальной смертности доношенных детей // StatusPraesens. № 4. С. 22–28.
- Карельская Л.П. (2016). Репродуктивное здоровье мужчин как медико-социальная проблема // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 16–17 февраля 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ. С. 21–27.
- Макаренцева А.О. (2020). Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 17 (119). С. 25–30.

- Некрасов С.Д., Рябикина З.И., Тиводар А.Р. (2013). Определимся с понятием «Отцовство» // Научный журнал КубГАУ. № 86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelimsya-s-ponyatiem-ottsovstvo> (дата обращения 15.11.2022).
- Петросьян С.Н. (2016). Пренатальный и перинатальный периоды развития ребенка как кризисный этап становления личности // Вестник АГУ. Вып. 3 (183). С. 114–122.
- Подсвинова Е.В., Гурова М.М., Коцарева С.В. [и др.]. (2020). Влияние социальных и медико-биологических факторов на формирование здоровья новорожденных детей // Вопросы детской диетологии. Т. 18. № 2. С. 46–52. DOI: 10.20953/1727-5784-2020-2-46-52
- Разварина И.Н., Шматова Ю.Е. (2022). Распространенность факторов риска здоровью ребенка со стороны отца. Результаты мониторинга // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. № 27 (3). С. 65–75. URL: <http://journal.asu.ru/index.php/zosh>. DOI: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2022\)3.05](https://doi.org/10.14258/zosh(2022)3.05) (дата обращения 15.11.2022).
- Разварина И.Н., Шматова Ю.Е. Гордиевская А.Н. (2022а). Здоровый отец – здоровые дети (итоги многолетнего когортного мониторинга в Вологодской области) // Социальное пространство. Т. 8. № 4. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.6
- Разварина И.Н., Шматова Ю.Е., Гордиевская А.Н. (2022б). О роли отцов в формировании здоровья детей дошкольного возраста // Семья и преемственность поколений: мат-лы междунар. симпозиума, г. Иваново-Плещ, 30 сентября – 10 октября 2022 года. Иваново: Ивановский государственный университет. С. 93–101.
- Софронов В.В., Шакирова Э.М. (2010). Роль социальных и медико-биологических факторов в формировании здоровья новорожденных различного гестационного возраста // Практическая медицина. № 6 (45). С. 113–117.
- Фесенко М.А., Сивочалова О.В., Федорова Е.В. (2017). Профессиональная обусловленность заболеваний репродуктивной системы у работниц, занятых во вредных условиях труда // Анализ риска здоровью. № 3. С. 92–100. DOI: 10.21668/health.risk/2017.3.11
- Чурилова Е., Захаров С. (2019). Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. № 2 (129). С. 69–89.
- Шабунова А.А., Короленко А.В., Нацун Л.Н., Разварина И.Н. (2021). Сохранение здоровья детей: поиск путей решения актуальных проблем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 125–144.
- Шматова Ю.Е. (2022). Здоровая мама – здоровые дети. Россия: тенденции и перспективы развития: мат-лы XXI Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ежегодник. Вып. 17 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М. Ч. 1. 1309 с. С. 1002–1007.
- Шматова Ю.Е., Разварина И.Н., Гордиевская А.Н. (2022). Факторы риска здоровью ребенка со стороны матери до и во время беременности (итоги многолетнего когортного мониторинга в Вологодской области) // Анализ риска здоровью. № 3. С. 143–159. DOI: 10.21668/health.risk/2022.3.14
- Adab N., Kini U., Vinten J. et al. (2004). The longer term outcome of children born to mothers with epilepsy. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatr*, 75(11), 1575–1583. DOI: 10.1136/jnnp.2003.029132
- Alio A.P., Salihu H.M., Mcintosh C. et al. (2012). The effect of paternal age on fetal birth outcomes. *Am. J. Mens Health*, 6(5), 427–435. DOI: 10.1177/1557988312440718
- Almeling R., Waggoner M.R. (2013). More and less than equal: How men factor in the reproductive equation. *Gend. Soc.*, 27(6), 821–842. Available at: <https://doi.org/10.1177/0891243213484510>
- Aoyama K., Pinto R., Ray J.G. et al. (2019). Association of maternal age with severe maternal morbidity and mortality in Canada. *JAMA Netw Open*, 2(8), e199875. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2019.9875
- Asif M.F., Meherali S., Abid G. et al. (2022). Predictors of child's health in Pakistan and the moderating role of birth spacing. *Int J Environ Res Public Health*, 19(3), 1759. DOI: 10.3390/ijerph19031759
- Aune D., Saugstad O.D., Henriksen T., Tonstad S. (2014). Physical activity and the risk of preeclampsia: A systematic review and meta-analysis. *Epidemiology*, 25(3), 331–343. DOI: 10.1097/EDE.0000000000000036
- Azuine R.E., Singh G.K. (2019). Father's health status and inequalities in physical and mental health of U.S. children: A population-based study. *Health Equity*, 3(1), 495–503. DOI: 10.1089/heq.2019.0051
- Barrett C., Richens A. (2003). Epilepsy and pregnancy: Report of an Epilepsy Research Foundation Workshop. *Epilepsy Research*, 52(3), 147–187.

- Betts T, Fox C. (1999). Proactive pre-conception counselling for women with epilepsy – is it effective? *Seizure*, 8(6), 322–327.
- Brandt J.S., Cruz Ithier M.A., Rosen T., Ashkinadze E. (2019). Advanced paternal age, infertility, and reproductive risks: A review of the literature. *Prenat Diagn*, 39(2), 81–87. DOI: 10.1002/pd.5402
- Bushnik T., Garner R. (2008). The children of older first-time mothers in Canada: Their health and development. *Genus*, 64(3), 63–81.
- Carolan M., Frankowska D. (2011). Advanced maternal age and adverse perinatal outcome: A review of the evidence. *Midwifery*, 27(6), 793–801. DOI: 10.1016/j.midw.2010.07.006
- Casey B.M., Dashe J.S., Wells C.E. et al. (2005). Subclinical hypothyroidism and pregnancy outcomes. *Obstetrics & Gynecology*, 105(2), 239–245.
- Caton A.R., Bell E.M., Druschel C.M. et al. (2008). Maternal hypertension, antihypertensive medication use, and the risk of severe hypospadias. *Birth Defects Research Part A: Clinical and Molecular Teratology*, 82(1), 34–40.
- Christoforou E.R., Sferruzzi-Perri A.N. (2020). Molecular mechanisms governing offspring metabolic programming in rodent models of in utero stress. *Cell Mol Life Sci*, 77(23), 4861–4898. DOI: 10.1007/s00018-020-03566-z
- Conti S.L., Eisenberg M.L. (2010). Paternal aging and increased risk of congenital disease, psychiatric disorders, and cancer. *Asian Journal of Andrology*, 8(3), 93–102. DOI: 10.1017/9781139169349.011
- Daly M.P., White J., Sanders J., Kipping R.R. (2022). Women’s knowledge, attitudes and views of preconception health and intervention delivery methods: A cross-sectional survey. *BMC Pregnancy Childbirth*, 22(1), 729. DOI: 10.1186/s12884-022-05058-3
- Davenport C., Lambie J., Owen C., Swami V. (2022). Fathers’ experience of depression during the perinatal period: A qualitative systematic review. *JBI Evid Synth*, 20(9), 2244–2302. DOI: 10.11124/JBIES-21-00365
- Davison K.K., Haines J., Garcia E.A. et al. (2020). Fathers food parenting: A scoping review of the literature from 1990 to 2019. *Pediatr Obes*, 15(10), e12654. DOI: 10.1111/ijpo.12654
- Day J., Savani S., Krempley B.D. et al. (2016). Influence of paternal preconception exposures on their offspring: Through epigenetics to phenotype. *Am J Stem Cells*, 5(1), 11–8.
- de Kluiver H., Buizer-Voskamp J.E., Dolan C.V., Boomsma D.I. (2017). Paternal age and psychiatric disorders: A review. *Am. J. Med. Genet. B Neuropsychiatr. Genet.*, 174(3), 202–213. DOI: 10.1002/ajmg.b.32508
- Demissie K., Breckenridge M.B., Rhoads G.G. (1998). Infant and maternal outcomes in the pregnancies of asthmatic women. *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*, 158(4), 1091.
- Ding G.L., Liu Y., Liu M.E. et al. (2015). The effects of diabetes on male fertility and epigenetic regulation during spermatogenesis. *Asian J Androl*, 17(6), 948–953. DOI: 10.4103/1008-682X.150844
- Eid N., Morgan H.L., Watkins A.J. (2022). Paternal periconception metabolic health and offspring programming. *Proc Nutr Soc*, 81(2), 119–125. DOI: 10.1017/S0029665121003736
- Ek M., Wicks S., Svensson A.C. et al. (2015). Advancing paternal age and schizophrenia: The impact of delayed fatherhood. *Schizophr. Bull*, 41(3), 708–714. DOI: 10.1093/schbul/sbu154
- Erickson N.L., Gartstein M.A., Dotson J.A.W. (2017). Review of prenatal maternal mental health and the development of infant temperament. *J Obstet Gynecol Neonatal Nurs*, 46, 588–600.
- Falster K., Hanly M., Banks E. et al. (2018). Maternal age and offspring developmental vulnerability at age five: A population-based cohort study of Australian children. *PLoS Med*, 15(4), e1002558. DOI: 10.1371/journal.pmed.1002558
- Gesink Law D.C., Maclehose R.F., Longnecker M. (2007). Obesity and time to pregnancy. *Hum Reprod*, 22(2), 414–420.
- Glasser S., Lerner-Geva L. (2019). Focus on fathers: Paternal depression in the perinatal period. *Perspect Public Health*, 139(4), 195–198. DOI: 10.1177/1757913918790597
- Godfrey K.M., Reynolds R.M., Prescott S.L. et al. (2017). Influence of maternal obesity on the long-term health of offspring. *Lancet Diabetes Endocrinol*, 5(1), 53–64. DOI: 10.1016/S2213-8587(16)30107-3
- Guo B., Mei H., Yang S., Zhang J. (2014). Prenatal factors associated with high BMI status of infants and toddlers. *Zhonghua Er Ke Za Zhi*, 52(6), 464–467.
- Hultman C.M., Sandin S., Levine S.Z. et al. (2011). Advancing paternal age and risk of autism: New evidence from a population-based study and a meta-analysis of epidemiological studies. *Mol. Psychiatry*, 6(12), 1203–1212. DOI: 10.1038/mp.2010.121

- Hurley E.G., DeFranco E.A. (2017). Influence of paternal age on perinatal outcomes. *Am J Obstet Gynecol*, 217(5), 566.e1–566.e6. DOI: 10.1016/j.ajog.2017.07.034. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28784418/>
- Jones D.C., Hayslett J.P. (1996). Outcome of pregnancy in women with moderate or severe renal insufficiency. *The New England Journal of Medicine*, 335(4), 226–232.
- Jungers P., Chauveau D., Choukroun G. et al. (1997). Pregnancy in women with impaired renal function. *Clinical nephrology*, 47(5), 281–288.
- Kaati G., Bygren L.O., Edvinsson S. (2002). Cardiovascular and diabetes mortality determined by nutrition during parents and grandparents slow growth period. *Eur J Hum Genet*, 10(11), 682–688.
- Kahn S.E., Hull R.L., Utzschneider K.M. (2006). Mechanisms linking obesity to insulin resistance and type 2 diabetes. *Nature*, 444, 840–846.
- Kato T., Yorifuji T., Yamakawa M. et al. (2017). Association of maternal age with child health: A Japanese longitudinal study. *PLoS One*, 12(2), e0172544. DOI: 10.1371/journal.pone.0172544
- Khandwala Y.S., Baker V.L., Shaw G.M. et al. (2018). Association of paternal age with perinatal outcomes between 2007 and 2016 in the United States: Population based cohort study. *BMJ*, 363, k4372. DOI: 10.1136/bmj.k4372
- Koch R., Hanley W., Levy H. et al. (1990). A preliminary report of the collaborative study of maternal phenylketonuria in the United States and Canada. *Journal of Inherited Metabolic Disease*, 13(4), 641–650.
- Kort H.I., Massey J.B., Elsner C.W. et al. (2006). Impact of body mass index values on sperm quantity and quality. *J Androl*, 27(3), 450–452. DOI: 10.2164/jandrol.05124
- Krapels I.P.C., Zielhuis G.A., Vroom F. et al. (2006). Periconceptional health and lifestyle factors of both parents affect the risk of live born children with orofacial clefts. *Birth Defects Research. Part A: Clinical and Molecular Teratology*, 76(8), 613–620.
- Krempley B.D., Nguyen M., Kitlinska J.B. (2016). Influence of paternal preconception exposures on their offspring: through epigenetics to phenotype. *Am J Stem Cells*, 5(1), 11–18.
- Lassi Z.S., Imam A.M., Dean S.V., Bhutta Z.A. (2014). Preconception care: Caffeine, smoking, alcohol, drugs and other environmental chemical/radiation exposure. *Reprod Health*, 11, 3(S6). DOI: 10.1186/1742-4755-11-S3-S6. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4196566/>
- Litchford A., Savoie Roskos M.R., Wengreen H. (2020). Influence of fathers on the feeding practices and behaviors of children: A systematic review. *Appetite*, 147, 104558. DOI: 10.1016/j.appet.2019.104558
- Liu S.L., Wen S.W., Demissie K. et al. (2001). Maternal asthma and pregnancy outcomes: A retrospective cohort study. *Diabetes*, 24(2), 411–412.
- Malaspina D., Harlap S., Fennig S. et al. (2001). Advancing paternal age and the risk of schizophrenia. *Arch. Gen. Psychiatry*, 58(4), 361–367. DOI: 10.1001/archpsyc.58.4.361
- Marchi J., Berg M., Dencker A. et al. (2015). Risks associated with obesity in pregnancy, for the mother and baby: A systematic review of reviews. *Obes Rev*, 16(8), 621–638. DOI: 10.1111/obr.12288
- Monk C., Lugo-Candelas C., Trumpff C. (2019). Prenatal developmental origins of future psychopathology: Mechanisms and pathways. *Annu Rev Clin Psychol*, 15, 317–344.
- Nogueira Avelar e Silva R., Yongfu Yu., Liew Z. et al. (2021). Associations of maternal diabetes during pregnancy with psychiatric disorders in offspring during the first 4 decades of life in a population-based Danish birth cohort. *JAMA Netw Open*, 4(10), e2128005. DOI:10.1001/jamanetworkopen.2021.28005
- Philips E.M., Santos S., Trasande L. et al. (2020). Changes in parental smoking during pregnancy and risks of adverse birth outcomes and childhood overweight in Europe and North America: An individual participant data meta-analysis of 229,000 singleton births. *PLoS Med*, 17(8), e1003182. DOI: 10.1371/journal.pmed.1003182
- Phillips N., Taylor L., Bachmann G. (2019). Maternal, infant and childhood risks associated with advanced paternal age: The need for comprehensive counseling for men. *Maturitas*, 125, 81–84. DOI: 10.1016/j.maturitas.2019.03.020
- Pillas D., Marmot M., Naicker K. et al. (2014). Social inequalities in early childhood health and development: A European-wide systematic review. *Pediatr Res*, 76(5), 418–424. DOI: 10.1038/pr.2014.122
- Poston L., Caleyachetty R., Cnattingius S. et al. (2016). Preconceptional and maternal obesity: Epidemiology and health consequences. *Lancet Diabetes Endocrinol*, 4(12), 1025–1036.
- Risérus U., Willett W.C., Hu F.B. (2009). Dietary fats and prevention of type 2 diabetes. *Prog Lipid Res*, 48, 44–51.
- Rodprasert W., Toppari J., Virtanen H.E. (2021). Endocrine disrupting chemicals and reproductive health in boys and men. *Front Endocrinol (Lausanne)*, 12, 706532. DOI: 10.3389/fendo.2021.706532

- Schatz M. (2001). The efficacy and safety of asthma medications during pregnancy. *Semin Perinatol*, 25(3), 145–152. DOI: 10.1053/sper.2001.24569
- Schepanski S., Buss C., Hanganu-Opatz I.L., Arck P.C. (2018). Prenatal immune and endocrine modulators of offspring's brain development and cognitive functions later in life. *Front Immunol*, 9, 2186. DOI: 10.3389/fimmu.2018.02186. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6168638/>
- Schetter Ch.D., Tanner L. (2012). Anxiety, depression and stress in pregnancy: Implications for mothers, children, research, and practice. *Curr Opin Psychiatry*, 25(2), 141–148. DOI: 10.1097/YCO.0b013e3283503680
- Schmidt L., Sobotka T., Bentzen J.G., Nyboe Andersen A. (2012). Demographic and medical consequences of the postponement of parenthood. *Hum Reprod Update*, 18(1), 29–43. DOI: 10.1093/humupd/dmr040
- Sharma R., Agarwal A., Rohra V.K. et al. (2015). Effects of increased paternal age on sperm quality, reproductive outcome and associated epigenetic risks to offspring. *Reprod Biol Endocrinol*, 13(35). DOI: 10.1186/s12958-015-0028-x. Available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4455614/pdf/12958_2015_Article_28.pdf
- Singh R.D., Koshta K., Tiwari R. et al. (2021). Developmental exposure to endocrine disrupting chemicals and its impact on cardio-metabolic-renal health. *Front Toxicol*, 3, 663372. DOI: 10.3389/ftox.2021.663372
- Sipos A., Rasmussen F., Harrison G. et al. (2004). Paternal age and schizophrenia: A population-based cohort study. *Br Med J*, 329(7474), 1070. DOI: 10.1136/bmj.38243.672396.55. Available at: <https://www.bmj.com/content/329/7474/1070.long>
- Sokół-Szawłowska M. (2020). Paternal perinatal depression: Cases. *Psychiatr Pol*, 54(6), 1123–1135. DOI: 10.12740/PP/110610
- Song Y., Jieping S., Tianshu Z. et al. (2022). Incidence of Down Syndrome by maternal age in Chinese population. *Front Genet*, 13, 980627. DOI: 10.3389/fgene.2022.980627
- Stephenson J., Heslehurst N., Hall J. et al. (2018). Before the beginning: Nutrition and lifestyle in the preconception period and its importance for future health. *Lancet*, 391, 1830–1841.
- Sutcliffe A.G., Barnes J., Belsky J. et al. (2012). The health and development of children born to older mothers in the United Kingdom: Observational study using longitudinal cohort data. *BMJ*, 345, e5116. DOI: 10.1136/bmj.e5116
- Temple R.C., Aldridge V., Stanley K., Murphy H.R. (2006). Glycaemic control throughout pregnancy and risk of pre-eclampsia in women with type I diabetes. *BJOG*, 113(11), 1329–1332.
- Tobias D.K., Zhang C., van Dam R.M. et al. (2011). Physical activity before and during pregnancy and risk of gestational diabetes mellitus: A meta-analysis. *Diabetes Care*, 34(1), 223–229.
- Turcksin R., Bel S., Galjaard S., Devlieger R. (2014). Maternal obesity and breastfeeding intention, initiation, intensity and duration: A systematic review. *Matern Child Nutr*, 10(2), 166–183.
- Wang H., Abbas K.M., Abbasifard M. et al. (2020a). Global age-sex-specific fertility, mortality, healthy life expectancy (HALE), and population estimates in 204 countries and territories, 1950–2019: A comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *The Lancet*, 396(10258), 1160–1203.
- Wang S., Yang L., Shang L. et al. (2020b). Changing trends of birth weight with maternal age: A cross-sectional study in Xi'an city of Northwestern China. *BMC Pregnancy Childbirth*, 20(1), 744–751. DOI: 10.1186/s12884-020-03445-2
- Wong O., Nguyen T., Thomas N. et al. (2016). Perinatal mental health: Fathers – the (mostly) forgotten parent. *Asia Pac Psychiatry*, 8(4), 247–255. DOI: 10.1111/appy.12204
- Wu Y., Liu X., Luo H. et al. (2012). Advanced paternal age increases the risk of schizophrenia and obsessive-compulsive disorder in a Chinese Han population. *Psychiatry Res*, 198(3), 353–359. DOI: 10.1016/j.psychres.2012.01.020
- Xavier M.J., Roman S.D., Aitken R.J., Nixon B. (2019). Transgenerational inheritance: How impacts to the epigenetic and genetic information of parents affect offspring health. *Hum Reprod Update*, 25(5), 518–540. DOI: 10.1093/humupd/dmz017
- Yang Q., Wen S.W., Leader A. et al. (2007). Paternal age and birth defects: How strong is the association. *Hum Reprod*, 22, 696–701.
- Zhang C., Solomon C.G., Manson J.E., Hu F.B. (2006). A prospective study of pregravid physical activity and sedentary behaviors in relation to the risk for gestational diabetes mellitus. *Arch Intern Med*, 166(5), 543–548. DOI: 10.1001/archinte.166.5.543

Сведения об авторах

Юлия Евгеньевна Шматова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Ирина Николаевна Разварина – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Александра Николаевна Гордиевская – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru)

Shmatova Yu.E., Razvarina I.N., Gordievskaya A.N.

Parent-Related Risk Factors Affecting Child Health (on the Results of a Cohort Monitoring Study for 25 Years)

Abstract. The economic significance of the problem of preserving and strengthening the health of shrinking child population as an important component of reproductive, labor and human potential requires the search for and development of mechanisms to manage risk factors. We present sample results of a multi-year monitoring study of child health in the Vologda Oblast for 25 years of research (1998–2022). The purpose of our research is to evaluate the degree of risk to the health of preschool children caused by certain factors on the part of parents. The research methodology is the intracohort method of data analysis on 1,454 children from five cohorts (1998, 2001, 2004, 2014 and 2020 years of birth) by calculating the relative risk index. The scientific novelty is a comparative analysis of the influence of age, health and hazardous working conditions of future parents on the child health in the pre- and postnatal period. We have found that young maternal age is often a risk factor for child health, while mature maternal age increases the risk of cesarean section and delayed neuropsychological development in children by the age of 7. In contrast, father's young age acts as a protective factor during intrauterine child development, but increases the risk of disease development in the future. Mature father's age creates risks of congenital abnormalities of the cardiovascular system, but its negative effect is mitigated later on. We assume that the reason for this lies in the higher level of material wealth, medical literacy, and responsibility of aging parents. Parents' hazardous working conditions have a deleterious effect on the child health after birth, and on the maternal health in the prenatal period as well. A complicated obstetric history of previous and current pregnancies is the most significant risk factor on the maternal part. Her chronic diseases showed no association with abnormalities in the child health, the exceptions are obesity and thyroid dysfunction. In contrast, father's complicated obstetric history demonstrates a strong association with intrauterine fetal development disorders, the use of surgical childbirth, congenital abnormalities, the low Apgar score for the newborn, and child's disease in the future. Practical significance of the work lies in emphasizing father's role in the formation of child health and preparing recommendations for the prevention of child health disorders taking into account the data on the risk factors of both parents.

Key words: child health, child health risk, maternal age, father's age, hazardous working conditions, diseases of mother and father, obstetric history, chronic diseases, paternal health.

Information about the Authors

Yuliya E. Shmatova – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ueshmatova@mail.ru)

Irina N. Razvarina – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irina.razvarina@mail.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu85@mail.ru)

Статья поступила 24.01.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.10

УДК 316:378, ББК 60.56:74.48

© Айтач Д., Гергерлиоглу У.

Высшее образование: общественное или частное благо?

Дениз АЙТАЧ

Университет Хитит

Чорум, Турция

e-mail: denizaytac@hitit.edu.tr

ORCID: 0000-0001-7546-2734; ResearcherID: AAP-2763-2021

Уфук ГЕРГЕРЛИОГЛУ

Университет Хитит

Чорум, Турция

e-mail: ufukgergerlioglu@hitit.edu.tr

ORCID: 0000-0002-9950-9311; ResearcherID: AAU-8131-2021

Аннотация. Социальная польза высшего образования является одной из важнейших причин его финансирования за счет государственных средств. Однако в контексте либеральной экономической политики восприятие образования как частного блага и, следовательно, необходимость обеспечения его рынком привели к уменьшению доли государства в сфере высшего образования во многих странах. В связи с этим цель исследования – определить, как студенты, обучающиеся в государственных университетах и университетах, спонсируемых фондами, воспринимают университетское образование – как общественное или частное благо. В некотором смысле работа направлена на изучение влияния различных методов финансирования на восприятие студентами высшего образования как общественного блага. Результаты опроса студентов протестированы в рамках метода моделирования структурными уравнениями. Вы-

Для цитирования: Айтач Д., Гергерлиоглу У. (2023). Высшее образование: общественное или частное благо? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 190–202. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.10

For citation: Aytaç D., Gergerlioğlu U. Perception of higher education: A public or private good? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 190–202. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.10

двинутые гипотезы подтвердились. Исследование показало, что все студенты вузов, различающихся по способу финансирования, воспринимают высшее образование как общественное благо.

Ключевые слова: высшее образование, общественное благо, внешние эффекты, социальная выгода, частная выгода, моделирование структурными уравнениями.

Введение

Право на образование, утвержденное в соответствии с национальным и международным законодательством, впервые было определено во Всеобщей декларации прав человека в 1948 году¹. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1996 г.)², Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.)³ и Европейская конвенция по правам человека (1952 г.)⁴ также определяют образование как право человека. На сегодняшний день 160 стран являются участниками Конвенции ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования, которая была подписана 14 декабря 1960 года. В ней подчеркивается, что образование — не роскошь, а основное право человека, и государство должно взять на себя обязательства по его защите, обеспечивать бесплатное и обязательное образование, избегать дискриминации и способствовать созданию равных возможностей для получения гражданами образования. Кроме того, Конвенция устанавливает условия для обеспечения высшего образования с учетом индивидуальных способностей, доступно для всех.

В то время как эти международные соглашения укрепляли общественный аспект обра-

зования, политика либерализации привела к постепенному уменьшению доли государства в сфере образования. Таким образом, высшее образование стало определяться как платная услуга (Tilak, 2008), а его доступность в контексте рыночных отношений стала доминирующей точкой зрения из-за преимуществ, которые оно приносит обществу (Brown, 2015a). В результате высшее образование было либерализовано, на рынок вышли частные университеты, а расходы домохозяйств выросли из-за сокращения средств, выделяемых государством на высшее образование (Pusser, 2006). Однако социальная выгода, обеспечиваемая высшим образованием, является существенной проблемой, ограничивающей его коммерциализацию (McMahon, 2009).

Неоклассическая экономическая теория предписывает вмешательство государства в функционирование рынка в случае внешних эффектов, которые называет одним из провалов рынка. С другой стороны, образование приобретает свойство общественного блага из-за того, что его польза рассеивается в обществе, иными словами, из-за внешних эффектов. Тем не менее, несмотря на положительные внешние эффекты, государственное финансирование образования и, соответственно, высшего образования было ограничено в мире в целом и Турции в частности в рамках либеральной политики, проводимой после 1980 года.

В Турции доля молодого населения в возрасте 15–24 лет в общей численности населения составляет 15,6%; 7 млн молодых людей получают высшее образование. По состоянию на 2021 год в Турции 207 университетов, 129 из них являются государственными, а 78 финансируются за счет фондов («фондовые» университеты).

Хотя в государственных университетах существует студенческий взнос (как правило, ниже 10%), их финансирование в значитель-

¹ Universal Declaration of Human Rights, 1948. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf (accessed: January 10, 2022).

² International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 1996. Available at: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights> (accessed: January 10, 2022).

³ United Nations Convention Against Discrimination in Education, 1960. Available at: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=12949&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (accessed: January 10, 2022).

⁴ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 1952. Available at: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (accessed: January 10, 2022).

ной степени осуществляется из государственных источников. «Фондовый» вуз определяется как университет и институт высоких технологий, созданный фондами и факультетами, институтами, колледжами, профессиональными колледжами, консерваториями, научно-исследовательскими прикладными центрами и профессиональными колледжами, которые не связаны с университетом или институтом высоких технологий, при условии, что они не предназначены для получения прибыли. В «фондовых» вузах финансирование обеспечивается за счет доходов фонда, платы за обучение (плата за пользование) и государственной помощи. По состоянию на 2020 год доля стипендиатов в «фондовых» университетах была увеличена до 15%, и студенты, успешно сдавшие вступительные экзамены, могут воспользоваться различными стипендиями.

Статья 42 Конституции Турецкой Республики гласит: никто не может быть лишен права на образование и профессиональную подготовку. Ранее высшее образование в Турции полностью финансировалось государством, а в 1986 году был основан первый «фондовый» университет. В рамках либеральной политики доля «фондовых» вузов со временем увеличилась, составив в 2022 году 37% от количества всех университетов.

Поскольку «фондовые» вузы взимают плату за обучение, то воспользоваться их услугами могут в основном люди со средним и выше среднего уровнем дохода.

Статус общественного блага приписывается образованию, и высшему образованию в частности, вследствие положительных внешних эффектов. Этому вопросу посвящены различные исследования. В настоящее время некоторые авторы в рамках новых подходов трактуют образование как общественное благо (Samuelson, 1954). В других работах утверждается, что образование не является общественным благом, т. к. обладает характеристиками соперничества и исключения (Kaul, Mendoza, 2003). Хотя предпочтения политических сил ограничивают участие государства в экономике и, соответственно, в сфере высшего образования, мнение студентов об общественном аспекте высшего образования должно иметь существенное значение.

Есть теоретические исследования, в рамках которых обсуждается вопрос, является ли образование общественным благом, а также практические работы, определяющие, каким видом блага общество считает высшее образование. Был сделан вывод о том, что на восприятие образования влияют различные демографические факторы⁵ (Immerwahr, Foleno, 2000; Baum et al., 2013).

В связи с тем, что согласно национальным и международным конвенциям образование было признано основным правом человека, а не роскошью, поощряется равенство возможностей людей в данной области. Однако параллельно с уменьшением участия государства более значительная часть доходов домохозяйства должна была направляться на образование. Такая ситуация, с одной стороны, нарушает равенство возможностей в сфере образования; с другой стороны, может негативно сказаться на общественной выгоде. По этой причине важно, воспринимают ли студенты университетов образование как государственную или частную собственность.

Наше исследование направлено на то, чтобы определить, как студенты, обучающиеся в государственных и «фондовых» университетах, воспринимают университетское образование — как общественное или частное благо. В некотором смысле мы пытаемся выяснить влияние различных методов финансирования высшего образования на восприятие студентами высшего образования как общественного блага. Таким образом, работа поможет определить, как студенты высших учебных заведений оценивают изменение доли участия государства в сфере высшего образования.

Образование в контексте общественных благ и внешних эффектов

Существует множество исследований о том, в какую группу следует включать образовательные услуги при классификации частных и общественных благ. В таких работах образование описывается как общественное благо, полубытовое благо и частное благо. Причиной этого служат различия во взглядах на определение общественных благ. Совре-

⁵ Dudley J. (2015). *Perceptions of Higher Education: Private Good or Public Good? Ph.D. dissertation*. The University of Missouri-Columbia.

менная теория общественных благ основана на описании, приведенном в (Samuelson, 1954), согласно которому их характеристики должны включать отсутствие соперничества между людьми в потреблении благ. Другими словами, предельные издержки товара должны быть равны нулю, а выгода от блага не может быть отнята у дополнительного пользователя (Musgrave, 1959). В данной классификации общественных благ, ограниченной этими двумя характеристиками, образование может быть определено как частное благо, т. к. его выгода не распространяется на всех и в его потреблении отсутствует соперничество. В работе (Malkin, Wildavsky, 1991) обращается внимание на то, что благо, которое классифицируется как общественное в одном обществе, может быть частным в другом обществе, и определяет это само общество. В (Kaul, Mendoza, 2003) утверждается, что нельзя классифицировать общественные блага исключительно в соответствии с критериями, сформулированными Samuelson. С точки зрения общества блага могут оцениваться по-разному, несмотря на их основные характеристики, и классифицироваться как частные или общественные в зависимости от политических предпочтений. В связи с этим Kaul и Mendoza поместили образование в разные категории благ, рассматривая его как частное благо и как право человека, а также как общественное благо вследствие положительных внешних эффектов, создаваемых образованными людьми, и потому что вклад образованных людей в экономический рост и развитие является более продуктивным (Kaul, Mendoza, 2003). В этой классификации основным отличительным элементом, позволяющим охарактеризовать образовательные услуги как частное, так и общественное благо, выступает их положительный внешний эффект, т. е. некомпенсируемый результат деятельности индивида, влияющий на благополучие другой стороны. Поскольку внешние эффекты являются своего рода побочным продуктом любой деятельности (Tullock, 2011), частный сектор не будет предлагать их бесплатно или нести их расходы. Следовательно, производство таких товаров и услуг должно обеспечиваться государственным сектором (Batirel, 1990). Рассмотрим внешние эффекты образования.

Преимущества, обеспечиваемые образованием, и положительные внешние эффекты

Из-за положительных внешних эффектов образование было тесно связано с общественными интересами от классической экономической теории до наших дней. В работе (Marshall, 1890) образование рассматривается как национальная инвестиция. Кроме того, в теориях эндогенного роста образование является важным компонентом экономического развития (Neira et al., 1990). Параллельно с этими взглядами во многих исследованиях обсуждались индивидуальные и социальные преимущества образования под разными названиями (Weisbrod, 1964; Bowen, 1988; Baum, Payea, 2004; Tilak, 2008). В работе (Mignat, Tan, 1996), подробно описывающей выгоды и затраты на образование, рассматриваются разрозненные выгоды и затраты на образование в индивидуальном и общественном плане. Как показано в *таблице 1*, индивидуальные затраты на образование анализируются как прямые и косвенные затраты. Прямые индивидуальные затраты включают плату за обучение, книги и т. д., а также транспортные расходы; индивидуальные косвенные затраты состоят из заработной платы, не полученной из-за того, что человек не работал, т. к. проходил обучение. Социальные затраты на образование возникают в результате финансирования услуг за счет налогов.

Mignat и Tan (Mignat, Tan, 1996) связали индивидуальную выгоду от образования с подзаголовками B1 и B2, а социальную выгоду — с подзаголовками B3, B4 и B5 (см. табл. 1). В этом контексте индивидуальные денежные выгоды от образования включали более высокую производительность и, следовательно, более высокий чистый доход, лучшие возможности трудоустройства, более высокие сбережения, личную и профессиональную мобильность; социальные денежные выгоды — более высокую национальную производительность, больший объем налоговых поступлений, большую гибкость рабочей силы, более высокое потребление, меньшую зависимость от государства; индивидуальные неденежные выгоды — преимущество образования, лучшие условия труда, более высокий личный статус, более высокую удовлетворенность работой, лучшее здоровье и продолжительность жизни, более эффективные решения о расходах, более вы-

Таблица 1. Затраты на образование, выгоды от образования и их распределение среди индивидов и общества в целом

	Индивиды	Общество
Затраты	31. Прямые затраты (включая плату за обучение)	33. Государственная субсидия (за вычетом возмещения затрат и с поправкой на возможные безвозвратные потери государственных расходов, финансируемых за счет налогов)
	32. Недополученный доход и т. д.	
Выгоды	В1. Повышение производительности рынка (что отражается в доходах или других результатах)	В3. Сопутствующее воздействие на производительность труда (например, когда образование сотрудника повышает производительность труда коллег)
		В4. Расширенные технологические возможности (например, возникающие в результате открытия, адаптации и использования новых знаний в науке, медицине, промышленности и др.)
	В2. Частные нерыночные эффекты (улучшение личного здоровья, расширение возможностей для отдыха, повышение эффективности поиска работы и другие личные решения)	В5. Нерыночные эффекты для сообщества (большая социальная справедливость, более сплоченные сообщества, более сильное чувство государственности, более медленный рост населения) и связанное с этим смягчение экологического стресса, снижение рисков инфекционных заболеваний, уровня преступности и т. д.)
Источник: (Mignat, Tan, 1996).		

сокую ценность хобби и досуга, личностный рост; социальные неденежные выгоды – социальную адаптацию, общественное признание, социальное разнообразие и культурное наследие, более высокую социальную мобильность, более низкий уровень преступности, больший объем пожертвований и благотворительной деятельности, повышенную способность адаптироваться к новым технологиям и более активное социальное/политическое участие. С другой стороны, в исследованиях (Jongbloed, 2004; Vossensteyn, 2009) изучаются индивидуальные и социальные выгоды от образования в рамках денежных и неденежных выгод. Кроме того, McMahon связывает нерыночную социальную выгоду образования с внешними эффектами и общественными благами (табл. 2).

Косвенная связь образования с внешними эффектами проистекает из выгод от образования, рассеянных в обществе и отражающихся на будущих поколениях, в то время как индивиды заботятся только о личной выгоде при инвестировании в образование, другими словами, осуществляя расходы на образование, они не заинтересованы в общественной выгоде; по этой причине расходы на образование остаются ниже социально эффективного уровня. В неоклассической экономической теории это один из провалов рынка, который является причиной вмешательства государства в экономику и приводит к тому, что образование рассматривается как общественное благо вследствие его внешних эффектов.

Таблица 2. Общие выгоды от образования

Частные выгоды ■	Внешние социальные выгоды ■
А-1. Рыночные выгоды для заработной платы и роста <i>Прямые эффекты</i>	В-1. Непрямые эффекты для заработной платы и роста <i>Косвенные эффекты</i>
А-2. Частные нерыночные выгоды <i>Прямые эффекты</i>	В-2. Непрямые эффекты для частных нерыночных выгод <i>Косвенные эффекты</i>
А-3. Нерыночные социальные выгоды (общественные блага) <i>Прямые эффекты</i>	В-3. Непрямые эффекты для нерыночных социальных выгод <i>Косвенные эффекты</i>

Источник: (McMahon, 2006).

Высшее образование определяется как услуга в целом, а также как социально значимое благо. Помимо того, что высшее образование само по себе является общественным благом, оно производит множество разнообразных общественных благ. Социальная цель, которой оно служит, его роль в государственном строительстве, общественные интересы и правозащитная природа высшего образования – все эти аспекты тесно взаимосвязаны. Их следует рассматривать как фундаментальные и неоспоримые принципы в образовании (Tilak, 2008). С практикой либерализации, начавшейся в 1980-х гг., высшее образование, имеющее признак общественного блага, превратилось в товар, «рынок высшего образования» (Kirp, 2003) быстро вырос. Эта тенденция к расширению участия негосударственных субъектов в образовании в основном вызвана несоответствием между растущим спросом на образование на всех уровнях и ограничениями государственного бюджета в расширении неправительственных организаций и экономической либерализацией, благодаря которой роль бизнес-сектора становится все более значимой (Daviet, 2016).

Хотя вопрос о том, будет ли образование общественным благом в рамках индивидуальных и общественных благ, широко освещен в литературе, проведено недостаточное количество практических исследований, посвященных тому, как общество воспринимает высшее образование. Например, в работе (Immerwahr, Foleno, 2000) изучалось, как высшее образование воспринимается родителями студентов разного этнического происхождения. Было определено, что все группы воспринимали высшее образование как крайне важное и считали его необходимым для получения хорошей работы и поддержания достойного образа жизни среднего класса; кроме того, был сделан вывод о том, что афроамериканские и латиноамериканские родители придают университетскому образованию большее значение, чем светлокожие родители. Все группы, участвовавшие в исследовании, считают, что государство должно позаботиться о том, чтобы студенты имели доступ к высшему образованию независимо от их финансового положения. Однако, несмотря на частые жалобы на дороговизну высшего образования, большинство родителей отмечают, что доступ к этой услуге может получить любой

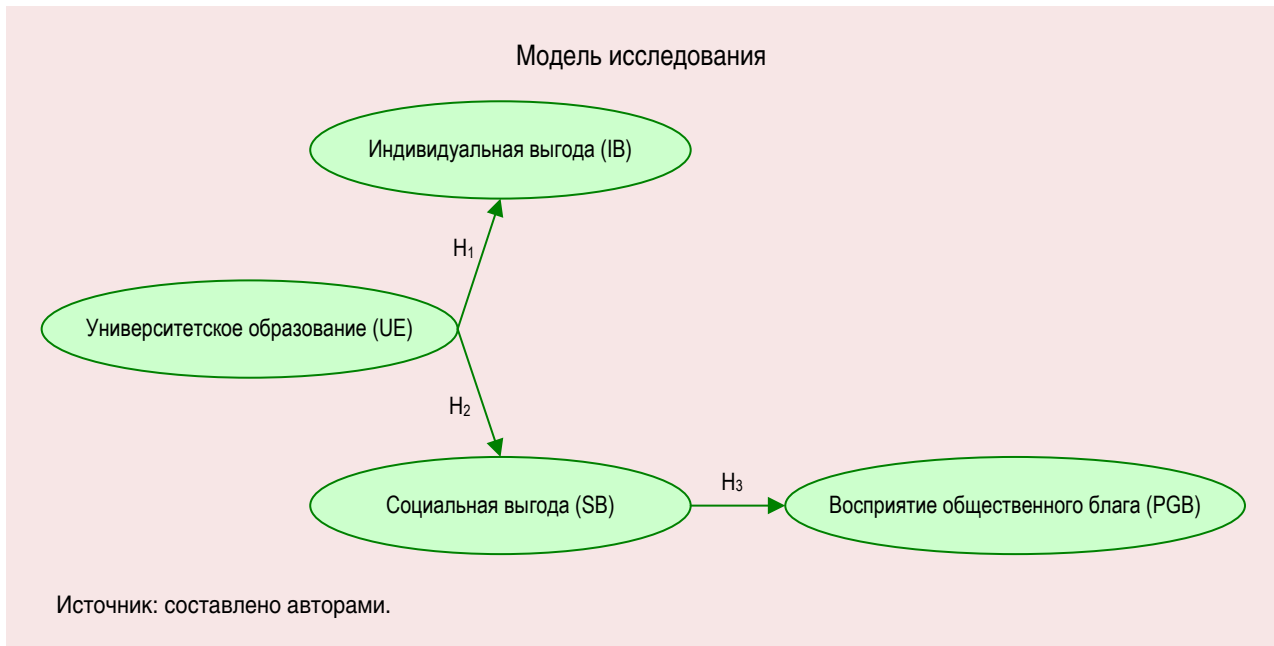
желающий учиться в вузе. Родители заявляют, что их беспокоит оплата образования их детей, но уверены, что дети поступят в университет и найдут способ оплатить обучение (Immerwahr, Foleno, 2000). Baum et al. выяснили, что пол, возраст и этническое происхождение человека влияют на восприятие высшего образования (Baum et al., 2013). Некоторые исследователи применяют анкетный опрос с целью определить, воспринимает ли общество высшее образование как общественное или частное благо⁶. На основе гипотезы, согласно которой восприятие высшего образования главным образом зависит от демографических факторов, в результате опроса лиц старше 18 лет сделан вывод о том, что высшее образование в целом воспринимается как общественное благо. Тем не менее различия в уровне образования могут повлиять на это восприятие. Основываясь на выводах Dudley, мы исследуем, воспринимают ли студенты, обучающиеся в государственных и «фондовых» университетах Турции, высшее образование как общественное благо в зависимости от индивидуальных и социальных выгод, предоставляемых высшим образованием.

Методология

В работе использовался индуктивный подход в соответствии с социологической методологией. Данные были собраны в рамках опросного метода. Для проведения опроса, который представляет собой метод сбора данных из первых рук, были составлены систематизированные вопросы о восприятии высшего образования, выступающего предметом исследования.

Исследовательская модель (рисунок) демонстрирует наличие четырех скрытых переменных. Это университетское образование (UE), индивидуальная выгода (IB), социальная выгода (SB) и восприятие общественного блага (PGP). Университетское образование (UE) является экзогенной переменной, индивидуальная выгода (IB), социальная выгода (SB) и восприятие общественного блага (PGP) – эндогенными переменными. Однонаправленные стрелки показывают влияние каждой латентной переменной на другие латентные переменные.

⁶ Dudley J. (2015). *Perceptions of Higher Education: Private Good or Public Good? Ph.D. dissertation*. The University of Missouri-Columbia.

В нашей исследовательской модели представлены три гипотезы – H1, H2 и H3. Они выявили отношения между скрытыми переменными на теоретической основе. Мы по-разному проверяли гипотезы как для государственных, так и для «фондовых» университетов. Подробная информация о гипотезах приведена ниже.

H1: университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на индивидуальную выгоду (IB).

H2: университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на социальную выгоду (SB).

H3: социальная выгода университетского образования (SB) способствует восприятию университетского образования как общественного блага (PGP).

Используя метод анкетирования, в 2019 году мы получили данные от 227 студентов, обучающихся в «фондовых» и государственных вузах. Количество опрошенных студентов из государственных университетов составило 116 человек, из «фондовых» – 111. Кроме того, чтобы увеличить количество выборок, получены данные из трех разных «фондовых» университетов. Доля опрошенных студентов мужского пола, обучающихся в государственном университете, составила 51%, студенток – 49%. Доля студентов мужского пола, обучающихся в «фондовых» университетах, составила 62%, студенток – 38%.

Сначала мы сформулировали несколько утверждений/высказываний для проверки модели, выдвинутой в рамках моделирования структурными уравнениями, и гипотез (H1, H2, H3). Студентам «фондовых» и государственных вузов было предложено выразить свое отношение к 25 утверждениям, составленным на основе анализа литературы и результатов полевых исследований. Поскольку мы хотели разработать новую шкалу установок, то исключили семь утверждений с низкой надежностью из 25 утверждений, представленных студентам впервые. Таким образом, мы провели анализ и тесты для построения шкалы установок с 18 пунктами (табл. 3) и составили пункты в опроснике по 5-балльной методике Лайкерта. Баллы в анкете интерпретировались следующим образом: 1 – полностью не согласен, 2 – не согласен, 3 – не определен, 4 – согласен, 5 – полностью согласен. Пункты, касающиеся индивидуальной и социальной выгоды, были взяты из (Immerwahr, 2000). Мы провели подтверждающий факторный анализ и успешно реализовали первый этап составления шкалы. Наконец, благодаря результатам теста в рамках моделирования структурными уравнениями мы приняли гипотезы как для «базовых», так и для государственных университетов. Собранные данные проанализированы с помощью программ AMOS 18 (анализ моментных структур) и SPSS 19 (статистический пакет для социальных наук).

Таблица 3. Коды и формулировки утверждений, подлежащих факторному анализу

Код утверждения	Формулировка утверждения
^a IB1	Человек с университетским образованием более счастлив в деловой жизни
IB2	Человек с университетским образованием более счастлив в своей социальной жизни
IB3	Университетское образование обеспечивает лучшие возможности для работы и карьеры
IB4	Университетское образование открывает новые социальные возможности
IB5	Университетское образование увеличивает чувство удовлетворения достигнутым
^b SB1	Университет создает новые рабочие места в своем регионе
SB2	Университет организует культурные мероприятия в своем регионе
SB3	Университет облегчает доступ к общественному здравоохранению и другим услугам
SB4	Университет стимулирует местную экономику в своем регионе
SB5	Университет привлекает квалифицированные рабочие места в свой регион
^c UE1	Получение университетского образования повышает технологические инновации в стране
UE2	Получение университетского образования стимулирует научные исследования в стране
UE3	Получение университетского образования повышает уровень знаний в стране
UE4	Университетское образование развивает социальных, культурных и политических лидеров
^d PGP1	Университетское образование должно быть бесплатным
PGP2	Любой желающий должен иметь возможность получить университетское образование
PGP3	Университетское образование должно предлагаться только государственным сектором и финансироваться за счет налогов
PGP4	Выгода университетского образования распространяется на общество
Примечание: ^a индивидуальная выгода; ^b социальная выгода; ^c университетское образование; ^d восприятие общественного блага.	

Результаты

В этом разделе поясняются результаты анализа пропущенных значений, частотного анализа, подтверждающего факторного анализа, анализа моделирования структурными уравнениями и гипотез, выдвинутых в зависимости от переменных.

Анализ пропущенных значений

Анализ пропущенных значений был необходим, т. к. в проведенных нами опросах, содержащих утверждения, имелись пропущенные данные. Среди 227 наблюдений результат теста (табл. 4) был совместим с представленными в литературе данными.

Подтверждающий факторный анализ

Подтверждающий факторный анализ проведен нами с использованием индексов пригодности (GFI) или статистики (Özdamar, 2017) в рамках исследовательской модели. Мы проверили взаимосвязь между наблюдаемыми пере-

менными в модели и скрытыми переменными. Размер выборки для исследования превысил 100 (Brown, 2015b), что является достаточным количеством как для «фондовых», так и для государственных вузов.

Мы использовали множество статистически достаточных значений пригодности модели (Meydan, Şeşen, 2015), таких как CMIN (χ^2)/DF, GFI, IFI, CFI и RMSEA, для проверки результатов подтверждающего факторного анализа. В таблице 5 показано, что значения пригодности и диапазоны, основанные на индексе модификации в отношении государственных и «фондовых» университетов, включают достаточные результаты. Для усиления подтверждающей модели (Schumacker, Lomax, 2004) применялся индекс модификации только между двумя наблюдаемыми переменными (IB1 и IB2; см. табл. 3) соответствующего государственного университета.

Таблица 4. Результат анализа пропущенных значений

Результат теста	Приемлемое р-значение	Источник
0.394	> 0.05	(Tabachnick, Fidell, 2013)
Источник: составлено авторами.		

Таблица 5. Допустимые значения индекса пригодности для подтверждающего факторного анализа (CFA)

Индекс пригодности	Приемлемое значение	Государственный вуз	«Фондовый» вуз	Источник
		CFA	CFA	
CMIN/DF	< 5	1.276	1.648	(Dattalo, 2013)
GFI	> 0.80	0.891	0.858	(Lee et al., 2015)
RMSEA	$0.03 < x < 0.08$	0.049	0.077	(Hair et al., 2014)
CFI	≥ 0.90	0.969	0.910	(Azmi, Bee, 2010)
IFI	> 0.90	0.970	0.913	(Collier, 2020)

Источник: составлено авторами.

Анализ моделирования структурными уравнениями

В ходе моделирования структурными уравнениями проверяется влияние переменных друг на друга (Hair et al., 2014; Yıldırım et al., 2016) путем выявления наблюдаемых и скрытых переменных (Meşdan, Şeşen, 2015) в рамках моделирования множественными уравнениями с зависимыми и независимыми переменными (Bentler, 2006). В этом контексте мы либо отвергали, либо принимали выдвинутые нами гипотезы.

Нами получен адекватный размер выборки как из «фондовых», так и из государственных университетов. Было замечено, что наш набор данных показал многомерное нормальное распределение (Wang, 2016), и эти распределения оставались ниже значения критического отно-

шения для «фондовых» и государственных вузов. Результаты отражены в *таблице 6*.

Индексы пригодности, используемые для подтверждающего факторного анализа, также применяются для моделирования структурными уравнениями⁷. Значения и диапазоны пригодности, основанные на индексе модификации в отношении государственных и «фондовых» университетов в рамках моделирования структурными уравнениями, показали статистически достаточные результаты (*табл. 7*). В то же время для усиления выдвинутой подтверждающей модели (Schumacker, Lomax, 2004) мы применили индекс модификации только между двумя наблюдаемыми переменными (IB1 и IB2; см. табл. 3), относящимися как к государственным, так и «фондовым» университетам.

Таблица 6. Размер выборки и значение критического отношения для моделирования структурными уравнениями

Размер выборки / значение критического отношения	«Фондовый» университет	Государственный университет	Приемлемая выборка	Источник
Размер выборки	111	116	100	(Kline, 2011; Hair et al., 2014)
Значение критического отношения	7.353	5.917	< 10	(Kline, 2011).

Источник: составлено авторами.

Таблица 7. Допустимые значения индекса пригодности для моделирования структурными уравнениями (SEM)

Индекс пригодности	Приемлемое значение	Государственный вуз	«Фондовый» вуз	Источник
		SEM	SEM	
CMIN/DF	< 5	1.325	1.539	(Dattalo, 2013)
GFI	> 0.80	0.885	0.870	(Lee et al., 2015)
RMSEA	$0.03 < x < 0.08$	0.053	0.070	(Hair et al., 2014)
CFI	≥ 0.90	0.963	0.923	(Azmi, Bee, 2010)
IFI	> 0.90	0.964	0.925	(Collier, 2020)

Источник: составлено авторами.

⁷ Holtzman S., Vezzu S. (2011). Confirmatory Factor Analysis and Structural Equation Modelling of Noncognitive Assessments using PROC CALIS, NEGUS, Statistics & Analysis. Available at: <https://www.lexjansen.com/nesug/nesug11/sa/sa07.pdf>

Интерпретация выдвинутых гипотез в зависимости от переменных

Рассмотрев результаты статистически адекватных индексов пригодности, связанных как с подтверждающим факторным анализом, так и с моделированием структурными уравнениями, мы обнаружили, что р-значения для всех гипотез (H1, H2 и H3) по латентным переменным и государственных, и «фондовых» университетов были статистически значимыми, поэтому все гипотезы были доказаны. Следовательно, наблюдается положительное влияние всех переменных друг на друга (табл. 8). В связи с этим мы интерпретировали все гипотезы в соответствии со стандартизированными коэффициентами регрессии следующим образом.

Доказана гипотеза H1 (университетское образование (UE) положительно влияет на индивидуальную выгоду (IB)) для «фондовых» и государственных университетов. Другими словами, видно, что между университетским образованием и индивидуальной выгодой существует значительная статистическая связь. Кроме того, результаты проверки гипотезы H1 (для государственных и «фондовых» университетов) показали, что по сравнению со студентами «фондовых» университетов студенты го-

сударственных университетов демонстрируют гораздо более благосклонное отношение к мнению о том, что университетское образование влияет на индивидуальную выгоду.

Доказана гипотеза H2 (университетское образование оказывает благоприятное влияние на социальную выгоду) в отношении «фондовых» и государственных университетов. Присутствует значительная статистическая взаимосвязь между университетским образованием и социальной выгодой. Кроме того, результаты проверки гипотезы H2 (в отношении студентов государственных и «фондовых» университетов) свидетельствуют, что и те и другие одинаково поддерживают мнение о том, что университетское образование влияет на социальную пользу.

Доказана гипотеза H3 (социальная польза университетского образования положительно влияет на восприятие университетского образования как общественного блага) для «фондовых» и государственных университетов. Этот результат демонстрирует значительную статистическую взаимосвязь между восприятием общественного блага и социальной выгодой. С другой стороны, выводы теста для гипотезы H3 (для государственных и «фондовых» университетов) показали, что по сравнению со

Таблица 8. Результаты проверки гипотезы в отношении «фондовых» и государственных университетов

Гипотеза	Формулировка гипотезы	Стандартизированный коэффициент регрессии	Р-значение	Результаты проверки гипотезы
H_{1} (государственный вуз)	Университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на индивидуальную выгоду (IB)	0,802	$P < 0,01$	Доказана
H_{2} (государственный вуз)	Университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на социальную выгоду (SB)	0,817	$P < 0,01$	Доказана
H_{3} (государственный вуз)	Социальная выгода университетского образования (SB) способствует восприятию университетского образования как общественного блага (PGP)	0,498	$P < 0,01$	Доказана
H_{1} («фондовый» вуз)	Университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на индивидуальную выгоду (IB)	0,587	$P < 0,01$	Доказана
H_{2} («фондовый» вуз)	Университетское образование (UE) оказывает положительное влияние на социальную выгоду (SB)	0,826	$P < 0,01$	Доказана
H_{3} («фондовый» вуз)	Социальная выгода университетского образования (SB) способствует восприятию университетского образования как общественного блага (PGP)	0,321	$P < 0,05$	Доказана

Источник: составлено авторами.

студентами «фондовых» студенты государственных университетов более благосклонно относятся к мнению о том, что социальная польза университетского образования положительно влияет на восприятие общественного блага.

Заключение

В условиях распространения политики либерализации образования и маркетинга высшего образования в Турции было изучено восприятие общественных благ студентами «фондовых» и государственных университетов. Согласно результатам, студенты, обучающиеся в «фондовых» университетах Турции и оплачивающие расходы на образование из семейного бюджета, считают, что социальная выгода от высшего образования превосходит индивидуальную. Кроме того, они воспринимают высшее образование как общественное благо, как и студенты, обучающиеся в государственных вузах, в связи с рассматриваемой социальной выгодой.

Результаты, полученные в исследовании, отличаются от представленных в (Immerwahr, Foleno, 2000; Baum et al., 2013), где отмечено, что демографические переменные и уровень дохода влияют на восприятие высшего образования как общественного или частного блага⁸. Мы пришли к выводу, что высшее образование воспринимается как общественное благо всеми студентами, обучающимися в университетах с разными источниками финансирования.

Нами выяснено, что студенты, которые являются непосредственными покупателями

услуг высшего образования в университетах, различающихся по способу финансирования, одинаково воспринимают высшее образование как общественное благо, что должно учитываться государством. Государство, стремящееся к максимизации общественного благосостояния, не должно игнорировать значительную общественную пользу высшего образования.

Восприятие высшего образования как общественного блага студентами, получающими непосредственную выгоду от услуг высшего образования, усиливает его финансирование государственным сектором. В соответствии с мнением студентов необходимо увеличить долю государственного сектора в сфере высшего образования.

В связи с этим плата за обучение заменяется финансированием за счет налогов. Увеличение в государственном бюджете доли средств на образование в целом и высшее образование в частности играет ключевую роль в расширении участия государства в этой сфере. Человеческий капитал выполняет важную функцию в преодолении социального неравенства и в мировой конкуренции. Значение высшего образования в развитии человеческого капитала неоспоримо. В этом контексте увеличение доли расходов на высшее образование из государственного бюджета призвано обеспечить доступ к высшему образованию для всех желающих, а также увеличение доли инвестиционных расходов на высшее образование. Таким образом, будет внесен вклад в развитие человеческого капитала.

Литература

- Azmi A.C., Bee N.G. (2010). The acceptance of the e-filing system by Malaysian taxpayers: A simplified model. *Electronic Journal of e-Government*, 8(1), 13–22. Available at: <https://academic-publishing.org/index.php/ejeg/article/view/523/486>.
- Baum S., Kurose C., Ma M. (2013). *How College Shapes Lives: Understanding the Issues*. College Board Advocacy & Policy Center.
- Baum S., Payea. K. (2004). *Education Pays the Benefits of Higher Education For Individuals and Society*. New York: College Board Publications.
- Bayram N. (2016). *Yapısal Eşitlik Modellemesine Giriş*. Genişletilmiş 3. Baskı, Ezgi Kitabevi.
- Bentler P. (2006). *EQS 6 Structural Equations Program Manual*. Encino, CA: Multivariate Software Inc., USA.
- Bowen H.R. (1988). *Investment in Learning*. San Francisco, CA: Carnegie Council.

⁸ Dudley J. (2015). *Perceptions of Higher Education: Private Good or Public Good? Ph.D. dissertation*. The University of Missouri-Columbia.

- Brown R. (2015a). The marketization of the higher education: Issues and ironies. *New Vistas*, 1(1), 4–9. Available at: <http://repository.uwl.ac.uk/id/eprint/3065>
- Brown T. (2015b). *Confirmatory Factor Analysis for Applied Research*. Second Edition. The Guilford Press.
- Collier J.E. (2020). *Applied Structural Equation Modelling Using AMOS*. Routledge.
- Dattalo P. (2013). *Analysis of Multiple Dependent Variables*. Oxford University, USA.
- Daviet B. (2016). *Revisiting the Principle of Education as a Public Good, Education Research and Foresight United Nations Educational*. Scientific and Cultural Organization Working Papers.
- Hair Jr., Joseph F., Black W.C. et al. (2014). *Multivariate Data Analysis*. 7th edition. Pearson, USA.
- Immerwahr J., Foleno T. (2000). *Great Expectations: How the Public and Parents – White, African American, and Hispanic – View Higher Education*. San Jose: National Center for Public Policy and Higher Education. National Center Report.
- Jongbloed B.W.A. (2004). Tuition fees in Europe and Australasia: Theory, trends, and policies. In: Smart J.C. (Ed.). *Higher Education: Handbook of Theory and Research*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Kaul I., Mendoza R. (2003). Advancing the concept of public goods. In: Kaul I. et al. (Eds.). *Providing Global Public Goods: Managing Globalization*. Oxford University Press.
- Kirp D.L. (2003). *Shakespeare, Einstein and the Bottom Line: The Marketing of Higher Education*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kline R.B. (2011). *Principles and Practice of Structural Equation Modelling*. 3rd edition. The Guilford Press, USA.
- Lee J., Lee J.N., Tan B.C.Y. (2015). Antecedents of cognitive trust and affective distrust and their mediating roles in building customer loyalty. *Inf Syst Front*, 17, 159–175. DOI 10.1007/s10796-012-9392-7
- Malkin J., Wildavsky A. (1991). Why the traditional distinction between public and private goods should be abandoned. *Journal of Theoretical Politics*, 3(4), 355–378. DOI: 10.1177/0951692891003004001
- Marshall A. (1890). *Principles of Economics*. London: Palgrave Macmillan.
- McMahon W.W. (2006). *Education and Development: Measuring the Social Benefits*. Oxford: Oxford University Press.
- McMahon W.W. (2009). *Higher Learning, Greater Good: The Private and Social Benefits of Higher Education*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Meydan C.H., Şeşen H. (2015). *Yapısal Eşitlik Modellemesi Amos Uygulamaları* [Structural Equation Modelling Amos applications]. Ankara: Detay Yayıncılık.
- Mignat A., Tan J.P. (1996). *The Full Social Returns to Education: Estimates Based on Countries' Economic Growth Performance, Human Capital Development*. The World Bank Working Paper.
- Musgrave R.A. (1959). *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw Hill.
- Neira I., Aguayo E., Guisan M.C. (1999). *The Role of Education in Development and European Cooperation with Latin America, Econometrics*. Working Paper Series Economic Development. No. 35.
- Özdamar K. (2017). *Scale and Test Development Structural Equation Modelling*. Ankara: Nisan Kitapevi.
- Pusser B. (2006). Higher education, markets and the preservation of the public good. In: *Earning from Learning: The Rise of For-Profit Universities*. New York: Turner State University of New York Press.
- Samuelson P. (1954). Pure theory for public expenditure and taxation. *Review of Economics and Statistics*, 36, 387–389. Available at: <https://doi.org/10.2307/1925895>
- Schumacker R.E., Lomax R.G. (2004). *A Beginner's Guide to Structural Equation Modeling*. Second Edition. Lawrence Erlbaum Associates, USA.
- Tabachnick B.G., Fidell L.S. (2013). *Using Multivariate Statistics*. 6th edition. Pearson, USA.
- Tilak J. (2008). Higher education: a public good or a commodity for trade? *Prospects*, 38, 449–466. DOI 10.1007/s11125-009-9093-2
- Vossensteyn H. (2009). Challenges in student financing: State financial support to students – a worldwide perspective. *Higher Education in Europe*, 34(2), 171–187. Available at: <https://doi.org/10.1080/03797720902867294>
- Weisbrod B.A. (1964). *The External Benefits of Public Education*. Princeton, NJ: Princeton Industrial Relations Center.
- Yıldırım Z., Tansöker R.L., Bayram N., Aydemir M. (2016). A structural equation modeling the role of social norms in tax compliance: A study from Turkey. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, 5 (12), 81–89.

Сведения об авторах

Дениз Айтач – PhD, профессор, заведующий кафедрой, Университет Хитит (Турция, г. Чорум, Akkent 3, Cadde 3; e-mail: denizaytac@hitit.edu.tr)

Уфук Гергерлиоглу – PhD, доцент, заместитель заведующего кафедрой, Университет Хитит (Турция, г. Чорум, Akkent 3, Cadde 3; e-mail: ufukgergerlioglu@hitit.edu.tr)

Aytaç D., Gergerlioğlu U.

Perception of Higher Education: A Public or Private Good?

Abstract. The social benefit of higher education is one of the most important reasons for its being funded by the state. However, within the context of liberal economic policies, the perception of education as a private good and, therefore, the necessity of supplying it by the market has brought about a decrease in the state participation in higher education in many countries. Therefore, this study aims to determine whether students studying at public and foundation universities, differentiated according to financing, perceive their university education as a public or private good. In a sense, this study aims to examine whether different financing methods in higher education affect students' perception of higher education as a public good. In this study, the data collected from the students were tested within the scope of structural equation modelling, and the hypotheses put forward were confirmed. This study demonstrated that higher education is perceived as a public good by all university students whose financing method differs. According to the results obtained, students who are direct buyers of higher education services in universities that differ according to the financing method do not differentiate in terms of perceiving higher education as a public good.

Key words: higher education, public good, externalities, social benefit, private benefit, structural equation modelling.

Information about the Authors

Deniz Aytaç – PhD, Professor, head of department, Hitit University (Akkent 3, Cadde 3, Çorum, Türkiye; e-mail: denizaytac@hitit.edu.tr)

Ufuk Gergerlioğlu – PhD, Associate Professor, deputy chair of department, Hitit University (Akkent 3, Cadde 3, Çorum, Türkiye; e-mail: ufukgergerlioglu@hitit.edu.tr)

Статья поступила 23.11.2022.

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.11

УДК 314, ББК 60.7

© Йылмаз Э., Сенсой Ф.

Переоценка парадокса Тодаро: расширенный панельный анализ данных по развивающимся странам

Экрем ЙЫЛМАЗ

Грайфсвальдский университет

Грайфсвальд, Германия

e-mail: ekremyilmaz3491@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1375-9660; ResearcherID: НКО-9920-2023

Фатма СЕНСОЙ

Стамбульский университет здравоохранения и технологий

Стамбул, Турция

e-mail: fatma.sensoy@istun.edu.tr

ORCID: 0000-0002-3109-1457

Аннотация. В работе проводится эмпирический анализ парадокса Тодаро для восьми развивающихся стран за период с 1992 по 2019 год. С учетом различных характеристик данных применяется три панельных подхода (фиксированный эффект, случайный эффект и полностью модифицированный обычный метод наименьших квадратов). Результаты, полученные с помощью различных моделей, показывают, что парадокс Тодаро справедлив для экономик выборки. В частности, наблюдается отрицательная взаимосвязь между «соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу» и численностью городского населения, в отличие от взаимосвязи «соотношения уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу» и численностью сельского населения. Благодаря получению этих взаимосвязей мы применяем третью эмпирическую модель для проверки парадокса Тодаро. Анализ соотношения уровня цен коэффициен-

Для цитирования: Йылмаз Э., Сенсой Ф. (2023). Переоценка парадокса Тодаро: расширенный панельный анализ данных по развивающимся странам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 203–215. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.11

For citation: Yilmaz E., Sensoy F. (2023). Reassessment of the Todaro Paradox: An extended panel data analysis on developing countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 203–215. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.11

та пересчета паритета покупательной способности к рыночному обменному курсу и показателя общей безработицы среди городского населения дает убедительные доказательства справедливости этого парадокса. В отличие от предыдущих исследований в данной работе используется соотношение уровня цен по паритету покупательной способности и рыночного обменного курса, так как чем выше паритет покупательной способности страны, тем ниже ожидаемый уровень миграции из села в город. Используя одну дополнительную переменную (безработица), можно проверить парадокс Тодаро. Такое сочетание переменных, а также применение различных панельных методов (фиксированный эффект, случайный эффект и полностью модифицированный обычный метод наименьших квадратов) позволяют сделать более достоверные выводы. Для решения проблем, связанных с миграцией из села в город, необходимо разрабатывать стратегии, способствующие устойчивому развитию как городских, так и сельских районов. Например, они могут включать меры по созданию возможностей для трудоустройства и повышению качества жизни населения, регулированию миграции и контролю ситуации, связанной с быстрой урбанизацией.

Ключевые слова: миграция, паритет покупательной способности, парадокс Тодаро, городская экономика, безработица, сельская экономика.

Введение

Понятие миграции охватывает различные аспекты. Внутренняя миграция относится к мобильности внутри границ государства (Puhani, 2001), в то время как внешняя миграция — к передвижению между населенными пунктами в двух или более странах (Bell et al., 2002). Человек, который мигрирует из одной страны в другую с целью трудоустройства, считается иммигрантом (Gimeno-Feliu et al., 2019; Jean, Jiménez, 2011; Kemnitz, 2003; Wong, 1991). Ravenstein изучал модели поведения людей в связи с миграцией и отметил, что перемещения иммигрантов, как правило, происходят на короткие расстояния и направлены в сторону крупных торговых и промышленных центров (Ravenstein, 1889). В результате миграция из районов, расположенных вблизи крупных городов, растет и становится популярным направлением для иммигрантов, ищущих работу. С другой стороны, жители городских районов мигрируют реже, чем сельские жители, что приводит к более высокому уровню миграции из села в город (Ravenstein, 1889). Миграция, связанная с выездом из страны проживания в другой регион с целью трудоустройства, может привести к различиям между отправляющим и принимающим регионами с точки зрения их экономических и социальных характеристик (Castles, 2000). В этом контексте вопрос трудоустройства имеет решающее значение. Многие исследования показали, что безработица является основным стимулом для мигра-

ции (Herzog, Schlottmann, 1984; Kingma, 2007; Potts, Mutambirwa, 1990; Zhang, Song, 2003). Занятость, как экономическая концепция, относится к использованию факторов производства с целью получения дохода. Для решения проблемы безработицы в странах используются различные стратегии.

Политика, направленная на повышение занятости в городах, может привести к миграции населения из сельской местности в городскую, особенно в развивающихся странах. Todaro и Harris смоделировали факторы, определяющие миграцию из сельской местности в города в развивающихся странах (Todaro, 1969; Harris, Todaro, 1970). В их модели определяющими факторами являются различия в заработной плате между сельскими и городскими районами и возможности трудоустройства в городах. До тех пор, пока ожидаемая заработная плата в городах, с учетом вероятности найти работу, будет выше, чем на селе, миграция из сельской местности в города будет продолжаться. В развивающихся странах она происходит в два этапа. На начальном этапе мигранты не могут найти работу в формальном секторе экономики из-за отсутствия квалификации, но находят работу в неформальном секторе. На втором этапе они переходят на работу в формальный сектор. В результате безработица является одновременно причиной и следствием миграции и будет сохраняться до тех пор, пока существует неравенство в оплате труда и занятости между сель-

скими и городскими регионами (Todaro, 1969; Harris, Todaro, 1970). Продолжительность времени, необходимого для обеспечения занятости в формальном секторе, и наличие возможностей трудоустройства выступают важными факторами, провоцирующими миграцию (Todaro, 1969). Todaro ввел понятие «парадокс Тодаро», которое предполагает, что положительное влияние увеличения возможностей трудоустройства в городах на уровень безработицы нивелируется отрицательным эффектом миграции из села в город. Инвестиции, направленные на снижение безработицы в городах, могут привести к росту безработицы, что подчеркивает важность развития сельских районов в контексте решения этой проблемы (Todaro, 1976).

С другой стороны, решающее значение для анализа парадокса Тодаро имеет учет паритета покупательной способности (ППС) – коэффициента изменения, уравнивающего покупательную способность различных валют путем устранения различий в уровне цен между странами¹. Изучение ППС началось несколько десятилетий назад, наиболее известным методом расчета является доллар Гири-Хамиса. Этот метод, введенный Roy C. Geary в 1958 году и развитый Salem H. Khamis в начале 1970-х годов (Bruno, Fidalgo, 2018), объединяет ППС и средние международные цены на товары. Расчет ППС в США основан на данных за 1990-й или 2000-й годы, а международные сравнения доходов на душу населения в долларах Гири-Хамиса обеспечивают более значимое сравнение уровня жизни, чем доходы на душу населения в текущих ценах (Nordhaus, 2007). Доллар США служит общей валютой в этих расчетах (Dornbusch, 1985).

Парадокс Тодаро и паритет покупательной способности – две взаимосвязанные экономические концепции. Парадокс Тодаро обусловлен тем, что, несмотря на высокий уровень безработицы в городах, люди по-прежнему мигрируют из сельской местности в города в поисках работы. Это противоречит классической теории миграции, которая гласит, что люди должны переезжать только в том случае, если в месте назначения больше возможностей

для трудоустройства (Haas et al., 2019). С другой стороны, ППС предполагает, что обменный курс между двумя валютами равен соотношению цен на потребительскую корзину в каждой стране (Samuelson, 1964). Другими словами, одни и те же товары должны стоить одинаково в разных странах после корректировки цен на обменные курсы. Связь между парадоксом Тодаро и ППС заключается в том, что ППС часто используется для измерения покупательной способности различных валют в разных странах. Когда ППС применяется к парадоксу Тодаро, выясняется, что люди переезжают в города не только из-за наличия работы, но и потому что считают, что в городе их покупательная способность будет выше, даже если они безработные. ППС позволяет пролить свет на мотивы миграции в контексте парадокса Тодаро и может помочь экономистам лучше понять причины миграции людей из села в город.

Нами для проверки корреляции и причинно-следственной связи между этим фактором и уровнем миграции из сельской местности в города в качестве переменной используется показатель «Соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу». Такая взаимосвязь ранее не рассматривалась в научной литературе. Исследование призвано внести вклад в эту область путем включения уникальной переменной и осуществления эконометрического анализа с использованием трех различных методов: фиксированный эффект (ФЭ), случайный эффект (СЭ) и полностью модифицированный обычный метод наименьших квадратов (ПМОМНК).

Мы решили провести исследование по нескольким причинам.

Во-первых, мы стремимся рассмотреть социально-экономические проблемы, связанные с миграцией, которые имеют решающее значение для развития, в контексте парадокса Тодаро. Цель работы – подчеркнуть значимость этой важной темы и всесторонне рассмотреть ее последствия, которые до сих пор остаются без внимания исследователей.

Во-вторых, парадокс Тодаро объясняет, почему люди в развивающихся странах мигрируют из сельской местности в города, несмотря на ухудшение экономических условий в последних. Сосредоточение внимания на парадоксе

¹ Francois-Seeney D.J. (2013). *Macrodeterminants of Labor Migration from CEE Accession Countries to Select EU Countries*, Doctor of Philosophy Thesis. Mississippi: The University of Southern Mississippi.

Тодаро с использованием правильных переменных может дать представление о мотивах миграции из сельской местности в города, а также о притягивающих и отталкивающих людей факторах.

В-третьих, политики смогут более целенаправленно проводить мероприятия по снижению миграции из сельской местности в города и содействию устойчивому развитию в развивающихся странах, если будут понимать парадокс Тодаро.

В-четвертых, миграция из сельской местности в города может оказывать на развитие страны как положительное, так и отрицательное влияние. Изучая парадокс Тодаро, исследователи могут лучше понять результаты развития миграции из сельской местности в города и определить пути смягчения ее негативных последствий при одновременном усилении ее положительных эффектов.

Наш вклад в изучение проблемы заключается в следующем. Во-первых, мы используем соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу, поскольку чем выше ППС страны, тем ниже уровень миграции из села в города. Используя одну дополнительную переменную (безработица), мы проверяем парадокс Тодаро. Такое сочетание переменных позволяет делать более значимые выводы и потенциально раскрывать новые идеи в экономической литературе.

Во-вторых, методы ФЭ, СЭ и ПМОМНК дают возможность более полно и тонко изучить корреляцию между соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС и другими переменными, связанными с миграцией из села в города, что приводит к более достоверным результатам и более глубокому пониманию лежащих в основе причинно-следственных связей. Более того, эти методы позволяют контролировать потенциальное смещение опущенных переменных, межсекционную зависимость и эндогенность.

Обзор литературы

Названный парадокс изучался многими исследователями, причем некоторые из них находили подтверждение выводу Тодаро о том, что рост занятости в городах не приводит к росту безработицы, тогда как другие (Zarembka, 1970; Blomqvist, 1978) обнаружили, что рост занято-

сти в городах может привести к увеличению миграции и, следовательно, к росту безработицы в долгосрочной перспективе. Отсутствие данных в слаборазвитых и развивающихся странах затрудняет проверку обоснованности парадокса Тодаро, поэтому необходимо проводить больше эмпирических исследований (Zarembka, 1970; Blomqvist, 1978). Takagi смоделировал парадокс Тодаро в соответствии с различиями в ожиданиях лиц, принимающих решения, и определил условия, при которых возникнет парадокс (Takagi, 1984). Todaro (Todaro, 1969) пришел к выводу, что рабочие места, созданные в современном секторе, не приведут к росту безработицы (Fields, 1975), однако Blomqvist и Zarembka показали, что уровень безработицы может увеличиться в долгосрочной перспективе, если предположить другую функцию миграции (Arellano, 1981). Nakagome провел исследование парадокса Тодаро в пространственном контексте, расширив модель до пространственного рынка труда. Он утверждал, что увеличение ожидаемого дохода в результате расширения возможностей трудоустройства приведет либо к росту безработицы за счет расширения рынка труда, либо за счет миграции из сельских районов в городские (Nakagome, 1989). Stark et al. отметили, что если спрос на городскую рабочую силу неэластичен, то увеличение занятости в городах приведет к снижению уровня безработицы в городах (Stark et al., 1991). Парадокс Тодаро возникает из определенных предположений, таких как неспособность слаборазвитых и развивающихся стран добиться значительного увеличения занятости при незначительном снижении заработной платы. В этих странах часто наблюдается низкая эластичность кривой спроса, а значит, парадокс может и не возникнуть.

Raimondos создал модель Харриса – Тодаро, в которой сельский рынок труда характеризуется монополистическим поведением (Raimondos, 1993). Это исследование предполагает, что если количество работников в городе превышает количество безработных, то создание рабочих мест в городе снизит уровень безработицы и устранит парадокс Тодаро. Более того, Raimondos утверждает, что рост городов в странах с монопольным сельским рынком труда не вызовет чрезмерной миграции из сельской местности и скорее всего приведет

к снижению безработицы (Raimondos, 1993). Brueckner, Thisse и Zenou модифицировали модель Харриса – Тодаро, включив в нее рынок земли (модель BZ). Согласно их модели, рост формального сектора не приведет к миграции из села в город, поскольку высокая земельная рента в городе будет противодействовать увеличению перспектив трудоустройства (Brueckner et al., 1999). Brueckner и Kim отметили, что рост сектора приведет к увеличению численности городского населения и, в свою очередь, земельной ренты, что снизит ожидаемый уровень доходов и льгот (Brueckner, Kim, 2001). Zenou оценил парадокс Тодаро в контексте теории эффективной заработной платы и моделей соответствия, определив, что парадокс Тодаро не будет проявляться в моделях с надбавкой эффективной заработной платы. Однако в модели соответствия Zenou обнаружил, что уменьшение пособий по безработице, как инструмент политики, приведет к увеличению уровня занятости и уровня безработицы в городах. В этом исследовании подчеркивалось, что политика занятости, проводимая в городах, вызовет мобильность из сельской местности или небольших городов в мегаполисы, что и приведет к парадоксу (Zenou, 2005).

В исследовании Espindola et al. миграция рабочих трактуется как процесс социального обучения путем подражания, сформированный с помощью вычислительной модели. С помощью имитационной модели наблюдается динамика перехода к равновесию с продолжающимся ростом городского сегмента общей численности населения. Такое равновесие характеризуется балансом между ожидаемой заработной платой в сельской и городской местности (обобщенное условие равновесия Харриса – Тодаро), концентрацией городского населения и безработицей в городах. Эти результаты, первоначально полученные Харрисом и Тодаро, являются новыми особенностями нашей модели (Espindola et al., 2006). Chaudhuri исследует несоответствие между негативным влиянием иностранного капитала, предсказываемым моделью Харриса – Тодаро, и либерализованной инвестиционной и торговой политикой, проводимой развивающимися странами. В статье на примере трехсекторной модели Харриса – Тодаро с сельскохозяйственным дуализмом и непродаваемым конечным товаром утверждается, что приток

иностранного капитала может реально повысить благосостояние и уменьшить безработицу, объясняя, почему многие развивающиеся страны пережили «рост без работы» в условиях либерализации (Chaudhuri, 2007).

Как отмечается в работе Pi и Yin, увеличение частичной приватизации может по-разному влиять на безработицу и социальное благосостояние в зависимости от того, является ли капитал отраслевым или мобильным. В краткосрочной перспективе, когда капитал привязан к конкретному сектору, частичная приватизация может привести к росту безработицы, но влияние на социальное благосостояние будет зависеть от доли рынка государственной фирмы и уровня приватизации. В долгосрочном периоде, когда капитал мобилен, частичная приватизация может снизить безработицу, но опять же влияние на социальное благосостояние будет зависеть от доли рынка государственной фирмы и степени приватизации. В целом авторы отмечают, что в реальном мире как государственные, так и частные фирмы часто конкурируют друг с другом (Pi, Yin, 2016). Kondoh и Kurata изучали влияние изменений и улучшений в политике на сектор агротуризма в развивающейся стране. Они обнаружили, что отток рабочей силы из города в сельскую местность может быть благоприятным, но влияние изменения заработной платы или инвестиций иностранного капитала не определено. Также авторы пришли к выводу, что больший акцент на сельскохозяйственные товары в секторе агротуризма может привести к повышению благосостояния населения и снижению уровня безработицы в городах, а экологически чистый агротуризм оказать положительное влияние как на благосостояние, так и на занятость (Kondoh, Kurata, 2021).

Sancar провел исследование по оценке валидности модели Харриса – Тодаро в 12 регионах Турции с использованием методов панельных данных за период 2008–2019 гг. Результаты показали, что модель Харриса – Тодаро была валидна в шести регионах, но не валидна в остальных (Sancar, Akbaş, 2022). Sevenscan использовала методологию векторной модели коррекции ошибок (ВМКО) для анализа краткосрочной динамики и причинно-следственных связей между ВВП и денежными переводами в трех группах стран: с низким уровнем дохода, с уровнем дохода ниже среднего и с

уровнем дохода выше среднего. Результаты показали, что в странах с низким уровнем дохода ВВП причинно влияет на денежные переводы в краткосрочной перспективе. Кроме того, долгосрочное положительное влияние безработицы на индекс человеческого развития (ИЧР) подчеркивает значимость недоиспользованной рабочей силы в странах с низким уровнем дохода. Несмотря на это, безработица в стране происхождения не оказывает существенное влияние на взаимосвязь между денежными переводами и развитием в странах с низким уровнем дохода (Sevenscan, 2023).

Модели, данные и методология

Для того чтобы проверить, существует ли корреляция или причинно-следственная связь между этим фактором и уровнем миграции из села в города, в исследовании в качестве переменной используется показатель «Соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу». Мы провели эконометрический анализ с использованием трех различных методов (ФЭ, СЭ и ПМОМНК). Учитывались ежегодные наблюдения по восьми развивающимся странам² за период с 1992 по 2019 год ежегодно.

Поскольку данные по миграции для восьми выбранных развивающихся стран получить не удалось, используется показатель «Городское население (% от общей численности населения)», охватывающий период 1992–2019 гг. В качестве независимых переменных мы рассматриваем следующие: «Сельское население (% от общей численности населения)», «Заня-

тость в сельском хозяйстве (% от общей занятости; смоделированная оценка Международной организации труда (МОТ))», «Безработица, общая (% от общей численности рабочей силы; смоделированная оценка МОТ)» и «Соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу». Все данные получены из базы Всемирного банка³.

Первые две модели направлены на эконометрический анализ влияния показателя «Соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу» на сельское и городское население. Целью третьей модели является анализ взаимосвязи между безработицей, сельским населением, соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу и занятостью в сельском хозяйстве в рамках парадокса Тодаро (табл. 1).

$$\text{Модель I: } \ln tnikn_{it} = \partial_1 + \partial_2 \ln sagg_{it} + \varepsilon_{it}$$

$$\text{Модель II: } \ln tnisn_{it} = \partial_1 + \partial_2 \ln sagg_{it} + \varepsilon_{it}$$

$$\text{Модель III: } \ln tnisn_{it} = \partial_1 + \partial_2 \ln sagg_{it} + \partial_3 \ln tnikn_{it} + \partial_4 \ln tiiti_{it} + \partial_5 \ln tnitnu_{it} + \varepsilon_{it},$$

где: i – выбранная страна, t – время в моделях, ε – погрешность.

Результаты исследования

Тест на межсекционную зависимость

Учет межсекционной зависимости между сериями значительно влияет на результаты анализа (Breusch, Pagan, 1980; Pesaran, 2004).

Таблица 1. Описание переменных

Переменная	Пояснение	Источник
<i>tnitu</i>	Занятость в сельском хозяйстве (% от общей занятости; смоделированная оценка МОТ)	База Всемирного банка, показатели мирового развития
<i>tnkn</i>	Сельское население (% от общей численности населения)	
<i>tiiti</i>	Безработица, общая (% от общей численности рабочей силы; смоделированная оценка МОТ)	
<i>sagg</i>	Соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу (%)	
<i>tnisn</i>	Городское население (% от общей численности населения)	
Примечание: все данные охватывают период 1992–2019 гг. и включаются в модель ежегодно.		

² Российская Федерация, Аргентина, Бразилия, Индия, Турция, Чехия, Китай, Арабская Республика Египет.

³ Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed: February 1, 2023).

Прежде чем проводить анализ, необходимо проверить наличие в рядах межсекционной зависимости и коинтеграционных уравнений. Это крайне важно для определения соответствующих тестов на единичный корень и коинтеграцию, так как их несоблюдение может привести к ошибочным выводам (Yilmaz, Sensoy, 2022). Тест Бройша – Пагана на множитель Лагранжа (МЛ) используется для выявления наличия межсекционной зависимости, когда временное измерение панели больше, чем межсекционное измерение (Breusch, Pagan, 1980). В случаях, когда оба измерения существенны, может быть применен тест Песарана на межсекционную зависимость (МЗ) (Pesaran, 2004). В нашем исследовании применялся тест МЛ, поскольку выборка состояла из восьми стран за период 27 лет. Однако этот тест подвержен погрешности, если среднее групповое значение равно нулю, а среднее индивидуальное значение ненулевое. Pesaran et al. исправили это смещение, включив дисперсию и среднее в статистику теста, что привело к тесту МЛ с поправкой на отклонение (МЛпопр) (Pesaran et al., 2008). Результаты тестов на межсекционную зависимость приведены в *таблице 2*.

Как показывают результаты, все значения вероятности ниже 0,05, что означает отклонение H_0 и подтверждение существования межсекционной зависимости между переменными.

Тесты единичного корня в панельных данных

В исследовании используются методы тестирования единичного корня Левина – Лин – Чу и дополненного теста Дики – Фуллера (ДДФ) – Фишера с хи-квадратом (Dickey, Fuller, 1981; Levin et al., 2002).

Нулевые гипотезы предполагают, что существует общий процесс единичного корня как основная гипотеза на собственном уровне в переменных, к которым применяются тесты Левина – Лин – Чу, ДДФ – Фишера с хи-квадратом, которые являются нестационарными панельными тестами единичного корня. Однако видно, что единичного корня нет и они статичны. Результаты представлены в *таблице 3*.

Результаты панельного теста на коинтеграцию

Все переменные являются стационарными в модели I и имеют межсекционную зависимость. Для определения наличия долгосрочной эквивалентной связи между сериями в модели III можно применить тесты на коинтеграцию Педрони, Као и панельный тест Фишера и Йохансена (Pedroni, 1999; Pedroni 2004; Као, 1999). По результатам тестов серий, в которых применяются три отдельных панельных теста, значения p большинства статистик меньше 0,10, 0,05 и 0,01 (*табл. 4*). В итоге можно сделать вывод, что существуют доказательства наличия долгосрочной связи между переменными обеих наших моделей.

Таблица 2. Тест на межсекционную зависимость

Переменная (<i>ln</i>)	Тест	Статистические данные	Вероятность*
<i>tnitu</i>	Бройша – Пагана на МЛ	5055,988	0,0000
	Песарана с поправкой на отклонение МЛ	163,1826	0,0000
<i>tnikn</i>	Бройша – Пагана на МЛ	1656,567	0,0000
	Песарана с поправкой на отклонение МЛ	43,8863	0,0000
<i>tiiti</i>	Бройша – Пагана на МЛ	4151,596	0,0000
	Песарана с поправкой на отклонение МЛ	131,4447	0,0000
<i>tnisn</i>	Бройша – Пагана на МЛ	5055,988	0,0000
	Песарана с поправкой на отклонение МЛ	163,1826	0,0000
<i>sagp</i>	Бройша – Пагана на МЛ	4203,963	0,0000
	Песарана с поправкой на отклонение МЛ	133,2824	0,0000

Примечание: (*) указывает на 1% уровень значимости.
Источник: расчеты авторов по Eviews 10 (IHS Global Inc).

Таблица 3. Тесты единичного корня в панельных данных

Переменная(<i>ln</i>)		Метод	Уровень	<i>I</i>
<i>tnitu</i>	Индивидуальный перехват	Левина – Лин – Чу	0,0823***	0,0420**
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,3465	0,0000*
	Индивидуальный перехват и тенденция	Левина – Лин – Чу	0,9575	0,0001*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,9595	0,0000*
<i>tnikn</i>	Индивидуальный перехват	Левина – Лин – Чу	0,0627***	0,0010*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,1461	0,0000*
	Индивидуальный перехват и тенденция	Левина – Лин – Чу	0,0138**	0,0000*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,2631	0,0000*
<i>tiiti</i>	Индивидуальный перехват	Левина – Лин – Чу	0,3735	0,0056*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,6541	0,0026*
	Индивидуальный перехват и тенденция	Левина – Лин – Чу	0,0000*	0,0000*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,0000*	0,0000*
<i>sagp</i>	Индивидуальный перехват	Левина – Лин – Чу	0,0990	0,0000*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,4101	0,0000*
	Индивидуальный перехват и тенденция	Левина – Лин – Чу	0,8880	0,0005*
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,9397	0,0000*
<i>tnisn</i>	Индивидуальный перехват	Левина – Лин – Чу <i>t</i> *	0,5359	0,0465**
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,4786	0,6706
	Индивидуальный перехват и тенденция	Левина – Лин – Чу <i>t</i> *	0,0016*	0,0486**
		ДДФ – Фишера с хи-квадратом	0,2316	0,7585

Примечание: (*), (**) и (***) указывают на 1%, 5% и 10% уровень значимости соответственно.
Источник: расчеты авторов по Eviews 10 (IHS Global Inc).

Таблица 4. Панельный тест модели III на коинтеграцию

Автор теста	Тест	Статистические данные	Вероятность	Взвешенные статистические данные	Вероятность
Pedroni	Панельная <i>v</i> -статистика	11,48871	0,0000*	5.318.920	0,0000*
	Панельная <i>rho</i> -статистика	1,242299	0,8929	2.048.779	0,9798
	Панельная <i>PP</i> -статистика	-0,921806	0,1783	1.127.582	0,8703
	Панельная <i>ДДФ</i> -статистика	-5,921875	0,0000*	-2.829.234	0,0023*
	Группа <i>rho</i> -статистика	2,930425	0,9983	N	N
	Группа <i>PP</i> -статистика	1,671212	0,9527	N	N
	Группа <i>ДДФ</i> -статистика	-5,060226	0,0000*	N	N
Kao	Статистические данные		Вероятность		
	-2,018001		0,0218**		
Fisher & Johansen	Предположение	Статистика Фишера (по результатам трассирующего теста)	Вероятность	Статистика Фишера (по результатам теста <i>max-eigen</i>)	Вероятность
	Нет	348,6	0,0000*	200,7	0,0000*
	Не более 1	190,2	0,0000*	93,08	0,0000*
	Не более 2	126,3	0,0000*	69,62	0,0000*
	Самое большее 3	82,64	0,0000*	74,18	0,0000*
	Максимум 4	30,65	0,0149**	30,65	0,0149*

Примечание: (*), (**) указывают на 1% и 5% уровень значимости соответственно.
Источник: расчеты авторов по Eviews 10 (IHS Global Inc).

Выводы по панельным моделям

В результате теста на коинтеграцию можно сделать вывод о наличии долгосрочной связи между всеми сериями в модели III. Коэффициенты всех переменных в моделях могут быть рассчитаны с помощью трех отдельных подходов к панельным данным. В моделях могут быть использованы методы фиксированного эффекта, случайного эффекта и полностью модифицированный обычный метод наименьших квадратов. Поскольку не существует единого мнения по оценке коинтеграции панельных данных, целесообразно применять все методы для получения более надежного результата. Выводы представлены в *таблице 5*.

Эконометрический анализ взаимосвязи между соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу (%) и сельским населением (% от численности всего населения) и городским населением (% от численности всего населения) был проведен в моделях I и II. Мы анализируем модели I и II с помощью трех различных методов оценки.

По результатам, полученным в модели I, при росте на 1% соотношения уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу доля сельского населения увеличивается на 17,1% ($=\text{Exp}(0,158102)-1$), согласно оценке СЭ, и на 17,9% ($=\text{Exp}(0,165136)-1$) согласно результату оценки ФЭ. В соответствии с

оценкой ПМОМНК она уменьшается на 17,7% ($=\text{Exp}(-0,190196)-1$). Увеличение переменной «sagr» на 1% является причиной увеличения «tnikn» примерно на 5,9%⁴.

По результатам оценок, примененных к модели II, при росте на 1% переменной соотношения уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу доля городского населения увеличивается, согласно оценкам СЭ, ФЭ и ПМОМНК соответственно, на 13,4%, ($=\text{Exp}(-0,14447)-1$), 14,3% ($=\text{Exp}(-0,154457)-1$) и 16,5% ($=\text{Exp}(-0,180467)-1$). Результаты свидетельствуют, что повышение переменной «sagr» на 1% является причиной среднего увеличения «tnisn» примерно на 14,7%⁵.

Причина создания моделей I и II заключается в определении эконометрического эффекта соотношения уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу на миграцию из села в города и из городов в села. Полученные результаты представляют веские доказательства, подтверждающие ожидаемый эффект. В модели III увеличение на 1% показателя занятость в сельском хозяйстве (% от общей занятости) приводит к повышению доли городского населения, согласно результатам оценок СЭ, ФЭ и ПМОМНК, на 0,8% ($=\text{Exp}(0,008173)-1$), 1,3% ($=\text{Exp}(0,013227)-1$) и 3,7% ($=\text{Exp}(0,015935)-1$) соответственно. Следовательно, рост «tnitu» на 1% является причиной увеличения «tnisn» на 1,2%⁶.

Таблица 5. Выводы по панельным моделям

Модель	Переменная	Случайный эффект	Фиксированный эффект	ПМОМНК
Модель I	<i>Insagp</i>	0,158102 (0,00)*	0,165136 (0,00)*	-0,190198 (0,00)*
	<i>Adj. R²</i>	0,118497	0,973315	0,974000
Модель II	<i>Intnisn</i>	-0,144470 (0,00)*	-0,154457 (0,00)*	-0,180467 (0,00)*
	<i>Adj. R²</i>	0,154292	0,950499	0,956395
Модель III	<i>Intnitu</i>	0,008173 (0,0861)***	0,013227 (0,0252)**	0,015935 (0,0883)***
	<i>Intnikn</i>	-0,557084 (0,00)*	-0,514098 (0,00)*	-0,486613 (0,00)*
	<i>Intiiti</i>	-0,019146 (0,0191)**	0,055604 (0,0291)**	0,071823 (0,0310)**
	<i>Insagp</i>	-0,067522 (0,0001)*	-0,069450 (0,00)*	-0,081447 (0,0028)*
	<i>Adj. R²</i>	0,622765	0,977288	0,977471

Примечание: (*), (**) и (***) указывают на 1%, 5% и 10% уровень значимости соответственно.
Источник: расчеты авторов по Eviews 10 (IHS Global Inc)).

⁴ Рассчитывается как среднее из -6,7%, -6,9% и -8,1%.

⁵ Рассчитывается как среднее из -14,4%, -15,4% и -16,5%.

⁶ Рассчитывается как среднее из 0,8%, 1,3% и 1,5%.

Увеличение на 1% доли сельского населения в модели III вызывает уменьшение городского населения на 42,7% ($=\text{Exp}(-0,557084)-1$), 40,1% ($=\text{Exp}(-0,514098)-1$) и 38,5% ($=\text{Exp}(-0,486613)-1$) соответственно. Согласно полученным результатам, увеличение «*tnikn*» на 1% приводит к снижению «*tnisn*» на 40,4%⁷. Увеличение на 1% показателя общей безработицы (% от общей рабочей силы; смоделированная оценка MOT) уменьшает долю городского населения в соответствии с результатами оценки СЭ; согласно ФЭ и ПМОМНК, увеличивается на 5,7% ($=\text{Exp}(0,055604)-1$) и 7,4% ($=\text{Exp}(0,071823)-1$) соответственно. Другими словами, увеличение «*tiiti*» на 1% вызывает рост «*tnisn*» на 3,7%⁸.

Повышение на 1% последней переменной – соотношения уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу (%), которая является основной в нашем исследовании, уменьшает долю городского населения на 6,5% ($=\text{Exp}(-0,067522)-1$), 6,7% ($=\text{Exp}(-0,06945)-1$) и 7,8% ($=\text{Exp}(-0,081447)-1$), по результатам анализа с помощью СЭ, ФЭ и ПМОМНК соответственно. Можно сделать вывод, что увеличение «*sagr*» на 1% вызывает снижение «*tnisn*» на 7%⁹.

В целом результаты исследования показывают, что парадокс Тодаро справедлив для рассматриваемой нами выборки экономик. Обнаружена отрицательная связь между соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу и численностью городского населения. Напротив, связь между соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу и сельским населением является положительной. Результаты анализа предоставили убедительные доказательства достоверности этого парадокса.

Заключение

В ходе исследования нами проанализирована обоснованность парадокса Тодаро с помощью ежегодного анализа данных по восьми выбранным развивающимся странам за период 1992–2019 гг. с использованием различных

⁷ Рассчитывается как среднее из -55,7%, -48,6% и -51,4%.

⁸ Рассчитывается как среднее из -1,9%, 5,5% и 7,1%.

⁹ Рассчитывается как среднее из -6,7%, -6,9% и -8,1%.

переменных. В качестве независимых переменных мы рассматриваем соотношение уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу, а также общую безработицу (% от общей рабочей силы), сельское население и занятость в сельском хозяйстве. Городское население включено в модель в качестве зависимой переменной. Первые две модели показывают взаимосвязь между соотношением уровня цен по коэффициенту пересчета по ППС (ВВП) к уровню цен по рыночному обменному курсу и численностью городского и сельского населения. Взаимосвязь отрицательная и положительная соответственно. Это подтверждает парадокс Тодаро, заключающийся в том, что миграция из сельской местности в города в развивающихся странах происходит из-за предполагаемого более высокого уровня жизни в городах, несмотря на ухудшение экономических условий. После нахождения доказательств взаимосвязи в первых двух моделях основной анализ проводится в третьей модели. Эта модель представляет доказательства парадокса Тодаро, которые могут послужить основой для будущих исследований и разработки мероприятий, направленных на снижение миграции из сельской местности в города и содействие устойчивому развитию в восьми развивающихся странах.

Для решения проблем, связанных с миграцией из села в город, необходима реализация политики, способствующей устойчивому развитию как городских, так и сельских районов. Например, это могут быть меры по созданию возможностей для трудоустройства и повышению качества жизни населения, а также регулированию миграции и контролю ситуации, вызванной быстрой урбанизацией. Кроме того, политика должна способствовать устойчивому развитию экономики и решению проблем, связанных с миграцией из сельской местности в города, в развивающихся странах. Важно подчеркнуть взаимосвязь между экономическими факторами и урбанизацией и предположить, что усилия по решению проблем бедности и безработицы также могут влиять на структуру миграции. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь уточнить наши выводы относительно динамики урбанизации и политики, поддерживающей устойчивое развитие в развивающихся странах.

Литература

- Arellano J.P. (1981). Do more jobs in the modern sector increase urban unemployment? *Journal of Development Economics*, 8(2). DOI: 10.1016/0304-3878(81)90031-6
- Bell M., Blake, M., Boyle P. et al. (2002). Cross-national comparison of internal migration: Issues and measures. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society*. DOI: 10.1111/1467-985X.00247
- Blomqvist A.G. (1978). Urban job creation and unemployment in LDCs. Todaro vs. Harris and Todaro. *Journal of Development Economics*, 5(1). DOI: 10.1016/0304-3878(78)90039-1
- Breusch T.S., Pagan A.R. (1980). The Lagrange multiplier test and its applications to model specification in econometrics. *The Review of Economic Studies*, 47(1), 239. DOI: 10.2307/2297111
- Brueckner J.K., Kim H.A. (2001). Land markets in the Harris-Todaro model: A new factor equilibrating rural-urban migration. *Journal of Regional Science*, 41(3). DOI: 10.1111/0022-4146.00228
- Brueckner J.K., Thisse J.F., Zenou Y. (1999). Why is central Paris rich and downtown Detroit poor? An amenity-based theory. *European Economic Review*, 43(1). DOI: 10.1016/S0014-2921(98)00019-1
- Brunt L., Fidalgo A. (2018). Why 1990 international Geary-Khamis dollars cannot be a foundation for reliable long run comparisons of GDP. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.3292792
- Castles S. (2000). International migration at the beginning of the twenty-first century: Global trends and issues. *International Social Science Journal*, 52(165), 269–281. DOI: 10.1111/1468-2451.00258
- Chaudhuri S. (2007). Foreign capital, welfare and urban unemployment in the presence of agricultural dualism. *Japan and the World Economy*, 19(2), 149–165. DOI: 10.1016/j.japwor.2005.08.001
- Dickey D.A., Fuller W.A. (1981). Likelihood ratio statistics for autoregressive time series with a unit root. *Econometrica*, 49(4). DOI: 10.2307/1912517
- Dornbusch R. (1985). *Purchasing Power Parity*. Cambridge, MA. DOI: 10.3386/w1591
- Espíndola A.L., Silveira J.J., Penna T.J.P. (2006). A Harris-Todaro agent-based model to rural-urban migration. *Brazilian Journal of Physics*, 36(3a), 603–609. DOI: 10.1590/S0103-97332006000500002
- Fields G.S. (1975). Rural-urban migration, urban unemployment and underemployment, and job-search activity in LDCs. *Journal of Development Economics*, 2(2), 165–187. DOI: 10.1016/0304-3878(75)90014-0
- Gimeno-Feliu L.A., Calderón-Larrañaga A., Díaz E. et al. (2019). The definition of immigrant status matters: Impact of nationality, country of origin, and length of stay in host country on mortality estimates. *BMC Public Health*, 19(1), 247. DOI: 10.1186/s12889-019-6555-1
- Haas H., Czaika M., Flahaux M. et al. (2019). International migration: Trends, determinants, and policy effects. *Population and Development Review*, 45(4), 885–922. DOI: 10.1111/padr.12291
- Harris J.R., Todaro M.P. (1970). Migration, unemployment and development: A two-sector analysis. *American Economic Review*, 60.
- Herzog H.W., Schlottmann A.M. (1984). Labor force mobility in the United States: Migration, unemployment, and remigration. *International Regional Science Review*, 9(1), 43–58. DOI: 10.1177/016001768400900102
- Jean S., Jiménez M. (2011). The unemployment impact of immigration in OECD countries. *European Journal of Political Economy*, 27(2), 241–256. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2010.11.006
- Kao C. (1999). Spurious regression and residual-based tests for cointegration in panel data. *Journal of Econometrics*, 90(1), 1–44. DOI: 10.1016/S0304-4076(98)00023-2
- Kemnitz A. (2003). Immigration, unemployment and pensions. *Scandinavian Journal of Economics*, 105(1), 31–48. DOI: 10.1111/1467-9442.00003
- Kingma M. (2007). Nurses on the move: A global overview. *Health Services Research*, 42(3p2), 1281–1298. DOI: 10.1111/j.1475-6773.2007.00711.x
- Kondoh K., Kurata H. (2021). Agritourism, unemployment, and urban-rural migration. In: Batabyal A.A., Higano Y., Nijkamp P. (Eds.). *Rural–Urban Dichotomies and Spatial Development in Asia. New Frontiers in Regional Science: Asian Perspectives*. DOI: 10.1007/978-981-16-1232-9_2
- Levin A., Lin C.F., Chu C.S.J. (2002). Unit root tests in panel data: Asymptotic and finite-sample properties. *Journal of Econometrics*, 108(1). DOI: 10.1016/S0304-4076(01)00098-7
- Nakagome M. (1989). Urban unemployment and the spatial structure of labor markets: An examination of the “Todaro paradox” in a spatial context. *Journal of Regional Science*, 29(2), 161–170, DOI: 10.1111/j.1467-9787.1989.tb01230.x

- Nordhaus W. (2007). Alternative measures of output in global economic-environmental models: Purchasing power parity or market exchange rates? *Energy Economics*, 29(3), 349–372, DOI: 10.1016/j.eneco.2006.02.003
- Pedroni P. (1999). Critical values for cointegration tests in heterogeneous panels with multiple regressors. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 61. DOI: 10.1111/1468-0084.61.s1.14
- Pedroni P. (2004). Panel cointegration: Asymptotic and finite sample properties of pooled time series tests with an application to the PPP hypothesis. *Econometric Theory*, 20(3). DOI: 10.1017/S0266466604203073
- Pesaran M.H. (2004). *General Diagnostic Tests for Cross Section Dependence in Panels*. Cambridge Working Papers in Economics No. 0435. Center for Economic Studies & Ifo Institute for Economic Research CESifo.
- Pesaran M.H., Ullah A., Yamagata T. (2008). A bias-adjusted LM test of error cross-section independence. *Econometrics Journal*, 11(1). DOI: 10.1111/j.1368-423X.2007.00227.x
- Pi J., Yin J. (2016). Privatization, unemployment, and welfare in the Harris-Todaro model with a mixed duopoly. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 16(4). DOI: 10.1515/bejeap-2016-0016
- Potts D., Mutambirwa C. (1990). Rural-urban linkages in contemporary Harare: Why migrants need their land. *Journal of Southern African Studies*, 16(4), 677–698. DOI: 10.1080/03057079008708256
- Puhani P.A. (2001). Labor mobility: An adjustment mechanism in Euroland? Empirical evidence for Western Germany, France and Italy. *German Economic Review*, 2(2), 127–140, DOI: 10.1111/1468-0475.00031
- Raimondos P. (1993). On the Todaro paradox. *Economics Letters*, 42(2-3). DOI: 10.1016/0165-1765(93)90071-J
- Ravenstein E.G. (1889). The laws of migration. *Journal of the Royal Statistical Society*, 52(2). DOI: 10.2307/2979333
- Samuelson P.A. (1964). Theoretical notes on trade problems. *The Review of Economics and Statistics*, 46(2), 145. DOI: 10.2307/1928178
- Sancar C., Akbaş Y.E. (2022). The effect of unemployment and urbanization on migration in Turkey: An evaluation in terms of the Harris – Todaro model. *Sosyoekonomi*. DOI: 10.17233/sosyoekonomi.2022.01.11
- Sevencan A. (2023). Remittances, unemployment, growth and development: A panel cointegration approach. *Applied Economics Letters*, 30(5), 663–668, DOI: 10.1080/13504851.2021.2009755
- Stark O., Ranjan Gupta M., Levhari D. (1991). Equilibrium urban unemployment in developing countries. *Economics Letters*, 37(4), 477–482. DOI: 10.1016/0165-1765(91)90090-8
- Takagi Y. (1984). The migration function and the Todaro paradox. *Regional Science and Urban Economics*, 14(2). DOI: 10.1016/0166-0462(84)90024-3
- Todaro M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *The American Economic Review*, 59(1).
- Todaro M.P. (1976). Migration and economic development: A review of theory, evidence, methodology and research priorities. *Institute for Development Studies, University of Nairobi*, Vol. Occasional.
- Wong S.C. (1991). Immigrant autobiography: Some questions of definition and approach. In: Eakin P.J. (Ed.). *American Autobiography: Retrospect and Prospect*. University of Wisconsin Press.
- Yilmaz E., Sensoy F. (2022). Effects of fossil fuel usage in electricity production on CO2 emissions: A STIRPAT model application on 20 selected countries. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 12(6), 224–229. DOI: 10.32479/ijeep.13707
- Zarembka P. (1970). Labor migration and urban unemployment: Comment. *American Economic Review*, 60(1).
- Zenou Y. (2005). *The Todaro Paradox Revisited*. Stockholm.
- Zhang K.H., Song S. (2003). Rural-urban migration and urbanization in China: Evidence from time-series and cross-section analyses. *China Economic Review*, 14(4), 386–400. DOI: 10.1016/j.chieco.2003.09.018

Сведения об авторах

Экрем Йылмаз – соискатель степени PhD, факультет права и экономики, Грайфсвальдский университет (Германия, г. Грайфсвальд; e-mail: ekremyilmaz3491@gmail.com)

Фатма Сенсой – доцент факультета экономики, административных и социальных наук, Стамбульский университет здравоохранения и технологий (Турция, г. Стамбул; e-mail: fatma.sensoy@istun.edu.tr)

Ekrem Yilmaz, Fatma Sensoy

Reassessment of the Todaro Paradox: An Extended Panel Data Analysis on Developing Countries

Abstract. This paper empirically analyzes the Todaro Paradox for eight developing countries for the period from 1992 to 2019. Having different data characteristics, we apply three different panel approaches (Fixed Effect, Random Effect, and Full Modified Ordinary Least Square) by using distinct models. Our findings from different models depict that the Todaro Paradox is valid for the sample economies. Specifically, we observe a negative relationship between the price level ratio of purchasing power parity conversion factor (GDP) to market exchange rate and urban population contrary to the price level ratio of the purchasing power parity conversion factor (GDP) to the market exchange rate – rural population nexus. Thanks to obtaining these links, we apply the third empirical model to verify the Todaro Paradox. The analysis of the price level ratio of the purchasing power parity conversion factor (GDP) to the market exchange rate and total unemployment in the urban population provides strong evidence for the validity of this paradox. Deviated from the previous literature, this paper applies the price level ratio of the purchasing power parity conversion factor (GDP) to the market exchange rate since the higher the purchasing power parity of a country, the lower the rate of rural-urban migration is expected. By using one extra variable (unemployment), we test the Todaro Paradox. This combination of variables as well as different panel techniques (Fixed Effect, Random Effect, and Full Modified Ordinary Least Square) allow us to draw more robust conclusions. To address the challenges posed by rural-urban migration, policies should be designed to promote sustainable development in both urban and rural areas. This can include measures to create employment opportunities and improve the quality of life in both areas, as well as policies to regulate migration and manage the pressures caused by rapid urbanization.

Key words: Migration, purchasing power parity, Todaro Paradox, urban economy, unemployment, rural economy.

Information about the Authors

Ekrem Yilmaz – PhD Candidate, Greifswald University (Greifswald, Germany; e-mail: ekremyilmaz3491@gmail.com)

Fatma Sensoy – Associate Professor, lecturer, Istanbul Health and Technology University (Istanbul, Turkiye; e-mail: fatma.sensoy@istun.edu.tr)

Статья поступила 23.01.2023.

НАУЧНЫЕ ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

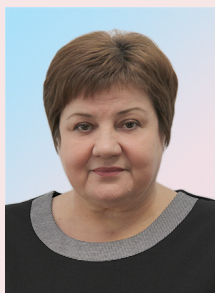
DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.12

УДК 331.5.024.5, ББК 65.24

© Леонидова Г.В.

Пути снижения социального неравенства

Рецензия на книгу: Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего (2022): монография / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с.

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: galinaleonidova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Аннотация. В условиях новых геополитических, финансово-экономических и эпидемиологических вызовов вопросы обеспечения достойного уровня и качества жизни населения России по-прежнему являются приоритетными во внутренней политике страны. Актуальность данной проблемы вызывает научный интерес, который подтверждается опубликованием за последние пять лет более пятнадцати монографических исследований. В статье представлен анализ результатов исследования, опубликованных в 2022 году в монографии «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего», подготовленной коллективом авторов, под редакцией В.Н. Бобкова, Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. Авторы книги, среди которых экономисты, социологи, специалисты в области медицины, охраны окружающей среды и трудового права, представили итоги четырех лет работы в направлении изучения компонентов, социальных стандартов и индикаторов уровня и качества жизни населения в современной России, их качественную идентификацию и количественную оценку в условиях существующего в стране «излишнего» социально-экономического неравенства. Основным достоинством монографии выступает междисциплинарный подход к изучению качества жизни, позволяющий всесторонне проанализировать данный показатель состояния общества с точки зрения экономических, социальных и правовых отношений. В статье отмечена структурированность материала, последовательность его подачи — от теории к методологии и практическим рекомендациям, краткость и выверенность суждений о рассматриваемых категориях, четкий авторский ракурс.

Для цитирования: Леонидова Г.В. (2023). Пути снижения социального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 216–229. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.12

For citation: Leonidova G.V. (2023). Ways to reduce social inequality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(2), 216–229. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.12

Новизной предложенной публикации является рассмотрение новых инструментов государственной и корпоративной политики по регулированию уровня и качества жизни населения, в частности представление авторской Концепции среднесрочной национальной программы снижения абсолютной монетарной бедности. Эти инструменты становятся важным шагом на пути сокращения социального неравенства. Практически в этом и заключается заявленное авторами «проектирование будущего», в связи с чем монография обладает как научной, так и практической значимостью.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, население, неустойчивая занятость, безусловный базовый доход, Концепция среднесрочной национальной программы снижения абсолютной монетарной бедности.

Введение

Актуальность изучения качества жизни обусловлена рядом обстоятельств, прежде всего возрастающей значимостью его существенного повышения для современной России. Качество жизни населения как один из результирующих индикаторов состояния общества выступает, с одной стороны, оценочным индикатором «жизнедеятельности всех сфер общественной системы (политической, экономической, духовной, социальной), с другой, является важнейшим фактором, воздействующим на состояние общества, его устойчивое развитие» (Сушко, 2018). Поэтому проблематика уровня и качества жизни находится в центре внимания государства, общества и, конечно, исследователей.

Внимание общества к указанной проблеме в первую очередь связано с конституционным положением о социальном государстве, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. Подтверждением является и включение параметров уровня и качества жизни в перечень национальных целей РФ². Воплощением реальных действий в этом отношении выступают национальные проекты, мероприятия федерального масштаба по трём направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост»³.

Исследовательский интерес представляется как проблемой «терминологического хаоса» (Россошанский, Чекмарева, 2016), порожден-

ного многообразием теоретико-методологических подходов к изучению качества жизни населения и необходимостью систематизации знаний, накопленных зарубежными и отечественными учеными в этой области, так и поиском путей решения современных проблем уровня и качества жизни населения.

Комплексный подход к обсуждению выше-названных проблем предложен в коллективной монографии «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего». Её авторами являются ученые одного из ведущих академических учреждений – Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, в частности сотрудники лаборатории проблем уровня и качества жизни. Междисциплинарный характер издания обеспечил участие в подготовке книги представителей разных сфер – экономики, социологии, медицины, охраны окружающей среды, трудового права. Монография выполнена под редакцией доктора экономических наук, профессора В.Н. Бобкова, доктора экономических наук Н.В. Локтюхиной, кандидата технических наук Е.Ф. Шамаевой.

В статье поставлена цель охарактеризовать опубликованные в монографии результаты исследований, выделить особенности материала и его практическую значимость, а также оценить предложенные авторами новые инструменты социальной политики с точки зрения перспектив регионального управления.

¹ Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения 20.10.2022).

² Указ о национальных целях развития России до 2030 года от 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 20.10.2022).

³ Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/> (дата обращения 24.10.2022).

Методология исследования

В качестве эмпирической базы авторы коллективной монографии опирались на данные Росстата, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, официальные материалы российских министерств и ведомств, результаты опросов населения, в частности авторского опроса безработных.

Рецензируемая монография состоит из 6 разделов (14 глав), в которых от общего к частному, от теории к методологическим и практическим рекомендациям раскрывается проблематика уровня и качества жизни населения России – от ее реального состояния до авторского видения будущего.

Первый раздел монографии посвящен теоретико-методологическим основам изучения уровня и качества жизни населения. Во втором рассмотрены современные вызовы уровню и качеству жизни. Информация о мониторинговом исследовании доходов и уровня жизни населения на основе социальных стандартов представлена в третьем разделе. Четвертый раздел посвящен новым инструментам государственной и корпоративной политики по регулированию уровня и качества жизни населения. Завершают исследование Концепция среднесрочной национальной программы снижения абсолютной монетарной бедности и предложения авторов о подходах к проектированию уровня и качества жизни россиян (пятый раздел монографии). Наконец, шестой раздел аккумулирует выводы по результатам всего исследования.

Концептуализация качества жизни: структура и компоненты

Отправной теоретической точкой монографической публикации являются категории «уровень и качество жизни». Опираясь на исследования отечественных (С.А. Айвазян, В.Н. Бобков, Н.М. Римашевская и др.) и зарубежных (Р. Abbott, А. Walker, Р. Hermann и др.) ученых, авторы монографии уточняют теоретико-методологические основы изучения уровня и качества жизни населения (рис. 1). В частности, систематизированы сферы формирования уровня и качества жизни (здоровье и здравоохранение; безопасность жизнедеятельности; мировоззрение; социально-психологи-

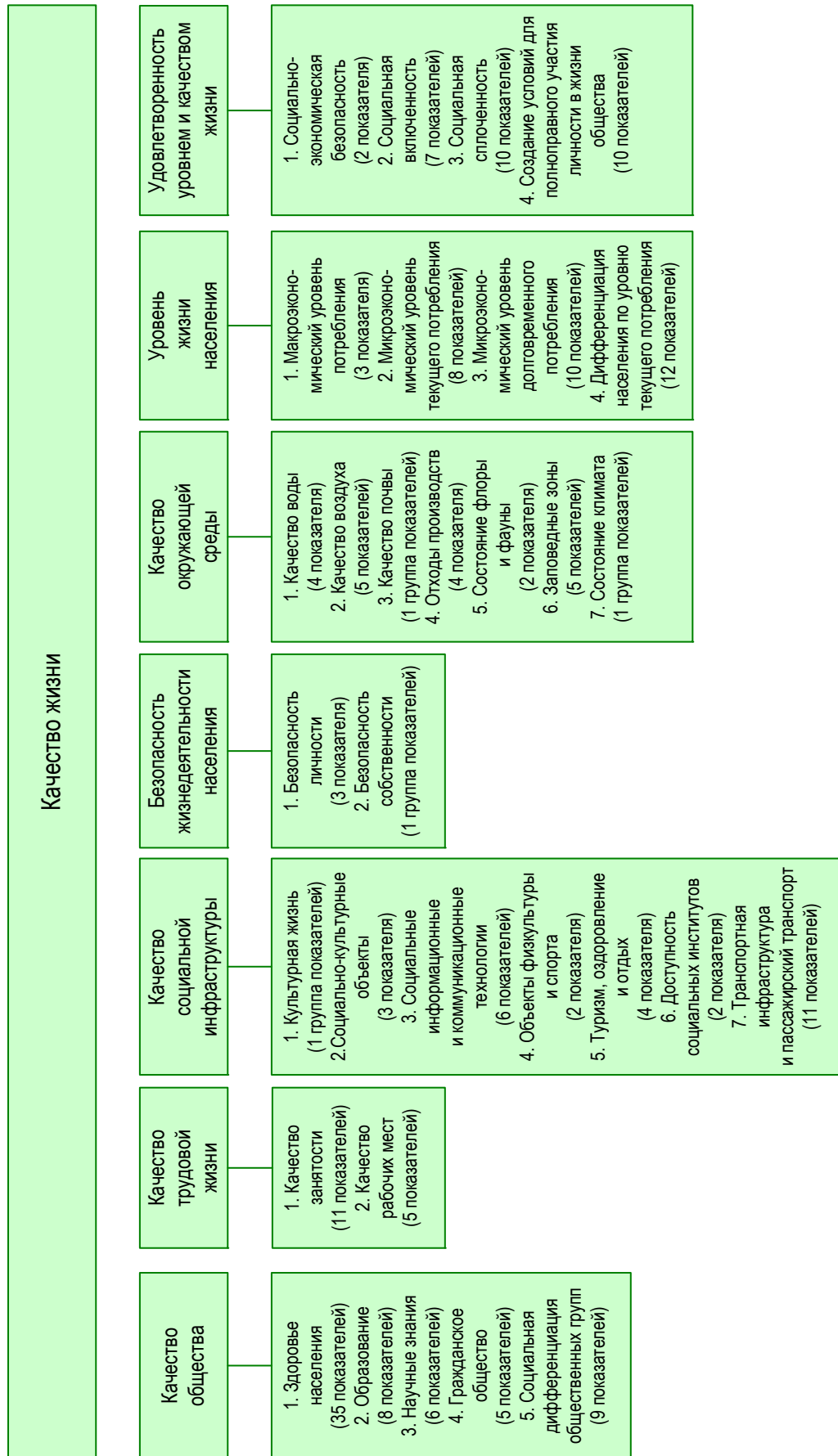
ческая; интеллектуально-образовательная; духовно-культурная; профессионально-трудовая; семейно-личностная; гражданско-общественная; антропоприродная и социально-экономическая сферы) и определены их компоненты (качество общества; качество трудовой жизни; качество социальной инфраструктуры; безопасность жизнедеятельности; качество окружающей среды; уровень жизни (потребление); а также удовлетворенность населения уровнем и качеством жизни).

Следует отметить, что многообразие областей знания, оперирующих понятием «качество жизни», и различия в целях научных исследований породили большое количество подходов к определению структуры качества жизни населения, его концептуальных и структурных моделей. Многие из таких моделей коррелируют с концепцией авторов коллективной монографии.

Так, одна из современных моделей (Ruževičius, Akranavičiūtė, 2007) содержит следующую структуру качества жизни: физическое, материальное и психологическое состояние, образование и саморазвитие, социальные отношения, самовыражение и отдых, безопасность и окружающая среда (рис. 2). Как и авторы коллективной монографии, исследователь выстраивает логическую взаимосвязь между оцениваемыми областями качества жизни и его составляющими, тем самым показывая многообразие сторон человеческой жизни и обращая внимание на комплексность понятия.

В этом ряду находится и структура качества жизни, представленная группой американских исследователей (Schalock, 2004). В ее основу положено восемь оцениваемых областей: эмоциональное благополучие, межличностные отношения, материальное благополучие, саморазвитие, физическое благополучие, самоопределение, социальная интеграция, права, взаимосвязанных с тремя факторами: независимость, социальное участие, благополучие. Заметим, что данная концепция ориентирована на оценку качества жизни населения в целом и людей с ограниченными возможностями как особой социально-демографической группы. То есть в основе определения качества жизни лежит степень включенности в общество.

Рис. 1. Концепция качества жизни населения, представленная в монографии «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего»

Составлено по: (Уровень и качество жизни..., 2022).

Рис. 2. Концептуальная модель качества жизни населения

Составлено по: (Ruževičius, Akranavičiūtė, 2007).

Схожей позиции придерживаются и другие ученые (Cummins, 2000), которые предлагают следующую структуру качества жизни: материальное благосостояние, здоровье, трудовая деятельность, семейное благополучие, безопасность, социальные отношения, эмоциональное благополучие.

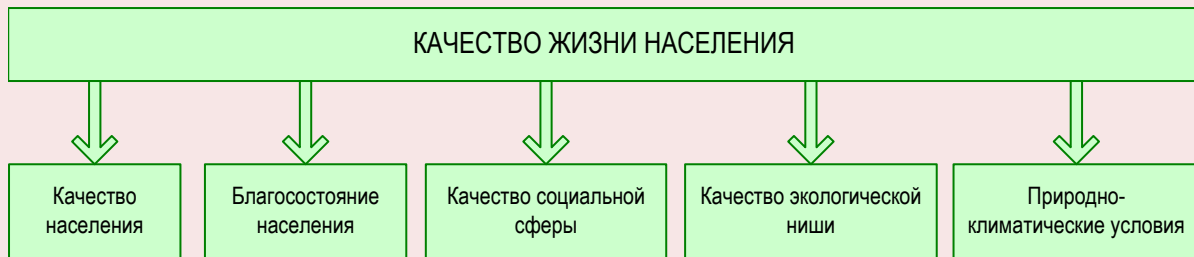
Отечественные ученые концентрируются на наиболее проблемных элементах (Россошанский, 2019). Например, в исследованиях С.А. Айвазяна качество жизни структурируется по пяти ключевым блокам (рис. 3), комплексно описывающим «среду и систему обеспечения жизнедеятельности населения» (Айвазян, 2012).

Подход ученых географического факультета МГУ (Зубаревич, 2007) отличается тем, что структурирование качества жизни осуществля-

ется двумя способами: определение минимального и общего перечня составляющих компонентов (рис. 4).

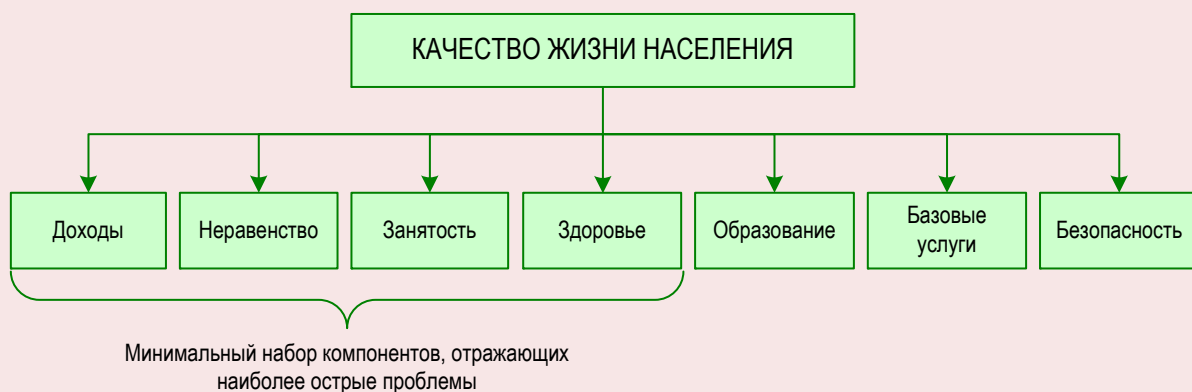
Таким образом, даже самый скромный обзор теоретико-методологических источников исследования качества жизни позволяет оценить достаточно весомый вклад авторов коллективной монографии в концептуализацию понятия и его комплексное изучение. Находясь в целом в мейнстриме подобных исследований, авторы предлагают более широкий взгляд на содержание и структуру качества жизни, дают комплексное представление о многообразии компонентов и показателей, имеющих важное значение для выработки научно обоснованной национальной социальной политики в Российской Федерации.

Рис. 3. Структура качества жизни населения согласно подходу С.А. Айвазяна

Составлено по: (Айвазян, 2012).

Рис. 4. Структура качества жизни населения согласно подходу Н.В. Зубаревич

Составлено по: (Зубаревич, 2007).

Следует отметить еще одну особенность коллективного труда, в частности проведение декомпозиции целей в области устойчивого развития (ЦУР) на предмет возможности их интерпретации в аспекте воспроизводства обоснованных в монографии компонентов уровня и качества жизни, что и подтверждено в работе. Национальный набор ЦУР отражен в государственных стратегических документах⁴, соответственно, его показатели входят в концепцию качества жизни, представленную авторским коллективом.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 20.10.2022); О национальных целях развития России до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 20.10.2022).

Качество занятости и качество трудовой жизни

Центральной проблемой концепции качества жизни авторский коллектив монографии определяет качество занятости (КЗ) и качество трудовой жизни (КТЖ) населения. В работе дан теоретический обзор этих понятий с акцентом на качество трудовой жизни как более широкую категорию, включающую наряду с качеством занятости характеристику качества трудовой среды (рабочего места), в которой осуществляется занятость. Авторы отмечают: «Сегодня среди исследователей нет единого научного подхода к оценке и качества трудовой жизни, и качества занятости» (Уровень и качество жизни..., 2022). Несогласованность в концептуализации вышеназванных категорий обусловлена тем, что в разных подходах встречаются: 1) различное количество индикаторов, 2) разные уровни оценки (территория, отрасль, предприятие). Кроме того, категория

КТЖ является многоаспектной, имеет двустороннюю оценочную позицию (измеряется объективными и субъективными показателями), характеризуется множественностью параметров оценки, динамичностью социально-экономических и технологических условий, изменением отношения работников к условиям труда и работе в целом (Леонидова, Ивановская, 2021). Также следует отметить, что подходы к содержанию КТЖ и КЗ разнятся. Так, авторы указывают, что с 2000 года было предпринято несколько исследовательских проектов на международном уровне: Европейская стратегия занятости; инициатива ОЭСР «Лучшая жизнь» (The OECD Better Life Initiative); Концепция достойного труда Международной организации труда⁵; инициатива ЕЭК ООН⁶, система Job Quality ОЭСР; European Working Conditions Survey, а также подход Европейского фонда улучшения условий жизни и труда⁷. Все эти проекты так или иначе рассматривают качество занятости как «состояние трудовой деятельности индивида, которое позволяет ему в полной мере реализовывать совокупность своих потребностей по мере их возникновения через трудовой процесс, создавая при этом положительный эффект в социально-экономической и политической сферах общества» (Сальникова, 2007). Из представленного в монографии анализа можно сделать вывод, что качество занятости – это «многоаспектная, продолжающая формироваться концепция сложных связей работника и работы» (Вередюк, 2018). Весьма важен при этом авторский подход к определению КТЖ как неотъемлемого и системообразующего компонента уровня и качества жизни, рассматриваемого на двух уровнях интеграции: качество занятости и качество рабочих мест.

Революция 4.0 и качество жизни

Отличительной особенностью монографии является систематизация современных вызовов и их влияния на качество жизни. Пожалуй, стоит отметить, что в научной литературе такой концентрированный анализ вышеназванной проблемы еще не встречался. Полемика концен-

⁵ Достойный труд (1999): доклад Генерального директора МБТ. 87-я сессия МКТ. Женева.

⁶ *Measuring Quality of Employment: Country Pilot Reports* (2010). UNECE, Geneva.

⁷ *Quality of Employment Conditions and Employment Relations in Europe* (2013). Dublin: Eurofound.

трации современных вызовов авторы выбрали качество трудовой жизни и выделили положительные и отрицательные тенденции влияния характерных технико-технологических сторон революции 4.0 на развитие трудовых отношений и общество. Вычленено два направления влияния: преобразование рабочих мест и общественных коммуникаций (что соответствует компоненту «качество занятости») и воздействие на качество трудовой жизни и общество.

Проблему влияния революции 4.0 на рабочие места авторы связывают с крупными научно-техническими инновациями (робототехника, развитие интернета вещей, Big Data анализ, облачные вычисления, IT-технологии, IT-безопасность, имитационное моделирование, интеллектуальные материалы), которые «создают качественно новую среду и рабочие места для преобразования производства, услуг и информации, сферы труда и общества в целом» (Уровень и качество жизни..., 2022).

Влияние революции 4.0 на качество трудовой жизни авторы раскрывают через возможности развития и возникающие угрозы, которым необходимо противостоять.

Какие же возможности отмечены коллективом авторов монографии? Во-первых, развитие разнообразия рынков труда и форм занятости, которые проявляются в гибких, нестандартных формах занятости, изменяющих ее структуру (Mandl et al., 2015). Рост таких форм занятости дает перспективу для более полного использования способностей людей и их самореализации.

Во-вторых, авторы отмечают такую возможность, как рост производительности труда и требований к работнику, сокращение сферы труда, чему способствует автоматизация растущего числа задач в экономике и других сферах жизни. Трансформация требований к работнику повышает интерес к расширению непрерывного образования, мотивацию к получению современных знаний, в т. ч. с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В-третьих, происходит колоссальный рост связности рынков труда, экономик и обществ, что проявляется не только в огромных масштабах внешней и внутренней трудовой миграции, но и в человеческом развитии, т. н. электронной миграции. Работники становятся все более

мобильными в пространственном и функциональном отношении, и это позволяет работать в любом месте и любое время⁸, повышать доходы от занятости.

В-четвертых, человеческий интеллект дополняется искусственным интеллектом, что «многократно усиливает естественный, человеческий, интеллект для сохранения управляемости социоприродными системами на всех уровнях деятельности людей и их сообществ, открывает совершенно новые потенциальные горизонты для человечества» (Уровень и качество жизни..., 2022).

Рассматривая угрозы революции 4.0, авторы останавливают внимание читателя на наиболее явных и действительно опасных проблемах человеческого развития. Во-первых, это широкое распространение неустойчивой занятости, что ущемляет трудовые и социальные права работников в плане нормирования рабочего времени, регулярности выплат и достойности заработных плат, охраны труда, отпусков и социального страхования. Достаточно сказать, что в 2018 году 68,6% наемных работников организаций имели признаки неустойчивой занятости, в т. ч. у 61,2% вследствие этого наблюдалась неблагоприятная материальная обеспеченность домохозяйств (Бобков, Одинцова, 2020а). Такая же тенденция отмечается и в исследованиях сотрудников Вологодского научного центра РАН (Попов, Соловьева, 2021): среди наемных работников в Вологодской области охват неустойчивой занятостью составляет 39%, среди предпринимателей и самозанятых – 28%.

Авторы говорят об угрозе огромных масштабов безработицы, поскольку «совокупная рыночная капитализация компаний и их выручка быстро растут, а число используемых сотрудников сокращается» (Уровень и качество жизни..., 2022).

Подрыв социальной функции труда также относится к угрозам революции 4.0, особенно это характерно для удаленного формата занятости. Капитализм, как утверждают исследова-

тели, трансформируется в т. н. платформенный капитализм (Degryse, 2017).

Авторы не обходят стороной и угрозы, создаваемые для человечества искусственным интеллектом, поскольку разрушается баланс работа – досуг (Cook, 2020), стираются границы между свободным и рабочим временем, что приводит к снижению качества трудовой жизни работников. Многократно возрастают риски, связанные с кибербезопасностью, и т. д.

Угрозой революции 4.0 авторы называют и прогнозируемую неустойчивость современных обществ, возникающую вследствие негативных ментальных, духовно-нравственных, социально-экономических, политических и экологических противоречий в их развитии и нарастающей социальной напряженности. Цифровизация рынка труда сопровождается рутинными технологическими изменениями, которые приводят к эффекту опустошения «средних» профессий и профессиональной поляризации, к неравенству доступа к цифровым средствам труда и цифровым компетенциям. Не остаются в стороне от внимания авторов и проблемы нарушения равновесия в биосфере, экологии.

Характерной чертой книги является практическая составляющая анализа. Проблемные вопросы в каждой главе или разделе авторы сопровождают рассуждениями по возможному решению тех или иных проблем. Так и в данном случае предлагается нейтрализовать отрицательные последствия в отдельных формах занятости и видах деятельности; использовать макрорегулирование, включающее развитие науки и образования; разрабатывать институциональные основы для создания новых высокоэффективных рабочих мест, а также применять новые институты организации общества, повышающие его социальное качество.

Подробно и методично коллективом авторов охарактеризовано влияние цифровизации и цифрового неравенства на уровень и качество жизни населения. Уровень цифрового неравенства наиболее зримо проявляется в использовании интернета и дифференциации городского и сельского населения. Цифровая эксклюзия означает для человека либо полную утрату доступа к ним, либо существенное снижение их доступности (Груздева, 2022).

⁸ Messenger J., Vargas L., Gschwind L. et al. (2017). *Working Anytime, Anywhere: The Effects on the World of Work*. Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Available at: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1658en.pdf (accessed: October 24, 2022).

Анализируя проблему цифрового неравенства и программные документы по его снижению, действующие в рамках национальных проектов, авторы приходят к выводу, что задача снижения цифрового неравенства в явном виде не сформулирована⁹, а соответственно не подкреплена показателями и их плановой динамикой, т. е. встает вопрос о недостаточности намеченных мер. Кроме того, как показывают исследования Вологодского научного центра РАН, «в условиях все более раннего приобщения детей к ИКТ, повышения ожидаемой продолжительности жизни, тренда на цифровизацию экономики, социальной сферы и государственного управления в обозримом и прогнозируемом будущем все население страны так или иначе будет нуждаться в возможности пользоваться как минимум интернетом, дабы не быть исключенным из большинства общественных процессов. В этом случае можно будет не просто говорить об общем уровне цифрового неравенства, а дифференцировать его на различных уровнях (например, на базовом, пользовательском и профессиональном) для нового понимания влияния различных факторов» (Груздева, 2022).

Авторы книги не обошли вниманием такой катализатор кардинальных изменений занятости населения, как пандемия нового коронавируса, случившаяся в 2020 году. И здесь авторский коллектив в своей манере подробно и тщательно проанализировал тенденции, возникшие в поле исследовательского интереса, касающегося качества занятости и связанных с этим отношений. Следует отметить, что в данном разделе детально разобраны новые формы занятости, их плюсы и минусы, в частности платформенной занятости, самозанятости, удаленного формата занятости. Особое внимание уделено причинам их распространения, положительным и отрицательным моментам, указано, что все эти новые явления требуют исследования и управленческих воздействий.

⁹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JCXZ2mLilILEn7H8.pdf> (дата обращения 24.10.2022).

Качество жизни, образование, неустойчивая занятость

Большой исследовательский блок монографии посвящен вопросам уровня и качества жизни населения, рассмотренным в контексте проблем профессионального образования и неустойчивой (прекаризованной) занятости. В этом разделе авторы на основе разработанного оригинального инструментария многокритериальной идентификации социальных групп по уровню и качеству жизни и оценки масштабов локализации в них населения (его отдельных категорий) выделили наиболее уязвимые группы из числа экономически активного населения (ЭАН), отличающиеся низкими уровнем и качеством жизни (Бобков, Одинцова, 2020b). Исследовательский подход при выявлении групп населения, различающихся по уровню и качеству жизни, опирается на комплекс критериев, в основе которых лежат социальные стандарты.

Социальные стандарты, по нашей оценке, это авторские наработки исследовательского коллектива, обладающие научной новизной и практической значимостью. В монографии приведены минимальные требования стандартов образования и положения в сфере занятости. Ориентация на социальные стандарты позволяет разрабатывать реальные управленческие решения.

Пример социальных стандартов для идентификации групп с низкими уровнем и качеством жизни в составе экономически активного населения на основе образования и положения в сфере занятости приведен в *таблице*.

Еще одна отличительная характеристика исследования заключается в определении критериев неустойчивой (прекаризованной) занятости. Особенностью авторского подхода к выявлению неустойчивой занятости выступает дифференциация ее признаков на ключевые и дополнительные (см. таблицу), дающая возможность выделять наиболее уязвимые группы населения.

Использование разработанного авторами инструментария позволило выявить, что более 90% из числа занятых и безработных, отнесенных к нижним группам по уровню и качеству жизни, не достигают минимальных требований по одному и более из критериев

Социальные стандарты для идентификации групп с низкими уровнем и качеством жизни в составе экономически активного населения на основе образования и положения в сфере занятости

Критерий идентификации	Требования социальных стандартов
Образование	Наличие основного или среднего общего образования
Положение в сфере занятости	1. Наличие занятости
	2. Отсутствие неустойчивой (прекаризованной) занятости
	3. При наличии занятости по найму: занятость, требующая основного или среднего общего образования (занятость в качестве неквалифицированных рабочих или военнослужащих рядового состава)
	<i>Признаки неустойчивой занятости</i>
	1. Ключевые: 1.1. Отсутствие официального оформления занятости; 1.2. Неофициальный (частично или полностью) доход от занятости; 1.3. Доход от занятости, который в соотношении с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения (ПМтр) не достигает 4,1 ПМтр 2. Дополнительные 2.1. Отклоняющееся от стандартного рабочее время (чрезмерная или недостаточная продолжительность рабочего времени); 2.2. Наличие задолженности по заработной плате; 2.3. Уменьшение заработной платы или сокращение часов работы не по инициативе работника; 2.4. Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе администрации; 2.5. Неудовлетворенность условиями занятости
Составлено по: (Бобков, Одинцова, 2020b).	

материально-имущественной обеспеченности: 64,3% — по двум или трем, т. е. они и их домохозяйства характеризуются абсолютной монетарной бедностью, жилищной бедностью и/или у них отсутствует или недостаточен финансовый резерв; еще 28,5% — по одному из трех указанных критериев.

Отметим, что подобный подход (оценивание неустойчивых трудовых отношений через количество признаков неустойчивости) использовался и в Вологодском научном центре РАН (Леонидова, Россошанская, 2018). С его помощью было показано, что чем больше признаков неустойчивости занятости имеет работник, тем менее результативен его трудовой вклад, менее эффективно используется его трудовой потенциал.

Одной из особенностей современных исследований в рамках данной проблематики является обсуждение феномена прекариата — «многочисленной социально-экономической группы, лишенной большинства прав и гарантий» (Попов, Соловьева, 2020). В этом случае отдельного внимания заслуживают идеи Ж.Т. Тощенко, суть которых заключается в определении прекаризации занятости как «объективно-субъективного феномена,

количественно и качественно преобразующего сложившиеся практики участия населения в трудовой деятельности» (Тощенко, 2018, с. 81). Позиции авторов рецензируемой книги слегка разнятся с идеями Ж.Т. Тощенко, поскольку природа прекариата, по его мнению, «не ограничивается вопросами стабильности трудовых отношений».

В монографии на основе оценки соответствия занятых и безработных требованиям стандартов идентифицированы группы населения с низкими уровнем и качеством жизни — ядро, расширенное ядро и периферия, которые суммарно охватывают 42,7% от численности ЭАН (данные 2018 года). Следует заметить, что в эту группу входят не только безработные, но и занятое население (как наёмные работники, так и работающие не по найму). Данное наблюдение свидетельствует о наличии в стране такой категории, как работающие бедные. Подобные выводы содержатся в трудах других исследователей (Ашмаров, 2018; Леонидова, Басова, 2020; Рябушкин, Капелюк, 2020).

Результаты мониторинга межрегиональной дифференциации основных показателей уровня и качества жизни населения, проведенного авторами монографии, свидетельствуют о

неравномерности сложившихся в регионах России показателей и индикаторов уровня и качества жизни населения, при этом по ряду из них сохраняется высокое межрегиональное неравенство. Авторы указывают, что по уровню абсолютной монетарной бедности, покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения, децильному коэффициенту фондов межрегиональные разрывы слишком большие в пределах одной страны. Это свидетельствует об имеющихся значительных пространственных различиях в условиях жизни населения России, об угрозах социальной безопасности страны и требует выработки комплексных мер по улучшению ситуации и повышению уровня и качества жизни граждан во всех российских регионах.

Новые инструменты регулирования уровня и качества жизни населения

Раздел, посвященный направлениям улучшения уровня и качества жизни населения, содержит аккумулированное видение авторов в отношении нерешенных проблем, несмотря на принятые в конце 2020 года изменения в Трудовом кодексе РФ по дистанционному (удаленному) труду. К примеру, Е.Ш. Гонтмахер наибольшим «разочарованием» от поправок в области занятости называет отказ от установления в законе права работников быть «неподключенными» и сохранение в ТК РФ одиозной нормы ст. 101 о ненормированном рабочем дне (Гонтмахер, 2019). Нерешенными остаются вопросы регламентации дистанционного труда, осложненного иностранным элементом, применения региональных норм трудового права в ситуациях, когда дистанционный работник и работодатель находятся в разных регионах России, отсутствия четких рамок для правового регулирования труда через онлайн-платформы.

Авторы монографии обращают внимание на такой инструмент государственного регулирования рынка труда, как Государственная служба занятости населения (ГСЗ), испытывающий в настоящее время возрастающую конкуренцию со стороны частных кадровых агентств. Одним из приоритетных направлений работы ГСЗ представляется организация профессионального обучения и дополнительного образования безработных и ищущих работу граждан. Именно эта активная программа, по мнению

авторов, больше всех других нацелена на преодоление цифрового неравенства и формирование цифровых навыков, снижение дисбаланса спроса и предложения на рынке труда, а значит и на повышение качества занятости.

В качестве нового инструмента экономической и социальной политики рассматривается также безусловный базовый доход (ББД). Условия для его введения, как считают авторы, вызревают объективно как способ разрешения противоречий социально-экономического развития. В книге высказана уверенность в том, что в настоящее время созданы возможности для экспериментального применения переходных форм безусловного базового дохода для наиболее уязвимых категорий населения.

Однако представляется, что у введения ББД есть не только сторонники, но и противники. Последние основывают свое мнение на том, что введение ББД возможно при такой трансформации общества, когда исчезнет коррупция, когда общество созреет для того, чтобы не рассматривать данную выплату как основание для отказа от труда, и т. д. Анализ литературы свидетельствует, что во многих странах введение ББД ориентировано на выравнивание доходов среднего класса и возможно только при высоком уровне социально-экономического развития страны.

Аргументы за введение ББД (Кислицына, 2019) основываются на опыте стран, в которых оно: а) снизило уровень бедности и неравенства, улучшило здоровье населения (Tanner, 2015); б) привело к росту рабочих мест и снижению уровня отсева в школе¹⁰; в) стало гарантией дохода для неработающих родителей и опекунов, тем самым расширяя их права, особенно права женщин¹¹.

¹⁰ Lucas C. (2016). These are the simple reasons why a basic income for all could transform our society for the better. *Independent*. Available at: www.independent.co.uk/voices/if-everyone-was-given-a-basic-income-it-would-probably-cost-less-than-camerons-means-testing-for-a6814701.html (accessed: February 15, 2023).

¹¹ Универсальный базовый доход: концепции, факты и практика (2020): краткое содержание публикации Всемирного банка «Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices» / под ред. У. Джентилини, М. Грош, Д. Риголини, Р. Емцов. Washington, DC: World Bank.

Достаточно серьезной является проблема достижения баланса при внедрении ББД «между тем, чтобы, с одной стороны, обеспечить удовлетворение определенных минимальных потребностей людей, решить проблему крайней бедности и нищеты, но с другой – не дать базовому доходу превратиться в единственный источник средств к существованию» (Гонтмахер, 2019).

О разработке Концепции среднесрочной национальной программы снижения абсолютной монетарной бедности

С учетом несомненной актуальности задач, связанных с повышением реальных доходов населения, снижением бедности и социального неравенства, отсутствием на сегодня полноценной и комплексной системы мер в данном направлении и в то же время ожидаемой трансформацией государственной соответствующей политики, обоснованных авторами социальных стандартов уровня и качества жизни россиян в монографии представлена авторская Концепция среднесрочной национальной программы снижения абсолютной монетарной бедности. Решение этой задачи непосредственно касается повышения реальных доходов наименее обеспеченной части россиян, является важным шагом на пути снижения социального неравенства, поскольку повышает уровень жизни нижних по доходам слоев населения. Концептуальное решение задачи снижения абсолютной монетарной бедности – это то самое «проектирование будущего», заявленное в названии коллективной монографии.

В концепции сделан акцент на разработке мер социально-экономической политики, про-

ведено их ресурсное обоснование и моделирование будущих результатов. Материалы предложенной авторами концепции могут послужить основой для законодательных решений в области повышения уровня и качества жизни населения регионов России.

Заключение

Таким образом, авторам монографии удалось убедительно и последовательно проанализировать феномен уровня и качества жизни, его теоретические и методологические основы, описать его индикаторные компоненты и расчетные интегральные индексы для оценки и сравнительного анализа. В монографии методологически обоснованы концепция, инструменты, меры и перспективы снижения абсолютной монетарной бедности населения.

Необходимо отметить практическое значение проделанной авторами работы. Прежде всего, коллективная монография «Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего» будет интересна широкому кругу специалистов, научных работников, занимающихся изучением социально-трудовых отношений и проблем уровня и качества жизни населения, а также читателям, интересующимся социальными аспектами регионального развития. Разработанные авторами концептуальные документы могут быть использованы органами государственной власти при разработке соответствующей социальной политики. Также материалы монографии будут востребованы в образовательном процессе как преподавателями, так и обучающимися (аспирантами, студентами) экономических и социологических специальностей.

Литература

Айвазян С.А. (2012). Анализ качества и образа жизни населения. М.: Наука. 432 с.
 Ашмаров И.А. (2018). «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. № 4. С. 556–570. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570
 Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020а). Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // Социально-трудовые исследования. № 39 (2). С. 30–41. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-30-41
 Бобков В.Н., Одинцова Е.В. (2020б). Низкий уровень и качество жизни экономически активного населения: критерии идентификации и оценка распространенности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 168–181.
 Вередюк О.В. (2018). Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 306–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>

- Гонтмахер Е.Ш. (2019). Базовый (безусловный) доход: политэкономический аспект // *Экономическая политика*. Т. 14. № 3. С. 70–79. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-3-70-79
- Груздева М.А. (2022). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 4. С. 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14
- Зубаревич Н.В. (2007). Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ. 264 с.
- Кислицына О.А. (2019). Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // *Вестник Института экономики РАН*. № 3. С. 32–47.
- Леонидова Г.В., Басова Е.А. (2020). Социальная политика региона и проблемы «работающих бедных» в контексте качества трудовой жизни // *Проблемы развития территории*. № 3 (107). С. 7–26. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.1
- Леонидова, Г.В., Ивановская, А.Л. (2021). Условия труда как фактор повышения его производительности в регионах России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 3. С. 118–134. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.7
- Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. (2018). Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // *Проблемы развития территории*. № 1 (93). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.93.1
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2020). Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // *Социологические исследования*. № 9. С. 103–113. DOI: 10.31857/S013216250009618-2
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2021). Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 155 с.
- Россошанский А.И. (2019). Качество жизни населения: вопросы оценки и инструменты повышения; под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 165 с.
- Россошанский А.И., Чекмарева Е.А. (2016). Современное состояние и развитие теории и методологии исследования качества жизни населения // *Проблемы развития территории*. № 1 (81). С. 145–159.
- Рябушкин Н.Н., Капелюк С.Д. (2020). Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // *Экономика труда*. Т. 7. № 6. С. 489–498. DOI: 10.18334/et.7.6.110529
- Сальникова И.Н. (2007). Качество занятости населения – желаемое и действительное // *Человек и труд*. № 6. С. 76–78.
- Сушко В.А. (2018). Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012): рецензия на монографию Ю.П. Аверина // *Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и Политология*. Т. 24. № 3. С. 189–204. DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-189-204
- Тощенко Ж.Т. (2019). Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // *Социологические исследования*. № 9. С. 51–63. DOI: 10.31857/S013216250006669-8(55)
- Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего (2022) / Бобков В.Н., Бобкова Т.Е. [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с.
- Cook D. (2020). The freedom trap: Digital nomads and the use of disciplining practices to manage work/leisure boundaries. *Information Technology & Tourism*, 22, 355–390.
- Cummins R.A. (2000). Objective and subjective quality of life: An interactive model. *Social Indicators Research*, 52(1), 55–72.
- Degryse C. (2017). Sharing the old of work in the digital economy. *SSRN Electronic Journal*. Brussels: ETUI.
- Mandl I., Curtarelli M., Riso S. et al. (2015). *New Forms of Employment*. Eurofound. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Ruževičius J., Akranavičiūtė D. (2007). Quality of life and its components measurement. *Engineering Akranavičiūtė Economics*, 2, 43–48.
- Schalock R.L. (2004). The concept of quality of life: What we know and do not know. *Journal of Intellectual Disability Research*, 48(3), 203–216.
- Tanner M. (2015). The pros and cons of a guaranteed national income. *Policy Analysis*. CATO Institute, 773. Available at: object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa773.pdf

Сведения об авторе

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Leonidova G.V.

Ways to Reduce Social Inequality

Review of the book: Bobkov V.N., Bobkova T.E. et al. (2022). Standard of Living and Quality of Life of the Russian Population: From Reality to Designing the Future: Monograph. FCTAS RAS. Moscow: FCTAS RAS. 274 p.

Abstract. In the context of new geopolitical, financial, economic and epidemiological challenges, the issues of ensuring a decent standard of living and quality of life for the Russian population are still a priority in Russia's domestic policy. The relevance of this problem arouses scientific interest, which is confirmed by the publication of more than fifteen monographic studies over the past five years. The article analyzes the findings of a study published in 2022 in the monograph *Standard of Living and Quality of Life of the Russian Population: From Reality to Designing the Future*, prepared by a team of authors and edited by V.N. Bobkov, N.V. Loktyukhina, E.F. Shamaeva. The authors of the book – economists, sociologists, specialists in the field of medicine, environmental protection and labor law – presented the results of four years of studying the components, social standards and indicators of the standard of living and quality of life in modern Russia, their qualitative identification and quantitative assessment in the context of excessive socio-economic inequality. The main advantage of the monograph is an interdisciplinary approach to studying the quality of life, which allows for a comprehensive analysis of this indicator of the state of society from the standpoint of economic, social and legal relations. The article notes the structuring of the material, the sequence of its presentation – from theory to methodology and practical recommendations, brevity and accuracy of judgments about the categories under consideration, and a clear perspective of the authors. The novelty of the proposed publication is due to the fact that it investigates new tools of governmental and corporate policy to regulate the standard of living and quality of life, in particular, the presentation of the authors' concept of a medium-term national program to reduce absolute monetary poverty. These tools are becoming an important step toward reducing social inequality. In practice, this is “designing the future”, as the authors put it, and this is what provides the monograph with both scientific and practical significance.

Key words: quality of life, standard of living, population, precarious employment, unconditional basic income, concept of a medium-term national program to reduce absolute monetary poverty.

Information about the Author

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Статья поступила 06.04.2023.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.13

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (апрель 2023 г.), а также за период с апреля 2022 по апрель 2023 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2022 гг.²

В феврале – апреле 2023 г. удельный вес положительных оценок деятельности Президента РФ существенно не изменился (61%). Доля отрицательных характеристик составляет 23–24%³.

За последние 12 месяцев (с апреля 2022 г. по апрель 2023 г.) доля положительных суждений о деятельности главы государства увеличилась на 5 п. п. (с 56 до 61%). Удельный вес негативных оценок снизился на 2 п. п. (с 26 до 24%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском муниципальных округах и Кирилловском, Никольском и Шекснинском муниципальных районах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте **зеленой заливкой** отмечаются **позитивные изменения**, **красной – негативные**, **синей – отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/- 2 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

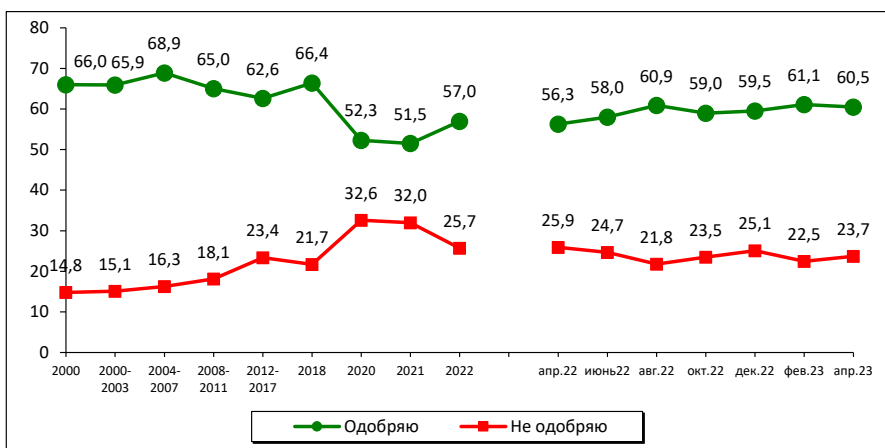
⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в апреле 2023 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в апреле 2022 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	апр. 2022	фев. 2023
Президент РФ																	
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	56,3	58,0	60,9	59,0	59,5	61,1	60,5	+5	-1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	25,9	24,7	21,8	23,5	25,1	22,5	23,7	-2	+1
Председатель Правительства РФ*																	
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	43,6	45,5	47,5	48,1	50,1	49,3	48,3	+5	-1
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	32,5	31,4	29,4	31,3	29,9	27,9	28,1	-4	0
Губернатор области																	
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	38,2	41,2	43,3	43,0	45,5	47,1	48,3	+10	+1
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	37,3	34,3	32,5	33,9	35,2	33,0	32,3	-5	-1

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»
*Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Одобрю	+4	-1
Не одобряю	-2	+1

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с февраля по первую половину апреля 2023 г. увеличился на 2 п. п. (с 76 до 78%). Доля негативных характеристик не изменилась и составила 14–15%.

С апреля 2022 г. по первую половину апреля 2023 г. оценка деятельности главы государства осталась стабильной: доля положительных суждений составляет 78–79%, отрицательных – 14%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Одобрению	-1	+1
Не одобряю	0	-1

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

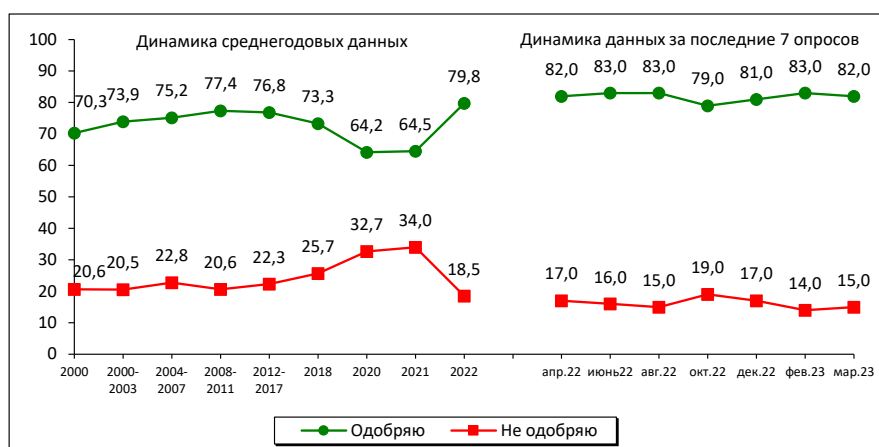
Данные за апрель 2023 г. – среднее за три опроса (2, 9 и 16 апреля).

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра*, доля позитивных оценок деятельности Президента РФ в феврале – марте 2023 г. составила 82–83%; удельный вес отрицательных характеристик – 14–15%.

За последние 12 месяцев значительных изменений также не наблюдается: доля положительных характеристик составляет 82%, отрицательных – 15–17%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), март 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Одобрению	0	-1
Не одобряю	-2	+1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

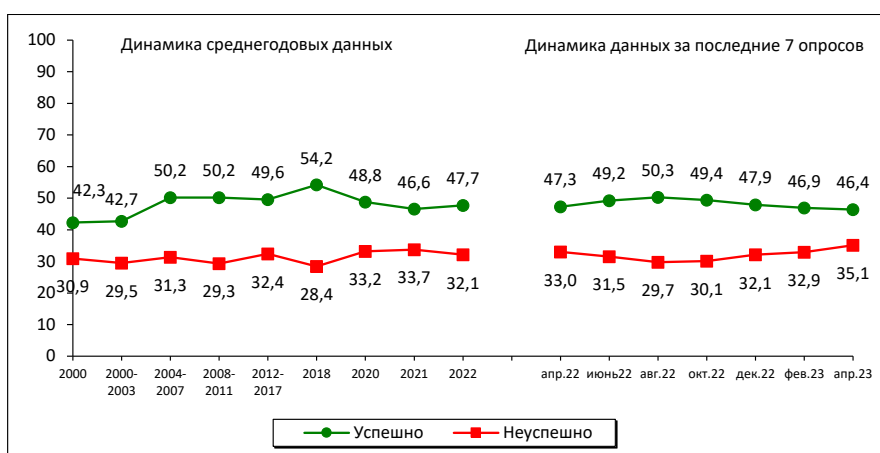
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, существенно не изменился (46–47%). Доля тех, кто придерживается противоположной точки зрения, незначительно увеличилась (на 2 п. п., с 33 до 35%).

С апреля 2022 по апрель 2023 г. доля положительных оценок работы президента по укреплению международных позиций России не изменилась и составила 46–47%; удельный вес негативных характеристик – 33–35%.

Укрепление международных позиций России

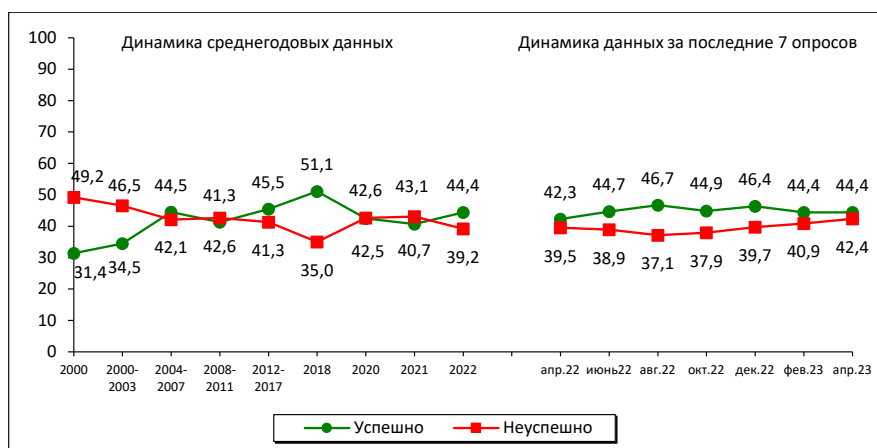

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Успешно	-1	-1
Неуспешно	+2	+2

В феврале – апреле 2023 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, составила 44%; удельный вес негативных характеристик – 41–42%.

За последние 12 месяцев незначительно возросла доля позитивных оценок относительно успешности решения главой государства проблемы наведения порядка в стране (на 2 п. п., с 42 до 44%). Удельный вес отрицательных отзывов существенно не изменился (42%).

Наведение порядка в стране

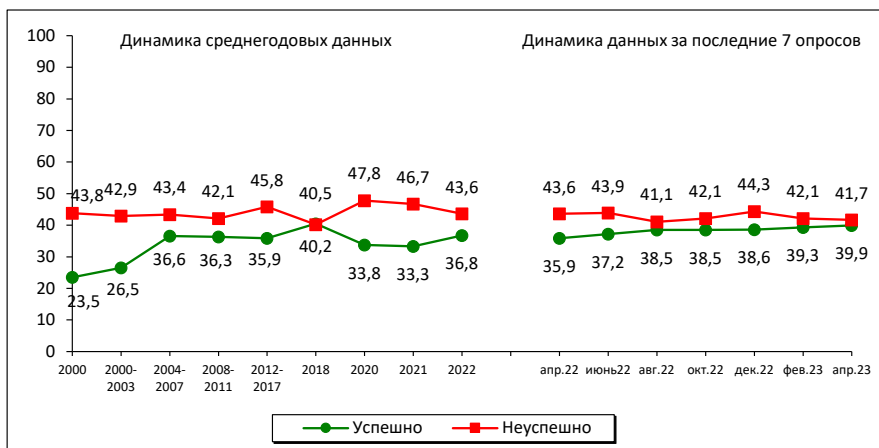

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Успешно	+2	0
Неуспешно	0	+2

Оценка деятельности Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан за последние два месяца не изменилась: доля положительных отзывов составляет 42%, отрицательных – 39%.

С апреля 2022 по апрель 2023 г. увеличилась доля позитивных характеристик (на 4 п. п., с 36 до 40%) и незначительно снизился удельный вес негативных суждений (на 2 п. п., с 44 до 42%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

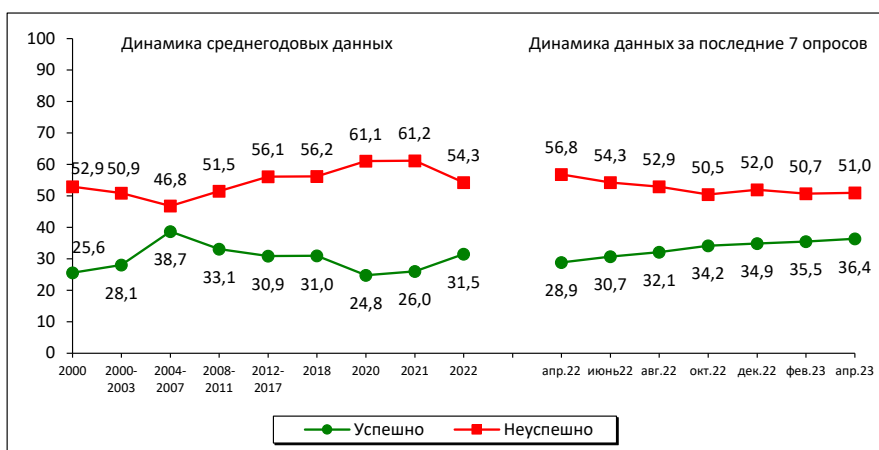

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Успешно	+4	0
Неудачно	+2	+1

В феврале – апреле 2023 г. существенно не изменилось общественное мнение относительно деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан: доля положительных оценок составила 36%, отрицательных – 51%.

За последние 12 месяцев доля позитивных суждений увеличилась на 7 п. п. (с 29 до 36%), отрицательных – уменьшилась на 6 п. п. (с 57 до 51%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Успешно	+7	+1
Неудачно	-6	0

В структуре партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца существенных изменений также не наблюдается: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 38–39%, КПРФ – 9%, ЛДПР – 6%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 1–2%.

С апреля 2022 по апрель 2023 г. отмечается рост поддержки «Единой России» (на 4 п. п., с 34 до 38%), а также незначительное снижение доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий не выражает их интересы (на 3 п. п., с 31 до 28%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных												Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2023 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	апр. 2022	фев. 2023
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	34,2	34,9	36,2	36,7	38,3	39,1	37,6	+4	-2
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	11,2	10,2	10,4	9,9	9,3	9,5	9,3	-2	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,7	7,8	6,8	6,0	6,3	5,9	6,9	-1	+1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,5	4,8	4,9	4,5	4,7	4,6	4,7	0	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,3	1,6	1,9	1,1	1,5	1,3	2,1	+1	+1
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,3	0,1	0,1	0,5	0,0	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	30,8	30,7	29,3	30,6	29,9	28,0	28,0	-3	0
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	10,0	9,9	10,5	10,8	9,9	11,4	11,4	+1	0

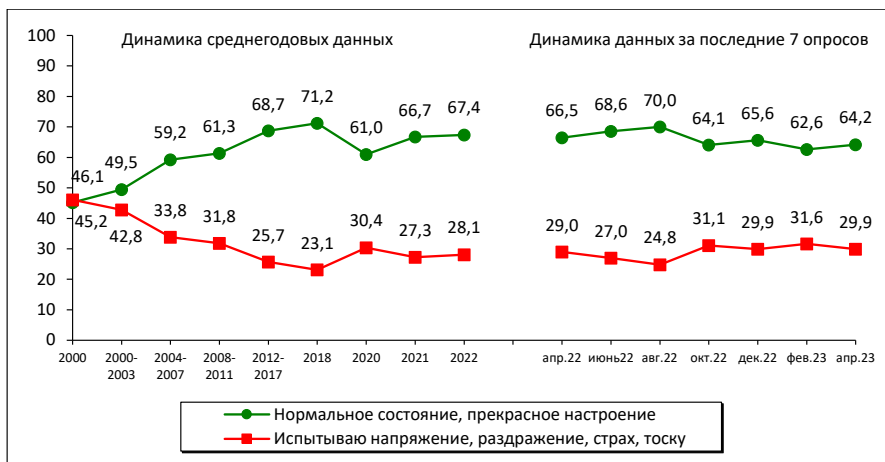
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

С февраля по апрель 2023 г. доля положительных оценок социального настроения сохранилась на уровне 63–64%. Удельный вес людей, испытывающих преимущественно негативные эмоции, незначительно снизился (на 2 п. п., с 32 до 30%).

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», уменьшилась на 3 п. п. (с 67 до 64%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», существенно не изменился (29–30%).

Социальное настроение

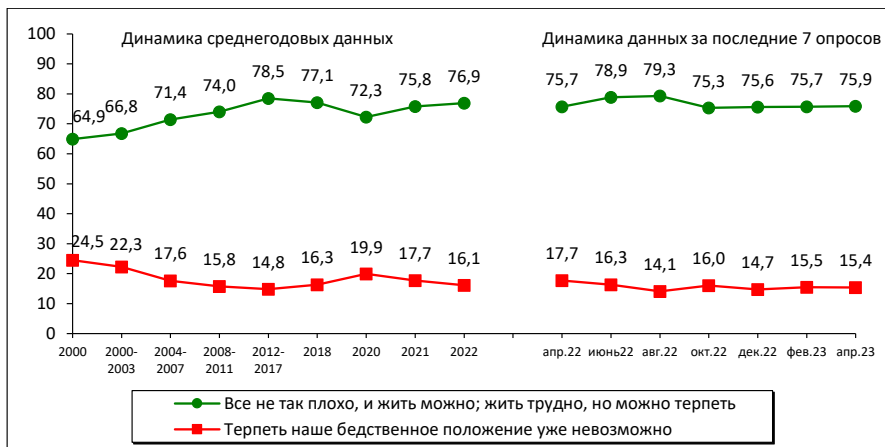

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-3	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	+1	-2

В феврале – апреле 2023 г. осталась стабильной доля людей, которые считают, что «все не так плохо и можно жить» (76%), и тех, кто думает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно» (15%).

За последние 12 месяцев удельный вес позитивных характеристик запаса терпения также не изменился (76%), при этом доля отрицательных суждений незначительно снизилась (на 3 п. п., с 18 до 15%).

Запас терпения

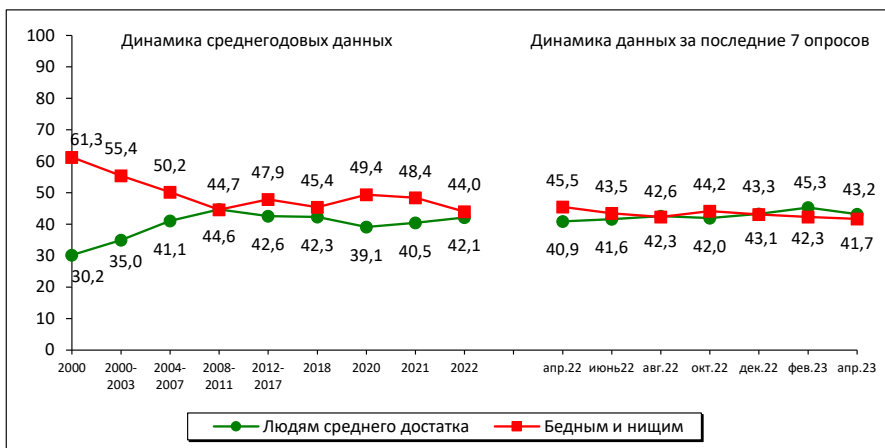

Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	0	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-3	0

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», в феврале – апреле 2023 г. составил 42%. Доля тех, кто причисляет себя к категории «людей среднего достатка», незначительно снизилась (на 2 п. п., с 45 до 43%).

По сравнению с апрелем 2022 г. отмечаются преимущественно позитивные изменения: доля «бедных и нищих» уменьшилась на 4 п. п. (с 46 до 42%); удельный вес людей «среднего достатка» возрос на 2 п. п. (с 41 до 43%).

Социальная самоидентификация

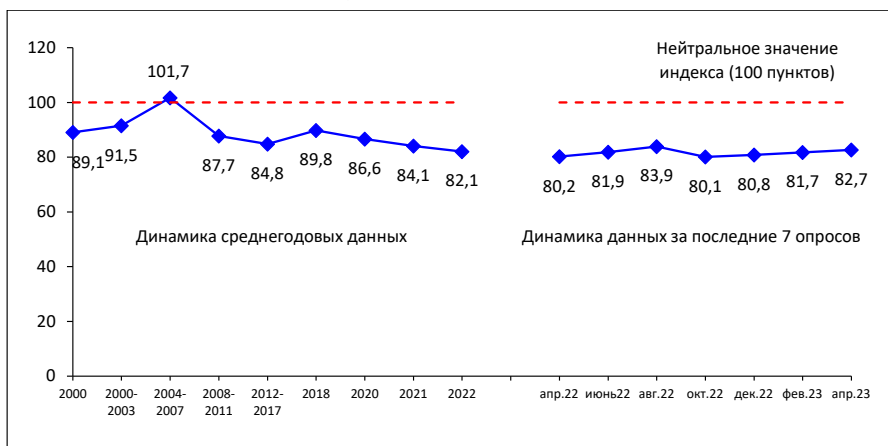
Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
Вариант ответа	апр. 2022	фев. 2023
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+2	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	-4	-1

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

За последние два месяца индекс потребительских настроений (ИПН) не изменился и составил 82–83 пункта.

По сравнению с апрелем 2022 г. отмечается позитивная динамика: ИПН увеличился на 3 п. п. (с 80 до 83 п.), что свидетельствует о росте оптимистических ожиданий людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

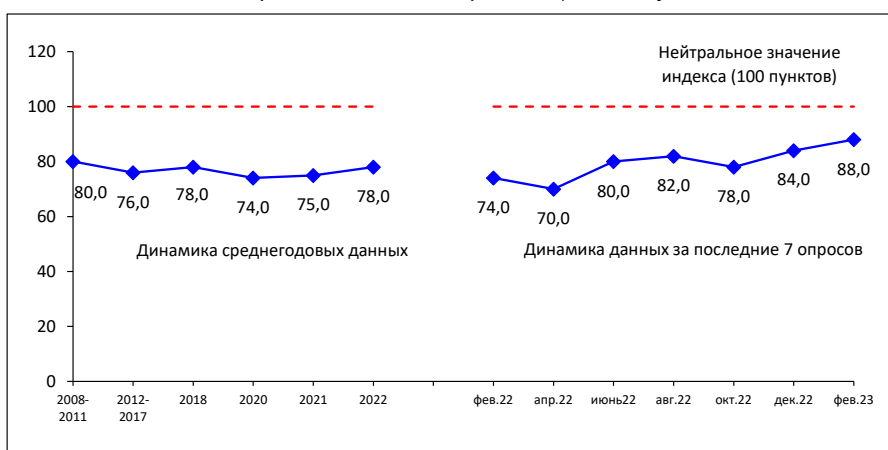
Изменение (+/-), апрель 2023 г. к		
ИПН	апр. 2022	фев. 2023
Значение индекса, в пунктах	+3	+1

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* в динамике ИПН за период с декабря 2022 по февраль 2023 г. отмечаются позитивные изменения (ИПН возрос на 4 пункта, с 84 до 88 п.).

За период с февраля 2022 по февраль 2023 г. ИПН увеличился на 14 пунктов (с 74 до 88 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), февраль 2023 г. к		
ИПН	фев. 2022	дек. 2022
Значение индекса, в пунктах	+14	+4

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за февраль 2023 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За последние два месяца в 5 из 14 основных социально-демографических категорий населения доля положительных оценок социального настроения незначительно (на 3–4 п. п.) увеличилась: среди мужчин, лиц в возрасте 30–55 лет, людей со средним и неполным средним образованием, наиболее высокодоходных (по самооценкам) групп населения и жителей Череповца. Следует также отметить, что ни в одной из групп не наблюдается негативных изменений.

С апреля 2022 по апрель 2023 г. в тенденциях социального настроения отмечаются преимущественно негативные изменения. В 8 из 14 социально-демографических категорий населения доля положительных оценок снизилась, особенно среди лиц в возрасте до 30 лет (на 9 п. п., с 82 до 73%) и людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 14 п. п., с 62 до 48%).

Социальное настроение в различных социальных группах
(вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»,
в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), апр. 2023 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Фев. 2023	Апр. 2023	апр. 2022	фев. 2023
Пол																	
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	68,3	67,4	69,9	65,0	64,7	62,5	65,4	-3	+3
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,1	69,7	70,2	63,3	66,5	62,7	63,4	-2	+1
Возраст																	
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	81,8	77,3	77,8	74,5	78,7	70,6	72,9	-9	+2
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	71,1	68,8	72,0	65,2	68,5	63,9	67,7	-3	+4
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	55,2	65,3	64,6	58,7	57,2	58,1	56,9	+2	-1
Образование																	
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	63,0	65,8	68,5	58,9	62,7	57,2	60,2	-3	+3
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	69,8	70,5	71,0	65,8	64,3	63,7	65,1	-5	+1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	66,9	69,7	70,8	67,5	70,6	67,3	67,3	0	0
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	61,5	58,4	55,4	50,7	55,4	46,2	47,8	-14	+2
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	64,2	70,3	73,2	65,9	66,1	62,2	64,4	0	+2
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	81,9	75,7	77,0	78,7	74,9	73,8	78,2	-4	+4
Территории																	
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	60,2	61,0	61,5	55,7	57,2	54,5	56,0	-4	+2
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	70,1	72,8	74,6	67,9	69,1	65,9	68,4	-2	+3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	68,1	70,6	72,3	66,6	68,5	65,3	66,6	-2	+1
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	66,5	68,7	70,1	64,1	65,7	62,6	64,3	-2	+2
Общее число положительных и отрицательных изменений															0 / 8	5 / 0	

РЕЗЮМЕ

Как показывают результаты очередной «волны» мониторинга, за последние два месяца в динамике оценок общественного мнения существенных изменений не произошло:

- ✓ стабильным остается уровень поддержки главы государства (61%) и других федеральных и региональных органов власти (48% жителей региона позитивно оценивают деятельность Председателя Правительства РФ и губернатора Вологодской области);
- ✓ не отмечается значимых изменений в динамике самооценок материального положения (доля людей, субъективно причисляющих себя к «бедным и нищим» слоям населения, составляет 42%; индекс потребительских настроений 82–83 пункта);
- ✓ сохранилась доля людей, позитивно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние (63–64%) и обладающих высоким запасом терпения (76%).

Более выраженные изменения наблюдаются в годовой динамике (за период с апреля 2022 по апрель 2023 г.), и следует подчеркнуть, что они носят преимущественно позитивный характер:

- ✓ возрос уровень одобрения деятельности всех основных федеральных и региональных органов власти: Президента РФ – на 5 п. п. (с 56 до 61%); Председателя Правительства РФ – на 5 п. п. (с 43 до 48%); губернатора области – на 10 п. п. (с 38 до 48%);
- ✓ доля «бедных и нищих» жителей области за этот же период снизилась на 4 п. п. (с 46 до 42%), индекс потребительских настроений, отражающий прогнозы людей относительно будущего российской экономики и своего собственного материального положения, увеличился на 3 пункта (с 80 до 83 п.).

Однако, к сожалению, позитивных тенденций за последние 12 месяцев пока не отмечается в динамике социального самочувствия общества: доля положительных оценок социального настроения незначительно сократилась (на 3 п. п., с 67 до 64%).

Таким образом, наиболее важные изменения, которые можно зафиксировать по итогам проведения мониторинга, касаются двух аспектов, и оба проявляются в долгосрочной динамике (за последние 12 месяцев).

Во-первых, отмечается постепенное улучшение субъективных оценок граждан относительно экономической ситуации в стране и своего собственного материального положения.

Во-вторых, следует обратить внимание на позитивную тенденцию общественного мнения по поводу решения Президентом РФ ключевых задач во внутренней жизни страны. За период с апреля 2022 по апрель 2023 г. существенно возрос удельный вес жителей области, отмечающих успешность работы главы государства по подъему экономики и росту благосостояния населения (на 7 п. п., с 29 до 36%); увеличилась доля позитивных суждений о работе главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан (на 4 п. п., с 36 до 40%), а также по наведению порядка в стране (на 2 п. п., с 42 до 44%).

Анализ соответствующих показателей мониторинга в разрезе основных социально-демографических категорий населения позволяет сделать следующие выводы.

1. За последние 12 месяцев число групп, в которых отмечаются позитивные изменения, больше, чем число групп, в которых наблюдается негативная динамика. Это касается и оценки материального положения, экономической ситуации в стране, и мнения людей по поводу успешности решения Президентом РФ ключевых задач.

Исключение составляет мнение людей об укреплении международных позиций России, что вполне объективно отражает реальную тревожную ситуацию, сложившуюся вокруг страны после начала СВО.

2. За последний год ни в одной из социально-демографических групп не отмечено ухудшение оценок общественного мнения о динамике материального положения, прогнозах на будущее российской экономики (ИПН) и деятельности Президента РФ по подъему экономики и росту благосостояния граждан. Исключение составляют только самые низкодоходные (по самооценкам) категории населения, представители которых стали чаще относить себя к «бедным и нищим» (на 3 п. п., с 54 до 57%).

Динамика показателей мониторинга, отражающих самооценку материального положения и оценку успешности решения Президентом РФ ключевых задач страны, за период с апреля 2022 по апрель 2023 г. (в % от числа опрошенных)

Категория населения	Показатели самооценки материального положения						Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ ключевых задач страны											
	Доля «бедных и нищих»			ИПН			Укрепление международных позиций России			Наведение порядка в стране			Защита демократии; укрепление свобод			Подъем экономики; рост благосостояния		
	апр. 2022	апр. 2023	+/-	апр. 2022	апр. 2023	+/-	апр. 2022	апр. 2023	+/-	апр. 2022	апр. 2023	+/-	апр. 2022	апр. 2023	+/-	апр. 2022	апр. 2023	+/-
Пол																		
Мужской	47,4	38,1	-9	79,1	82,2	+3	46,8	46,4	0	39,5	41,6	+2	33,7	38,8	+5	28,2	34,9	+7
Женский	43,9	44,7	+1	81,1	83,1	+2	47,8	46,4	-1	44,6	46,6	+2	37,8	40,7	+3	29,4	37,6	+8
Возраст																		
До 30 лет	41,4	38,8	-3	85,5	89,7	+4	45,5	43,0	-3	41,4	40,7	-1	35,0	36,9	+2	27,7	31,3	+4
30–55 лет	43,5	38,6	-5	82,5	84,8	+2	47,9	45,8	-2	40,9	44,4	+4	35,9	39,5	+4	28,0	36,3	+8
Старше 55 лет	49,4	46,7	-3	75,5	77,6	+2	47,3	48,4	+1	44,4	45,8	+1	36,3	41,3	+5	30,3	38,4	+8
Образование																		
Среднее и н/среднее	53,5	48,6	-5	78,7	80,3	+2	45,8	45,9	0	37,7	44,5	+7	33,0	35,6	+3	25,5	32,7	+7
Среднее специальное	43,1	39,2	-4	80,0	84,5	+5	47,6	49,0	+1	42,4	45,1	+3	37,6	41,9	+4	31,3	38,2	+7
Высшее и н/высшее	37,3	38,4	+1	82,6	82,7	0	49,2	43,2	-6	49,0	43,2	-6	37,8	41,4	+4	30,2	37,6	+7
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	54,0	57,3	+3	72,2	72,6	0	35,8	26,6	-9	24,2	29,6	+5	22,6	20,1	-3	20,0	21,9	+2
60% средне-обеспеченных	52,4	47,2	-5	81,0	83,9	+3	46,9	50,5	+4	44,4	43,6	-1	38,0	43,7	+6	29,6	38,1	+9
20% наиболее обеспеченных	23,4	20,4	-3	92,5	93,3	+1	54,7	54,9	0	49,4	54,2	+5	46,0	48,0	+2	38,1	50,2	+12
Территории																		
Вологда	49,9	42,7	-7	69,5	69,3	0	42,3	35,4	-7	35,5	40,5	+5	25,2	28,6	+3	20,4	29,4	+9
Череповец	47,7	47,7	0	85,1	85,0	0	53,6	60,0	+6	44,2	54,1	+10	44,9	53,1	+8	34,1	47,7	+14
Районы	41,6	37,7	-4	83,4	89,1	+6	46,6	44,8	-2	45,1	41,0	-4	36,8	38,6	+2	30,7	33,9	+3
Область	45,5	41,7	-4	80,2	82,7	+3	47,3	46,4	-1	42,3	44,4	+2	35,9	39,9	+4	28,9	36,4	+8
Общее число положительных и отрицательных изменений	10 / 1			5 / 0			2 / 4			7 / 2			10 / 1			13 / 0		

В целом позитивный характер тенденций общественного мнения, на наш взгляд, связан с реальными, но во многом не оправдавшимися, угрозами российской экономике, возникшими в результате действия антироссийских санкций со стороны стран НАТО. Как неоднократно⁵ отмечал Президент,

⁵ См., например:

1. Совместная пресс-конференция В. Путина с Президентом Белоруссии А. Лукашенко // Официальный сайт Президента РФ. 12.04.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68182>

2. Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Официальный сайт Президента РФ. 17.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669>

3. Выступление В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента РФ. 27.10.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>

4. Выступление В. Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента РФ. 15.12.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70086>

5. Выступление В. Путина на встрече с представителями авиационной отрасли // Официальный сайт Президента РФ. 09.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70484>

«российская экономика оказалась гораздо прочнее, чем полагали на Западе», и она «преодолела возникшие риски», включая те, которые «было невозможно просчитать заранее»⁶.

Это, в частности, отражается на данных официальной статистики. Так, по данным Вологдастата, реальная заработная плата населения Вологодской области по итогам 2022 г. составила 100,6% к 2021 г. (для сравнения, в 2021 г. — 98% к 2020 г.)⁷.

Таким образом, необходимо учитывать, что в настоящее время на тенденции общественного мнения значительное влияние оказывают события, происходящие на международной политической арене. Однако, несмотря на значительный комплекс экономических, политических, военных угроз, с которыми столкнулась Россия после начала СВО, в динамике оценок населения по ключевым показателям мониторинга (таким как оценка деятельности органов власти, динамики уровня жизни, психологического самочувствия) существенных негативных изменений не наблюдается, причем как в краткосрочной, так и в долгосрочной динамике.

В то же время нельзя не отметить ряд категорий населения, в которых позитивные тенденции незначительны, а в годовой динамике отмечаются негативные изменения (прежде всего люди, по самооценкам доходов относящиеся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области, и лица с высшим / незаконченным высшим образованием).

Это важная информация в связи с необходимостью дальнейшего укрепления курса внутренней социально-экономической политики, реализуемой органами власти на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) и направленной на поддержание уровня и качества жизни широких слоев населения, достижение социальной справедливости в обществе, обеспечение социальной стабильности в непростых внешнеполитических условиях. Отметим также, что реализация именно такой внутренней политики государства существенно актуализируется вследствие принятия новой Концепции внешней политики РФ 31 марта 2023 г., в которой официально закреплён статус России как «самобытного государства-цивилизации», являющегося «ядром цивилизационной общности Русского мира»⁸.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

⁶ Послание Президента Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

⁷ Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – феврале 2023 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2023. С. 69; Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – феврале 2022 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2022. С. 69.

⁸ Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 25.04.2023.
Дата выхода в свет 28.04.2023.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 500 экз. Заказ № 17.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru